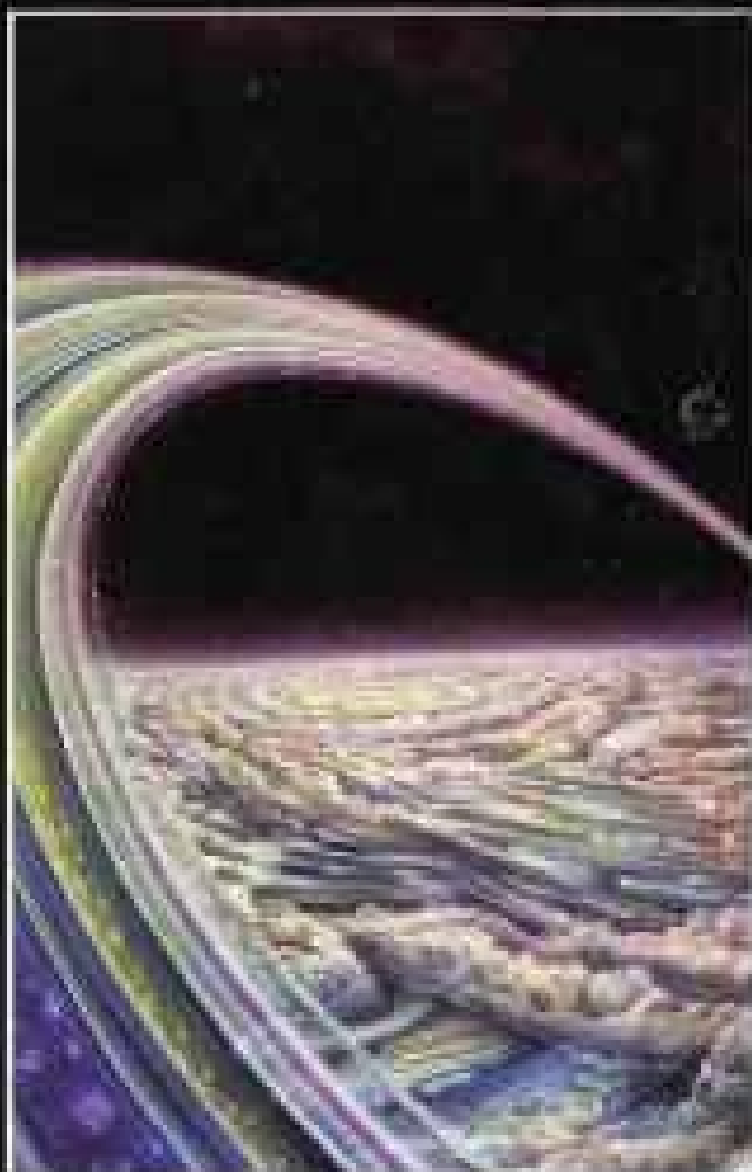

ТЕКСТЫ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Станислав ГРОФ

КОГДА НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В НЕОБЫЧНЫХ РЕАЛЬНОСТЯХ www.trk.ru

Станислав Гроф является одним из величайших исследователей нашего века. В этой книге он знакомит нас с целым собранием историй, которые подобно рассказам Марко Поло настолько выходят за пределы нашего опыта, что сначала невольно возникает сомнение в их реальности. Однако если вы остаетесь открытыми, вы начинаете видеть, насколько глубоки, достоверны и важны эти истории и насколько они расширяют наше понимание человеческих возможностей.

Станислав Гроф

**Когда невозможное возможно: Приключения в
необычных реальностях**

Stanislav Grof, M. D.

WHEN THE IMPOSSIBLE HAPPENS

Adventures in non-ordinary realities

КРИСТИНЕ — моей жене, любимой, лучшему другу, коллеге и соратнику в моих исканиях, которая вместе со мной участвовала во многих встречах с необычной реальностью, описанных в этой книге, и была свидетелем невозможного.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти полвека тому назад переживание, продолжавшееся всего несколько часов, сильно изменило мою личную жизнь и профессиональную деятельность. Будучи молодым ординатором-психиатром, прикомандированным к клинике для специализации спустя всего несколько месяцев после окончания медицинского факультета университета, я добровольно вызвался участвовать в экспериментах с ЛСД, веществом, обладающим поразительными психоактивными качествами, которые были открыты знаменитым швейцарским химиком Альбертом Хоффманом в лабораториях фармацевтической компании Sandoz в Базеле.

Эта сессия, а точнее ее кульминация, во время которой я получил огромный и не поддающийся описанию опыт «вселенского» сознания, пробудила во мне глубокий интерес к необычным состояниям сознания, не ослабевший на протяжении всей моей жизни. С этого момента большая часть моей клинической и исследовательской деятельности была посвящена систематическому изучению терапевтического, трансформирующего и эволюционного потенциала этих состояний. Те пятьдесят лет, которые были посвящены исследованию человеческого сознания, стали для меня невероятным опытом открытий и самопознания.

Примерно половину этого времени я занимался изучением сочетания психотерапии с воздействием психоделических веществ, сначала в Чехословакии, в Пражском институте психиатрических исследований, а затем — в США, в Мэрилендском исследовательском центре психиатрии в Балтиморе, где я участвовал в последней из действовавших американских исследовательских программ по изучению психоделиков. С 1975 года мы с моей женой Кристиной занимаемся холотропным дыханием — методом, обладающим глубоким терапевтическим воздействием и способствующим самопознанию, который мы вместе разработали в институте Эсален, Биг Суре, штат Калифорния. Все эти годы мы поддерживали людей, которым случайно довелось пережить необычные состояния сознания — психодуховные кризисы или «духовное пробуждение», как называем подобные ситуации мы с Кристиной.

Общим для всех трех ситуаций является то, что все они подразумевают необычные состояния сознания или, если выразиться точнее, их важную разновидность, которую я называю холотропной. Это сложносоставное слово буквально означает «направленный на единство» или «движущийся к единству» (от греч. *holos* — целый и *trepein* — движущийся к чему-либо). Этот термин предполагает, что в нашем обычном, повседневном состоянии сознания мы отождествляемся лишь с очень маленькой частью того, чем на самом деле являемся. Проще всего объяснить значение слова «холотропный» можно, обратившись к индуистскому различию между понятиями «намарупа» (имя и образ для нашего повседневного существования) и «Атман-брахман» (наша глубочайшая идентичность, которая соизмеряется с космическими законами творения). В холотропных состояниях сознания мы можем выйти за рамки собственного тела и восстановить нашу истинную сущность. Мы можем эмпирически отождествиться с чем-либо в этой части творения и даже с самим законом творения.

Холотропные переживания играют важную роль в инициациях шаманов, целительских обрядах и в обрядах перехода в иной мир, и систематических духовных практиках, таких как различные типы йоги, буддийских или даосских медитациях, суфийских трансах, каббалистических упражнениях или даже молитвах христиан (исихазме). Они также были описаны в литературе об античных мистериях смерти и возрождения, связанных в средиземноморском регионе и других частях мира с именами Инанны и Таммуза, Исиды и Осириса, Диониса, Аттиса, Адониса, Митры, Одина и многих других божеств. В повседневной жизни холотропный опыт можно получить в результате клинической смерти или случайно, без

каких-либо причин, способных его вызвать. Они также могут быть вызваны сильными формами экспериментальной терапии, разработанными во второй половине XX века.

В психоделической терапии холотропные состояния возникают под воздействием веществ, изменяющих сознание, таких, как ЛСД, псилоцибин, мескалин и трептамин или производные амфетамина. При холотропном дыхании сознание изменяется при помощи сочетания более быстрого дыхания, соответствующей музыки и работы по высвобождению внутренней энергии человека. В момент духовного пробуждения холотропные состояния возникают спонтанно в обычной жизни, и причины их возникновения обычно остаются неизвестными. Если эти состояния правильно восприняты и в дальнейшем будут поддерживаться, они могут иметь огромный целительный, трансформирующий и даже эволюционный потенциал.

К тому же я, хотя и менее глубоко, имел дело со многими практиками, которые так или иначе связаны с холотропными состояниями сознания. Я много общался с антропологами и принимал участие в священных церемониях различных культур в различных частях мира, в том числе и с применением таких галлюциногенных растений, как пейот, аяхуаска и различные грибы. Я общался с представителями различных племен Северной Америки, Мексики, Южной Америки и африканскими шаманами и целителями. Я также много общался с последователями различных духовных практик, в том числе направлений буддизма випассана, дзен и ваджраяна, сиддха-йоги и тантры, и даже христианского ордена бенедиктинцев.

Другой областью, всерьез и надолго привлекшей мое внимание, стала танатология, достаточно молодая дисциплина, изучающая состояние клинической смерти и психологические и духовные аспекты смерти и умирания. В конце 60 — начале 70-х я принимал участие в большом исследовательском проекте, изучавшем воздействие галлюциногенотерапии на людей, умирающих от рака. Я также должен добавить, что лично знаком с несколькими великими психологами и парапсихологами нашего века, пионерами лабораторных исследований сознания, и психотерапевтами, которые разработали и применяли на практике сильнодействующие формы экспериментальной терапии, вызывающие холотропные состояния сознания.

Мое первое знакомство с холотропными состояниями сознания оказалось весьма непростым и требующим напряжения всех сил, как интеллектуальных, так и эмоциональных. В первые годы моих лабораторных и клинических исследований психоделиков я ежедневно сталкивался с большим количеством переживаний и наблюдений, к которым совершенно не был готов, несмотря на всю свою медицинскую и психиатрическую подготовку. Фактически, я чувствовал и видел вещи, которые с точки зрения научной картины мира (на ней я вырос) были абсолютно невозможны и просто не могли иметь места. И все же все эти очевидно невозможные события происходят сплошь и рядом.

После того как мне удалось преодолеть первый понятийный шок, скептицизм по поводу моих наблюдений и сомнения в том, не сошел ли я случайно с ума, я начал понимать, что, возможно, проблема не в моей способности вести наблюдение или давать трезвую оценку, а в ограниченности современных психологических и психиатрических теорий и в материалистической парадигме западной науки. Естественно, это было непросто — прийти к подобному заключению, поскольку мне приходилось бороться с тем благоговением и уважением, которое испытывает любой студент-медик или начинающий психиатр перед академическим образованием, научными авторитетами и впечатляющими научными титулами.

Первые подозрения в неадекватности академических теорий, касающихся сознания и человеческой психики, постепенно превращались в уверенность, подпитываемую и усиливаемую тысячами случаев, наблюдаемых в различных клиниках. В конце концов я перестал сомневаться в данных, полученных путем исследований холотропных состояний, представляющих критический концептуальный вызов научной парадигме, которая в тот момент доминировала в

психологии, психиатрии и психотерапии, и высказал свое мнение в целой серии научных работ. Я пришел к заключению, что эти дисциплины нуждаются в радикальной ревизии, которая будет напоминать катастрофу, с которой столкнулась ньютоновская физика в первые три десятилетия XX века.

Наблюдения, бросающие вызов видению мира, которое я впитал в той культуре, в которой вырос, и унаследованное от моих учителей, пришли из многих сфер знания и различных источников. Большая часть этой информации была извлечена из необычных переживаний, о которых рассказывали мои клиенты, подвергавшиеся действию терапии с использованием галлюциногенов, участвовавшие в наших семинарах и тренингах по холотропному дыханию, а также пережившие духовное пробуждение. Критической точкой для трансформации моего мировосприятия стали различного рода холотропные состояния, пережитые мною, часто вместе с моей женой Кристиной.

Однако далеко не все доказательства, повинные в глубоком изменении моего мировосприятия, были напрямую связаны с измененными состояниями сознания. Много необычного случается и в нашей повседневной жизни, внося свой вклад в эту трансформацию. Это и примечательные встречи с шаманами различных культур, известными духовными учителями и психологами, а также случайные стечения обстоятельств и совпадения. Общим для всех этих событий было то, что они просто не могли бы случиться, если мир действительно был таким, каким его рисует традиционная наука — четко детерминированной материальной системой, управляемой причинно-следственными связями. Вот этими происшествиями и объясняется название этой книги.

«Возможность невозможного: Приключения в необычных реальностях» является коллекцией историй, описывающих различные события из моей профессиональной практики и личной жизни, которые заставили меня отвергнуть скептический и материалистический подход и принять восточные философские и мистические учения в качестве картины окружающего меня мира. Они также выработали у меня огромное уважение к обрядовой и духовной жизни, а также целительским традициям аборигенных культур, которые западная традиционная наука отбрасывает как результат примитивных суеверий. Я осознаю тот факт, что чтение этой подборки историй не может передать всей силы реального жизненного опыта, который они описывают. Однако я надеюсь, что все они в совокупности дадут возможность читателям снова почувствовать вкус волшебства вселенной, которое они привнесли в нашу жизнь.

Первую часть этой книги составляют истории, главной чертой которых является то, что Карл Густав Юнг описывал как «синхрония» — чрезвычайно маловероятное стечение обстоятельств, которое невозможно объяснить исходя из принципов линейной причинно-следственной связи, принципов, которые являются краеугольным камнем западного научного мышления. Они показывают, что материальный мир может войти в непосредственное взаимодействие с человеческой психикой, а само существование совпадений подрывает основы декартово-ньютоновской парадигмы и монистического материалистического мировоззрения. Это упраздняет основополагающие метафизические допущения, которых придерживается западное академическое сообщество — что сознание и материя являются двумя отдельными сущностями, что материя первична, а сознание является ее эпифеноменом и что все события в мире управляются исключительно причинно-следственными связями.

Вторая, третья и четвертая части книги включают истории, которые содержат в себе вызов современному научному пониманию природы памяти и границ ее возможностей. Психиатры и нейрофизиологи традиционного направления допускают, что мозг новорожденного является недостаточно зрелым для фиксации в памяти нескольких часов стресса и боли биологического рождения человека. Работа с холотропными состояниями сознания ясно демонстрирует, что

каждый из нас хранит в подсознании не только память о нашем рождении и связанной с ним травме, а также о внутриутробном и даже эмбриональном существовании, зачатии, и даже о наших предках — и людях, и животных.

Маловероятно, что вся наша биологическая история может храниться в молекулах ДНК и при особых обстоятельствах преобразовываться в полномасштабные переживания. Тем не менее эта память — эмбриональная, наследственная, расовая и филогенетическая — в конце концов приходит из ситуаций, в которых невозможно представить себе материальную субстанцию, способную нести информацию. Многие истории, связанные с холотропными состояниями сознания, представляют еще более значительную концептуальную проблему, поскольку они предполагают существование памяти вне какого-либо материального субстрата.

К ним принадлежат, например, эмпирические последовательности, представляющие события из истории человечества, хранящиеся в архивах коллективного бессознательного, как представлял себе Карл Густав Юнг, воспоминания о прошлых жизнях, и эмпирическая идентификация с представителями других видов. Все эти впечатления явно выходят за пределы наследственной, расовой и биологической линий любого типа и невозможно представить себе какой-либо материальный носитель, на который они могут быть записаны. Похоже, что они хранятся в сферах, которые в настоящий момент неизвестны науке или погружены собственно в поле сознания.

Пятая часть книги содержит истории, иллюстрирующие явления, традиционно изучаемые парапсихологами — телепатию и ясновидение, психометрию, астральные путешествия, общение с бестелесными сущностями и духовными проводниками, встречи с архетипическими существами, ченнелинг (медиумическое общение), феномены торжества разума над материей (сиддхи) и внетелесные переживания, во время которых лишённое тела сознание точно воспринимает как ближайшую, так и удаленную окружающую среду. Объективное изучение этих необычных переживаний и событий предполагает, что материалистическая наука опрометчиво подняла на смех всю эту область знания и тех ученых, которые ее исследовали. Эти наблюдения раскрыли существование «аномальных явлений», которые в будущем могут привести к коренному пересмотру научной картины мира и его основополагающих метафизических посылок.

Особый раздел в этой книге (часть 6) посвящен историям, описывающим наблюдения, бросающие вызов большинству фундаментальных посылок традиционного направления психиатрии, касающихся природы психотических случаев, обычно считающихся проявлениями серьезных психических заболеваний. Она также включает отчеты удивительно позитивных результатов весьма неортодоксальных и спорных подходов к лечению. Примером подобной психиатрической ереси является рассмотрение необычных состояний сознания как кризисов духовного раскрытия («духовного пробуждения»), а не психотических случаев. Другой подход выражается в попытках самоисцеления с помощью возможностей психики. В наиболее радикальных и необычных ситуациях этой части книги описываются активация психотических симптомов посредством галлюциногенов вместо их подавления, серьезные улучшения, достигнутые с помощью методики, напоминающей экзорцизм, и терапевтические прорывы, представляющие психодинамические механизмы, не имеющие смысла для традиционной психиатрии.

Приложение фокусируется на отношении ученых-традиционалистов к разрушающим систему их взглядов наблюдениям, порожденным исследованиями сознания и трансперсональной психологией. Первая история представляет собой экстремальный, но типичный пример сопротивления новым данным многих членов научного сообщества. Там присутствует всемирно известный ученый, защищавший свои научные убеждения с таким

упрямством и решимостью, которые куда больше подошли бы религиозному фанатику-фундаменталисту. Вторая история показывает, что происходит, когда традиционно подготовленные профессионалы с материалистическим мировоззрением получают возможность пережить холотропные состояния сознания. Третья описывает, как мое собственное упрямое неприятие астрологии, над которой смеются все «серьезные» ученые, уступило под напором убедительных наблюдений.

Эта книга получилась глубоко личной, раскрывающей множество сокровенных подробностей моей жизни и профессиональной деятельности. Многие клинические врачи и исследователи не желают раскрывать настолько субъективную информацию, поскольку убеждены, что это нанесет непоправимый вред их репутации ученых. Причиной того, что я столь честно делюсь с вами переживаниями и несчастьями моего личного пути, является мое стремление к тому, чтобы эта информация облегчила борьбу и затруднительное положение людей, вовлеченных в процесс глубокого самопознания, и желание помочь им избежать ошибок и ловушек, которые являются неотъемлемой частью любой попытки вступить на неисследованную территорию.

Я надеюсь, что непредвзятые читатели заметят, что личные истории, которыми я делюсь в этих мемуарах о моем нетрадиционном поиске, являются доказательством страсти, с которой я искал знаний и мудрости, скрытой в глубинах человеческой психики. Если эта книга даст вам полезную информацию и поможет хотя бы небольшой части из тех тысяч и тысяч людей, испытавших и испытывающих холотропные состояния сознания и исследующих необычные реальности, моя жертва не будет напрасной.

Станислав Гроф Милл-Вэлли, Калифорния август 2005 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга представляет собой богатый ковер, сотканный из необычайных приключений, пережитых мною в моем собственном внутреннем мире, и в повседневной реальности за пять десятилетий исследований необычных состояний сознания, вызванных психоделическими веществами и нехимическими методами, а также возникавших спонтанно в обычной жизни. Этот поиск привел меня в такие сферы и измерения реальности, существование которых ни моя культура, ни мои коллеги не признавали и считали, что они возможны только в умах тяжелых душевнобольных пациентов. Прежде чем я обрел уверенность, что обычно невидимые существа, с которыми я встречался, и области, которые я посещал в своих внутренних путешествиях, действительно объективно существуют в коллективном бессознательном, что подтвердилось общностью восприятия, потребовались годы интеллектуальной борьбы. В большинстве случаев для такого подтверждения требовались люди, которые сами переживали эти реальности в необычных состояниях сознания.

Это трудное путешествие, полное открытий в себе самом и во внешнем мире, было бы несравнимо более сложным, если бы мне пришлось совершать его в одиночку. Мне очень помогало и вдохновляло то, что я встречал восприимчивых, непредубежденных людей, которые разделяли со мной новое понимание сознания, реальности и человеческой души, которое складывалось в результате исследования необычных состояний, или были открыты ему. Я чрезвычайно благодарен за поддержку, которую я получил от коллег, независимо от меня, на основе своих собственных исследований и личного опыта, подтвердивших различные аспекты нового понимания реальности, которое сложилось в результате моей работы. На протяжении всех этих лет число таких людей постоянно увеличивалось, и теперь их стало слишком много, чтобы можно было перечислить всех их поименно. Упомяну лишь некоторых, чья поддержка была особенно важна и значима для меня.

Сразу после моего прибытия в Соединенные Штаты таким человеком был Джоэл Элкс, руководитель отделения психиатрии в Университете Джона Хопкинса, который пригласил меня в эту страну в качестве экспериментатора и исследователя, члена научного общества и позднее предложил мне должность ассистента профессора психиатрии. Талантливый ученый с безупречным академическим образованием и репутацией, Джоэл был очень открыт и непредубежден и проявил живой интерес к новому представлению о человеческой душе и реальности, которое складывалось в результате психоделических исследований. Его интеллектуальная и административная поддержка была неоценима для нашей группы из Мэрилендского центра психиатрических исследований в Кейтонсвилле, которая в конце 1960 — начале 1970-х проводила последние психоделические исследования в США. Мне трудно подобрать слова, чтобы выразить благодарность, которую я испытываю к Альберту Керленду, директору Мэрилендского центра психиатрических исследований, а также к членам нашей исследовательской группы, особенно Сэнди Анджеру, Вальтеру Панке, Чарлзу Сэведжу, Биллу Ричардсу и его жене Илзе, Бобу и Карен Лихай, Сидни Вольфу, Рику Йенсену, усопшему Франко ди Лео, и Нэнси Джуэлл, которые с открытыми сердцами приняли меня в свою профессиональную и личную жизнь. Их семьи стали для меня вторым домом.

Я чрезвычайно благодарен Майклу Мерфи, который пригласил меня как ученого-стипендиата в институт Эсален, Биг Сур, Калифорния, — уникальный центр, занимающийся исследованиями человеческих возможностей, который он основал совместно с Диком Прайсом. Мое пребывание в Эсален в период с 1973 по 1987 год в значительной мере способствовало моему утверждению и обретению уверенности. Благодаря исключительно богатой программе

практических семинаров, которая предлагалась институтом, мне довелось лично встретиться и познакомиться со многими пионерами новой научной парадигмы, основателями различных школ психотерапии переживания и известными духовными лидерами, которые приезжали в Эсален в качестве приглашенных преподавателей. Мы с моей женой Кристиной провели в Эсалене тридцать месячных семинаров, что дало нам возможность пригласить всех этих выдающихся людей в Эсален, познакомиться с их учениями и установить с ними дружеские отношения. Кроме того, в Эсалене у нас были идеальные условия для развития техники холотропного дыхания, мощного эмпирического метода самоисследования и терапии.

Благодаря связям, которые сложились у нас с приглашенными в Эсален преподавателями, нам с Кристиной удалось организовать целый ряд крупных международных трансперсональных конференций, которые проводились в разных частях мира — в Северной и Южной Америке, в Европе, Австралии и Азии. «Звездный» состав участников этих конференций и их богатая междисциплинарная программа обеспечили дальнейшее утверждение нового представления о реальности и понимания психики, сознания и человеческой природы. Особенно важно было то, что многие участники этих конференций, которые поддержали новую парадигму, имели солидное академическое образование, исключительные интеллектуальные способности и впечатляющие академические регалии.

Особую благодарность хочу выразить нашим друзьям и соратниками из района Сан-Франциско, с которыми мы регулярно встречались, с тех пор как переехали из Биг Сур в Милл-Вэлли, — Анджелес Арриен, Майклу и Сандре Харнер, Джеку и Лиане Корнфилд, Бокаре Лежандр, Рам Дассу, Френсис Воон и Роджеру Уолшу. Наши совместные трапезы, медитативные группы и обмен информацией по разным вопросам были для меня истинным сокровищем, насыщенным новыми идеями, вдохновением, ценными предложениями и критическими замечаниями. Но что еще более важно, они обеспечивали мощную поддержку и подтверждение моим идеям, основанные на нашем общем согласии по основным вопросам трансперсонального видения и духовного мировоззрения. Рик Тарнас, еще один мой близкий друг, талантливый астролог и специалист по архетипической психологии, оказал мне неоценимую помощь в проведении многочисленных дискуссий, лекций и семинаров (которые мы проводили совместно с ним в течение ряда лет), открыв для меня астрологию — науку, которая больше, чем какая-либо другая дисциплина, расширила мои концептуальные границы и мой интеллектуальный кругозор. Неоценимую поддержку и вдохновение я получал также от Эрвина Ласло и Ральфа Метцнера.

Я глубоко благодарен Майклу Маркусу, Джанет Занд, Джону Бьюкенену, Бокаре Лежандр и Бэтси Гордон за их дружбу и щедрую поддержку, которую они оказывали мне в моей работе на протяжении многих лет. Мой брат Пол, психиатр, специализирующийся на исследовании аффективных расстройств, уникальным образом сочетает в себе исключительный интеллект исследователя, страсть и энтузиазм ученого, и необычайное великодушие. Он всегда был моим самым близким другом, доверенным лицом, увлеченным поклонником и честным и искренним критиком. Особую благодарность хочу выразить Таву и Кэри Спаркс, нашим дорогим друзьям и соратникам, которые были рядом с нами на протяжении более чем двух десятилетий. Они оба сыграли важную роль в нашей жизни, участвуя в организации и проведении «трансперсонального тренинга Грофа» (ТТГ), а также семинаров и международных трансперсональных конференций. Тав многие годы был моим спутником в поездках и вместе со мной участвовал в проведении различных мероприятий, а Кэри была душой всех наших совместных проектов.

Обычно невидимые измерения необычной реальности так и остались бы сокрытыми от меня, если бы не эпохальные открытия и труд всей жизни Альберта Хофмана, который дал миру

удивительные средства для исследования человеческой психики — ЛСД, псилоцибин, псилоцин и моноэтиламин лизергиновой кислоты. Я бы хотел воспользоваться этой возможностью и выразить глубокую благодарность этому человеку за все, что его открытия привнесли в мою личную и профессиональную жизнь, а также в жизни многих других людей, которые использовали его бесценный дар с ответственностью и уважением, которого он заслуживает.

Мне довелось лично быть знакомым с Альбертом и несколько раз встречаться с ним при разных обстоятельствах. Со временем я проникся к нему глубокой симпатией и искренним восхищением не только как выдающимся ученым, но и как исключительным человеком. Прожив более чем вековую жизнь, наполненную, благословенную и продуктивную, он излучает удивительную жизненную силу, любознательность и любовь по отношению ко всему творению. Несколько месяцев тому назад, когда мы провели с группой наших студентов один день в Грюйере (Швейцария), мы все почувствовали, как будто мы не слушаем научную лекцию, а получаем даршан от духовного учителя. Ни у кого не было сомнений, что Альберта можно причислить к разряду великих ученых, таких как Альберт Эйнштейн и Исаак Ньютон, которые благодаря ревностным и скрупулезным изысканиям в своей научной сфере пришли к осознанию чудесного божественного порядка, который лежит в основе мира материи и естественных явлений. До конца моей жизни он будет служить для меня моделью и блестящим примером.

Мой список был бы не полным, если бы я не выразил глубокую благодарность Кристине, моей жене, любимой, лучшему другу, соратнику и спутнику в моих исканиях, за все то вдохновение, которое я получал от нее на протяжении многих лет, и за тот вклад, который она внесла в мою жизнь и в наши совместные проекты. Кроме всего прочего, она основала Сообщество внезапных духовных проявлений, внесла уникальный вклад в понимание связи между зависимостью, привязанностью и духовным поиском, и вместе со мной участвовала в разработке холотропного дыхания — мощного метода терапии и самоисследования. Семинары и тренинги по холотропному дыханию, которые мы проводили по всему миру, явились богатым источником материала и необычных наблюдений, которые легли в основу многих историй, описанных в этой книге. Кристина играла важную роль во многих из этих историй или присутствовала, «когда случалось невозможное». Я осознаю, что написание этой книги, а также многих других до нее часто мешало нашей личной жизни. Я хочу воспользоваться этой возможностью и поблагодарить Кристину за ее терпение и понимание, и принести ей мои извинения.

Особая благодарность двум людям, которые сыграли важную роль в издании этой книги. Тейми Саймон, которой я восхищаюсь и которую очень ценю, одна создала Sounds True — аудио-, видео- и книгоиздательскую компанию, которая из одной комнаты и одного сотрудника выросла в организацию со штатом в пятьдесят человек и всем необходимым собственным оборудованием. Записи компании Sounds True дали возможность сотням тысяч слушателей познакомиться с идеями духовных учителей и пионеров новой научной парадигмы, нетрадиционных методов лечения, исследований сознания и трансперсональной психологии. Я очень ценю то, что Тейми решила включить данную работу в свой новый издательский проект. И я также очень благодарен Элис Файнстайн за мастерство и энтузиазм, с которыми она отредактировала рукопись, а также за ее советы и предложения, которые очень помогли мне в поиске наиболее подходящей формы для передачи моих историй читателям.

Доктор медицины Станислав Гроф Милл-Вэлли Калифорния, 15 января, 2006 г.

ПРОЛОГ

Исследование космического сознания: моя первая встреча с ЛСД

Опыт, о котором я собираюсь рассказать, был, без сомнения, одним из наиболее важных и значительных во всей моей жизни. Хотя он и длился всего несколько часов, а его наиболее значительная часть — всего около десяти минут, он дал мне как профессионалу совершенно иное направление исследований, отличное от того, к которому меня готовили. Этому направлению я страстно и упорно следую и по сей день. Оно спровоцировало во мне процесс глубокой личной трансформации и духовного пробуждения. Сегодня, почти пятьдесят лет спустя, я рассматриваю этот опыт как своего рода посвящение, подобное тому, которое предлагалось участникам древних мистерий.

Эта история возвращает нас к концу моей учебы и началу самостоятельной карьеры психиатра. В середине 1950-х годов отделение психиатрии медицинского факультета Карлова университета в Праге, где я учился, началось исследование меллерила, одного из самых первых транквилизаторов, производимых фармацевтической лабораторией Sandoz в Базеле, Швейцария, и начиная с четвертого курса я стал студентом-волонтером. У моего преподавателя было налажено сотрудничество с Sandoz, и время от времени он получал от них бесплатные образцы их продукции. В рамках этого сотрудничества он получил некоторое количество диэтиламида лизергиновой кислоты, или ЛСД-25, нового вещества с экстраординарными психоактивными свойствами.

Поразительное воздействие этого сложного вещества на человеческую психику было открыто в апреле 1943 года ведущим химиком компании Sandoz доктором Альбертом Хофманом, который случайно отравился им, синтезируя вещество в своей лаборатории. Когда это случилось, ему пришлось прервать работу в лаборатории в середине дня, поскольку он почувствовал странное беспокойство и головокружение. Эти ощущения сменились странным, похожим на сон состоянием, с потоком фантастических образов и калейдоскопической сменой красок, которые длились около двух часов.

Три дня спустя доктор Хофман решил принять строго отмеренную дозу ЛСД, чтобы подтвердить возникшие подозрения, что своим необычным психическим состоянием он обязан именно отравлению этим веществом. Хотя это было вполне разумным допущением, он не мог себе представить, каким образом наркотик проник в его организм. Во время этого, на сей раз запланированного, опыта он проглотил 250 микрограммов ЛСД, что, будучи человеком консервативным он считал «минимальной дозой». Эта оценка была основана на том факте, что алкалоиды спорыньи обычно принимаются дозой в 1 миллиграммов. Хофман не мог знать, что проглотил вещество беспрецедентной силы, самый сильный психоактивный наркотик из всех, которые когда-либо были открыты. В клинических исследованиях, проведенных в 1950–1960 годах, доза, принятая Альбертом Хофманом, была признана очень высокой, требующей нескольких часов подготовки к сессии, присутствия двух медиков и ночи под наблюдением в клинике, с последующим интервью.

Поскольку многие истории, рассказанные в этой книге, связаны с ЛСД, я кратко опишу этот исторический эксперимент. Через час после приема 250 микрограммов ЛСД-25 Альберт Хофман понял, что не может продолжать работу, и попросил ассистента проводить его домой. Поскольку использование автомобилей в военное время было ограничено, они воспользовались велосипедами. Отчет Хофмана о том, как он ехал на велосипеде по улицам Базеля под влиянием

большой дозы ЛСД, стал легендой. После того как он приехал домой, он почувствовал, что им овладели демоны, и испугался, что сходит с ума. Добросердечный сосед, который принес ему молоко, представился ему злой колдуньей, которая пытается его заколдовать, а физическое состояние самого Хофмана было столь ужасно, что он решил, что умирает, и попросил ассистента вызвать ему врача.

К тому времени когда в доме появился врач, пик кризиса уже миновал и состояние Альберта Хофмана радикально изменилось. Он больше не умирал, а только что пережил собственное появление на свет и чувство вал себя возрожденным, молодым и полным жизненных сил. Весь день после эксперимента с ЛСД Хофман чувствовал себя прекрасно — и физически, и психически. О своем необычном опыте Хофман написал доклад своему начальнику, доктору Артуру Штоллю. Случилось так, что сын доктора Штолля, Вернер, психиатр, работающий в Цюрихе, был весьма заинтересован в исследовании воздействия ЛСД в клинических условиях. Его исследовательский доклад о воздействии ЛСД-25 на группу обычных людей-добровольцев и пациентов психиатра был опубликован в 1947 году и немедленно стал в научном мире сенсацией.

Ранние работы Вернера Штолля по изучению ЛСД показали, что даже минимальные дозы этого необычного вещества — порядка миллионной доли грамма — способны глубоко изменять сознание объектов эксперимента на срок от шести до десяти часов. Представители компании Sandoz стали предоставлять образцы ЛСД исследователям и психотерапевтам по всему миру в обмен на сведения о его воздействии и потенциале. Они хотели знать, возможно ли законное использование этого вещества в психологии и психиатрии. Экспериментальные исследования доктора Штолля выявили некоторые совпадения между ощущениями при приеме ЛСД и симптоматикой психозов, имеющих естественное происхождение. Поэтому казалось, что изучение подобных «экспериментальных психозов» может дать интересные прозрения, касающиеся психотических состояний естественного происхождения, и в особенности шизофрении, этого наиболее загадочного из психических расстройств.

В приложении к образцам, предоставляемым компанией Sandoz, была небольшая записка, которая коренным образом изменила мою личную жизнь и профессиональную карьеру. В ней говорилось, что это вещество может быть использовано как революционный, нетрадиционный обучающий инструмент для профессионалов, занимающихся душевным здоровьем пациентов-психотиков. Возможность переживания обратимого «экспериментального психоза» казалась для психиатров, психологов, нянечек, социальных работников и студентов-психологов прекрасным шансом получить уникальный личный опыт познания внутреннего мира пациентов и научиться лучше их понимать, получить возможность более эффективно общаться с ними и в результате более успешно их лечить.

Я был сильно взволнован такой потрясающей возможностью и попросил своего преподавателя, доктора Георга Рубичека, дать мне ЛСД. К несчастью, персонал психиатрической клиники решил, что, по целому ряду причин, студенты не могут быть добровольцами. Однако доктор Рубичек был слишком занят для того чтобы тратить несколько часов на сеансы с применением ЛСД с каждым из подопытных, и нуждался в помощи. Никто не возражал против того, чтобы я участвовал в сессиях в качестве наблюдателя и вел записи. Таким образом, я присутствовал на сессиях многих чешских психиатров и психологов, известных художников и многих других интересных людей еще до того, как сам стал объектом экспериментов. К тому времени как я закончил медицинский факультет и получил необходимую квалификацию, мои аппетиты в этой области постоянно подогревались фантастическими отчетами о переживаниях, которым я был свидетелем.

Осенью 1956 года, после того как я закончил медицинский факультет, я наконец-то смог и

сам попробовать. Доктора Роубичека особенно интересовали исследования электрической активности мозга. Одним из неперенных условий участия в ЛСД-сессиях было снятие электроэнцефалограммы непосредственно перед сессией, во время нее и после. В дополнение к этому, во время моей сессии доктора Роубичека особенно заинтриговало то, что называют стимуляцией, или подгонкой ритма волн головного мозга. Может ли мозг под воздействием ЛСД быть способным воспринять входящую частоту большего диапазона, если его предварительно подготовить вспышками стробоскопа различной длительности? Страстно желая испытать воздействие ЛСД, я согласился на снятие электроэнцефалограммы и на то, чтобы мои мозговые волны были «захвачены». Мой брат Пол, который был студентом-медиком и сильно интересовался психиатрией, согласился наблюдать за этой сессией.

Я начал ощущать воздействие ЛСД через сорок пять минут после его приема. Сначала это было легкое недомогание, головокружение и тошнота, затем эти симптомы исчезли и сменились демонстрацией неправдоподобно красочных абстрактных и геометрических видений, чередующихся перед моим мысленным взором со скоростью картинок в калейдоскопе. Часть из них напоминала изысканные витражи цветного стекла в средневековом готическом соборе, а другие — арабески мусульманских мечетей. Чтобы описать изящество этих видений, я сравнил бы их с «Тысячью и одной ночью» Шахерезады и ошеломляющей красотой Альгамбры и Шанду — в то время это были единственные сравнения, пришедшие мне в голову. Сегодня я уверен, что моя психика каким-то образом породила дикое множество фрактальных образов, подобных графическим изображениям нелинейных уравнений, которые может выдать современный компьютер.

По мере того как продолжалась сессия, мои переживания блуждали вокруг да около этого царства эстетических восторгов и сменились нежданной встречей и конфронтацией с моим подсознанием. Трудно подобрать слова к этой хмельной фуге эмоций, видений и разъясняющих прозрений, касающихся моей собственной жизни и существования в целом, ставших внезапно доступными для меня на этом уровне. Это было столь глубоко и сокрушительно, что немедленно затмило мой прежний интерес к психоанализу Фрейда. Я не мог поверить, сколь многому я научился за эти несколько часов. Захватывающий дыхание пир красок и изобилие психологических откровений — их и самих по себе было бы достаточно, для того чтобы превратить мое первое знакомство с ЛСД в поистине запоминающееся событие.

Однако был и другой аспект этой сессии, который превзошел все, что тогда случилось. Где-то между третьим и четвертым часом сессии ассистентка доктора Роубичека сообщила, что пора снимать ЭЭГ. Она увела меня в маленькую кабинку, осторожно наклеила электроды по всей поверхности моей головы и попросила лечь и закрыть глаза, а затем разместила над головой огромную лампу стробоскопа и включила ее. В этот момент воздействие наркотика достигло наивысшей точки, и это весьма усилило действие стробоскопа.

Меня поразило видение света огромной силы и сверхъестественной красоты. Увиденное заставило меня вспомнить те рассказы о мистических событиях, о которых я читал в духовной литературе, где видения божественного света сравнивались с сиянием «миллионов солнц». Мне пришло в голову, что это могло выглядеть как эпицентр атомного взрыва в Хиросиме или Нагасаки. Сегодня я думаю, что это, скорее, похоже на Дхармакаю, или Изначальный ясный свет, свечение неопишуемой яркости, которое, согласно тибетской Книге Мертвых, «Бардо тодрол», является нам в момент смерти.

Я почувствовал, как удар божественной молнии выбил мое сознание из тела. Я перестал осознавать присутствие ассистентки, лаборатории, психиатрической клиники, Праги и всей планеты. Мое сознание распространялось с невообразимой быстротой и достигло космических измерений. Границ и различий между мной и мирозданием больше не существовало.

Лаборантка старательно выполняла свои обязанности: она постепенно изменяла частоту стробоскопа от двух до шести вспышек в секунду и обратно и потом, на короткое время, поместила его в середину альфа-диапазона, тета-диапазона и, наконец, дельта-диапазона. Когда это произошло, я обнаружил, что нахожусь в центре космической драмы невообразимых измерений.

В астрономической литературе, которую я позднее нашел и прочитал, я нашел названия для некоторых фантастических событий, которые пережил во время этих необыкновенных десяти минут: Большой Взрыв, проход сквозь черные и белые дыры, идентификация с взрывающимися сверхновыми и коллапсирующими звездами и многими другими странными явлениями. Хотя у меня нет слов, адекватно описывающих то, что со мной произошло, но нет и никаких сомнений в том, что пережитое мною очень близко к тому, что я узнал из великих мистических текстов всего мира. Даже тогда, когда моя психика подверглась глубокому воздействию ЛСД? я смог оценить всю комичность и парадоксальность ситуации. Божественное проявление забрало меня в середине серьезного научного эксперимента, использующего вещество, созданное в пробирке химиком XX века, и проводимого в психиатрической клинике страны, которая тяготела к Советскому Союзу и управлялась марксистским режимом.

Этот день отметил начало моего радикального расхождения с традиционным мышлением в психиатрии и монистическим материализмом западной науки. Я вышел из этого переживания, затронувшего самую мою суть, потрясенный его силой. Тогда я еще не верил, что потенциал для мистического опыта является естественным для любого человеческого существа по праву рождения, и приписал все это воздействию ЛСД. Я чувствовал, что изучение необычных состояний сознания в целом и в особенности тех, что вызваны воздействием галлюциногенов, насколько я в состоянии себе представить, — самая интересная область психиатрии. Я понял, что при соответствующих условиях состояния, вызванные воздействием галлюциногенов, — куда больше, чем просто грезы, которые играют такую решающую роль в психоанализе, — действительно являются, если использовать слова Фрейда, «царским путем в подсознание». И прямо там и тогда я решил посвятить жизнь изучению необычных состояний сознания.

МИСТЕРИЯ СИНХРОНИИ

Сумерки заводной вселенной

Многие из нас сталкивались с ситуациями, когда видимая логичной и предсказуемой тканью повседневной реальности, сплетенная из сложных цепочек причин и следствий, кажется, рвется на части, и мы переживаем ошеломляющее и невероятное случайное стечение обстоятельств. Во время холотропных состояний сознания подобные нарушения линейной причинности происходят столь часто, что вызывают серьезные вопросы о той картине мира, на которой мы выросли. Поскольку это необычное явление играет такую важную роль во многих историях, вошедших в эту книгу, я кратко опишу его значимость для понимания природы реальности, сознания и человеческой психики.

Ученым, который поднял проблему значащих совпадений, бросающих вызов рациональным объяснениям, перед академическими кругами, был швейцарский психиатр Карл Густав Юнг. Осознавая то, насколько непоколебима вера в нестигаемый детерминизм, представляющий собой краеугольный камень западной научной картины мира, он медлил больше двадцати лет, прежде чем опубликовать свое открытие. Ожидая, что ответом будет жесткое недоверие и резкая критика его коллег, он хотел быть уверенным, что сможет подтвердить свои еретические утверждения сотнями примеров. В итоге он изложил свои потрясающие наблюдения в знаменитом эссе, озаглавленном «Синхрония: Некаузальный связующий принцип» (*Synchronicity: An Acausal Connecting Principle*. Юнг, 1960a).

Юнг начал свое эссе с примеров необыкновенных совпадений, время от времени случающихся в обычной жизни. Он упомянул австрийского биолога ламаркианского толка Пауля Каммерера, чья трагическая жизнь была популяризирована в книге Артура Кестлера «Дело о жабе-повитухе» (*The Case of the Midwife Toad*; Koestler, 1971), и который был одним из первых людей, заинтересовавшихся этим явлением и его научным значением. Одно из примечательных совпадений, о которых рассказывает Каммерер, произошло тогда, когда в один и тот же день он купил трамвайный билет и билет в театр с одним и тем же номером. Но и это еще не все — тем же вечером он услышал ту же последовательность цифр в качестве телефонного номера, который был ему нужен.

В этой работе Юнг также пересказывает забавную историю некоего месье Дешама и особого рода пудинга со сливами, рассказанную известным французским астрономом Фламарионом. Будучи мальчиком, Дешам получил кусок этого особого пудинга от месье де Фонжибю. Десять последующих лет он не имел возможности снова попробовать это редкое блюдо, пока не увидел его в меню одного из парижских ресторанов. Он попросил официанта принести его, но выяснилось, что последний кусок этого пудинга уже заказан и заказан именно месье де Фонжибю, который случайно зашел в этот ресторан именно в этот день.

Много лет спустя месье Дешам был приглашен на ужин, на котором этот пудинг должен был быть, что называется, гвоздем программы. Поглотив его, Дешам подумал, что не хватает только месье де Фонжибю, который впервые познакомил его с этим деликатесом и без которого не обошлась его вторая встреча с этим блюдом в парижском ресторане. В эту минуту зазвонил дверной колокольчик и в комнату вошел пожилой мужчина, выглядевший очень смущенным. Это был месье де Фонжибю, оказавшийся здесь совершенно случайно — ему просто дали неверный адрес.

Существование подобных невероятных совпадений трудно привести в соответствие с теми законами мироздания, которые были выработаны материалистической наукой, описывающей мире точки зрения причинно-следственных связей. И возможность того, что что-то подобное

произойдет случайно, настолько бесконечно мала, что не может даже рассматриваться в качестве серьезного объяснения. Гораздо проще представить себе, что подобные совпадения имеют какое-то глубокое значение и являются результатом шутки космического разума. Это объяснение особенно правдоподобно, если совпадения содержит элемент юмора, как оно часто и случается. Хотя случайности подобного рода чрезвычайно интересны и сами по себе, работы Карла Густава Юнга добавляют другое завораживающее измерение к этому вызывающему аномальному явлению.

В ситуациях, описанных Каммерером и Фламарионом, встречаются невероятные совпадения, и история со сливовым пудингом не лишена смешных моментов. Однако обе истории описывают происходящее в материальном мире. Наблюдения Юнга добавляют завораживающее измерение этому приводящему в замешательство явлению. Он описывает многие случаи того, что он называет «синхронией» — примечательные совпадения, в которых различные события в согласованной реальности многозначительно связаны с внутриспсихическими переживаниями, такими как сны или видения. Юнг определяет синхронию как «эпизоды психического состояния, совпадающие во времени с одним или более внешними событиями, которые воспринимаются как глубоко значимые параллели состоянию души индивида в данный момент». Ситуации подобного рода показывают, что наша психика может вступать в легкое взаимодействие с тем, что представляется миром материи. Факт, что что-то подобное эффективно размывает границы между субъективной и объективной реальностью.

Борясь с этим явлением, Юнг сильно заинтересовался развитием квантово-релятивистской физики и радикально новым взглядом на мир, который она предлагала. Он много общался с Вольфгангом Паули, одним из основателей квантовой физики, который был его клиентом и близким другом. Под руководством Паули Юнг ознакомился с революционными концепциями современной физики, включая и те, которые бросают вызов детерминистскому мышлению и линейным причинно-следственным связям. Юнг осознал, что его собственные наблюдения становятся куда более правдоподобными и приемлемыми в контексте нового образа реальности, который только начинает зарождаться. Дополнительную поддержку идеям Карла Густава Юнга оказал не кто иной, как сам Альберт Эйнштейн, который, нанеся Юнгу визит, поддержал его идею синхронии, поскольку она полностью соответствовала новым открытиям в области физики (Юнг, 1973). К концу своей жизни Юнг настолько убедился в важности той роли, которую играет синхрония в естественном порядке вещей, что начал руководствоваться им в повседневной жизни.

Наиболее известным случаем синхронии в жизни самого Юнга было то, что произошло во время сеанса психотерапии с одной из его клиенток. Эта пациентка очень сильно сопротивлялась воздействию психотерапии, ей не нравилось, как Юнг интерпретировал результаты сессий, да и сама идея трансперсональных реальностей. Во время анализа одного из ее снов, характерной чертой которого являлся золотой скарабей, когда терапия зашла в тупик, Юнг услышал, как что-то стучит в оконное стекло. Он пошел посмотреть, в чем дело, и увидел на наружном подоконнике сияющего жука, пытающегося пробраться в комнату. Это был очень редкий вид жука, ближайший аналог золотого скарабея, который только можно найти на этой широте. Никогда прежде с Юнгом не происходило ничего подобного. Он открыл окно, перенес жука в комнату и показал недоверчивой клиентке. Это сверхъестественное совпадение стало важным поворотным пунктом в терапии той женщины.

Наблюдения за случаями синхронии оказали глубокое воздействие на образ мышления и работу самого Юнга, особенно на его понимание архетипов — фундаментальных управляющих и организующих принципов коллективного бессознательного. Открытие архетипов и их роли в человеческой психике представляет собой наиболее важный вклад Юнга в психологию.

Большую часть своей профессиональной карьеры Юнг находился под сильным влиянием декартово-кантианской концепции, господствовавшей среди представителей западной науки, с четким разделением на объективное и субъективное, внутреннее и внешнее. Находясь под влиянием ее чар, он сначала видел архетипы как внеиндивидуальные, но, по сути, чрезвычайно внутриспсихические принципы, сравнимые с биологическими инстинктами. Он предполагал, что базовая матрица для них жестко впечатана в мозг и передается из поколения в поколение.,

Существование синхронных событий заставило Юнга понять, что архетипы являлись сверхъестественными как для психики, так и для материального мира и были самостоятельными паттернами значений, которые несут информацию и психике, и материи. Юнг увидел, что архетипы создают мост между внутренним и внешним и предполагают существование сумеречной зоны между материей и сознанием. По этой причине Юнг начал предполагать наличие в архетипах «психоидных» (т. е. психоподобных) качеств. Штефан Холлер дал глубокому пониманию Юнгом архетипов емкое и поэтичное описание: «Проявление архетипа в случаях синхронии — потрясающий феномен, если не истинное волшебство: будто на пороге вашего дома появилось какое-то сверхъестественное существо. Сочетая в себе и физическую, и психическую природу, оно подобно двуликому богу Янусу. Два лица архетипа соединяются в одной голове смысла» (Холлер, 1994). Следом за публикацией эссе о синхронии эта концепция становится все более важной для науки и темой для многих статей и книг (например, фон Франц, 1980; Азиз, 1990; Мансфельд, 1995).

Я участвовал в исследованиях сознания более пятидесяти лет и был свидетелем большого количества необычных совпадений у моих клиентов, слышал множество историй о них от моих коллег-исследователей и психотерапевтов и сам пережил несколько сотен подобных случаев. Для этой книги я отобрал из своей обширной коллекции несколько самых интересных историй. Самая первая немного похожа на историю Юнга с золотым жуком тем, что в ней тоже появляется насекомое, причем именно там и тогда, когда это наименее вероятно.

ПУТИ ЖИВОТНЫХ ЭНЕРГИЙ

Молящийся богомол в Манхэттене

Во время одного из своих многочисленных семинаров в институте Эсален, Биг Сур, наш друг и учитель Джозеф Кемпбелл долго рассуждал о своей любимой теме — работе Карла Юнга и его революционном вкладе в понимание мифологии и психологии — и во время лекции мимоходом упомянул феномен синхронии. Один из слушателей не был знаком с этим термином и, прервав Джо, попросил его объяснить, что такое синхрония. После краткого определения и описания концепции Джо решил проиллюстрировать объяснение фактическим примером. Вместо того чтобы привести историю Юнга со скарабеем, он решил поделиться примером фантастического совпадения из своей собственной жизни.

Перед переездом на Гавайи, уже будучи достаточно пожилыми людьми, Джо и его жена Джин Эрдман жили в нью-йоркском районе Гринидж-Виллидж. Их комнаты находились на четырнадцатом этаже высотного дома на углу Уэйверли-Плейс и Шестой авеню. В кабинете Джо было две пары окон, одна из которых смотрела на реку Гудзон, другая — на Шестую авеню. Из одних открывался прелестный вид на реку, и в хорошую погоду эти окна были всегда открыты. Вид из другой пары окон не представлял собой ничего интересного, и Кемпбеллы их почти не открывали. По словам Джо, они вряд ли открывали их чаще, чем два или три раза за все сорок с чем-то лет, которые прожили в этом доме.

Однажды, в самом начале 1980-х, Джо работал в кабинете над своим главным трудом «Пути животных энергий», всемирной энциклопедией мифологии шаманизма. В то время он писал главу, посвященную мифологии африканских бушменов — племени, живущего в пустыне Калахари. Одним из наиболее важных божеств бушменского пантеона является Богомол, сочетающий в себе черты Обманщика и Бога-создателя. Джо был глубоко погружен в работу, на столе вокруг него лежали статьи и книги, посвященные этому вопросу. Огромное впечатление произвела на него история, рассказанная Лоренсом ван дер Постом о своей няне Кларе, наполовину бушменке, которая заботилась о нем с самого рождения. Ван дер Пост необыкновенно ярко помнил те моменты своего детства, когда Клара беседовала с Молящимся Богомолем: когда она говорила с представителями этого вида и задавала конкретные вопросы, насекомые, похоже, должным образом отвечали ей движениями тела и ног.

В какой-то момент Джо внезапно почувствовал непреодолимое и абсолютно иррациональное желание встать и открыть одно из окон, выходящих на Шестую авеню — тех самых окон, вид из которых был так скучен и которые все время оставались закрытыми. Как только Джо открыл окно, он немедленно посмотрел вправо, не понимая, почему он это делает. Думаю, что богомол — это не то, что вы ожидаете встретить на Манхэттене, однако же он был там — довольно крупный экземпляр, медленно ползущий вверх по стене на четырнадцатом этаже многоэтажного здания в деловой части Манхэттена. По словам Джо, богомол повернул голову и посмотрел на него многозначительным взглядом. Хотя эта встреча длилась всего несколько секунд, она явно была сверхъестественной и произвела на Джо глубокое впечатление. Он утверждал, что всего за несколько минут до этого прочитал в истории Ван дер Поста буквально следующее: «В лице богомолы есть что-то странно человеческое: их заостренный подбородок, высокие скулы и желтая кожа делают их похожими на лица самих бушменов».

Появление богомола на четырнадцатом этаже многоэтажного дома в самом центре Манхэттена и само по себе очень необычная случайность, но если учитывать время, когда он появился, совпадающее с погружением Джо в мифологию бушменов пустыни Калахари, и неожиданное побуждение открыть окно и посмотреть в конкретную сторону, статистическая

невероятность подобной последовательности событий становится воистину астрономической. Только твердокаменный материалист, безоговорочно и квазирелигиозно преданный собственной картине мира, может поверить, что все это могло быть простой случайностью.

Традиционная психиатрия не делает различия между истинной синхронией и психотически неправильными истолкованиями событий окружающего мира. Поскольку материалистическая картина мира излишне детерминистична и не признает возможности подлежащих интерпретации совпадений, то любой намек на необычные совпадения в рассказе клиента будет автоматически истолкован как ошибочное соотнесение — синдром серьезного душевного расстройства. Однако в существовании истинной синхронии не может быть никаких сомнений, поскольку любой человек, получивший доступ к фактам, признает, что эти совпадения лежат за пределами разумных статистических вероятностей. И это, безусловно, касается необычной встречи Джо с богомолем.

КОРОЛЕВА УМИРАЕТ

Когда сны предсказывают, что принесет день

В 1964 году я был приглашен Джошуа Бирером, британским психиатром, принять участие в проходившем в Лондоне Конгрессе социальной психологии — Джошуа был его организатором и координатором. Моя лекция была частью симпозиума по ЛСД-психиатрии, который дал мне возможность встретиться с несколькими знаменитыми пионерами изучения воздействия психоделиков, с работой которых я прежде был знаком лишь по написанным ими книгам и статьям. Там я встретился с двумя замечательными женщинами, британскими психотерапевтами Джойс Мартин и Полиной МакКририк. Они прошли подготовку по фрейдистскому психоанализу, но теперь занимались психотерапией с применением ЛСД в роскошном доме Джойс на знаменитой лондонской Уэлбек-стрит. Вдвоем они разработали «терапию слияния» (fusion therapy) — метод терапии с применением ЛСД, который показался слишком революционным даже психотерапевтам, лишенным предубеждений, и смелым настолько, чтобы назначать ЛСД своим пациентам.

Данный метод в особенности подходил пациентам, испытавшим в детстве эмоциональную депривацию или брошенность, и включал в себя тесный физический контакт терапевта и пациента во время сеанса. Во время сеанса клиенты проводили несколько часов в глубокой возрастной регрессии, лежа на кушетке под одеялом, а рядом лежали Джойс или Полина, сжимая их в объятиях, как обычно делает мать, желая успокоить ребенка. Их революционный метод разделил психотерапевтов, применяющих ЛСД, на два лагеря. Часть врачей осознала, что это очень действенный и логичный способ лечения так называемых травм недостатка внимания, эмоциональных проблем, вызываемых синдромом лишения матери и плохим отношением матери к ребенку. Другие ужаснулись подобной радикальной анаклитической ^[1] терапией, они предупреждали, что тесный физический контакт между психотерапевтом и клиентом при необычных состояниях сознания послужит причиной необратимого вреда отношениям.

Я был среди тех, кто восхищался терапией слияния Джойс и Полины, поскольку мне было абсолютно ясно, что травмы отсутствия внимания нельзя исцелить с помощью одних лишь терапевтических бесед. Я задал множество вопросов об их неортодоксальном подходе, и, когда они заметили мой неподдельный интерес, они пригласили меня провести некоторое время в Уэлбекской клинике, встретиться с их пациентами и на собственном опыте испробовать их подход. Я испытал глубокое потрясение, когда узнал, как много их пациенты получают от физического контакта, который присутствовал во время сеансов с психоделиками. Мне также стало понятно, что Джойс и Полина сталкиваются с куда меньшим количеством проблем переноса, чем средний фрейдистский аналитик со своим бесконтактным «бесстрастным» подходом.

На Международной конференции по применению ЛСД в психотерапии, проходившей в мае 1965 года в Эмитивилле на Лонг-Айленде, Джойс и Полина показали очаровательный фильм об использовании своей терапии слияния. В разгоревшейся после окончания фильма дискуссии большая часть вопросов вращалась вокруг проблем переноса/контрпереноса, и Полина привела очень интересные и убедительные объяснения тому, почему ее подход в этом вопросе порождает куда как меньше проблем, чем ортодоксальный подход фрейдистов. Она указала на то, что большинство пациентов, проходивших терапию, в младенчестве и детстве испытывали недостаток родительской любви. Холодное отношение фрейдистских аналитиков имеет тенденцию беречь уже имеющиеся эмоциональные травмы, и для части пациентов служат спусковым крючком для отчаянных попыток привлечь к себе внимание и получить

удовольствие, которое им так необходимо.

В противоположность этому, по словам Полины, терапия слияния порождает корректирующие переживания путем удовлетворения давних анаклитических желаний. Когда их эмоциональные травмы исцеляются, пациенты осознают, что психотерапевт не является подходящим сексуальным партнером, и вполне способны найти партнера за пределами его кабинета. Полина объяснила, что это аналогично ситуации на раннем этапе развития взаимоотношений пациента. Те люди, к которым в младенчестве и детстве хорошо относились матери, способны эмоционально отделиться от них и перейти к другим, зрелым отношениям. В противоположность этому те люди, которые пережили эмоциональную депривацию, остаются патологически привязанными к матерям и через всю жизнь проносят мольбу о ласке и поиск утешения своих примитивных младенческих потребностей.

Наслушавшись восторженных рассказов пациентов клиники Джойс и Полины на Уэлбек-стрит, я захотел испытать технику слияния, что называется, на собственной шкуре, и мой первый сеанс с Полиной оказался действительно необыкновенным. Хотя мы оба были полностью одеты и разделены одеялом, я пережил глубокую регрессию возраста — до самого раннего младенчества и стал ребенком, прижатым к груди любящей матери, чувствующим контакте ее обнаженным телом. Затем переживания стали более глубокими, и я ощутил себя плодом в материнской утробе, благословенно плавающим в амниотической жидкости. За три с лишним часа (срок, показавшийся мне вечностью) я пережил обе эти ситуации — «хорошую грудь» и «хорошую матку» — одновременно или в альтернативном варианте. Я чувствовал свою связь с матерью посредством двух питающих жидкостей — молока и крови, — которые в этот момент казались священными. Кульминацией переживания стал опыт священного единения скорее с Великой богиней-матерью, чем с матерью человеческой. Излишне говорить, что я считаю эту сессию глубоко исцеляющей.

В 1966 году, во время конференции по ЛСД-психотерапии в Амстердаме, мне представилась возможность поучаствовать во втором, столь же запоминающемся сеансе с Полиной, и снова испытать воздействие терапии слияния. Мы стали друзьями и, время от времени, встречались на конференциях или во время моих визитов в Лондон. В конце 1960-х годов, после смерти Джойс, Полина осталась без ассистента, который присутствовал бы на ее собственных сеансах с психоделиками, и она попросила меня занять место Джойс и стать ее проводником. Тогда я уже жил не в Европе, а, получив стипендию в университете Джона Хопкинса, поселился в Балтиморе. То, что Полина согласилась регулярно пересекать Атлантику, тратя на это немалые суммы денег, а главное, большое количество времени и энергии, отражает ее глубокую веру в значимость сеансов с применением психоделиков. С одним из этих сеансов связан один из самых замечательных случаев проявления синхронии в моей собственной жизни.

Где-то между четырьмя и пятью часами утра в тот день, когда должен был начаться сеанс с Полиной, я проснулся оттого, что мне приснился очень тревожный сон. Я оказался в мрачном замке, а возможно, даже средневековом городе. Там царил атмосфера тревоги и хаоса, множество людей металось по темным коридорам со свечами в руках. Взволнованные и несчастные голоса кричали: «Королева... королева... королева умирает!» Я был одним из тех, кто в панике метался по замку. После захватывающей дух гонки по плохо освещенным коридорам я оказался в комнате, где старая женщина — явно королева — лежала на огромной кровати под богато украшенным балдахинном. Ее лицо было искажено агонией, она задыхалась, и минуты ее явно были сочтены. Я смотрел на нее в отчаянии, переполненный сильными эмоциями, — я знал, что умирающая женщина является моей матерью.

Я проснулся рано утром, полный тревоги и мрачных предчувствий. Кроме того, я был совершенно уверен, что этот сон имеет самое прямое отношение к сессии с Полиной, которую я

собирался провести, и мне очень не хотелось ее проводить, что было для меня очень странно — никогда прежде со мной ничего подобного не случилось. Это настроение резко контрастировало с тем энтузиазмом, с которым я прежде относился к сеансам с применением психоделиков. Я лежал в постели, припоминая сон и пытаюсь понять те жуткие ощущения, которые испытывал. По мере того как за окном светало и солнечные лучи стали проникать в комнату, эти ощущения начали таять и, наконец, исчезли совсем. Я почувствовал себя более уверенно, в том числе и в отношении той сессии с психоделиками, которую собирался проводить.

В первые несколько часов сессии ничего экстраординарного не происходило, то есть ничего такого, чего бы я не видел раньше и чем бы эта сессия отличалась от всех остальных. Естественно, приняв достаточно большую дозу ЛСД, Полина испытывала очень глубокие переживания. Некоторые из них касались воспоминаний об особенно эмоционально наполненных моментах ее младенчества и детства, другие имели отношение к трудностям ее появления на свет, а несколько являлись трансперсональными элементами из области коллективного бессознательного. Сессия длилась уже примерно пять часов, когда Полина столкнулась с воспоминаниями из своего детства — тогда она присутствовала на королевском параде. Она начала напевать английский гимн: «Боже, спаси нашу добрую королеву, многие лета нашей славной королеве, Боже, спаси королеву».

По мере того как она пела, она становилась все более и более встревоженной. «О Боже, Стен, я пою «Боже, храни королеву», но, когда я была маленькой, у нас правил король, а не королева, но тогда почему я пою «Боже, храни королеву»?». В эту минуту ее лицевые мускулы внезапно напряглись, словно в агонии, которая напомнила мне лицо умирающей королевы из моего сна. «Стен, это больше не имеет отношения к моему детству», — продолжала она, явно расстроенная и испуганная. Каждый глоток воздуха давался ей с трудом. — Это я — королева, и я умираю». К этому времени я уже не раз наблюдал людей, переживавших свою собственную смерть во время сессий с применением психоделиков, и я мог не бояться за физическое состояние Полины. Однако я был поражен тем, что Полина воплотила мой сон, приснившийся мне прошлой ночью, и в точности изобразила умирающую королеву, которая была ярким персонажем этого сна.

Сессия Полины закончилась вполне благополучно — за смертью в образе королевы последовало возрождение, и «остаточный галлюциногенный эффект» длился несколько дней. Полина считала, что этот эпизод был взят из коллективного бессознательного, а возможно, и из ее собственных «кармических записей», к которым она подключилась благодаря привитому ей еще в детстве преклонению перед всем, что касается королевской семьи, и привычке носить дорогие и экстравагантные платья и украшения, хотя я так и не смог найти объяснения своему странному сну-предчувствию. Время от времени я вспоминал об этом экстраординарном совпадении, пытаюсь понять его происхождение и значение. Я думал, не обязан ли я этим той странной связи, возникшей между нами во время тех двух моих сессий терапии слияния с применением психоделиков, которые проводила Полина и во время которых я пережил ощущения плода в «добром чреве» и младенца у «доброй груди».

РАДУЖНЫЙ МОСТ БОГОВ

В мире скандинавских саг

Глубокие, благоприятные случаи синхронии могут вызывать и сопровождать яркое духовное пробуждение, однако и они не обходятся без опасных ловушек. Они могут создавать убедительное ощущение, что мы не только включены в огромное поле космического смысла и цели, но и, в некотором роде, являемся его фокусом или центром. Однако всепоглощающее ощущение возвышенности, которое часто ассоциируется с подобной синхронией, может быть обманчивым, ему нельзя naивно доверять и, тем более, полагаться на них в своих действиях. Как мы увидим в следующей истории, даже самые выдающиеся совпадения не гарантируют положительного исхода ситуации, частью которой они являются.

События, о которых я собираюсь рассказать, произошли спустя четыре года после моего переезда в США, в то время, когда я искал спутницу жизни — с добровольной помощью моих друзей, действующих из самых лучших побуждений. В самом конце 1971 года, мне позвонили Лени и Боб Шварцы, которые принадлежали к кругу самых близких моих друзей. Их дом в нижней части Манхэттена, доказательство безупречного вкуса Лени, служил постоянным местом встреч многих известных деятелей культуры, от Джозефа Кемпбелла до Бетти Фридан. Лени и Боб были очень взволнованы и наперебой рассказывали мне о своем последнем открытии: «Мы только что познакомились с совершенно особенной девушкой. Она живет в Майами, ее зовут

Джоан Галифакс. Она антрополог, очень красивая и очень умная. Работала с догонами в Африке и изучает сантерию и другие религии стран Карибского бассейна. У вас так много общего! Она тебе понравится».

Я записал имя Джоан и ее телефон и поблагодарил Боба и Дени за помощь, но после общения с Моникой я не был готов выступить инициатором новых отношений. Правда, иногда я позволял себе помечтать о Джоан, пытаясь представить себе, как бы прошла наша встреча, и думая о том, что можно было бы ей позвонить. Наконец, несколько месяцев спустя, я решил все-таки попытаться. Я собирался принять участие в ежегодной конференции психиатров в Далласе, штат Техас, чтобы представить результаты наших исследований по психиатрии с применением ЛСД у пациентов, находящихся на последних стадиях рака. Конференция заканчивалась в пятницу, и было несложно заехать в Майами по дороге в Балтимор и провести там выходные.

Я набрал номер Джоан и, когда она сняла трубку, представился:

— Это Стен Гроф из Балтимора. Наши общие знакомые, Боб и Лени Шварц, считают, что мы с вами должны встретиться. Скажите, вы не против? Я смогу приехать в Майами в следующие выходные. Не могли бы мы с вами встретиться?

— Мне очень жаль, — ответила Джоан, — но меня не будет дома. Я собираюсь в Даллас на конференцию АПА (Американской психологической ассоциации), буду делать там доклад по сантерии.

— Забавно, — ответил я, поражаясь странному совпадению. — Я тоже буду в Далласе, причем на той же конференции и собирался заехать в Майами на обратном пути. В каком отеле вы собираетесь остановиться?

— В отеле «Бейкер», — ответила Джоан.

Дело в том, что из огромного количества далласских отелей я и сам выбрал именно этот. Выяснилось, что заказанная мною комната находилась непосредственно под комнатой Джоан, на этаж ниже. Поскольку мы остановились в одном отеле, мы решили, что сразу по прибытии в гостиницу свяжемся друг с другом по телефону. Когда я приехал в гостиницу, конференция уже

началась, и Джоан не было в номере. Она не оставила для меня никакого сообщения, поэтому я решил искать ее на конференции. Программа предполагала проведение нескольких параллельных мероприятий, кажется восьми, если я ничего не путаю, и заседания проходили одновременно в нескольких отелях. Я заглянул в программу, пытаюсь угадать, какую лекцию могла бы выбрать Джоан, исходя из того, что она была антропологом и что, по мнению Боба и Лени, в наших с ней интересах есть много общего. После некоторых раздумий я выбрал фильм, демонстрировавшийся в большой аудитории одного из отелей.

Когда я вошел в зал, свет был уже выключен, а фильм начался. Я посмотрел вокруг и сел в ближайшее свободное кресло. Во время фильма мое внимание часто привлекала женщина, сидевшая впереди, в трех креслах влево, — я вроде бы даже увидел своего рода ауру вокруг ее головы. Вскоре она и сама обернулась в мою сторону, что было невероятно, поскольку ей пришлось довольно сильно выворачивать голову, чтобы встретиться со мной взглядом. Это продолжалось всего мгновение, но к тому времени, когда фильм наконец закончился, мы были настолько уверены в том, что встретили того, кого искали, что сразу направились друг к другу и подтвердили свои подозрения, назвав имена, — еще одно совпадение, в дополнение к тому, первому, предшествовавшему нашему прибытию в Даллас.

Наш обед в китайском ресторанчике, с большим выбором блюд северно-китайской кухни, возможно, вполне стандартных, был, тем не менее, совершенно особенным. Мы без умолку болтали о наших интересах, которые действительно во многом совпадали, — тут Боб и Лени оказались правы. В конце обеда официант принес нам неперенные печенье счастья, которые никто из нас никогда не принимал всерьез, но тогда, в контексте всех этих невероятных совпадений, эти послания выглядели абсолютно уместно, подобно цитатам из «Книги перемен». В моем печенье значилось: «Твое сердце принадлежит ей с момента вашей встречи», а Джоан выпало «После долгого ожидания ваши мечты наконец-то сбываются!» Излишне говорить, что мы не стали возвращаться домой и решили провести выходные в Далласе.

После подобного благоприятного начала наши отношения развивались очень быстро. В те выходные, что последовали за нашей встречи в Далласе, я вылетел в Майами, чтобы провести с Джоан несколько дней, а в следующие выходные она приехала ко мне в Балтимор, и мы прекрасно провели время вместе. Эти два визита упрочили наши отношения. К вечеру воскресенья мы почувствовали, что настолько близки друг другу, что хотим видеться как можно чаще, и даже мысль о расставании была очень болезненной для обоих. Дело в том, мое расписание лекций и семинаров представляло серьезную проблему — я должен был на десять дней улететь в Исландию, чтобы принять участие в первой Международной трансперсональной конференции.

К моему величайшему удивлению и восторгу, Джоан внезапно решила взять отпуск и присоединиться ко мне в этой поездке. Мы встретились в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке и поднялись на борт самолета исландской авиакомпании «Ллофтлейдир», совершавшего рейс в Рейкьявик. В те дни я вел множество семинаров в институте Эсален, Биг Сур, штат Калифорния, и в других частях США, что во многих случаях предполагало использование «рейсов красных глаз», как я называл ночные авиаперелеты до Балтимора. Один мой друг, специально для подобных случаев снабдил меня особыми конфетами, которые он готовил сам. Это казалось самым лучшим решением проблемы, ввиду того отсутствия комфорта и сна, которое следовало из этих полетов. Позднее я выведал у него рецепт этой кулинарной панацеи от связанных с авиаперелетами нарушений суточного ритма организма и других видов дискомфорта при длительных путешествиях.

Конфеты моего друга на вкус и запах напоминали восточные сладости из «Тысячи и одной ночи» и представляли собой смесь из рубленых орехов, фиников, сушеного инжира и изюма,

скатанную в шарики величиной с крупный лесной орех. Самым важным ингредиентом этой смеси является «бханг ги» — топленое масло, соединенное с экстрактом синсемильи, сушеных листьев и цветков конопли, которая растет в Биг Сур. Когда мне предстоял длительный ночной перелет, я проглатывал эту смесь перед посадкой в самолет, и к тому времени, когда она начинала действовать, у меня обострялось чувство вкуса и пробуждался зверский аппетит, который был вполне способен превратить обед, подаваемый в самолете, в пир для гурмана. Покончив с обедом, я закрывал глаза и слушал музыку до тех пор, пока не засыпал. После хорошего сна я просыпался расслабленным и отдохнувшим, и обычно именно в то время, когда подавали завтрак.

Мы с Джоан съели по одному волшебному шарик, чтобы облегчить ночной перелет до Рейкьявика. Когда самолет приземлился в Рейкьявике, мы пребывали в своего рода эйфории, той самой, которую терапевты называют остаточным галлюциногенным эффектом и, похоже, пребывали в этом особом состоянии сознания все то время, которое мы провели в Исландии. На три оставшихся до конференции дня мы арендовали «лендровер» и решили исследовать остров. Ландшафты Исландии были потрясающими — величавые, увенчанные снежными шапками горы, сверкающие ледники, сочные луга и пастбища, чистые реки и огромные водопады. Все здесь казалось невероятно древним — начало и конец мира, слившиеся воедино.

Мы нашли идиллическое место, маленькую гостиницу с несколькими треугольными коттеджами, разбросанными по сказочному пейзажу, довольно далеко друг от друга и от самой гостиницы, причем у каждого домика был свой маленький гейзер и бассейн. Мы находились в нескольких часах езды от Рейкьявика, далеко за Полярным кругом. Был конец мая, и магия белых ночей, усиленная «остаточным эффектом», стала незабываемым впечатлением. Мы чувствовали, что стали друг другу даже ближе, чем были прежде, и задумались о преимуществах живописной исландской сельской жизни и о том, чтобы пожениться здесь, прежде чем мы вернемся домой.

Но вскоре наше романтическое пребывание в уединенном домике в горах подошло к концу, и мы выехали в Бифрост, место проведения первой Международной трансперсональной конференции, чтобы присоединиться к остальным семидесяти участникам. В конференц-центре Бифроста, расположенном в окружении потрясающе красивого вулканического ландшафта, был центральный корпус, жилые корпуса и огромная сауна, выстроенная из настоящего дерева. Конференция собрала вместе весьма необычных людей, в том числе и Джозефа Кемпбелла и его жену Джин Эрдман, философа и религиозного деятеля Хьюстона Смита, профессора богословия Вальтера Хьюстона Кларка и специалиста по исландской мифологии Эйнара Пальссона. Среди участников конференции также был мой брат Пол со своей женой Евой и наш общий друг Лени Шварц, благодаря которой я и познакомился с Джоан.

Хорошо известно, что среди населения областей, лежащих за Полярным кругом, часто встречаются различные психические феномены, и то, что мы увидели в Исландии, подтверждало эти сведения. Мы встречали множество людей, которые были предсказателями, телепатами и ясновидящими, известных целителей, лозоходцев, а также людей, видевших эльфов и фей. Различные экстрасенсорные возможности также были широко представлены и среди самих участников конференции. Посещение Исландии помогло мне лучше понять одну из самых моих любимых книг Сельмы Лагерлеф, первой женщины, получившей Нобелевскую премию в области литературы — «Сагу о Йосте Берлинге». Я также был глубоко потрясен тем, как интригующе автор сплавляет повседневную жизнь и мир мифов в неразделимую амальгаму.

Прибыв на конференцию, мы сразу же пригласили Лени Шварц выпить с нами чаю, собираясь сообщить ей, что обдумываем идею пожениться в Исландии. Однако у нас не было и шанса опередить ее. «Я знаю, что вы хотите мне сказать, — что вы хотите здесь пожениться», —

сказала она, и ее лицо засияло от радости. Она была настолько уверена в своей догадке, что вскочила и убежала, не дожидаясь, что мы подтвердим правильность ее предположений. Позднее мы узнали, что она немедленно рассказала новость всем участникам конференции, а те пришли в восторг и сразу же начали готовиться к проведению церемонии.

Исландский специалист по мифологии Эйнар Пальссон, последние двадцать лет посвятивший изучению скандинавских саг, приехал на конференцию специально, чтобы встретится со своим кумиром Джозефом Кемпбеллом. Они были погружены в непрекращающиеся дискуссии по самым разным вопросам, и вскоре Джозеф, обладавший невероятными энциклопедическими познаниями в области мифологии, сообщил Эйнару много нового относительно символического значения некоторых географических названий в Исландии и магическом значении упоминавшихся в них чисел. Услышав о готовящейся свадьбе, они решили создать для нашего брака солидный мифологический фундамент.

Они реконструировали древний свадебный ритуал викингов, не проводившийся в этих местах со времен христианизации Исландии. Соединение жениха и невесты олицетворяло иерогамию, священный союз Отца Неба и Матери Земли, символом которого была радуга. Организаторами конференции была семейная пара, Гейр и Ингрид Вильямссон. Отец Ингрид был мэром Рейкьявика, а у ее матери был исландский национальный костюм. Они привезли его из Рейкьявика в качестве свадебного платья для Джоан, и оно пришлось настолько впору, будто было сшито специально для нее. В качестве моего свадебного костюма мы выбрали прекрасный, ручной вязки исландский свитер.

Свободное время между заседаниями конференции участники тратили на изготовление костюмов и масок для свадебной церемонии, а некоторые работали над меню к банкету. Жена Джо Кемпбелла, Джин Эрдман, замечательная танцовщица и хореограф с Бродвея, придумала постановку для церемонии и начала репетировать ее с группой. Хотя ни Джоан, ни я никому кроме друг друга не сообщали о желании пожениться, приготовления шли полным ходом.

Свадьба началась после обеда с церемонии очищения в сауне, проведенной в соответствии с исландскими традициями, т. е. для жениха и невесты отдельно. Затем женщины причесали и нарядили Джоан и подготовили ее к брачной ночи. Под руководством Ингрид они попытались абстрагироваться от современного образа мышления и сымитировали разговор, который мог бы состояться при подобных обстоятельствах в Средние века. Я встретился с мужской частью компании, чтобы отпраздновать окончание моей холостой жизни. Мы пили мед, пели соответствующие песни и много шутили. Пытаясь настроиться на менталитет эпохи викингов, мои друзья предложили мне свою поддержку и подбадривали в связи с тем, что ожидало меня впереди.

После сауны мы собрались в зале для праздничного обеда. Изысканное меню содержало многие плоды земли, некоторые виды пресноводной рыбы и различные дары моря. Цвет, вкус и вид пищи и хорошего вина и фантастический свет белой ночи создали совершенно волшебную атмосферу. После обеда мы танцевали, кто-то выглянул в окно и заметил, что начал моросить дождь и в небе раскинулась огромная, невероятно яркая двойная радуга. Все вышли на улицу, под дождь, и продолжили танцы на мокрой лужайке.

В то время как в зале танцы сопровождались всеобщим весельем, словно на балу у Диониса, но, оказавшись на лужайке, танцующие изменили ритм движений: словно повинаясь приказу невидимого дирижера, они стали плавными и текучими. Кто-то танцевал в одиночку, кто-то парами или небольшими группами, движения людей напоминали упражнения тай-чи. Кто-то догадался сменить музыку в зале ресторана — теперь она стала медитативной и звучащей как бы вне времени. Освещенная волшебным светом белой ночи, под аркой гигантской двойной радуги, сцена казалась чем-то из другого мира, чем-то сюрреалистическим, словно фильм Федерико

Феллини.

К нашему удивлению, двойная радуга появлялась и исчезала трижды, и в том настроении, в котором мы все тогда пребывали, трудно было не истолковать это явление как самый благоприятный знак. Этого невероятного небесного спектакля и самого по себе было бы достаточно, чтобы сделать нашу свадебную церемонию чем-то исключительным, но к тому же с ней было связано несколько невероятных совпадений. Мы выяснили, например, что название «Бифрост» в переводе с исландского означает «Радужный мост богов» и что во времена викингов, свадебный ритуал которых мы исполнили, радуга была символом соединения Отца Неба и Матери Земли, из чего было легко сделать вывод, что это событие имеет глубокий космический смысл.

В дополнение к этому, радуга имеет глубокий смысл лично для меня и связана с другим интересным совпадением. Когда я только переехал в Соединенные Штаты, я пригласил своих родителей, и мы два месяца путешествовали по стране, сочетая визиты к известным исследователям в области сознания и психоделиков с осмотром достопримечательностей и остановками в национальных парках и других красивых местах. Желая увидеть все, что только можно посмотреть, мы проехали более 17 000 миль за восемь недель.

Нет необходимости говорить, что наш грандиозный маршрут включал богатый достопримечательностями юго-запад США. Однажды, ближе к вечеру одного жаркого дня, когда мы двигались по пустынному ландшафту Нью-Мексико по дороге в Санта-Фе, начался дождь, что было приятной переменой после многих часов палящего зноя. Солнце уже садилось, украшая небосклон у нас за спиной богатой палитрой цветов. Внезапно в небе перед нами возникла фантастическая полная радуга. Дорога была абсолютно прямой, стрелой уходящей из-под колес машины к горизонту, пересекая его точно под правым концом радуги. Я инстинктивно надавил на педаль газа, пытаясь подъехать как можно ближе, прежде чем радуга исчезнет.

Радуга не меркла, а, наоборот, по мере нашего приближения становилась выше и ярче. Она оставалась на месте до того момента, пока наша машина не въехала под правый ее конец. Это было словно ворота в другой мир — мир неопишуемой красоты, с тончайшим покрывалом всех цветов радуги, танцующих и кружащихся вокруг нас, взрывающихся мириадами сверкающих алмазов. Я остановил машину, и мы втроем сидели, замороженные, восхищенные этим невероятным спектаклем. Что же касается меня, то это событие послужило спусковым крючком для самого глубокого экстатического переживания, которое случалось со мной за всю жизнь и без помощи каких-либо изменяющих состояние сознания веществ или приспособлений. Оно длилось весь остаток вечера, и даже на следующее утро я чувствовал его последствия.

На следующее утро, хорошо выспавшись, мы решили посетить музей искусства индейцев навахо в Санта-Фе. Его главный зал был большой, круглой постройкой, напоминающей киву — церемониальный чертог индейцев пуэбло, а наиболее заметным элементом убранства в нем была большая и неестественно тонкая стилизованная женская фигура, чье тело состояло из продольных цветных полос. Они были натянуты вокруг всего зала за исключением входа, который был обрамлен с одной стороны ее головой, и короткой юбкой и ногами — с другой. Индеец-экскурсовод объяснил нам, что это — Дева Радуги, одна из самых популярных богинь народа навахо. Она играла ключевую роль в мифологии навахо, что отражало важность дождя для этого народа и его религии. Навахо уверены, что если Деве Радуги кто-то понравится, то она окружит его, заключит в свои объятия и поцелует. Это будет переживание такой силы, вызывающее такой восторг, что счастливчик не забудет его до самой смерти. Экскурсовод очень точно описал то, что произошло со мной по дороге в Санта-Фе, — это фантастическое событие не померкло в моей памяти до этого самого дня.

Закат и сама обстановка свадебной церемонии в Бифросте не могли быть более

великолепными. Мы стали мужем и женой в три часа утра в древнем вулканическом кратере, в тот самый момент, когда солнце вновь появилось из-за горизонта, за которым скрылось всего час назад. Джозеф Кемпбелл был посаженным отцом, который подвел Джоан к импровизированному алтарю, а в роли распорядителя церемонии выступал Хьюстон Смит. Уолтер Хьюстон Кларк в качестве благословения предложил слова Сары из Ветхого завета («Я пойду, куда ты пойдешь, и твой народ будет моим народом»). После обмена кольцами, сделанными в стиле эпохи викингов и традиционного поцелуя мы прошли между двумя рядами наших друзей, держащих зеленые ветви, и выглядели как солдаты армии Макдуфа из «Макбета», несущие ветви Бирнамских деревьев в Дунсинанский замок.

На сон у нас остался всего час, поскольку рано утром группа должна была отправиться на пешую прогулку к одному из самых впечатляющих ледников Исландии. Как только я открыл глаза, я понял, что случилось что-то ужасное. Все возбуждение и восторг, которые я испытывал все эти дни, исчезли без следа, я был совершенно трезв и мрачен, и, что самое ужасное, женитьба на Джоан тоже показалась мне серьезной ошибкой.

Целью нашего путешествия была хижина на самом большом исландском леднике, с общей спальней и одной отдельной комнатой. Группа единогласно решила, что это драгоценное удобство будет служить нашим свадебным чертогом, где мы с Джоан проведем следующую ночь. Я постарался скрыть свое беспокойство, и вокруг все было так же замечательно, как и вчера. Группа продолжала ощущать эмоциональное эхо свадебной церемонии эпохи викингов, да и колдовское очарование исландского пейзажа было действительно невероятно. После восхитительного дня в горах и ночи в хижине мы возвратились в Бифрост, на церемонию закрытия конференции.

Исландская встреча, первая в череде международных трансперсональных конференций, стала незабываемым событием для всех тех, кто в ней участвовал, и наша с Джоан свадьба, без сомнения, была ее кульминацией. Однако как только мы вернулись в Соединенные Штаты, мои гнетущие предчувствия начали сбываться, и различные проблемы, с которыми столкнулись я и Джоан, начали негативно сказываться на наших отношениях.

На обратном пути из Исландии мы остановились в Майами, где Джоан представила меня своим родителям, Джону и Юнис. Они не имели ни малейшего представления о том, что она собирается выйти замуж, до тех пор пока она не огорошила их новостью о нашей исландской свадьбе по телефону. Я явно не соответствовал стандартам мира нуворишей их дома на Майами-Айленд. Однако они, скрепя сердце, приняли меня, возможно потому, что вспомнили о бунтарской натуре Джоан и ожидали чего-то еще худшего. Первыми тремя вопросами, которые отец задал Джоан после сообщения о нашей свадьбе, были: «Он чернокожий? Он коммунист? Он носит бороду?» И почувствовал себя немного спокойнее, когда ответ на все три вопроса оказался отрицательным.

Джоан бросила свою работу на факультете антропологии университета в Майами и переехала в мою квартиру в Балтиморе. Она предприняла несколько безуспешных попыток найти работу преподавателя или исследователя в Университете Джона Хопкинса или Университете Мэриленда, и потеря академического статуса нанесла ощутимый удар по ее эмоциональному состоянию. Я предложил ей присоединиться к моему проекту по психоделической терапии пациентов с последними стадиями рака. Ей понравилось ассистировать на сеансах с ЛСД и ДПТ (дипропилтриптамин), но она делала это даром, поскольку в Мэрилендском центре психиатрических исследований не было подходящей оплачиваемой должности. Путешествие в Японию, которое должно было стать нашим медовым месяцем, еще сильнее увеличило возникшее между нами напряжение.

К счастью, я получил предложение от издательства Viking Press написать две книги по ЛСД.

На вечеринке у Лени и Боба Шварц в их доме в Нью-Йорке мы встретились с моим старым другом Майклом Мерфи, соучредителем института Эсален. После небольшой беседы с ним мы получили приглашение перебраться в Биг Сур в качестве гостей института, а я получил место стипендиата с проживанием. Отпуск в Австрии и Италии и переезд в Эсален на какое-то время снял напряженность в наших отношениях и принес облегчение. Однако это продолжалось недолго; различия между нами были довольно значительны и продолжали расти, а наши отношения стремительно ухудшались. Какое-то время мы еще пытались оставаться вместе, в основном потому, что не хотели разочаровывать тех из наших друзей, кто участвовал в исландской конференции и вместе с нами пережил ту прекрасную свадебную церемонию, особенно Джо Кемпбелла. На своих лекциях Джо критиковал современные свадебные обычаи за отсутствие четкого мифологического обоснования и давал богатое красками описание нашей свадьбы как мифологически обоснованной свадебной церемонии, которая будет жить вечно. Когда наш брак окончательно распался и стало ясно, что развод неизбежен, пережить разочарование Джо было самой большой проблемой.

Исландское приключение было завораживающим опытом прорыва архетипических энергий в повседневную жизнь и создания поразительных совпадений, и, разумеется, оно преподало мне важный урок. Я научился не доверять безоговорочно притягательной силе подобных переживаний и их волшебству и тому ощущению собственной важности, которое они вызывают. Экстатические ощущения, связанные с проявлением архетипических сил, вовсе не гарантируют положительного исхода. Очень важно воздерживаться от активных действий под их влиянием и не принимать никаких важных решений до тех пор, пока мы снова не окажемся обеими ногами на земле.

ИГРЫ СОЗНАНИЯ

Свами Муктананда и сиддха-йога

За много лет нашей работы мы неоднократно наблюдали и лично пережили множество примечательных совпадений. Иногда это были изолированные случайности, в других случаях они появлялись целыми цепочками и взаимодействующими друг с другом сложными совокупностями. Однако в нашей жизни был период в целых восемь лет, когда у нас была возможность наблюдать совпадения в огромном количестве. Это было время нашего близкого общения со Свами Муктанандой, духовным учителем из Индии и главой древней школы сиддха-йоги. В 1975 году, когда мы с Кристиной встретились в Биг Суре и начали работать и жить вместе, Кристина была ученицей Свами Муктананды и его страстной последовательницей. Кристина впервые встретила с ним, когда Свами Муктананда остановился в Гонолулу во время своего первого мирового турне, в котором его сопровождал Рам Дасс, известный гарвардский профессор психологии и исследователь воздействия психоделиков, ставший духовным учителем.

Кристина в этот момент переживала глубокое погружение в процесс пробуждения энергии кундалини, которое началось во время рождения ее первого ребенка, Натаниэла, и стало еще более интенсивным и глубоким с рождением дочери Сары два года спустя. Согласно традиции йоги, энергия кундалини, также называемая змеиной силой, является генерирующей энергией космоса, женской по своей природе, которая отвечает за создание вселенной. Она представлена в тонком или энергетическом теле, поле, которое проникает и пронизывает, а также и окружает физическое тело человека. В своей латентной форме эта энергия находится в сакральной чакре, в самом основании спины. Слово «кундалини» буквально означает «свернувшаяся», поскольку она обычно изображается в виде змеи (три с половиной витка), свернувшейся вокруг лингама, символа мужской производящей силы. Эта спящая энергия может быть активирована с помощью медитации, специальных упражнений, вмешательством опытного духовного учителя (гуру) или по неизвестной причине.

Пробужденная энергия кундалини, называемая шакти, устремляется вверх по каналам тонкого тела — нади. По мере того, как она поднимается вверх, она смывает старые травматические впечатления и открывает центры психической и духовной энергии, называемые чакрами. Таким образом, пробуждение кундалини связано с исцелением, духовным раскрытием и позитивной личной трансформацией. Этот процесс, высоко ценимый и считаемый в традициях йоги благотворным, нелишен опасностей и требует руководства опытного гуру, чья энергия кундалини полностью пробудилась и стабилизировалась. Наиболее яркими признаками пробуждения энергии кундалини являются физические и психологические проявления, называемые крия. Крия вызывает мощные ощущения энергии и жара, текущих вверх вдоль позвоночника, которые могут сопровождаться сильной дрожью, спазмами и судорогами.

Мощные волны, казалось бы, таких немотивированных эмоций, как беспокойство, гнев, печаль, восторг и экстаз, могут вырваться на поверхность и на время стать доминирующими в психическом состоянии человека. Эти явления могут сопровождаться видениями яркого света или различных архетипических существ, а также различными звуками, звучащими внутри человеческого тела. Многие из тех, кто пережил этот процесс, часто сталкивались с чем-то, что выглядело как воспоминания о прошлых жизнях. Непроизвольное и зачастую неконтролируемое поведение дополняет эту картину: разговор на неизвестных языках, пение неведомых песен или священных звуков (мантр), использование поз йоги (асан) или жестов (мудр), а также звуки и движения, обычно свойственные животным.

Свами Муктананда имел репутацию великого мастера, полностью развившего свою

энергию кундалини, т. е. завершеного кундалини-йога, способного пробудить духовную энергию в своих учениках. Кристина узнала от своих друзей о его визите на Гавайи и решила принять участие в «интенсиве», как Муктананда называл воскресные «уходы от мира». На одном из таких «уходов», во время медитации, Кристина получила шактипат, что в переводе с санскрита означает передачу духовной энергии от медитирующего гуру ученику с помощью прикосновения, взгляда или даже мысли. В случае с Кристиной передача энергии произошла тогда, когда Муктананда посмотрел на нее и их глаза встретились. В тот момент она увидела молнию, исходящую из глаз гуру и ударившую ее в то место, где духовная традиция помещает третий глаз, что вызвало огромной силы крия — волну всепоглощающих эмоций и судороги.

Общение с Муктанандой увеличило интенсивность процесса пробуждения энергии кундалини, который начался у Кристины задолго до встречи с учителем. Это стало началом очень важного для нее общения с этим выдающимся гуру, которое завершилось лишь в 1982 году, когда он умер в возрасте 74 лет. После того случая Кристина предложила свою небольшую квартиру в Гонолулу, где она жила со своими детьми, Натаниэлом и Сарой, после развода, в качестве места для встреч последователей Муктананды, и гуру принял ее предложение. Он посетил эту квартиру и благословил ее в качестве центра для медитаций. После того как она окончательно разошлась с мужем и покинула Гавайи, Кристина старалась использовать любую возможность, чтобы восстановить связь с учителем.

Вскоре после того как мы с Кристиной стали жить вместе в Эсалене, Свами Муктананда прибыл в район Сан-Франциско, чтобы провести несколько месяцев в своем ашраме в Окленде. Окленд был всего в трех часах езды от Биг Сура, где мы жили, и Кристина использовала эту возможность для того, чтобы организовать нам личную аудиенцию, или «даршан», у своего духовного учителя. Как выяснилось впоследствии, Кристина не была уверена в том, что Свами Муктананда одобрит наши отношения, и хотела это выяснить. Мне понятна ее озабоченность — будучи «трансцендентальным гедонистом», как я часто в шутку сам себя называл, я не слишком соответствовал традиционным для индийской культуры критериям аскетичного искателя духовного просветления. Я не был вегетарианцем, любил секс и не делал тайны из своей работы с ЛСД и другими галлюциногенными веществами.

Я слышал о Свами Муктананде еще до встречи с Кристиной и имел возможность просмотреть его автобиографию, озаглавленную «Гуру», которое позднее трансформировалось в «Игру сознания». Надо признаться, что я не горел желанием ехать в Окленд, поскольку не был уверен в своем к нему отношении. Двое моих друзей обратились к сиддха-йоге, и со стороны они казались мне безропотными и страстными приверженцами Свами Муктананды. Они были, безусловно, не лучшей рекламой для своего гуру и его влияния на учеников: после участия в воскресном «интенсиве» их поведение радикально изменилось и вызвало в Эсалене большой переполох. Вместо того чтобы раскрывать тему, заявленную ими в учебный план института, они принесли на свои семинары маленькие барабанчики и цимбалы и попытались заставить участников распевать «Шри-Гуру-Гита», «Ом-Намах-Шивая» и другие религиозные индуистские песнопения.

Религиозная йога никогда не относилась к числу моих любимых духовных практик. Согласно древней индийской традиции, люди с разными типами психики нуждались в разных типах йоги. В то время как Кристина, без сомнения, предпочитала бхакти-йогу, подход, предполагающий преклонение перед гуру, меня же значительно больше привлекала джняна-йога, духовная стратегия, позволяющая задействовать интеллект на 100 % — вплоть до его отключения. Мне также была очень созвучна раджа-йога — система, сфокусированная на психологическом эксперименте и прямом переживании божественного. Я мог бы с легкостью воспринять карма-йогу, йогу служения, накапливающую кармические заслуги, но бхакти-йога

стояла в моей шкале ценностей на самом последнем месте.

Но поскольку я от природы очень любопытен, отношение к религиозной практике йоги не перевесило моего интереса к встрече с духовным учителем сиддха-йоги, да еще настолько известным. И к тому же я знал, что этот даршан очень важен для Кристины. Пока мы ехали в район Сан-Франциско, Кристина, чтобы подготовить меня к встрече, продолжала рассказывать мне интересные истории о своем духовном учителе. Поскольку этот маршрут не был нам знаком, мы переоценили то время, которое потребовалось, чтобы добраться до окрестностей Сан-Франциско, и приехали в ашрам примерно за двадцать минут до назначенного времени.

Решив дождаться даршана в машине, мы продолжали дискуссию о Свами Муктананде, и в какой-то момент Кристина упомянула о том, что Свами является шиваитом, т. е. поклонником Шивы. Это привлекло мое внимание и повысило интерес к предстоящей встрече, поскольку я знал, что среди методов, которые шиваиты используют для достижения необычных состояний сознания, значится прием конопли и семян дурмана. И к тому же я был совершенно уверен, что Шива является самым важным из моих личных архетипов, поскольку два моих самых сильных и значительных опыта во время психоделических сессий были связаны именно с этим индийским божеством. Пока мы ждали в машине, я вкратце пересказал Кристине оба эти случая.

Моя первая встреча с Шивой состоялась на одной из первых ЛСД-сессий, еще в Праге. Первые четыре часа сессии я провел в родовых каналах, снова переживая травму собственного рождения. Когда я все-таки появился на свет, измотанный, покрытый кровью и нахлебавшийся вагинальной жидкости, я был испуган видением индийской богини смерти Кали и переживал полную и безоговорочную капитуляцию перед женскими законами мироздания. В этот самый момент я увидел огромную фигуру Бхайравы — бога Шивы в ипостаси разрушителя * возвышающуюся надо мной. Я чувствовал себя раздавленным его ногой, словно кусок фекалий на самом дне мироздания. Это было полное уничтожение всего, что я считал своей личностью, сокрушительная смерть моего тела и моего эго. Но, став ничем, я стал всем. Я чувствовал, будто растворился в водопаде света невероятной яркости и совершенной красоты. Я понял, что переживаю то, что в древнеиндийских текстах называлось объединением атмана и брахмана.

Моя вторая встреча с Шивой произошла много лет спустя, во время моего воображаемого путешествия по парку Вентана близ Биг Сура, штат Калифорния, — во время ночной ЛСД-сессии, проходившей у водопада в долине, где растут сосны. Я видел гигантскую реку, олицетворяющую собой Время и недолговечность всего мироздания. Она текла назад — туда, где находится источник всего сущего — необъятный шар, излучающий энергию, которая была сознательной, обладающей бесконечным разумом, одновременно творческой и разрушительной. Я услышал звук, от которого нельзя было отгородиться, и в тот же миг понял, что это дамбару, барабан Шивы Бхайравы, Разрушителя, приказывающего всему сотворенному вернуться туда, откуда все появилось на свет.

История вселенной и Земли проходила перед моими глазами, словно в фантастически ускоренном кино, я увидел рождение, развитие и смерть звезд и галактик. Я наблюдал начало, эволюцию и вымирание видов и был свидетелем зарождения, расцвета и упадка культур и династий. Наиболее запомнившимся мне событием этой сессии стала процессия динозавров всех форм и видов, спустя миллионы лет существования входящих в реку времени и исчезающих в ней. Словно величественная космическая голограмма, всю эту завораживающую сцену пронизывала огромная фигура Шивы Натараджи, Повелителя Космического Танца, исполняющего свой танец мироздания. После восхода солнца, когда мое внимание обратилось от внутреннего мира к невероятной красоте окружавшей меня природы, у меня в ушах еще много часов звучало пение: «Ом, харе Ом, харе Ом, Шри Ом», которое я слышал в этом незабываемом видении — лейтмотив Реки Времени.

Я закончил рассказывать Кристине об этих двух переживаниях, которые трансформировали мою жизнь, как раз к тому времени, на которое был назначен наш даршан. Когда мы вошли в комнату и увидели Свами Муктананду, я был поражен его необычным видом: на нем была толстая красная вязаная шапочка, большие темные очки и лунги — оранжевая роба. В правой руке он держал пучок павлиньих перьев, который — как я узнал позднее — очень сильно пах эссенцией сандалового дерева. Удар павлиньими перьями по голове был любимым способом Свами Муктананды для передачи шактипата.

Баба, как любовно называли его последователи, предложил мне сесть рядом с ним и повернул голову в мою сторону. Затем он снял темные очки — что он делал очень редко — и принялся внимательно изучать мое лицо. Я увидел его сильно расширенные зрачки, которые, казалось, свободно плавали по поверхности глазных яблок — подобное я обычно наблюдал у моих пациентов, принявших большую дозу ЛСД. Он сфокусировал взгляд на моих глазах и принялся изучать их так тщательно, словно был офтальмологом, и, как бы подводя итог своим профессиональным суждениям, произнес фразу, от которой по моей спине поползли мурашки: «Могу сказать, что вы — человек, видевший Шиву».

Я был поражен этим необычайным совпадением: слова Муктананды прозвучали всего через несколько минут после того, как я закончил рассказывать Кристине о моих встречах с Шивой и их значении в моей жизни. Если бы он использовал обычные источники информации, у него не было никакой возможности узнать об этом. Еще труднее было представить себе, что это банальное совпадение, лишённое всякого смысла, — вероятность подобного совпадения была столь ничтожна, что ей вполне можно было пренебречь. Мне в голову пришло лишь два возможных объяснения случившегося: либо Свами Муктананда имел паранормальный доступ к информации об окружающем его мире, либо он является частью поля, стимулирующего значащие совпадения в юнгианском понимании.

После того, что произошло, мое любопытство в отношении Свами Муктананды и заинтересованность в том, чтобы провести с ним некоторое время, существенно возросли. Наш обмен мнениями, последовавший за этим потрясающим вступлением, поначалу слегка меня разочаровал, несмотря на то что тема была достаточно интересна для меня с профессиональной точки зрения. Муктананда, зная, что я работаю с ЛСД, заговорил об использовании психоактивных веществ в духовных практиках и выразил уверенность в том, что вызываемые ими переживания очень похожи на те, которые ищут последователи сиддха-йоги.

— Я так понимаю, что вы работаете с ЛСД, — сказал он мне через свою переводчицу Мальти, юную индианку, которую, спустя много лет он назовет своей наследницей под именем Свами Читвиласананда. — Мы тоже делаем нечто похожее, но разница состоит в том, что сиддха-йога учит людей не только подниматься высоко, но и оставаться на этой высоте, — уверенно заявил он. — С ЛСД вы можете получить великий опыт, но, в конце концов, вы спускаетесь вниз. В Индии множество людей занимается серьезными духовными изысканиями, брахманы и йоги используют в своей духовной практике священные растения, — продолжал Свами Муктананда, — но они знают, как делать это правильно.

Затем он заговорил о необходимости уважительного, ритуального подхода к выращиванию, приготовлению и курению или приему внутрь индийской конопли (*Cannabis indica*) в виде бханга, ганджи или чараса и стал критиковать случайное и недостойное использование марихуаны и гашиша молодыми людьми на Западе. «Йоги выращивают и убирают растение сознательно и с большим уважением, — говорил он. — Сначала они вымачивают его в воде четырнадцать дней, чтобы избавиться от всех токсичных ингредиентов, а затем сушат. Они кладут его в чилам (специальную трубку) и курят. А затем лежат в экстазе нагими на снегу и льду Гималаев». Рассуждая о курении чилама и экстатическом восторге йогов, Баба

сопровождал рассказ соответствующей мимикой, движениями и позами, словно припоминая, как это происходит.

Во время нашего разговора я задал Свами Муктананде вопрос о соме, священном напитке Древней Индии, который не менее тысячи раз упоминается в Ригведе и явно играл важную роль в ведической религии. Этот священный напиток изготавливался из растения с тем же названием, но описание самого растения, к сожалению, затерялось в веках. То, что я читал о соме, меня заинтриговало, и я надеялся, что Баба может знать что-то, что поможет установить вид этого растения и в конце концов приведет к выяснению принципа его действия. Раскрытие секрета сомы в свое время было мечтой многих из тех, кто занимался исследованием психоделиков.

Когда речь зашла о соме, Муктананда отверг теорию, выдвинутую микологом Гордоном Уоссоном, что сырьем для производства сомы служил *Amanita muscaria*, или мухомор. Он заверил меня, что сома вовсе не гриб, а ползучее растение, — это было похоже на правду и не слишком меня удивило, поскольку другой важный элемент психоделической фармакопеи, знаменитое центральноамериканское священное снадобье ололиуки, являлся препаратом, изготовленным из семян вьюнка ипомеи (*Ipomoea violacea*), который можно назвать ползучим, поскольку он цепляется усами за другие растения.

Но то, что за этим последовало, было для меня большим сюрпризом. Баба не только знал, что такое сома, но и заверил меня, что она по сей день еще используется в Индии. На самом деле он сказал, что постоянно общается с ведическими жрецами, которые используют ее в своих ритуалах. И, по словам Свами Муктананды, некоторые из этих жрецов каждый год спускаются с гор в Ганешпури, маленькую деревню к югу от Бомбея, недалеко от которой находится их ашрам, чтобы отпраздновать его день рождения — по этому поводу они регулярно проводят церемонии с использованием сомы. В конце нашей беседы Свами Муктананда пригласил Кристину и меня посетить его ашрам в день его рождения и пообещал организовать наше участие в древнем ритуале с использованием сомы.

По большому счету, этот даршан принял форму квазипрофессионального обмена информацией о «священных техниках», но затем ситуация неожиданным образом изменилась. Без каких-либо предисловий или предупреждений Свами Муктананда протянул руку к розовой жестяной коробке конфет «Almond Росса», стоявшей на небольшом столике рядом с ним. В ашраме всегда было много сладостей — Баба сказал, что Шакти, божественная женская энергия, очень любит сладости. В «Амрите», неплохо оборудованном кафетерии ашрама, в большом количестве имелись самые фантастические конфеты всех сортов и видов. И вот теперь Муктананда выудил из коробки две конфеты, быстро снял фантики и засунул мне в рот, одновременно довольно сильно хлопнув меня по обеим щекам, стукнув по лбу и ткнув в голень.

Затем он встал, давая понять, что даршан подошел к концу. Уже в дверях, поскольку мы с Кристиной уже выходили, он посмотрел на нас и сказал: «У нас будет два воскресных «интенсива» по кашмирскому шиваизму; я приглашаю вас обоих в качестве моих гостей». И прежде чем мы вышли из комнаты, Баба посмотрел на меня со значением и добавил: «Для вас это будет очень интересно». В то время я ничего не знал о кашмирском шиваизме, разве что мог, исходя из названия, предположить, что он имеет какое-то отношение к Шиве и Кашмиру. Мы поблагодарили Свами Муктананду, попрощались и вышли из комнаты даршанов в обширный зал для медитаций.

В зале было много людей, ожидавших, пока мы выйдем из комнаты даршанов. Среди них было много людей, пришедших к сиддха-йоге через психоделические переживания. Они догадались, что наш разговор касался в том числе и психоделиков, и хотели узнать, что сказал Баба паэтому вопросу. Я шел буквально сквозь строй, бомбардируемый вопросами вроде: «О чем вы говорили?», «Баба говорил что-нибудь о наркотиках?», «Считает ли Баба, что психоделики —

это хорошо?»

У меня не было ни малейшего желания общаться. В моем теле возникло странное ощущение, и что-то явно ворочалось в моей голове. Я извинился, выбрался из толпы и прошел в самый дальний угол зала и сел, скрестив ноги, прислонившись спиной к углу и закрыв глаза. Я чувствовал, что это — лучший способ понять, что именно со мной произошло.

Было известно, что сиддха-йоги способны пробуждать внутреннюю психическую энергию посредством шактипата, и я знал, что то, что сделал со мной Муктананда, принадлежало именно к этой категории. Однако я не ожидал сколь-либо заметной реакции, поскольку не считал себя легко поддающимся внушению. Я не думал, по крайней мере в то время, что что-то меньшее, чем сильный психоактивный наркотик, сможет серьезно изменить состояние моего сознания. К тому же из книг и опыта моего общения с Кристиной я знал, что шактипат вызывает крия — сильные эмоции, произвольные звуки и судороги, но моя собственная реакция меня поразила.

Сразу же после того как я закрыл глаза, я ощутил состояние полного небытия и безграничной, космической пустоты. Мое состояние можно было бы описать так: я чувствовал себя висящим в межзвездном пространстве, где-то на полпути между Землей и альфой Центавра. Однако это описало бы лишь очень поверхностный аспект этого переживания и ничего не сказало бы о чувстве глубокого покоя и уравновешенности и экстраординарных метафизических озарениях, свойственных этому состоянию. Когда же я открыл глаза, то узнал, что с момента окончания даршана прошло уже больше часа.

Мы с радостью приняли приглашение Свами Муктананды на воскресные «интенсивы» по кашмирскому шиваизму — Кристина в силу своего преклонения перед учителем, а я — по причине возросшего любопытства и тех интересных совпадений и необычных ощущений, которые я испытал после даршана. Первый же «интенсив» обернулся еще более необычным и очень интересным опытом. Он начался со вступительной лекции по кашмирскому шиваизму, прочитанной Свами Теджо, одним из приближенных Муктананды. Как только Свами начал говорить, я почувствовал растущее недоумение и легкий приступ паранойи. Похоже, он зачитывал отрывки из статьи, которую я написал и опубликовал несколько лет тому назад, в одном из последних номеров малоизвестного периодического издания-однодневки, журнала по тематике изучения сознания. Сходство было поразительным, вплоть до конкретных образов и сравнений.

В конце 1960-х, когда я еще работал в Центре психологических исследований Мэриленда, я решил написать статью, рассказывающую о тех онтологических и космогонических прозрениях, которые доступны в необычных состояниях сознания. Статья была основана на результатах более чем пяти тысяч сессий с применением психоделиков, которые мои коллеги и я провели в Праге и Балтиморе. Я выбрал те места из рассказов моих клиентов, где они затрагивали какие-либо фундаментальные проблемы бытия — природу реальности, мистику космических принципов творения, процесс создания вселенной, взаимоотношения между человеческим и божественным, роль зла в ткани мироздания, реинкарнацию и карму, тайны времени и пространства и т. п.

К моему удивлению, личные метафизические прозрения моих клиентов были поразительно похожи друг на друга и составляли различные частные аспекты одного всеохватного космического видения. Эта экстраординарная проекция космоса и человеческого бытия, которая вытекала из его анализа, радикально отличалась от тех, что были сформулированы декартово-ньютоновской материалистической наукой. При этом они обладали потрясающим сходством с различными духовными системами, которые Олдос Хаксли называл «непреходящая философия».

Многие аспекты этого видения также демонстрировали потрясающее сходство с мировоззрением квантово-релятивистской физики и других революционных подходов

современной науки, обычно называемых «новыми» или «зарождающимися парадигмами». Статья, в которой описывались мои открытия, называлась «ЛСД и Космическая игра: Основные принципы психоделической космологии и онтологии» («LSD and the Cosmic Game: Outline of Psychedelic Cosmology and Ontology») и была опубликована в 1972 году, за три года до того, как состоялся интенсив в Окленде. Двадцать шесть лет спустя эта статья стала основой для моей книги «Космическая игра: Исследование рубежей сознания» («The Cosmic Game: Explorations of the Frontiers of Human Consciousness»).

И вот в своем вступлении к оклендскому «интенсиву» Свами Теджо, похоже, бесстыдно занимался плагиатом моих собственных идей, высказанных в этой статье. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что то, о чем он рассказывал, было кашмирским шиваизмом, а вовсе не цитатами из моей статьи. Это было действительно удивительно, поскольку место и время возникновения духовной философии и прозрения моих пациентов разделяли более тысячи лет и миль. Истоки кашмирского шиваизма можно проследить вплоть до VIII века нашей эры, когда кашмирскому мудрецу явилось видение, которое привело его в особое место за пределами Сринагара, столицы страны. Там он нашел священные тексты, вырезанные на скале, которые позднее стали известны как «Сутры Шивы», главные священные тексты кашмирского шиваизма. Никто не знает, кто был их автором и как долго они пробыли на этой скале, прежде чем их нашли.

Очень трудно поверить в то, что переживания людей из XX века, славян или евреев, американцев и афроамериканцев, которые приняли ЛСД-25, могут быть настолько схожими с древними кашмирскими текстами. Какая связь может быть между воздействием полусинтетического психоактивного вещества, открытого со странной прозорливостью швейцарским химиком, и философскими прозрениями, описанными в текстах древней духовной дисциплины? И чем можно объяснить тот факт, что они не были эксцентричными или сумасшедшими результатами психики этих индивидуумов, но приняли форму разделенного, внутренне непротиворечивого, хорошо интегрированного и всеобъемлющего космического видения?

Чтобы решить эту головоломку, мне потребовалось некоторое время, но я все-таки нашел ответ, казавшийся очевидным. ЛСД не является фармакологическим препаратом, вызывающим необычные переживания путем взаимодействия с нейрофизиологическими процессами мозга. Это замечательное вещество явно является неспецифическим катализатором глубокой динамики человеческой психики. Вызванные им переживания не являются искусственными нейрохимическими средствами идентификации, симптомами токсического психоза, как это называют психиатры традиционной школы, но истинным проявлением самой человеческой психики. Эти переживания могут быть вызваны естественным образом с помощью множества различных подходов, в том числе и различными «технологиями священного», разработанные духовными учениями Востока.

Наша дружба со Свами Муктанандой длилась семь лет, до самой его смерти, и сыграла важную роль в нашей жизни. Мы с Кристиной удостоились многих личных даршанов, и присутствовали в большом количестве медитаций сиддха-йогов и воскресных «интенсивов» в различных частях мира. За все эти годы у меня были богатые возможности сравнить спонтанные переживания людей, испытавших воздействие шактипат, с теми, которые были вызваны психоделиками, и я смог подтвердить их значительное сходство.

Вскоре после моей первой встречи со Свами Муктанандой мы с Кристиной разработали холотропное дыхание, сильный нефармакологический метод самопознания и психотерапии. При этом подходе необычные состояния сознания вызываются очень простой и естественными методиками — более быстрое дыхание, соответствующая вызывающая воспоминания музыка и

высвобождение заблокированных энергий с помощью определенных физических упражнений. Переживания, вызванные этим способом, очень сильны и напоминают состояния, вызываемые психоделиками, и те, что описаны в кашмирском шиваизме. Таким образом, они представляют дополнительное доказательство того, что феномены, вызываемые ЛСД и другими подобными веществами, являются не химическими артефактами, а подлинными проявлениями человеческой психики.

Наши взаимоотношения со Свами Муктанандой в последние годы его жизни углубились и активизировались. Во время даршана, последовавшего за конференцией Международной трансперсональной ассоциации в Денверсе, штат Массачусетс, он предложил нам провести одну из следующих конференций в Индии и предложил свою личную помощь, равно как и помощь его людей и ашрама в Ганешпури. Мы провели конференцию в отеле «Оберой» в Бомбее в феврале 1982 года, за несколько месяцев до его смерти. Она называлась «Древняя мудрость и современная наука» и создала форум для общения между учеными и духовными учителями.

Список участников был поистине звездным: исследователь головного мозга Карл Пршибрам, физик Фритьоф Капра, биолог Руперт Шелдрейк, семейный психотерапевт Вирджиния Сатир, нейрофизиологи Элмер и Элис Грин, специалист по детскому развитию Джозеф Чилтон Пирс и многие другие ученые. Духовный мир представляли Свами Муктананда, мать Тереза, верховный жрец парсов Дастур Миночер Хомджи, суфийский шейх из Турции Музафер Озак аль-Джеррахи, даосский мастер Чунлян Аль Хуан, последователь Шри Ауробиндо Каран Сингх, монах-бенедиктинец отец Беда Гриффит и раввины Залман Шахтер-Шаломи и Шломо Карлебах. Наиболее интересными моментами культурной программы были вечер хасидских танцев, суфийский зикр в исполнении дервишей ордена Халвети-Джеррахи, музыкант Пол Хорн и Алармель Валли, восходящая звезда индийского классического танца. Встреча имела невероятный успех, несмотря на отсутствие Далай-ламы, который не выступил с вступительной речью потому, что заболел на пути из Дхарамсалы в Бомбей, и Кармапы, который умер за несколько месяцев до открытия конференции и не мог завершить ее обещанной церемонией Черной короны.

На следующий день после закрытия Баба пригласил всех 700 участников в свой ашрам в Ганешпури на бандару, традиционный индийский пир. Как выяснилось позднее, присутствие Бабы на нашей Бомбейской конференции стало его последним появлением на публике. Когда конференция закончилась, он вернулся в свой ашрам в Ганешпури, где и провел остаток своих дней в молчании и постепенной подготовке к передаче духовного руководства преемнику и собственной смерти. Мы с Кристиной провели две недели в паломничестве по различным святым местам Индии, затем вернулись в Ганешпури, где провели еще две недели со Свами Муктанандой. Два раза в день он появлялся в вымощенном мрамором дворике и сидел в молчании, в то время как обитатели ашрама и его гости выражали ему свое уважение и приносили различные подарки.

Все говорило о том, что у Нас не будет другого шанса поговорить с ним или встретиться с ним наедине, но, за два дня до нашего отъезда ситуация внезапно изменилась. Нони, его личный слуга, сказал нам, что Баба желает нас видеть. Он хотел, чтобы в пять часов мы пришли в зал для медитаций, где он «настроит наши медитации». Зал для медитаций был духовным сердцем ашрама, он был построен вокруг того места, где жил гуру самого Свами Муктананды, могущественный сиддха-йога Нитьянанда. Это место было отмечено огромной шкурой тигра, животного, посвященного Шиве. Одна из дверей зала вела в спальню Бабы, а другая — на лестницу, ведущую в подземную Пещеру Тигра, другое излюбленное место для медитации.

В указанный час мы с Кристиной пришли в темный зал для медитаций и сели на тигриную шкуру. Похоже, мы медитировали около пяти минут, когда дверь в личные комнаты Бабы тихо

приоткрылась, и он вышел в зал. Не сказав ни слова, он подошел к Кристине и надавил ей на глазные яблоки, сохраняя давление пятнадцать—двадцать секунд. Затем он перешел ко мне и сделал то же самое. Я почувствовал, как его большие пальцы погружаются в мои глаза и словно касаются сетчатки. Я почувствовал неопишемую боль и давление в голове, и мне большого труда стоило взять себя в руки и не прервать происходящее. Я чувствовал, что никому, даже известному гуру, нельзя позволять делать то, что Муктананда проделывал с моими глазами, но мое любопытство пересилило боль, и я сказал себе: «Это очень интересно, подождем!» Я так и поступил.

Давление возросло до невероятной интенсивности, и тут моя голова взорвалась сияющим светом, который постепенно превратился в видение звездного неба. Я испытал экстаз поистине космических размеров, который закончился блаженной пустотой, подобной тому, что я испытал после того как я получил шактипат Муктананды. Это переживание соответствовало тем, что я пережил во время сессий с высокими дозами психоделиков по своей интенсивности, но было намного короче по продолжительности. Переживания Кристины были столь же сильными, но они длились всю ночь и принесли цепочку воспоминаний об оскорблениях, которые она получила от различных мужчин за всю свою жизнь. Она чувствовала, что это — основное эмоциональное очищение и исцеление старых травм.

На следующий день Нони сообщил, что Баба ждет нас в зале для медитаций в тот же час для «второго раунда», как назвал это Баба. На этот раз он повторил ту же процедуру давления на глазные яблоки, но добавил еще один элемент. Он прижал свой лоб, украшенный несколькими горизонтальными полосами, нарисованными золой — знаком Шивы, — к нашим и сильно дунул в наши ноздри. На этот раз испытываемые нами переживания были позитивными для обоих. Утром нашего последнего дня в ашраме, незадолго до отъезда, Баба неожиданно пригласил нас в свои комнаты для даршана. Позднее мы поняли, что это было его последним «прощай».

В самом начале этой встречи он дал каждому из нас по платку для медитаций и по прекрасному темному аметисту. Затем он нарушил молчание и сказал, что эти аметисты необходимо вставить в золотые кольца, и особенно подчеркнул, что эти кольца мы должны носить постоянно. Когда мы уже собирались уходить, Баба поразил нас таинственной фразой: «Возвращайтесь обратно и продолжайте работать с людьми. Я буду вам помогать. Вы делаете мою работу!» — и знаком показал, что мы можем идти. Это был последний раз, когда мы видели Свами Муктананду, и все, что нам осталось, — память об этом замечательном человеке и тот пласт игры с сознанием, который он представлял.

Последователи часто пытаются объяснить скандальные события, которые происходили вокруг их гуру, тем, что большой свет отбрасывает большую тень и что подобные проблемы возникают по вине темных сил, препятствующих просветлению. Свет Свами Муктананды должен был быть очень ярким, поскольку его тень была огромной и очень темной. Последние месяцы его жизни были омрачены мерзкими слухами о его сексуальных домогательствах в отношении молодых девушек. Некоторые из его последователей были потрясены тем, что они считали лживостью и непростительным пороком учителя, и покинули движение, другие решили не верить этим слухам или простить поведение учителя, считая это некой продвинутой тантрической практикой, приемлемой в Индии, но неправильно понятой на Западе.

После смерти Свами Муктананды ситуация стала еще более запутанной в связи глубокими разногласиями между Читвиласанандой и Нитьянандой, его двумя духовными преемниками. Имевшие место грязные интриги подробно освещались в индийской и американской прессе и еще сильнее углубили раскол в кругах сиддха-йогов, а также в рядах последователей этого направления йоги по всему миру, которое, по некоторым подсчетам, достигло сотни тысяч человек.

Мыс Кристиной еще дважды приезжали в ашрам в Ганешпури, но магия прежних дней исчезла бесследно. Мы дистанцировались от движения и его политики, но, казалось, оставались связанными с сиддха-йогой на каком-то ином уровне. Баба продолжал присутствовать в наших снах и видениях, связанных с различного рода необычными состояниями сознания. Мы также снова и снова переживали участие в могущественных ритуалах сиддха-йоги, во время которых мы чувствовали сильную связь с тем, что мы называли «энергия Шивы».

ГУРУ В ЖИЗНИ СВОИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Являются ли сиддха-йоги космическими кукловодами?

Одним из самых невероятных аспектов нашего общения со Свами Муктанандой и сиддха-йогой была огромная сфера фантастических совпадений в жизни его последователей. Мы регулярно слышали об этом от наших друзей и знакомых, принадлежавших к движению сиддха-йоги. На воскресных «интенсивах», регулярно предлагаемых различными ашрамами, всегда рассказывают замечательные истории о встречах со Свами Муктанандой, и все эти истории без исключения содержат описания фантастических совпадений, похожих на те, с которыми мы столкнулись в мире сиддха-йоги.

Один из примеров таких совпадений — человек, проведший некоторое время в заброшенном австралийском городе, разыскивая забытые драгоценности в заброшенных шахтах. В то время он жил один в обветшавшей хижине и долгими вечерами пытался читать при свете свечи. Один из прежних обитателей лачуги оставил на ее стене фотографию странного темнокожего человека в красной лыжной шапочке, державшего в руке пучок павлиньих перьев. Это был портрет Свами Муктананды, хотя под фотографией и не было подписи.

В один из этих одиноких вечеров охотник за драгоценностями поднял глаза от книги, которую читал, и его взгляд оказался прикован к лицу человека на фотографии. Сфокусировав свой взгляд на глазах изображенного, он ощутил, как что-то вроде сияющей молнии, казалось, вылетело из зрачков портрета и ударило его между глаз. Это вызвало могучие волны эмоций и сильный физический отклик. Эти ощущения длились несколько дней, и в последующие две недели целая серия событий привела этого искателя драгоценностей в ашрам Свами Муктананды в Мельбурне. Он решил принять участие в воскресном «интенсиве», где он узнал о шактипате и различных способах его получения. Все последующие годы он был ярким последователем Свами Муктананды.

Одна из старших учениц Свами Муктананды и наш друг поделилась с нами историей из того времени, когда она еще только присоединилась к последователям Бабы. Одна из вещей, которые Муктананда обожал делать, это давать своим последователям с Запада индийские имена — Ямуна, Садашива, Дургхананда, Шивананда, Лакшми и т. д. Его ученики и последователи обычно получали новые имена по линии преемственности даршана. Такое наречение подразумевает краткий контакт с гуру, несколько слов и подношение — прасад. Последователи выстраивались в линию, а гуру шел вдоль этой шеренги, перебрасываясь с ними фразой-другой, прикасаясь к ним и получая прасад. Наша знакомая, тогда бывшая преданной ученицей-неофитом, стояла в линии даршана рядом со своим другом, желая получить от гуру духовное имя. Она немного нервничала и выплескивала свое беспокойство в оживленном разговоре. «Думаю, что знаю, какие имена даст нам Баба, — смеясь, сказала она. — Он назовет нас Крипа и Крипи (от англ. сгеер — дрожать, трястись. — Примеч. пер.)». К ее немалому удивлению, девушка получила имя Крипананда, что означает «благословенная добродетель», и с тех самых пор ее называли только этим именем.

Среди сотен историй, рассказанных на воскресных «интенсивах», одна заслуживает особого внимания. Она произошла с ветеринаром из Малибу, которого попросили посмотреть одну из собак Бабы. Когда Свами Муктананда путешествует по миру, люди из его внутреннего круга едут вперед, чтобы снять для него временные апартаменты. Часто они выбирают для этой цели здания в плохом состоянии, расположенные в бедных районах, и обновляют их, создавая временные ашрамы; это можно было рассматривать как карма-йогу — они оставляли здания в состоянии намного лучше, чем они были прежде.

Бабе нравилось регулярно совершать прогулки, и он делал это в любом месте, где ему приходилось жить, невзирая на его репутацию, подчас весьма сомнительную. Но в то время как сам он был совершенно спокоен, его безопасность сильно волновала его последователей. Один из них подарил Муктананде для защиты во время прогулок двух больших собак. Когда Баба остановился в Малибу, одна из собак сильно заболела. Женщина из внутреннего окружения Бабы заглянула в телефонную книгу в поисках телефона местного ветеринара и вызвала его в ашрам.

Ветеринар приехал в ашрам и осмотрел собаку, так и не встретившись с Муктанандой. По дороге домой он испытал крия — интенсивный взлет эмоций и что-то вроде лихорадки. Через некоторое время в результате нескольких совпадений он уже сидел в зале для медитаций, распевая «Ом-Намах-Шивая», и в конце концов стал одним из самых преданных последователей Бабы. Свами Муктананда часто в шутку сравнивал Шакти, энергию, участвующую в шактипате и крия, с обычной простудой — чем-то чрезвычайно заразным, что можно просто «подхватить».

Вместо того чтобы описывать снова и снова те переживания, которые испытали последователи Муктананды, я лучше расскажу пару историй из нашей собственной жизни. Первая история, с целой цепочкой различных совпадений, произошла в самом начале 1980-х. Все началось с того, что в наш с Кристиной коттедж в Биг Суре позвонил Габриэль, врач, бывший членом внутреннего круга Свами Муктананды. Он сказал, что будет проезжать через Биг Сур, и спросил, не может ли он остановиться у нас, чтобы обсудить кое-что важное.

Причиной для его визита стало то, что пресс-секретари ашрама не были удовлетворены тем интервью о теме смерти, которое дал Баба. Репортер был недостаточно знаком с этой темой и задавал совсем неинтересные вопросы. Габриэль знал, что я проводил терапию с применением психоделиков с пациентами с последними стадиями рака и что я интересовался психологическими, философскими и духовными аспектами смерти и умирания. Он открыл ноутбук и попросил меня подумать, какие, по моему мнению, интересные вопросы о смерти могли бы задать йогу западные психиатры и исследователи сознания.

После примерно трехчасового обсуждения Габриэль понял, что наше занятие не имеет особого смысла, поскольку, вместо того чтобы формулировать вопросы для кого-то другого, мне бы следовало задавать их самому. Он предложил нам посетить ашрам в Майами, где в это время находился Баба, чтобы я мог взять у него интервью. И тут же возникла проблема — ашрам не мог оплатить нам проезд, а у нас в то время не было лишних денег. К тому же мы собирались ехать совсем в другую сторону, чтобы провести ряд семинаров в Австралии, а потом в Индию, готовить почву для Международной трансперсональной конференции 1982 года.

После долгого обсуждения мы все-таки решили ехать в Майами. Встречи с Бабой всегда были интересны, да и возможность услышать, что он думает по поводу смерти, представлялась весьма соблазнительной. Непосредственно перед отъездом в Майами мы должны были провести заявленный семинар в Эсалене. Для Эсалена типична ситуация, когда в одно и то же время происходят четыре мероприятия, и потому существовало ограничение на количество участников в каждом из них. Вскоре после того как мы решили ехать в Майами, на регистрацию на наш семинар народ, что называется, повалил валом. Один из оставшихся семинаров был снят как не заинтересовавший публику, а на двух других народу было недостаточно, в результате чего Эсален увеличил квоту для нашего семинара. Участников регистрировалось столько, что для работы с холотропным дыханием нам не хватало места на полу, и, несмотря на большой список желающих, мы были вынуждены им отказать.

Внезапная вспышка интереса к нашему семинару была просто беспрецедентной. Дело в том, что по традиции, установленной Фрицем Перлсом, Эсален предлагал бесплатные гештальт-сессии для всех проживающих в институте и тех, кто приезжает на семинары. За неделю до

начала нашего семинара несколько человек проводили работу над своими эмоциями на гештальтовском «горячем стуле», пытаясь справиться с собственным раздражением и гневом по поводу того, что они не смогли принять участие в нашем семинаре. Когда мы подсчитали деньги, то обнаружили, что разница между нашим вознаграждением и тем, что мы должны были получить, если бы работали другие семинары, составляла ровно пену двух комплектов авиабилетов от Монтеррея до Майами и обратно. Было трудно не расценить это как «благосклонность гуру» или «гуру крипа», как называют это последователи Муктананды.

Прибыв в четверг в ашрам в Майами, мы узнали, что интервью с Бабой, назначенное на пятницу, отменили, — он чувствовал себя не слишком хорошо и должен был отдохнуть перед воскресным «интенсивом». Вместо того чтобы интервьюировать Бабу, я общался с одним из представителей пресс-центра по поводу трансперсональной психологии. Поскольку мы все равно оказались в Майами, нам захотелось принять участие в воскресном «интенсиве», но наш самолет в Мельбурн улетал в субботу, поздно вечером. Мы попросили у Бабы позволения присутствовать только на половине «интенсива», что было очень необычной и редкой просьбой. К нашему удивлению, разрешение было дано, но возник вопрос, должны мы заплатить за весь «интенсив» или только за половину, и Баба снова сделал исключение, позволив нам заплатить только половину обычной стоимости — всего сто пять долларов.

Другой большой сюрприз поджидал нас у входа в зал для медитаций — молодая женщина у его дверей широко улыбнулась нам и протянула три новенькие пятидесятидолларовые купюры, выглядевшие так, словно они только что вышли из печатного станка. «Вот ваши деньги, — сказала она. — Баба не хочет, чтобы вы платили за этот «интенсив», вы будете его гостями». Все, казалось, свидетельствовало о том, что гуру относится к нам как-то особенно, однако это ощущение исчезло к концу первого дня «интенсива», когда на общем даршане, куда мы пришли с небольшим подношением и чтобы поблагодарить учителя, он продолжая разговаривать с человеком, стоявшим впереди нас, жестом дал понять, что мы свободны, не перемолвившись с нами ни одним словом.

Этот метод «контрастного душа», сочетающий излияние любви и благосклонности с полным отсутствием интереса, внешне холодным поведением или даже унижающими замечаниями, похоже, был специальной стратегией Бабы для избавления последователей от чувства собственной важности и исключительности. Мы сели в такси и направились в аэропорт, предчувствуя долгий перелет до Мельбурна. Салон самолета был полон, а кресла в эконом-классе оказались очень узкими и особенно неудобными для людей с такими длинными ногами, как у нас. Утомленные длинным днем и втиснутые в неудобные кресла, мы чувствовали себя совершенно раздавленными и покоровшимися злой судьбе.

«Сте-е-ен, Кристи-и-ина! — Громкий голос одного из стюардов вырвал нас из меланхолического настроения. — Какой сюрприз! Если бы я знал, что вы летите этим рейсом, я бы посадил вас в первый класс. Но, пожалуй, есть пара кресел в бизнес-классе».

Выяснилось, что пару лет тому назад этот стюард побывал на одном из наших семинаров в Эсалене и получил весьма позитивный трансформирующий опыт на сеансах холотропного дыхания. С удобством устроившись в бизнес-классе, мы размышляли о том, что это было: фантастическое, невероятное стечение обстоятельств или очередное дуновение попутного ветра, направляемого благоволением гуру.

Когда же мы наконец прибыли в Мельбурн, нас встретили наши добрые друзья и радушные хозяева Мьюриэл и Элф Футы. Пока мы ехали в город, они рассказали, что первый день и ночь мы проведем в доме их близких друзей, известного австралийского оперного певца Грега Демпси и его жены Энни. Когда мы прибыли в дом Демпси, то с удивлением обнаружили, что Грег и Энни являются преданными последователями Свами Муктананды. Весь дом был увешен

его фотографиями — одну я нашел даже в ванной.

Когда мы собрались завтракать, Мьюриэл вдруг смутилась и сказала, что пригласила одну молодую женщину позавтракать с нами и провести здесь немного времени. «Мне очень жаль. Я знаю: вам, ребята, будет смертельно скучно, — извинилась она. — Мне звонили множество людей и просили о личной встрече с вами здесь в Мельбурне. Я смогла отказать всем, кроме этой женщины, потому что в ней есть что-то особенное. Она, как и вы, работает с людьми, находящимися на пороге иного мира, и она мне так понравилась!»

Когда пришла эта женщина, выяснилось, что она, хотя Мьюриэл этого и не знала, из мельбурнского ашрама. Она сказала, что, как только она вышла за дверь, зазвонил телефон, и она сняла трубку. Это звонил Баба, он сообщил обитателям ашрама, что мы прибываем в Мельбурн и что они должны нам помочь, поскольку мы «делаем его работу». Во время завтрака мы услышали множество историй о Бабе и многое узнали о растущем движении сиддха-йоги в Австралии, к тому же успели немного привыкнуть к австралийскому акценту.

Мы провели ночь в доме Грега и Энни, и на следующий день Мьюриэл и Элф отвезли нас в расположенный неподалеку Блэквуд, где находился их дом и центр для проведения семинаров. Вечером того же дня мы начали работу нашего семинара по холотропно мудыханию, и тут же выяснили, что магия сиддха-йоги продолжает действовать. Из двадцати пяти человек группы девять имели опыт «Голубого света», «Голубой жемчужины» и «Голубой человека», которые в сиддха-йоге считаются очень благоприятными и важными шагами в духовном путешествии. Один из участников внезапно запел «Ом-Намах-Шивая», совершенно не представляя себе, что это такое. Ни один из участников семинара не знал о том, что мы как-то связаны со Свами Муктанандой.

Другое интересное событие, о котором мне хотелось бы рассказать, произошло несколькими годами позже. Я уже говорил, что во время нашей последней встречи с Бабой он подарил нам по прекрасному темному аметисту и сказал, чтобы мы вставили их в золотые кольца и носили постоянно. Позднее мы выяснили, что выбор камней был вовсе не случайным, а исполненным глубокого смысла. С древних времен считалось, что аметист защищает своего владельца от ядов, о чем свидетельствует его греческое название: метистос означает «отравленный», а — это греческая *alpharprivativum*, префикс, означающий отрицание. Это было не лишено смысла, особенно если учесть мою работу с психоделиками и те проблемы, которые были у Кристины с алкоголем.

Вскоре после нашего возвращения из Индии целая серия природных катастроф опустошила побережье Биг Сур. Ужасный пожар погубил 160 000 акров Вентанского природного парка, уничтожив всю растительность на склонах прибрежных гор на участке в двадцать миль, начиная от Обители Пренепорочного Сердца и почти до отеля «Вентана Инн». Последовавший шквал проливных дождей вызвал огромные оползни на незащищенных горных склонах. Великолепная живописная дорога, соединявшая институт Эсален с Монтереем и аэропортом, была закрыта несколько недель, и все семинары, включая и наш собственный, отменили.

Это имело серьезные финансовые последствия для института Эсален в целом, но особенно сильно отразилось на нас. Мы жили на очень ограниченные средства, и потеря дохода от нескольких семинаров стала для нас очень болезненной. Это было не самое подходящее время, для того чтобы выполнять пожелание Бабы, оправляя наше аметисты в золото и делая из них кольца. Будучи более рациональным членом нашего брачного союза, я попытался отсрочить воплощение этой идеи, но Кристина была совершенно уверена, что мы должны довести дело до конца. Во время нашей следующей поездки за покупками в Кармел, которая из-за необходимости объезжать оползни заняла семь часов вместо обычных двух, мы остановились у ювелирного магазина и заказали себе кольца.

Две недели спустя, когда мы уезжали во Францию, первую европейскую страну, где мы должны были проводить семинары, мы забрали кольца по дороге в аэропорт. Первый наш семинар в Париже, примерно с тридцатью участниками, был по холотропному дыханию и проходил в выходные. Когда мы шли по кругу, представляясь участникам семинара, одна из них, женщина по имени Симон, сказала, что ее главная проблема — это сильная хроническая боль в животе, которая очень мешает ей в повседневной жизни. Симон рассказала, что многочисленные обследования не смогли обнаружить медицинскую причину этой боли. Поскольку проблема казалась психосоматической, она решила попробовать холотропное дыхание, надеясь, что оно поможет выяснить, что именно вызвало эту боль.

Желая побыстрее начать исследование, Симон попросила своего партнера по упражнению разрешить ей начать первой.

Ее процесс шел очень активно, сопровождаясь криками и физической борьбой. Спустя час после начала сессии она стала издавать громкие звуки и позвала меня, рассказав, что боль в животе очень усилилась, и спросила, не могу ли я ей помочь. Обычно в подобных ситуациях наш подход заключался в том, чтобы усилить боль внешним давлением и побудить человека к отысканию способа выражения своих чувств. Я попросил Симон напрячь живот и надавил на центр болезненной области правой рукой, на которой носил кольцо с аметистом. Затем я попросил ее без стеснения выражать свою реакцию на это давление при помощи звуков и движений.

Симон толкнула меня своим напряженным животом, и ее лицо стало выражать все большее напряжение. Она задерживала дыхание, и ее лицо все сильнее наливалось краской. Внезапно прозвучал самый ужасный, леденящий душу крик, какой я только слышал в жизни. Дыхание Симон вернулось к норме, она расслабилась, и на ее лице появилась блаженная улыбка. Немного позже она рассказала, что совершенно не чувствовала боли — впервые за много лет. Вечером, когда группа собралась вместе, чтобы поделиться впечатлениями, она описала то, что происходило на ее сессии.

Вначале она припомнила некоторые моменты из своей жизни, связанные с болью в животе, в том числе повторяющееся сексуальное насилие со стороны родственников. Затем переживания стали более глубокими и перенесли к моменту ее биологического рождения. Вспоминая свое трудное продвижение по родовым каналам, она выяснила, что отчасти ее боль связана с тем агонизирующим дискомфортом, который она испытала в процессе рождения. Потом Симон стала свидетельницей сцен из истории человечества, содержащих жестокость и насилие. Как раз в это время она решила позвать меня, поскольку боль становилась все сильнее, быстро приближалась к пределу, который она в состоянии была вынести.

«Когда вы надавили мне на живот, это было просто ужасно, — вспоминала она позднее, во время обсуждения. — Боль возрастала ежесекундно и стала абсолютно невыносимой, но я не захотела потерять сознание и была намерена остаться с ней.

В чем-то боль была не только моей — страдало все человечество! А затем все вокруг взорвалось ярким голубым светом, который был неопишимо прекрасным. И в этом свете возник образ этого индийского гуру, фотографии которого развешаны по всему Парижу. Он был в темных очках, красной лыжной шапочке и держал в руке пучок павлиньих перьев».

За пару недель до нашего прибытия в Париж наследница Свами Муктананды, юная Нитьянанда, приехала в Париж и провела воскресный «интенсив». На стенах и колоннах парижских домов были расклеены постеры, изображавшие Нитьянанду вместе с учителем. Кристина достала из бумажника фотографию Свами Муктананды и показала ее Симон. «Да, именно этот! — сказала она, и добавила: — Но то, что я испытала, имеет какое-то отношение к вот этому кольцу! Голубой свет, похоже, исходил прямо из этого кольца!»

Интересно то, что Симон ассоциировала свое исцеление не только с аметистовым кольцом и Свами Муктанандой, но и с голубым светом. Как я уже упоминал прежде, «Голубой свет» и «Голубой человек» играют важную роль в сиддха-йоге и считаются очень благоприятными. Несколько лет спустя, на другом семинаре, Симон связалась со мной и сообщила, что более у нее больше не возникало.

Такое количество случаев синхронии, которые пережили мы сами и о которых слышали от последователей Свами Муктананды, действительно невероятно. Он появлялся в снах своих последователей, в их медитациях и психоделических сессиях, и эти иллюзорные визиты, похоже, были тесно связаны с событиями в обычной жизни этих людей. Многие из его последователей решили, что Бабе ведомо все, что с ними происходит, и что он сам принимает участие в создании этих ситуаций для их духовной выгоды. Они наделяют его сверхчеловеческими способностями космического кукловода, наблюдающего за жизнями десятков тысяч последователей и учеников и дергающего за невидимые в материальной реальности ниточки.

Я был заинтригован этим явлением и однажды спросил Свами Аму, которая провела с Бабой более двадцати пяти лет, что она думает по этому поводу. Она согласилась и позднее рассказала мне, что Баба смеялся над этой грандиозной фантазией его последователей. Он объяснил ей, что за сорок с лишним лет его паломничества в Индии и духовных исканий у него было множество переживаний в высших, обычно скрытых измерениях бытия, и именно поэтому он стал частью этих царств и тех механизмов, с помощью которых можно влиять на повседневную реальность.

Свами Муктананда также сказал Аме, что, если бы это было необходимо, он смог бы сфокусировать свой разум в медитации на различных сферах и получить необходимую информацию, что могут сделать многие люди с хорошими парапсихическими возможностями. Но, главное, к чему привел его напряженный духовный поиск, это к умению больше концентрироваться на текущем моменте и ценить простые вещи повседневной жизни. Например, говорил он Аме, он любит готовить, и, когда он фокусирует сознание на всех цветах, текстурах, запахах и вкусах пищи, которую он готовит, тысячи его последователей чувствуют его как сознательного и активного архитектора их жизней. Его поразила идея, что он может постоянно следить за жизнями тысяч своих последователей и организует для них сделанные на заказ совпадения и духовно значимые события. «Это была бы большая работа, а мне нравится просто жить», — с озорной улыбкой сказал он.

ТАНЕЦ БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ

Путешествие в потусторонний мир на духовном каноэ индейцев салиш

Отдельные случаи синхронии в жизни людей, переживающих спонтанные или специально вызванные холотропные состояния сознания, встречаются очень часто. При этом они нередко следуют в их жизни целыми впечатляющими сериями. С годами мы наблюдали и даже переживали сами множество таких серийных совпадений, связанных с психоделической терапией, сессиями холотропного дыхания или психодуховными кризисами. События, описываемые в этой истории, происходили во время одного из наших месячных семинаров в Эсалене в то время, когда Кристина переживала духовное пробуждение.

Спонтанные переживания Кристины были очень яркими и сочетали элементы различных уровней личного и коллективного бессознательного. В некоторых из них она возвращалась к различным болезненным воспоминаниям из собственного детства и младенчества, другие задействовали возвращение к травме ее появления на свет. Кристина также сталкивалась с цепочками сильных переживаний, которые, похоже, были воспоминаниями из ее прошлых жизней в России, Германии и Северной Америке XVII века. Время от времени это были также видения различных архетипических фигур и животных. Особенно значимыми были павлины и белые лебеди — птицы, ассоциируемые с сиддха-йогой и с духовным учителем Кристины, Свами Муктанандой. В один из дней того самого семинара, о котором уже говорилось выше, Кристина получила особенно сильные и полные смысла видения, в которых участвовал белый лебедь.

Нашим гостем на следующий день семинара был Майкл Харнер, известный антрополог и наш близкий друг. Майкл относился к той категории ученых, которых называли «антрополог-визионеры». В отличие от традиционной антропологии, Майкл и его коллеги, в частности Барбара Майерхофф, Питер Ферст, Дик Кац, Кристиан Реч и Карлос Кастанеда, не желали заниматься полевыми исследованиями как беспристрастные ученые-наблюдатели. Они активно участвовали в церемониях изучаемых культур, даже если в них применялись такие изменяющие состояние сознания вещества, как пейот, волшебные грибы, аяхуаска и дурман, или танцы в состоянии транса, длящиеся всю ночь, или другие нефармакологические «священные технологии».

Майкл начал исследования шаманов и их потрясающего внутреннего мира в 1960-х годах, когда Американский музей Естественной истории предложил ему провести годичную экспедицию в перуанскую Амазонию для изучения индейцев конибо в районе реки Укаяли. Информаторы Майкла сказали ему, что, если он действительно хочет учиться, он должен попробовать священное питье шаманов. Воспользовавшись их советом, он попробовал аяхуаску, снадобье из отвара листьев растущей в джунглях лианы *Banisteriopsis caapi* и растения кава, которое индейцы называют «вином души» или «маленькая смерть», и отправился в не поддающееся описанию воображаемое путешествие по обычно невидимым измерениям бытия, во время которого он пережил собственную смерть и получил невероятные прозрения и откровения о природе реальности.

Когда же позднее он узнал, что старейшина конибо, шаман, знаком с тем, что видел он, и что его опыт с аяхуаской также шел параллельно с некоторыми цитатами из «Апокалипсиса», Майкл убедился, что здесь действительно существует целый скрытый мир, который необходимо исследовать. И он решил узнать о шаманизме все, что только возможно. Три года спустя Майкл

вернулся в Южную Америку, в Эквадор, для знакомства с индейским племенем хиваро, в котором он жил и которое изучал в 1956–1957 годах. Здесь он получил другой важный опыт инициации, который оказался ключевым для его исследования пути шамана. Акачу, известный шаман хиваро, и его приемный сын взяли его к священному водопаду глубоко в амазонской сельве и дали ему питье, приготовленное из майкуа — сока разновидности дурмана под названием бругмансия, растения с сильными психоактивными качествами.

В результате этого и других опытов Майкл — антрополог с внушительным списком академических заслуг — стал практикующим шаманом и преподавателем шаманизма. Кроме того, вместе со своей женой Сандрой он основал Фонд изучения шаманизма, организацию, предназначенную для преподавания шаманских методов заинтересованным студентам и проведения семинаров по шаманизму для широкой публики. Майкл написал книгу под названием «Путь шамана», в которой он рассказал о различных методах работы шаманов со всех концов мира и адаптировал их для эмпирических семинаров и шаманских тренингов, адресованных представителям западной культуры.

Во время нашего месячного эсаленского семинара Майкл провел для нас целительное путешествие, использующее метод духовного каноэ, практикуемый индейцами салиш, живущих на северо-западе Америки. Он начинал сессию, стуча в барабан, и предлагал участникам двигаться и танцевать до тех пор, пока они не почувствуют отождествление с каким-либо животным. Для этого потребовалось не так уж много времени, и вскоре люди начали подкрадываться, ползать по полу и прыгать вокруг, изображая все виды карабкающихся, копающих, царапающих, плавающих и машущих крыльями движений. Главная комната в Большом доме Эсалена была наполнена различными узнаваемыми и неузнаваемыми голосами животных и птиц. Когда каждый из присутствующих установил связь с конкретным животным, Майкл попросил членов группы сесть на пол, создав воображаемое «духовное каноэ». Затем он спросил, есть ли в комнате человек, нуждающийся в исцелении, и Кристина вызвалась добровольцем. Майкл шагнул в «лодку», держа свой барабан, и сделал знак Кристине к нему присоединиться и лечь на пол.

Когда декорации для целительного путешествия были готовы, Майкл попросил нас вообразить, что мы — экипаж, состоящий из животных, предпринимая путешествие в подземный мир, чтобы отыскать животное — духа-защитника Кристины. Майкл выбрал для этого воображаемого путешествия систему взаимосвязанных подземных пещер, заполненных горячей водой, которая, как утверждают, тянется под большей частью Калифорнии. Вход в эту систему найти очень просто, поскольку она питает эсаленские горячие источники. Как капитан лодки, Майкл отбивал ритм для гребцов на своем барабане. Во время путешествия он наблюдал за появлением животных-духов. Когда конкретное животное появлялось в третий раз, он понимал, что именно это животное он искал. В этот момент Майкл хватал животное и быстрой барабанной дробью сообщал гребцам, что настало время для поспешного возвращения.

До этого мы уже несколько раз выполняли это упражнение и, когда делали это впервые, не ждали от него ничего особенного. Это было похоже на невинную шутку — прекрасная идея для детской игры, но довольно глупое занятие для взрослых, зрелых людей, но то, что произошло, заставило нас изменить свое мнение. Среди нас была молодая женщина, которая вела себя так, что у всей группы возникали в связи с этим неприятные ощущения. Ее это очень расстраивало, поскольку подобное происходило с ней всякий раз, стоило ей оказаться в каком-либо коллективе, и поэтому она вызвалась добровольцем для проведения целительного путешествия.

Когда воображаемая лодка плыла по «подземному» миру, ее реакция была очень сильной, особенно в тот момент, когда Майкл определил и схватил ее духа. Когда Майкл подавал сигнал к

возвращению, ускоряя дробь своего барабана, она внезапно села и ее стошнило. Пытаясь удержать то, что рвалось наружу, она подняла переднюю часть своей рубашки и заполнила ее до краев. Этот эпизод, длившийся не более двадцати пяти минут, имел очень глубокое воздействие на ее личность. Ее поведение изменилось настолько сильно, что еще до конца этого семинара она стала одной из самых любимых и популярных членов группы. Этот эпизод и другие, подобные ему, заставили нас относиться к такому путешествию намного серьезнее.

Майкл принялся бить в барабан, и путешествие в подземный мир началось. Мы гребли и издавали звуки, характерные для тех животных, с которыми мы себя идентифицировали. Тело Кристины сотрясалось в сильных конвульсиях, что само по себе не было делом таким уж необычным, поскольку в то время она находилась примерно на полпути к пробуждению энергии кундалини, во время которого, с учетом могучих потоков энергии, подобные конвульсии бывают нередки. Примерно через десять минут Майкл резко увеличил ритм барабанной дроби, давая нам знать, что поймал животное Кристины. Все стали грести намного быстрее, представляя себе быстрое возвращение в срединный мир.

Майкл перестал бить в барабан, знаменуя окончание путешествия. Он отложил барабан в сторону, прижал свой рот к груди Кристины и подул во всю силу своих легких, издав громкий звук. Затем он шепнул ей на ухо: «Ваше животное — белый лебедь». Затем он попросил ее станцевать перед группой танец, выражающий ее лебединую сущность. Важно упомянуть, что Майкл ничего не знал о процессе пробуждения энергии кундалини у Кристины и о том, что белый лебедь фигурировал в переживаниях предыдущего дня. Он также ничего не знал о том, что белый лебедь был очень важным для Кристины символом.

История продолжилась на следующее утро, когда Кристина и я отправились к нашему почтовому ящику, чтобы забрать почту. Кристина получила письмо от человека, который участвовал в семинаре, проводимом нами несколько месяцев тому назад. В письме была фотография духовного учителя Кристины, Свами Муктананды, которую, как думал этот человек, Кристина была бы не прочь иметь. С озорной улыбкой на лице, Муктананда сидел на садовых качелях, рядом с большой вазой в виде белого лебедя. Указательный палец его левой руки указывал на лебедя, а кончики указательного и большого пальцев правой руки соединялись, образуя всем известный жест, свидетельствующий о том, что все хорошо, и о прекрасном настроении человека.

Хотя прямой связи между глубинными переживаниями Кристины, выбором Майклом белого лебедя в качестве ее животного силы и фотографией Муктананды не было, они явно формировали содержательную психологическую модель, отвечающую критериям синхронии, или «некаузального связующего принципа», по определению Карла Густава Юнга.

СОЗДАНИЕ «МОЗГОВОГО ШТУРМА»

Наши приключения в Голливуде

В 1981 году Кристина и я познакомились с Дагом Трамбуллом, одним из лучших специалистов по спецэффектам, который сотрудничал со Стенли Кубриком при создании фильма «Космическая одиссея 2001» и занимался спецэффектами к фильмам «Штамм Андромеда», «Молчаливое бегство», «Бегущий по лезвию бритвы» и «Близкие контакты третьего рода». Даг ставил в «Метро-Голдвин-Майер» научно-фантастический фильм под названием «Мозговой штурм». Сюжет фильма заключался в том, что дуэт ученых, компьютерный гений Майкл Брейс и исследователь головного мозга Лиллиан Рейнольде разработали шлем, который мог записывать и передавать переживания человека.

Устройство позволяло подключаться к психике других людей, записывать и проигрывать то, что они видели, чувствовали и думали. В то время как Майкл Брейс использовал изобретение для того, чтобы вернуть отдалившуюся от него жену Карен, другие люди использовали его для куда более сомнительных целей — удовлетворения своих сексуальных, коммерческих и военных потребностей. Интересен поворот сюжета, когда Лиллиан, которая много работает, курит сигарету за сигаретой и пьет много кофе, задерживается допоздна в лаборатории, и у нее случается сердечный приступ. Скрупулезный ученый до мозга костей, она решает записать происходящее и надевает шлем незадолго до своей смерти.

Оставшуюся часть фильма сюжет крутится вокруг того, что машина записала ее ощущения в момент смерти. Даг хотел показать это зрителю, не только наилучшим образом задействовав доступные в то время спецэффекты, но также использовать научную информацию о смерти и умирании, накопленную современными исследователями головного мозга. Он слышал о том, что мы создали слайд-шоу, представляющее опыт смерти и возрождения под названием «Внутреннее путешествие», основанное на клинических наблюдениях психоделической терапии. Он связался с нами и предложил присоединиться к его команде в качестве специалистов-консультантов по изображению визионерского опыта в кино. Мы были очень взволнованы, поскольку «Мозговой штурм» был потрясающей темой, да и актерский состав потрясающий — в фильме снимались: Натали Вуд, Кристофер Уокен, Луиза Флетчер и Клиф Робертсон. Продюсером фильма Джон Формэн, известный по таким фильмам, как «Первое большое ограбление поезда», «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид». Приглашение давало нам шанс провести некоторое время в Голливуде и понаблюдать за тем, как создается кино.

Актеры и съемочная группа присутствовали на особой презентации с показом слайдов, которую я провел для них по новой картографии психики, возникшей в результате изучения необычных состояний сознания. Большинство того, что было изображено на слайдах, происходило на сеансах психоделической терапии, но частью материала мы были обязаны участникам наших семинаров и тренингов по холотропному дыханию. Когда Даг Трамбулл и Джон Формэн узнали о том, что мы разработали ненаркологическую технику, позволяющую вызывать необычные состояния сознания, они спросили, не можем ли мы провести через этот опыт и их команду. Поскольку центральной темой «Мозгового штурма» был опыт переживания необычных состояний сознания, это давало уникальную возможность каждому, кто имел отношение к фильму, намного лучше познакомиться с предметом.

Пятнадцать человек из съемочной группы «Мозгового штурма» присоединились к нашему эсаленскому пятидневному семинару и приняли участие в сессиях холотропного дыхания.

Это было особенно интересно для Натали Вуд, так как несколько лет тому назад она снималась в фильме «Боб и Кэрл, Тед и Элис», местом действия которого был институт типа

Эсалена и подобных ему центров развития возможностей человека, а теперь могла увидеть его своими глазами. Эсаленский опыт соответствовал ее ожиданиям: когда она была сиделкой на одной из сессий, один из участников, мексиканский ученый-практик, разделся догола и оставался в таком виде до конца сессии. Это не было таким уж из рода вон выходящим событием для Эсалена, известного своим открытым бассейном и тем, что в его горячих источниках люди купаются совершенно обнаженными, но для наших голливудских друзей этот опыт был явно чем-то необычным.

Однажды, во время ланча с Натали, я убедился, что она вовсе не является новичком в этой области — по крайней мере, в том, что касается необычных состояний сознания. Внезапно она спросила: «Стен, тебе знаком наркотик под названием «кеталар»?» Кеталар или кетамин являлся мощным анестетиком, обладавшим воздействием, сильно отличающимся от других веществ, использующихся для анестезии. Его называли «диссоциативным анестетиком», поскольку те пациенты, которым его назначали, не теряли сознания, но их сознание настолько абстрагировалось от тела, что они не осознавали, что с этим телом происходит. В то время когда их оперировали, они переживали фантастические приключения в других сферах реальности: становились другими людьми, иными формами жизни и даже неорганическими объектами, встречались с различными архетипическими фигурами и невоплощенными существами, посещали иные вселенные и испытывали глубокие мистические переживания.

Выяснилось, что, когда Натали делали кесарево сечение, ей ввели внутривенно слишком большую дозу кетамина. Наркотик дали без всяких психологических объяснений, подготовки или предупреждений, что в то время было обычной практикой для хирургов. В общем, хирурги многих стран перестали использовать кетамин из-за того, что они называли «синдромом критической ситуации», странных видений, о которых рассказывали пациенты после анестезии. Другие ограничивали его использование детьми и стариками, с которыми в этом отношении возникает меньше проблем, к тому же кетамин по-прежнему широко применяется ветеринарами.

Натали получила сильные переживания, среди которых было и очень реалистичное ощущение, что она покидала Солнечную систему и посещала внеземные миры и цивилизации. Это экстравагантное путешествие в глубины сознания было ужасающим, подавляющим и сбивающим с толку. Поскольку Натали поинтересовалась, не является ли ее странная реакция на это вещество свидетельством латентного психического заболевания, я объяснил ей, что подобные фантастические переживания являются абсолютно нормальными при приеме кетамина.

Голливудская съемочная группа уехала из Эсалена в полном восторге от пережитого и исполненной энтузиазма по поводу съемок «Мозгового штурма». У нас появилась возможность провести с ними несколько дней на месте съемок в Рейли, Северная Калифорния, где они нашли здания, идеально подходящие на роль исследовательского института будущего и дом Майкла Брейса и его жены, которых играли Натали Вуд и Крис Уокен. Когда мы жили в Рейли, мы провели сессию холотропного дыхания для Криса Уокена, который не смог приехать в Эсален вместе с другими членами группы.

Согласно первоначальной договоренности, Натали хотела присутствовать там как его сиделка — эта ситуация напоминала финальную сцену из «Мозгового штурма», где она присутствует при том, как персонаж Криса Уокена проигрывает последнюю часть записи смерти Лиллиан. Однако вскоре после начала сессии Натали захотела присоединиться к Крису и попробовать сама. В то время как большая часть группы в Эсалене занималась холотропным дыханием, Натали предпочла работу сиделки и наблюдателя. Причины подобного решения были вполне понятны, учитывая известность актрисы и то, что тогда на семинаре присутствовало

множество народу. Однако Натали сожалела, что упустила такую благоприятную возможность, и теперь ей хотелось компенсировать эту неудачу. Натали сочла сессию очень полезной; ее переживания были связаны со смертью отца, и Натали почувствовала, что наконец нашла способ примириться с этой очень болезненной частью своего прошлого.

Когда съемки переместились на Западное побережье, мы присоединились к ним в голливудской студии, наблюдая за репетициями сцен, процессом съемки и ежедневными просмотрами отснятой пленки. Тогда нам выдалась возможность провести некоторое время с Натали в трейлере, где она отдыхала между съемками. Она также представила нас своему мужу Р. Дж. (Вагнеру), который заглянул на съемки. Наша беседа тогда вертелась вокруг темы, которая, если оглянуться назад, кажется зловещей и предвещающей беду, особенно в свете тех трагических событий, которые за этим последовали.

Кристина обратила внимание на фотографию, висевшую на одной из стенок трейлера, — фотографию прекрасной яхты, принадлежавшей Натали и ее мужу. Они очень любили эту яхту и часто ею пользовались. Кристина в детстве тоже много времени проводила под парусами — у ее отчима была парусная лодка и ее семья проводила много времени в плаваниях вокруг Гавайских островов. Гавайи также были любимым местом отдыха для Натали и ее мужа, и они знали многих людей, которые были друзьями ее отчима и играли очень важную роль в ее детской жизни. Мы выслушали множество историй о яхте стоимостью 250 тысяч долларов, ее великолепном убранстве, установках для опреснения воды и различных круизах.

К нашему величайшему разочарованию, мы не смогли остаться в Голливуде до завершения съемок. Позднее члены съемочной группы «Мозгового штурма» рассказали нам о том драматическом финале, который они пережили накануне Дня благодарения. Весь день ушел на репетиции и съемки очень сильной сцены, в которой персонаж Луизы Флетчер — Лиллиан Рейнольде получает сердечный приступ и умирает в своей лаборатории. Луиза играла великолепно, и ее игра произвела глубокое впечатление на остальных членов группы. Наблюдение за агонией Лиллиан в течение многих часов было неодолимым напоминанием об их собственной недолговечности и смертности, поэтому к концу дня все были в мрачном и угрюмом настроении.

Когда сиена смерти Лиллиан была наконец, к всеобщему облегчению, закончена, было принято очень важное решение. К этому времени основная часть фильма была снята — оставались только три сцены, и группа оказалась перед выбором. Первый вариант — воспользоваться преимуществом долгих выходных на День благодарения и закончить эти три сцены основной съемки. В этом случае производство фильма могло перейти на стадию редактирования существующего метража и работы со спецэффектами, той самой части, которая нас больше всего интересовала и в которой мы должны были участвовать. Второй вариант — прервать съемку, разойтись на выходные и закончить все на следующей неделе. Мнения разделились, и члены группы никак не могли прийти к соглашению. В конце концов они решили провести голосование, и та часть группы, что голосовала за перерыв в съемках на выходные, победила с перевесом в один голос. Это решение оказалось несчастливym для фильма в целом и лично для Натали.

Натали и ее муж собирались провести выходные на своей яхте около острова Каталина, и она пригласила Криса Уокена присоединиться к ним. Только ее муж, Крис и, возможно, капитан яхты, знают, что на самом деле произошло на судне. Ходили слухи о том, что они сильно напились, о флирте, вспышке ревности и драке. Известно лишь то, что в какой-то момент, оставив мужчин одних, Натали взяла ялик и попыталась добраться до острова Каталина, чтобы провести там остаток ночи. Она так никогда и не добралась до берега; поскольку ее координата была ослаблена высокой концентрацией алкоголя в крови, и, возможно, она

выпала из ялика и утонула — на следующий день ее тело было найдено в океане. Газеты опубликовали фотографию мужчины, выносящего ее на руках из воды; эта фотография имела мрачное сходство со сценой из фильма «Глаза Лоры Марс».

Смерть Натали потрясла ее семью, друзей, знакомых и поклонников. Ее трагическая гибель также пагубно сказалась на «Мозговом штурме». Три сцены из основной съемки, в которых должна была играть Натали, остались незаконченными, и чиновники МГМ сочли это поцелуем смерти для фильма. Они решили отправить фильм на свалку и взыскать пятнадцать миллионов долларов с лондонской страховой компании «Ллойде», в которой был застрахован этот фильм. Даг Трамбулл был в отчаянии и пытался спасти «Мозговую штурм» любой ценой. Он обещал «Ллойде», что найдет способ закончить картину, если компания заплатит три миллиона долларов, на что она согласилась.

Фильм был закончен, но сильно потерял в качестве. Дагу не удалось закрыть бреши, вызванные потерей этих сцен, и создать связный рассказ. Внимательные зрители без труда замечали логические нестыковки, но самым страшным было то, что кризис, вызванный трагической смертью Натали, оказал самое пагубное влияние на спецэффекты и последовательность образов, над которой мы работали, — после всего, что случилось, средств для того, что планировали сделать мы с Дагом, было явно недостаточно.

Проект съемки этого фильма была захватывающей попыткой использовать лучшие из доступных в то время спецэффектов и показать опыт умирания таким образом, каким его отражают наши научные знания. К сожалению, эта попытка закончилась трагически, и, вместо того чтобы быть художественно представленной в символическом ключе, смерть вторглась в реальность и разрушила проект. Съемки «Мозгового штурма» стали невероятным опытом; они оставили нам страстное желание снова, и на этот раз более успешно, попытаться вывести на большой экран переживания в измененном состоянии сознания.

Фантастический прогресс в области спецэффектов, принесенный цифровыми технологиями, открыл перед нами новые возможности в этой области, о которых мы не смели и мечтать. Я убежден, что сочетание прекрасных современных наработок в области создания образов с теми знаниями, которые накоплены трансперсональной психологией и исследованиями в области сознания, сделает возможным не только изображение духовных переживаний, но и пробуждение их в зрителях.

ПУТЬ ПОТОКА

Встречи с президентом Вацлавом Гавелом

Одной из наиболее примечательных возможностей глубокой эмпирической работы, использующей необычные состояния сознания, является ее воздействие на наш образ жизни и на ту стратегию, которую мы применяем по отношению к нашим проектам и к трудностям, встречающимся на нашем пути. Модель, предлагаемая в этих случаях в технологическом обществе, — определить цель, которой мы хотим достичь, и преследовать ее со сфокусированной энергией и непоколебимой решительностью. Эта стратегия также включает определение и устранение препятствий, которые встречаются на пути, и борьбу с возможными врагами. Жизнь человека, следующего этому рецепту, напоминает матч по борьбе или боксу.

Я работал с множеством людей; способных получить прозрение о тех психологических силах, которые лежат в основе данной стратегии, и выйти за ее пределы. Они выяснили, что их подход к бытию отражает тот факт, что мы не преодолели отпечаток, который оставила травма нашего рождения в нашей психике, и то, что мы разделены и отвернулись от духовной сферы. Наше стремление к внешним достижениям является проекцией более глубокого и куда более фундаментального стремления к психологически полному процессу рождения и созданию духовной связи. Это не конец нашего стремления к внешним завоеваниям, поскольку мы не можем получить достаточно того, что на самом деле не хотим и в чем не нуждаемся.

Для тех людей, кто достиг этого прозрения, жизнь, управляемая преследованием материальных целей, выглядит как «бег белки в колесе» или, проще говоря, тип существования, не приносящий и не могущий приносить удовлетворения. С учетом этой новой перспективы подобная жизненная стратегия является неуспешной, даже если мы достигаем поставленных целей. Ответственное и глубокое самопознание может помочь нам справиться с травмой рождения и установить с ней глубокую духовную связь. Это двигает нас в направлении, которое даосские духовные учителя называют «у вей», или «творческий покой», которое не является действием, подразумевающим приложение целенаправленных усилий, а позволяет творить посредством самого существования. Это состояние иногда называется «путь потока», поскольку оно имитирует тот путь, которому следует вода в природе.

Вместо сосредоточения на предопределенной фиксированной цели, мы пытаемся почувствовать, как именно все происходит и как мы можем наилучшим образом соответствовать этому. Эта стратегия используется в боевых искусствах и серфинге, и подразумевает сосредоточенность скорее на процессе, а не на цели или результате. Когда мы сможем использовать подобный подход к жизни, мы, в конце концов, достигаем все большего и большего с меньшим трудом. К тому же наша деятельность становится не столь эгоцентричной, единоличной и ориентированной на соперничество, как в том случае, когда мы преследуем свои личные цели, увеличивая свой охват и синергию. Ее результат не только приносит нам удовлетворение, но служит более значительным целям — целям общества.

Я также неоднократно наблюдал и испытал на собственном опыте, что, когда мы действуем в этом даосском формате, часто случаются невероятно благоприятные стечения обстоятельств и совпадения, поддерживающие наш проект и помогающие нам работать. Мы «случайно» находим информацию, которая нам необходима, нужные люди появляются в нужное время и даже необходимые средства становятся доступными. Появление подобных благоприятных совпадений настолько невероятно и всепроникающе, что мы с Кристиной научились использовать их в качестве своеобразного компаса для нашей деятельности, как важный критерий того, что мы «на правильном пути».

Я хотел бы проиллюстрировать это примером из нашей собственной жизни, который связан с той работой, которую мы с Кристиной сделали для международного трансперсонального движения. В 1977 году я основал Международную трансперсональную ассоциацию — организацию, призванную перекинуть мост через пропасть, лежащую между современной наукой и духовной картиной мира, между западным прагматизмом и древней мудростью. Ассоциация была создана для того, чтобы стимулировать и поощрять любые серьезные попытки сформулировать всеобъемлющее и целостное понимание космоса и природы человека.

Поскольку конечной целью деятельности трансперсональной ассоциации было создание глобальной сети взаимопонимания и сотрудничества, нам очень не хватало участников конференций из стран, отгороженных «железным занавесом», которым в то время не разрешалось выезжать за границу, и они не имели достаточно средств, чтобы к нам присоединиться. Когда ситуация в Советском Союзе изменилась и Михаил Горбачев провозгласил эру гласности и «перестройку», нам показалось справедливым и правильным, чтобы следующая конференция Трансперсональной ассоциации прошла в России. Когда Кристина и я получили официальное приглашение приехать в Москву в качестве гостей министра здравоохранения СССР, мы воспользовались этим визитом, чтобы исследовать возможности проведения подобной конференции в России. Мы действительно очень старались, но безуспешно; ситуация выглядела слишком нестабильной и изменчивой.

В ноябре 1989 года, когда я проводил тренинг по холотропному дыханию за пределами Калифорнии, мне позвонила Кристина и спросила, знаю ли я, что происходит в моей родной стране. Наш тренинг был очень интенсивным и включал три сессии в день. Мы так глубоко погрузились в процесс, что никто из нас не включал телевизор и не следил за новостями. Кристина сообщила мне, что в Праге идет «бархатная революция» и, вполне вероятно, Власть коммунистов в Чехословакии, скорее всего, падет. «Мы сможем провести следующую конференцию Трансперсональной ассоциации в Праге». Несколько недель спустя Чехословакия стала свободной страной, и руководство Трансперсональной ассоциации приняло решение провести следующую встречу в Чехословакии.

Поскольку я родился в Праге, показалось вполне логичным отправить меня искать место для проведения конференции и подготовить почву для нее. Однако, как оказалось, те годы, что я провел в родной стране, не сыграли ожидаемой роли. Я покинул Чехословакию во времена движения за либерализацию, нацеленного на создание «социализма с человеческим лицом». В 1968 году, когда Советская армия жестоко подавила «Пражскую весну», я работал в США, в Университете Джона Хопкинса в Балтиморе, на медицинском факультете. После вторжения чешские власти потребовали, чтобы я немедленно вернулся, но я решил не подчиняться этому требованию и остаться в США.

В результате я более двадцати лет был лишен возможности посетить родину. В течение этих лет я не мог открыто поддерживать связь со своими друзьями и коллегами в Чехословакии. Писать письма или звонить мне было бы для них опасно с политической точки зрения, поскольку мое пребывание в США считалось незаконным. Из-за своего долгого отсутствия я потерял контакт со всеми, кроме самых близких родственников, не имел понятия о ситуации в стране и ни малейшего представления о том, с чего следует начать.

Моя мать встретила меня в пражском аэропорту, и мы на такси поехали к ней домой. После того как мы провели некоторое время вместе и заново познакомились друг с другом, она пошла к Василию, и он включил в свою книгу обширный обзор моей работы с психоделиками и обсуждал ее во время своей лекции в Праге.

После лекции Василия пражская группа захотела заполучить меня в качестве приезжающего лектора. Иван Гавел знал, что мы с Томашем являемся старыми друзьями, и

позвонил ему, чтобы поинтересоваться, не может ли Иван дать ему мой телефон или адрес и быть посредником между мной и пражской группой. К его величайшему удивлению, Томаш ответил, что я приехал в Прагу, и он как раз собирался выйти из дома, для того чтобы нанести мне визит. Подобное невероятное стечение обстоятельств казалось достаточным доказательством того, что мы скорее «идем в потоке», чем «гребем против течения». Воодушевленные подобным развитием событий, мы с Кристиной решили продолжать проект.

Это впечатляющее стечение обстоятельств сильно облегчило мою задачу по организации конференции Трансперсональной ассоциации. Мне потребовалось всего десять минут в неизвестных обстоятельствах, чтобы найти идеальные контакты и поддержку для будущей конференции — группу очень компетентных ученых, связанных с университетской системой, которые были жизненно заинтересованы в теме планируемой конференции. Я также нашел доступ к главе государства, который, похоже, оказался просветленным и духовно ориентированным политиком, открытым трансперсональной перспективе. Конференция была проведена в 1992 году в пражском Концертном зале имени Сметаны и пражской мэрии при содействии президента Вацлава Гавела.

Президент Гавел был идеальным почетным гостем для Трансперсональной ассоциации. Он не был заурядным политиком, но кем-то, кого намного чаще называли главой государства широкой духовности, основанной на глобальном видении. Хорошо известный драматург, он стал президентом вовсе не в результате многолетней политической борьбы, но крайне неохотно воспринял выдвижение, отвечая на настойчивые мольбы чешского народа. Он практически вошел в Пражский замок прямо из коммунистической тюрьмы. Одним из первых его действий сразу после инаугурации было признание его святейшества Далай-ламы в качестве главы Тибета и приглашение его в Прагу. Он также предпринял серьезные шаги, для того чтобы сократить производство оружия в Чехословакии. Куда бы он ни ехал, он везде поражал аудиторию своими красноречивыми призывами к демократии, основанной на духовных ценностях и глобальной солидарности.

К несчастью, начало конференции совпало с глубоким кризисом, угрожавшим будущему Чехословакии. Восточная часть страны, Словакия, решила отделиться от двух западных, Богемии и Моравии. В тот день, когда открывалась конференция, проходило экстренное заседание чехословацкого правительства, посвященное разрешению кризиса, которое продолжалось до трех часов утра. Президент Гавел, который должен был открывать конференцию и приветствовать гостей, не смог прийти и прислал человека с личным посланием. Несмотря на это осложнение, конференция Трансперсональной ассоциации, на которой впервые присутствовали наши коллеги из Восточной Европы, оказалась весьма успешной. Она стала одним из самых часто вспоминаемых событий за всю историю ассоциации.

Наше разочарование тем, что президент Гавел не смог присутствовать на конференции, было компенсировано тем, что мы смогли встретиться с ним наедине. Во время нашего следующего визита в Прагу он пригласил нас на личную аудиенцию в Пражском Граде. Президент проявил живейший интерес к трансперсональной психологии, ее истории и основным представителям этого направления. Его восхитила идея синтеза современного научного видения мира и духовного мировосприятия. Он охотно обсуждал включение трансперсонального мышления в политику и экономику. Для меня и Кристины эти два с половиной часа, которые мы провели в его обществе, стали незабываемым событием.

Наше общение с Вацлавом Гавелом продолжилось в сентябре 1994 года, когда мы проводили тренинг по холотропному дыханию в Покет Ранч, Джейсервилль, Калифорния. Рано утром мне позвонил Михал Зантовски, посол Чехии в США, который передал для меня весточку из Праги. Президент Гавел ехал в Калифорнию, чтобы получить премию Джексона Х. Ральстона

от Стенфордского юридического института, и просил у меня разрешения сослаться в своей речи на мою книгу «Холотропное сознание», которую он только что прочел. Он также пригласил нас в качестве гостей на прием, даваемый в его честь главой Стенфордского университета, который был запланирован после его речи в Фрост-Амфитеатр. Я был очень тронут и не мог поверить, что президент Гавел спрашивает моего разрешения на то, что я счел большой честью для меня.

Желая побольше узнать о трансперсональной психологии, Вацлав Гавел потребовал, чтобы мы с Кристиной сидели за его столом, возможно, вызвав этим недовольство организаторов, поскольку места за этим столом предназначались для университетской элиты и главных спонсоров. После приема президент Гавел захотел ознакомиться с ночной жизнью Сан-Франциско, и особенно — послушать авангардную музыку, которая была его любимым хобби. В нашей небольшой компании были посол Чехии Михал Зантовски, певица Джоан Баэс Джейн Александер, председатель Национального фонда искусств. Мы закончили вечер в «Слимс» — одном из лучших ночных клубов страны, расположенном в самом центре Сан-Франциско.

Открытый в 1988 году легендарным музыкантом ритм-энд-блюза Бозом Скаггзом, «Слимс» предлагал широкий спектр лучшей американской музыки — блюз, ритм-энд-блюз, кахун, зидеко, джаз и все остальное. Вход охранял высокий крепкий человек в черном кожаном жилете, с татуировками на обеих руках и «дреддами» на голове. Закрывая вход своим огромным телом, он удивленно смотрел на нас — он явно не привык к посетителям, одетым таким образом. После приема в особняке ректора мы не стали переодеваться и потому выглядели просто потрясающе, но когда охранник узнал Джоан Баэс, он улыбнулся и сделал шаг в сторону, пропуская нас в клуб.

Когда персонал кафе и музыканты поняли, что их новый гость — это Вацлав Гавел, они стали обращаться с ним, как с самым дорогим гостем и усадили за лучший столик. Мы провели в «Слимс» около двух часов, слушая музыку и невероятные истории, которые рассказывал Вацлав Гавел. Джоан Баэс и Гавел вспоминали о концерте Джоан в столице Словакии, Братиславе, прошедшем еще тогда, когда в Чехословакии правили коммунисты. По этому случаю Джоан Баэс пригласила Гавела и нескольких его друзей-диссидентов подняться к ней на сцену. Они вызвали такую бурю аплодисментов у публики, что концерт превратился в антикоммунистическую демонстрацию, и чешское телевидение прекратило его трансляцию.

Вацлав Гавел был не прочь выпить, и вскоре стал очень раскованным. Он поделился с нами несколькими веселыми историями о том, как он начинал свою карьеру президента Чехословакии, когда он и его друзья, которых он пригласил войти в состав правительства, вынуждены были принимать важные политические решения, будучи довольно слабо подкованы политически. Но больше всего нам понравилась история о его визите в Кремль и встрече с Михаилом Горбачевым.

Будучи известным противником коммунизма, проведшим немало время в тюрьме в те времена, когда Чехословакия еще контролировалась Советским Союзом, Вацлав Гавел захотел сделать что-то, что было бы воспринято Горбачевым как дружеский жест. Гавел вспомнил об очень красивой резной трубке, подаренной ему американскими индейцами, которые нанесли ему визит некоторое время тому назад. Подарить ее Горбачеву было бы прекрасным символическим жестом. Хотя ему не хотелось расставаться с таким прекрасным произведением искусства, он решил взять трубку с собой в Россию.

Он прибыл в Кремль, чувствуя некоторую неловкость и даже легкое чувство страха по поводу того, что находится в бастионе своего давнего противника. Ходило множество слухов о том, с какой готовностью и умением кремлевские правители избавлялись от своих врагов. Известная чешская шутка описывала процедуру, применявшуюся к коммунистическим лидерам, которые попадали в немилость или переставали быть полезными системе. Процедура

называлась «крымские купальни» или «крымские бани» и состояла в погружении клиента в ванну с крымской минералкой — два погружения и только одно всплытие.

Но встреча с Горбачевым прошла неожиданно хорошо, и мрачные предчувствия оказались напрасными: они вполне по-дружески обсудили различные вопросы, касавшиеся обеих стран. Когда беседа подошла к концу, Гавел достал большую церемониальную «трубку мира» и передал ее Горбачеву, объяснив, что это такое. К его огромному удивлению, Горбачев отказался принять подарок. «Спасибо, но я не курю», — вежливо ответил он, полностью сведя на нет значение этого жеста примирения.

Эта история, рассказанная в неподражаемой манере Вацлава Гавела, всплывала каждый раз, когда мы с Кристиной вспоминали о невероятном совпадении и последующей цепи событий, которая привела этого примечательного человека в нашу жизнь.

ПОД ЗАКЛЯТЫЕМ САТУРНА

Смерть моей матери

Расписание моих лекций, семинаров и тренингов в самых разных частях мира обычно составлялось в сотрудничестве с отдельными людьми или организациями, которые принимали и организовывали эти мероприятия. В большинстве случаев я не имел ни малейшего отношения к выбору их тем, за исключением предоставления списка названий моих возможных презентаций с их кратким изложением. Именно так было создано и расписание моего европейского тура осенью 1992 года. Следует упомянуть о том, что расписание и маршрут для моего лекционного тура обычно составляется за год или даже полтора до самой поездки.

Мое европейское турне началось с шестидневного тренировочного модуля по холотропному дыханию и трансперсональной психологии в Финдхорне, Шотландия. Тема этого модуля была предложена Кэри Спаркс, директором программы по холотропному дыханию — «Смерть и умирание: психологические, философские и духовные перспективы». Причиной выбора подобной темы был в первую очередь тот факт, что модуль с подобной темой был в списке модулей по выбору для наших тренингов и некоторое время не проводился.

Я собирался посмотреть в Англии кое-какие достопримечательности после окончания модуля, а затем ехать в Германию — проводить воскресный семинар в Мюнхене. Семинар в Германии был организован Бригиттой Асхауэр, нашим другом и сертифицированным ведущим холотропного дыхания. Темой для этого семинара она выбрала название одной из моих книг «Человек перед лицом смерти». Эта тема очень ее интересовала и, как она думала, должна быть интересна немецкой аудитории.

Случилось так, что Европейская ассоциация гуманистической психологии запланировала свою ежегодную встречу на неделю, следующую за моим мюнхенским семинаром, и местом ее проведения был Гармиш-Партенкирхен, город, расположенный недалеко от Мюнхена. Организаторы узнали, что во время встречи я буду в тех краях, и попросили меня приехать в Гармиш-Партенкирхен в понедельник и прочитать на конференции лекцию и провести семинар. Я согласился приехать и спросил, какую тему, по их мнению, мне следует затронуть. «Вы проводили терапию с использованием психоделиков у пациентов в последних стадиях рака, а среди участников нашей конференции много врачей. Будет здорово, если вы остановитесь именно на этой теме», — ответили они.

Когда тур уже начался, несколько неожиданное развитие событий сильно изменило мои первоначальные планы. Когда я был в Финдхорне, мне позвонила Джилл Перс, редактор выходящей в издательстве Thames and Hudson серии книг духовной направленности под названием «Искусство и воображение» (в мягких обложках, но довольно высокого уровня). Когда-то давно мы с Кристиной внесли свой вклад в эту серию книгой под названием «За пределами смерти: врата сознания». В то время я работал над еще одной книгой для подобной серии под названием «Книги Мертвых: Руководство по жизни и смерти». Это была работа по изучению древних трактатов о смерти и умирании: тибетской «Книги Мертвых» («Бардо тодрол»), египетской «Перт Эм Хру», ацтекской «Кодекс Борджиа», «Керамического кодекса» майя и европейской «Искусства умирания». Джилл сказала мне, сроки поджимают и на то, чтобы закончить книгу, у меня есть всего несколько дней. Она заставила меня отложить запланированный осмотр достопримечательностей и немедленно прибыть в Лондон, что я и сделал.

Следующие пять дней я провел в маленьком офисе Thames and Hudson, работая с раннего утра и до поздней ночи, дописывая свою будущую книгу, komponуя иллюстрации и

соответствующие им заголовки. Все это время я провел в окружении эсхатологической мифологии — гневные божества Тибета, египетские стражи врат подземного мира, мезоамериканские боги смерти и прочий хтонический зверинец, сцены суда над мертвыми, ангелы и демоны, сражающиеся за душу умершего. Я закончил работу как раз вовремя, чтобы успеть на свой авиарейс в Мюнхен.

В результате этого неожиданного изменения планов я провел почти две недели полностью погруженным в тему смерти — шесть дней длился один из модулей тренинга в Финдхорне, пять дней работа над «Книгами Мертвых» в Лондоне и еще два дня — семинар в Мюнхене. Когда я лежал в постели у себя в номере после окончания мюнхенского семинара и наслаждался заслуженным отдыхом, собираясь хорошо выспаться перед тем как отправиться на конференцию в Гармиш-Партенкирхене, зазвонил телефон, и этот звонок внес еще один неожиданный элемент в мое путешествие по Европе.

Мне звонил секретарь моего брата Пола из его офиса в Королевской психиатрической больнице в Канаде. Он только что получил шокирующее известие из Чехословакии о том, что моя мать внезапно скончалась в своей квартире в Праге. Это было для нас полной неожиданностью, поскольку, несмотря на весьма почтенный возраст — 86 лет, — моя мать обладала прекрасным здоровьем. Как мы узнали позднее, за неделю до этого она прошла сессию холотропного дыхания, а в день своей смерти в 11:30 разговаривала по телефону со своими близкими друзьями, семейной парой, приглашая их на десерт. Когда они приехали к ней два часа спустя, мама была уже мертва.

Секретарь Пола дал мне номер телефона брата, который в это время был в гостинице в Берлине. Я должен был решить, стоит ли мне ехать в Гармиш-Партенкирхен; на конференции ожидалось более 700 участников, и мои лекция и семинар были одним из ключевых пунктов. После некоторого колебания мы с Полом решили, что я выполню свое обещание, в то время как Пол отправится в Прагу и сделает все необходимое для погребения. А я задержусь в Праге после похорон и тоже сделаю все, что требуется. Пол должен был уехать на следующий день после похорон, поскольку его ждали срочные дела в Канаде.

Я прочел свою лекцию и провел семинар по смерти и умиранию на конференции в Гармиш-Партенкирхене. В тот вечер не было прямого рейса из Мюнхена в Прагу, и я вынужден был воспользоваться ночным поездом. Я прибыл в Прагу утром, после ночи, проведенной в купе железнодорожного вагона и на такси добрался до кладбища. На заупокойной службе я мог в последний раз увидеть свою мать, перед тем как ее тело будет кремировано. Во второй половине дня прошли поминки, на которых присутствовали наши родственники, друзья и знакомые — мы делились воспоминаниями и рассказывали истории о моей матери.

Следующие четыре дня, с помощью Кристины, которая к тому времени прилетела из Калифорнии, я выполнял печальную обязанность, разбирая вещи матери и решая, что с ними делать. Это было для меня время воспоминаний и глубокой печали. Пережив войну, мама была совершенно не способна избавиться даже от тех вещей, которые стали бесполезны. Ее квартира была заполнена огромным количеством одежды, шляп, кошельков и сумочек, украшений и других свидетельств различных периодов ее жизни. Многие из них для меня имели свой особый запах и ассоциировались с какими-либо воспоминаниями, поэтому необходимость разбирать их была связана с большим количеством эмоциональных потерь, и я чувствовал, что закончилась целая эра.

Когда я позднее обсуждал с Полом эту невероятную цепочку совпадений, он добавил к этой и без того богатой мозаике еще один интересный фрагмент. Как я уже говорил выше, в тот момент, когда наша мать умерла, я находился в Мюнхене, а Пол — в Берлине. С тех самых пор, когда мы эмигрировали из Чехословакии, это был второй случай за 25 лет, когда мы оба, и

притом одновременно, находились в Европе. Случилось так, что в день смерти матери Пол представлял в Берлине данные о смертности маниакально-депрессивных пациентов, работу, за которую позднее его группа получит премию Американского общества суицидологии в Нью-Йорке.

Очень интересно было взглянуть на это стечение обстоятельств с астрологической точки зрения. Астрологи, несомненно, припишут большую часть произошедшего влиянию архетипа Сатурна, часто называемого Великим Злодеем. В своем негативном аспекте Сатурн представляет недолговечность, старение, смерть, конечность вещей, потери, скорбь и депрессию. Мифологически Сатурн являлся римским божеством, часто сравниваемым с греческим богом Кроносом, Отцом Времени и Мрачным Жнецом. Астрологи говорят об архетипических циклах Сатурна, которые делятся от двадцати девяти до тридцати лет — срок, необходимый Сатурну для полного оборота вокруг Солнца и возвращения в то место, где он находился в тот момент, когда мы родились. Время возвращения Сатурна обычно является временем глобального завершения.

До этого я дважды посещал Прагу во время своего второго возвращения Сатурна. Мой первый визит совпал с празднованием семидесятой годовщины создания Чехословакии (в 1918 году). Большая пешеходная зона (Na přikorech), прилегающая к известной Вацлавской площади, была расчерчена двумя рядами высоких цилиндрических колонн, оклеенных увеличенными газетными вырезками из разных периодов истории Чехословакии. Они располагались в хронологическом порядке, так что, проходя мимо и читая текст, я буквально просматривал и воскрешал в памяти наиболее значительные события своей жизни.

Причиной моего второго визита в июне 1992 года стала Международная трансперсональная конференция, проходившая под названием «Наука, духовность и глобальный кризис: движение к миру с будущим», на которой мы с Кристиной были координаторами программы. Это время было для меня моментом большого завершения. В 1960-х годах я начал свои независимые исследования в области психоделиков в Праге и вот теперь, тридцать лет спустя, я привез в Прагу трансперсональную психологию и холотропное дыхание, плоды многолетней работы. Три недели погружения в смерть, от начала тренинга в Финдхорне и до конца моего пребывания в Праге, казались неотъемлемой частью моего второго возвращения Сатурна и его завершения.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ БОГОВ

Дон Хосе Мацува и церемония призывания дождя индейцев уичоли

В наши первые годы жизни в Эсалене мы познакомились с Премом Дасом, молодым американцем из Сан-Хосе, который продавал в Эсалене артефакты индейцев племени уичоли из северной части центральной Мексики. Все они были созданы под влиянием видений, вызванных приемом пейота во время религиозных церемоний, и среди них были вышивки цветными нитями, изображавшие мифологические мотивы, резные деревянные животные и сосуды из выдолбленных и высушенных тыкв с затейливыми украшениями из бус, «Глаза богов» и молитвенные стрелы. Он также предлагал богато расшитые рубашки, брюки, платья, пояса и браслеты. В то время когда Прем Дас появился в Эсалене, он жил в Мексике, в деревне индейцев уичоли недалеко от Тепика, столицы штата Наярит, и был учеником дона Хосе Мацувы, выдающегося столетнего шамана.

Мы узнали, что духовная история Према Даса была очень интересна. Когда ему было одиннадцать лет, он принимал участие в экспериментах, проводимых лабораторией исследований гипноза Стенфордского университета. Руководил исследованиями Эрнест Р. Хилгард. Хотя намерением Хилгарда было всего лишь изучить воздействие гипноза на детей, во время одной из сессий Прем Дас испытал сильные мистические переживания, пробудившие в нем глубокий интерес к духовному поиску. Прежде чем ему исполнилось двадцать, он добрался до Индии и изучал агни-йогу у Харидас-Бабы, гуру, известного своим обетом молчания. Именно Харидас-Баба дал юноше имя Прем Дас.

После возвращения в США Прем Дас отправился в Мексику и, когда прибыл в Тепик, он увидел сотканную из цветных ниток картину — путешествие шамана, или мараакаме, в солнечное царство. Тропа шамана на картине была отмечена семью цветами и сильно напомнила Прему Дасу индийскую систему чакр. Зачарованный этим совпадением, Прем Дас решил выяснить, где сделана картина, — он был уверен, что люди, сделавшие эту картину, должны иметь систему верований, сходную с кундалини-йогой. Поиски привели Према Даса в деревню индейцев уичоли, где он нашел дона Хосе и был принят в ученики. Главным духовным проводником индейцев уичоли и главным инструментом обучения у дона Хосе был пейот, галлюциногенный кактус, именовавшийся у ботаников *Lophophora Williamsii* или *Anhalonium Lewinii*.

Прем Дас описал нам всю трагичность положения индейцев племени уичоли. Эти люди, потомки ацтеков, жили небольшими сообществами, разбросанными по каньонам и долинам труднопроходимых гор Сьерра-Мадре в штатах Халиско и Наярит. Они были земледельцами, выращивали зерно, бобы и перец чили на пологих склонах гор. Уичоли были представителями и хранителями древних доиспанских традиций своего далекого прошлого, которые они пытаются сохранить и защитить от различного внешнего влияния. Они называют себя «вишалика» («целители») и верят, что проведение соответствующих церемоний жизненно необходимо для исцеления Земли и поддержания естественного баланса в природе. Уичоли благополучно противостояли вторжению испанских конкистадоров и теперь стараются сохранить свою культуру, несмотря на все возрастающую агрессивность их соседей-мексиканцев.

В 1970-е годы мексиканское правительство, стремясь интегрировать все аборигенные народы в единое общество, открыло школы, клиники и сельскохозяйственные станции, чтобы познакомить уичолей с достижениями современной культуры. С тех самых пор небольшие

самолеты стали доставлять туристов и представителей власти в самые отдаленные районы Сьерра-Мадре. Фермеры жаждут заполучить высокогорные травяные плато, на которых живут уичоли, для того чтобы пасти там свои все увеличивающиеся стада скота. Христианские миссионеры и религиозные фанатики предприняли множество попыток обращения «язычников». Молодое поколение индейцев подвержено соблазнам потребительского общества, таким, как телевидение, радио, мотоциклы и алкогольные напитки.

Развитие мексиканского общества вступило также в серьезное противоречие с очень важным элементом ритуальной жизни уичолей. Свою главную святыню, пейот, они добывали в своем ежегодном паломничестве в Вирикуту («Страну Цветов»), их духовный дом, расположенный на западных склонах горной цепи Каторсе. Этот путь в 500 км длиной нужно проделать пешком, а те, кто отправляется туда в первый раз, идут еще и с завязанными глазами. Согласно истории, которой уже несколько тысяч лет, Вирикута — это земля, где были созданы уичоли и где их потомки, стоя на Серро-Кемадо, Обожженном Холме, стали свидетелями рождения Солнца; здесь также произошла первая охота на оленя.

Уичоли верят, что пейот вырастает там, куда ступает нога духа-оленя, Кауюмаре, и они собирают священный кактус, изображая охоту на оленя. Во время путешествия в Вирикуту они принимают пейот в ритуальных целях и собирают его в таком количестве, которого им хватает на весь год. Частное землевладение и система изгородей подрывают мистичность этого события, заставляя индейцев использовать для паломничества автомобили и современные дороги.

Последняя атака промышленной цивилизации особенно пагубно сказалась на деревне, в которой жил Прем Дас. С незапамятных времен основными продуктами, которые производили уичоли, были зерно и бобы, комбинация которых составляла прекрасно сбалансированную диету. Для того чтобы увеличить производство зерна, мексиканское правительство ввезло на земли индейцев гербициды, после чего на этой земле стало невозможно выращивать бобы, и это заставило уичолей покупать бобы на рынке. Но когда рыночные цены на бобы увеличились втрое, этот продукт стал для индейцев недоступен, и у лишенных привычной пищи детей начались проблемы со здоровьем.

Услышав об этом, мы решили, что поможем уичолям выжить и сохранить их культуру и духовную жизнь. С помощью Према Даса мы связались с их шаманами и мастерами, и этот контакт стал взаимовыгодным для обеих сторон. Прем Дас регулярно привозил из Мексики своего учителя дона Хосе и других шаманов в качестве гостей на наши месячные семинары. Они регулярно привозили большое количество великолепных произведений индейских мастеров, которые очень высоко ценились обитателями Эсалена, участниками семинаров и гостями. Этот обмен сильно обогатил нашу программу и дал достаточно средств для закупки необходимого количества бобов для индейцев.

Для нас же основной выгодой данного предприятия стала возможность встречи с доном Хосе, чтимым шаманом уичоли, или мараакаме, и провести с ним некоторое время. Во время его визитов в Биг Сур дон Хосе регулярно останавливался в нашем доме в качестве гостя. Он был одним из самых выдающихся духовных учителей и людей, каких я когда-либо знал. Когда мы впервые с ним встретились, дону Хосе было уже больше ста лет. У него была только одна рука — вторую он потерял еще мальчиком во время рыбалки, а неудачный удар мачете стоил ему двух пальцев на оставшейся руке. И, несмотря на это, он сам каждый год выращивал пять тонн зерна и полагал, что лучшая гарантия отменного здоровья и долголетия — это каждый день как следует попотеть. Его жизненная сила была поразительной: он ходил по горам с такой скоростью, что Прем Дас, молодой и физически развитый человек, еще не отпраздновавший свое тридцатилетие, с трудом за ним поспевал. Несмотря на свой возраст, он активно

интересовался сексом и постоянно уделял внимание женщинам, участвовавшим в наших семинарах.

Ночные церемонии, которые проводил дон Хосе, были действительно незабываемым событием. Он проводил их в огромной шляпе и национальном индейском костюме, богато расшитых и украшенных замысловатым геометрическим орнаментом и священными символами его племени — оленьим духом Кауюмари, прапрадедом Огня Татевари, кактусом-пейотом хихури, двуглавым орлом, представлявшим способность шамана видеть во всех направлениях сразу, и многими другими. Каждый раз перед церемонией дон Хосе принимал большую дозу пейота, который помогал ему преодолеть ограничения обычного чувственного восприятия и «видеть мысленным взором и сердцем Великого Духа взаимосвязь вещей, видимых и невидимых».

Несмотря на то что принятая им доза пейота была весьма значительной дон Хосе проводил ритуалы и вмешательство целителя с безукоризненной точностью, держа свою молитвенную стрелу с индюшачьими и орлиными перьями в трех оставшихся пальцах, и часами мелодично и завораживающе распевая священные гимны. Прем Дас аккомпанировал ему либо ритмичными ударами барабана, либо игрой на изготовленном вручную деревянном струнном инструменте, а группа поддерживала их звуком трещоток, сделанных из тыкв и сушеных бобов. Дон Хосе обладал непревзойденной способностью балансировать между священным и земным. Во время пения он был необычайно серьезен и создавал торжественную и мистическую атмосферу, но в перерывах его озорная половина одерживала вверх: он смеялся и обменивался с Премом Дасом веселыми, а подчас и неприличными шутками.

Самая невероятная и запоминающаяся церемония была проведена доном Хосе в Большом доме Эсалена в конце 1970-х, в самый разгар катастрофической калифорнийской засухи, длившейся в течение нескольких лет. Все это время недостаток воды был критическим, сельское хозяйство Калифорнии оказалось под угрозой, и даже люди, жившие в богатых домах, не имели достаточно воды для туалета и мытья посуды. В самом начале церемонии один из участников сказал дону Хосе: «Раз в Калифорнии царит такая ужасная засуха, может быть, стоит провести церемонию вызывания дождя?» Все присутствующие восприняли это как шутку — все, кроме дона Хосе.

Для тех из нас, кто не понимал, о чем поет дон Хосе на языке уичолей, эта церемония ничем не отличалась от тех, которые мы проводили прежде. Она длилась всю ночь — целая ночь пения, барабанного боя и музыки, всего лишь с несколькими перерывами. В середине церемонии Прем Дас повел всех присутствующих в Танце Оленя, во время которого мы двигались вокруг комнаты, сочетая движение вперед с вращением корпуса вокруг вертикальной оси. На рассвете дон Хосе достал из своей санитарной сумки большую раковину морского ушка и хвост кролика и пригласил нас спуститься к океану, чтобы обрести лимпесу (очищение) и принести океану жертвы в благодарность за хорошую церемонию.

Мы вышли из Большого дома на поросшие кипарисами утесы побережья Биг Сур, по-прежнему под впечатлением церемонии. Зрелище подсвеченного лучами восходящего солнца Тихого океана захватывало дух и подавляло. В то время как вся группа молча застыла, созерцая этот потрясающий вид, кто-то заметил, что начал моросить дождь. «Невероятно... немислимо... фантастика...» — так выглядела реакция на дождь во время ужасной засухи, но дон Хосе был совершенно спокоен. «Это купури, благословение богов, — сказал он. — Это бывает всегда и означает, что мы провели хорошую церемонию».

По мере того как мы спускались вниз по каменным ступеням, моросящий дождь усиливался. Дон Хосе спустился на берег и остановился на плоском камне, примерно в десяти футах над поверхностью воды. Он положил свое пожертвование на скалу у своих ног и начал

петь. В тот день поверхность океана была очень спокойной, но, после нескольких минут звучания этой молитвы, мы с удивлением заметили, что на его поверхности возникла одна гигантская волна и быстро направилась к той скале, на которой стоял дон Хосе. Эта огромная масса воды должна была обрушиться на скалу с огромной силой, но вдруг сформировала на самом краю небольшой спиральный гребешок, который слизнул со скалы подношения, даже не коснувшись ног дон Хосе. Ни у кого из видевших это не возникло и тени сомнения, что этот потрясающий маракаме взаимодействовал с океаном как с живым существом, и тот ответил ему, приняв его подношение.

Дон Хосе наполнил раковину морского ушка морской водой и, погрузив в нее хвост кролика, благословлял одного члена группы за другим. К тому времени когда благословение закончилось, дождь уже лил как из ведра, и мы промокли насквозь, получив и другого рода очищение. Когда мы вскарабкались обратно на холм, мы принялись танцевать на лужайке под дождем прямо перед Большим домом, вокруг прекрасного эвкалипта — некоторые даже скинули всю одежду. Может быть, для среднего американца это и достаточно необычно, но для Эсалена, известного своим культом тела и совместными купаниями, это было вполне естественно. Мы были в восторге от того, что только что пережили.

Когда мы позднее рассказали об этом Джозефу Кемпбеллу, он поделился с нами похожей историей из собственной жизни. Несколько лет тому назад он был приглашен на церемонию призывания дождя в резервацию индейцев навахо в штате Нью-Мексико. Как и наша, ояа проходила во время жестокой засухи. Когда они прибыли к месту проведения обряда и ритуал начался, небо было голубым и без единого облачка. Джозеф утверждал, что его поразили напрасные попытки шамана навахо, который очень решительно выполнял действия, выглядевшие весьма глупо. Совершенно не обращая внимания на реакцию окружающих его людей, он продолжал петь и бить в барабан, и постепенно на горизонте стали скапливаться темные тучи и быстро двигаться по направлению к тому месту, где проводилась церемония. И прежде чем церемония подошла к концу, скептически настроенные зрители промокли насквозь.

Когда я позднее размышлял о верованиях аборигенов в подобную церемониальную магию, я вынужден был признать, что положительные результаты подобных церемоний не должны нас удивлять. Аборигены, хотя и не слишком сведущи в технологии, но отнюдь не глупы. Трудно поверить, что они продолжали бы почитать шаманов, если бы те проводили церемонию за церемонией без какого-либо видимого результата. Поскольку традиция церемоний призывания дождя продолжается, они должны заканчиваться успешно в значительном количестве случаев, но это не означает, что дождь и церемония призывания были жестко взаимосвязаны. Как мы уже видели из других историй, изложенных в этой книге, законы синхронии играют в мировой системе вещей, случайную, но весьма значительную роль.

ШРИ ЯНТРА В ОРЕГОНСКОЙ ПУСТЫНЕ

Визит НЛО или впечатляющая мистификация?

В 1989 году мы с Кристиной организовали конференцию Международной трансперсональной ассоциации в Юджине, штат Орегон, названную «Мистический поиск, привязанность и привыкание». Как выяснилось позднее, она стала фокусом нескольких интересных совпадений. В то время я был глубоко погружен в изучение НЛО, контактов и похищений инопланетянами. Моя заинтересованность этой темой была подсказана наблюдением за теми, кто пережил похищение НЛО, на сессиях моих клиентов с применением психоделиков, сессиях холотропного дыхания у участников наших семинаров и тренингов и психодуховных кризисов у людей, с которыми я работал. Моя собственная встреча с тем, что можно считать инопланетным разумом, произошла в Рио-де-Жанейро на сессии с применением кетамина и внесла свой вклад в мой интерес к этой области.

С тех пор как в 1947 году Кеннет Арнольд впервые увидел «неопознанные летающие объекты» в форме диска недалеко от вулкана Рейнир в Орегоне, НЛО и различные формы контактов и похищений инопланетянами принадлежат к числу наиболее загадочных и противоречивых феноменов нашего времени. В результате моих собственных наблюдений и изучения уфологической литературы я довольно быстро понял, что отношение традиционной науки к этому явлению упрощенное и неадекватное. Подобно опытным исследователям НЛО, таким как Жак Балле и Аллен Гинек, я пришел к заключению, что мы имеем дело с тем, что представляет собой истинные аномалии и бросает серьезный вызов нашим устоявшимся концепциям реальности.

Я убедился, что два альтернативных объяснения, предлагаемых материалистической наукой — галлюцинации психотических индивидуумов и неправильная интерпретация некоторых природных или сделанных людьми объектов, — были болезненно неадекватными попытками понять природу этих невероятных переживаний. Я также чувствовал, что мы вряд ли имеем дело с настоящими визитами физически неземных существ, — у нас достаточно информации о планетах Солнечной системы от беспилотных космических зондов, чтобы понять, что они не подходят для проживания подобных созданий. А следующим возможным местом их обитания может быть Проксима Центавра, находящаяся в 4,3 светового года от нас. Путешествие к подобной цели придется вести со скоростью приближающейся или превышающей скорость света или с использованием гиперпространственного прыжка.

Я пришел к выводу, что встречи с НЛО представляют собой явления *suigeneris*, аномальные явления, представляющие собой принципиальный вызов основной научной парадигме и требуют принципиально иного объяснения. С большим интересом я прочитал книгу Карла-Густава Юнга «Летающие тарелки: современный миф о небесных знаменьях» (1964). В ней Юнг рассматривал все сообщения о чем-либо, что напоминало бы НЛО, за всю историю человечества и предположил, что эти случаи могут быть проявлениями, возникающими в мире образов коллективного бессознательного. Юнг считает, что эти видения не являются ни галлюцинациями, ни восприятием материальной реальности, но принадлежат к сумеречной зоне между сознанием и миром материи. Таким образом, Юнг отнес феномен НЛО к области исследования сознания и трансперсональной психологии. Эти доводы показались мне убедительными, и, кроме того, они оправдывали мой интерес к этой проблеме.

Мы составили расписание наших тренингов для ведущих холотропного дыхания таким образом, чтобы они непосредственно предшествовали Юджинской конференции в центре Холлихок-Фарм на острове Кортес-Айленд, расположенном в акватории Ванкуверского залива,

и чтобы я смог включить оба направления в маршрут одного самолета. Цепочка совпадений началась тогда, когда я летел из Сан-Франциско в Сиэтл, по дороге на Кортес-Айленд. Я читал книгу Уитли Стрибера «Сопричастность» («Commplicity»), описывающую его опыт общения с неземными существами (1987). Одна из четырехсот с лишним страниц, вставленная в середину книги, давала общую информацию о НЛО; остальные посвящены личному опыту Стрибера.

В тот самый момент, когда я читал описание самой первой встречи Кеннета Арнольда с НЛО близ Рейнира, по радио прозвучал голос пилота, сообщающий, что фантастическая покрытая снегом гора справа от нас и есть вулкан Рейнир. Это совпадение произвело на меня большое впечатление, поскольку эта гора упоминалась всего один раз. Мы приземлились в Сиэтле, такси доставило меня в гавань, где я поднялся на борт маленького гидроплана — нам предстоял захватывающий перелет на Кортес-Айленд, над сотнями небольших островов и островков Ванкуверского залива. Первым человеком, которого я встретил в Холлихок-Фарм, был Джон Мэк, известный гарвардский психиатр и психоаналитик, который участвовал в нашем тренинге.

— Стен, мне нужно с вами поговорить, — сказал он сразу, как только мы поприветствовали друг друга. — Вы были совершенно правы. Я заглянул в эти свидетельства о похищениях людей НЛО, и это потрясающий материал!

Джон имел в виду разговор, который состоялся между нами не так давно в институте Покет-Ранч в Гизервилле, Калифорния, о работе Кита Томпсона, озаглавленной «Ангелы, инопланетяне и архетипы» («Angels, Aliens, and Archetypes»), которую мы с Кристиной собирались включить в нашу книгу «Духовный кризис». В своей статье Кит сравнивает ситуации с похищением инопланетянами с инициациями обряда перехода у аборигенов.

Во время того разговора в Покет-Ранч Джон весьма скептически отнесся к этой идее, и я попытался убедить его, что феномен НЛО представляет собой серьезный вызов существующей парадигме психиатрии и заслуживает серьезного изучения. Слушая комментарии Джона, я гадал, что могло произойти за несколько месяцев и заставило его изменить свое мнение. Мы сели на берегу океана, и Джон рассказал мне, что Бланш, одна из наших коллег, познакомила его со своим нью-йоркским другом Бадом Хопкинсом, посвятившим себя изучению НЛО. Джон, строгий, но честный и непредвзятый ученый, был поражен теми доказательствами, которые привел ему Бад.

Бад собрал материалы о многих сотнях похищенных инопланетянами в разных частях света, большая часть которых никогда не встречалась друг с другом. Многие из них живут вдалеке от больших городов и к тому же полностью безграмотны, и все же между сообщениями есть очень много общего, например механизм похищения, особые черты облика инопланетян и их кораблей, мистические символы, украшавшие стены инопланетных судов, и природа процедуры, которой подвергались похищенные. Вдохновленный итогами этого визита, Джон начал собственное независимое исследование и был поражен и заинтригован тем, что обнаружил.

Должен упомянуть, что в последующие годы Джон опубликовал свои находки в книгах «Похищения» (Мэк, 1994) и «Паспорт во вселенную» (Мэк, 1999). Его исследования широко освещались прессой и дали Джону возможность поучаствовать во всех главных американских телевизионных ток-шоу. Вспыхнувшая в результате дискуссия едва не стоила Джону его должности в Гарварде и судебного процесса, съевшего значительную часть тех денег, которые он получил с продаж этой книги. Выиграв тяжбу с Гарвардом, Джон основал «Пирс», организацию, изучающую аномальные явления, которые бросают вызов текущей научной парадигме. В сентябре 2004 года жизнь Джона и его научная карьера были безвременно прерваны трагическим происшествием — когда Джон приехал на конференцию в Лондон, при переходе через улицу его сбил пьяный водитель грузовика.

А тогда, на тренинге в Холлихоке, обсуждение темы похищений инопланетянами быстро охватило всех участников и оставалось актуальным до самого нашего отъезда. Обсуждение достигло пика, когда на сцене появились Энн и Джим Армстронг, наши гости. Энн была известна своей способностью передавать психическую информацию по любой конкретной теме, касалась ли она личной жизни людей, событий культуры, истории человечества или научных проблем. В этой ситуации группа приняла единодушное решение попросить Энн прочитать лекцию по феномену НЛО. Лекция длилась больше часа; в ходе нее Энн предложила нам интересную перспективу и множество уникальных прозрений, касающихся летающих блюд, инопланетян и похищений людей НЛО.

Когда тренинг закончился, мы с Кристиной вылетели в Сиэтл на Международную трансперсональную конференцию. На второй день конференции газета «Oregon Herald» опубликовала удивительное сообщение об одном открытии, которое пилот самолета сделал в пустыне Орегон. Пролетая над пустыней, он заметил примечательный рисунок, как бы вырезанный на поверхности земли. Это оказалось прекрасно выполненное изображение Шри Янтры, наиболее священного символа тантры, одной из самых древних индийских духовных традиций. Изображение оказалось огромным, охватывающим территорию, по площади равную четырем футбольным полям!

«Янтра» — санскритское слово, буквально означающее «помощь» или «инструмент». Янтры — это абстрактные диаграммы, изображения различных божеств, составленные из основных геометрических фигур — точек, линий, кругов, треугольников, квадратов и стилизованных цветков лотоса. Эти фигуры соседствуют, пересекаются, комбинируются и гармонично сочетаются. Согласно тантрапараджа-тантре, существует 960 янтр, каждая из которых представляет конкретное божество или его конкретный аспект. Шри Янтра, самая древняя и выдающаяся из них, состоит из девяти пересекающихся треугольников, четырех направленных вершиной вверх и пяти — вниз. Она представляет союз Шивы и Шакти, космическое поле в творении и различные стадии схождения Шакти к проявлению.

В центре пересечения треугольников находится махабинду, точка, представляющая одновременно источник творения и трансцендентность всех противоположностей и окончательную интеграцию в конце духовного путешествия. Пересекающиеся треугольники окружены концентрическими окружностями, украшенными лепестками лотоса. Внешний слой этой сложной диаграммы квадратный, с Т-образными воротами в каждой стороне квадрата. Этот детально разработанный и сложный духовный символ был выполнен в пустыне Орегон с математической точностью и в невероятном масштабе. Составляющие ее борозды абсолютно ровны на всем протяжении диаграммы и их глубина составляет четыре дюйма.

Когда исследователи, отреагировав на доклад пилота, прибыли на место, они были поражены тем, что изображение является очень древним и абсолютно неповрежденным. К нему не вели ни отпечатки следов колес автомобилей, ни следы человеческих ног. Репортер из газеты, написавший об этом статью, проведя небольшое расследование, выяснил, что воспроизведение подобного изображения в том же самом масштабе и с той же точностью стоило бы около 100 000 долларов. Происхождение и цель создания подобного потрясающего объекта является тайной и, насколько я знаю, остается таковой до сего дня. В статье была проведена параллель с кругами, время от времени мистическим образом возникающими на полях в разных местах Европы, и сказано, что большинство людей считает, что это изображение в пустыне Орегон — результат визита инопланетян.

Это стало кульминацией в целой серии случаев, имеющих отношение к НЛО и инопланетянам. Правда, для нас с Кристиной это событие имело интересный личный оборот. Во время наших даршанов со Свами Муктанандой он часто в шутку обращался к нам как к Шиве и

Шакти. И именно тогда, когда мы завтракали на большой международной конференции, в соседней пустыне был найден символ, представляющий союз этих двух божеств. В то время как мы сами пытались истолковывать подобные совпадения в свете теории синхронии Юнга, многие приверженцы сиддха-йоги предпочитали рассматривать Свами Муктананду как кукловода вселенского масштаба. Они были уверены, что он совершенно сознательно и намеренно организовывал для своих последователей благоприятные события и стечения обстоятельств. Некоторые из них, принимавшие участие в конференции, решили, что знак Шри Янтры в Орегонской пустыне — тоже его рук дело. Они специально зашли к нам, чтобы поделиться с нами своей уверенностью в том, что этим Баба дает нам понять, что благословляет конференцию.

УРОК ПРОЩЕНИЯ

Церемония с пейотом у индейцев потаватоми

Как психиатр, ежедневно сталкивающийся с эмоциональными проблемами, отравляющими людям жизнь, я хорошо знаком с деструктивными и саморазрушающими моделями, которые, словно проклятья, передаются из поколения в поколение на всем протяжении истории. Психологические травмы, которые пережили родители, развиваясь в своей родной семье, оставляли травмы в эмоциональной сфере и не позволяли адекватно действовать в качестве мужей, жен, отцов и матерей, в результате чего наносили эмоциональные травмы своим детям. Разорвать этот порочный круг — одна из основных задач современной психологии и психиатрии.

Похожая модель более высокого порядка действует на коллективном уровне и отравляет отношения между целыми странами и народами. Необузданное насилие и ненасытная алчность, два опасных порока человеческой природы, в прошлом вызывали бесчисленные кровавые войны и революции и порождали безмерные страдания. Память о боли и несправедливости, причиненных различными врагами в истории народа, веками хранится в коллективном бессознательном этих народов и окрашивает их взаимоотношения друг с другом в далеко не радужные цвета. Неразрешенные и непростительные обиды, старые душевные раны продолжают множить новое насилие.

В ходе истории человечества роли различных народов и их взаимоотношения друг с другом постоянно менялись, и весьма причудливо. Если взять внешние, поверхностные явления, альянсы и междоусобицы приходили и уходили, но память о глубоких ранах и, в результате, предвзятое отношение оставались. Во время Второй мировой войны Германия, Япония и Италия — так называемые «осевые державы» — были врагами США, в то время как Советский Союз был важным союзником. После войны политическая картина резко изменилась: Япония и Италия стали нашими друзьями, а Советский Союз — врагом номер один. Ситуация с Германией стала куда более сложной — Западная Германия была союзником, а Восточная — членом враждебного лагеря.

В XX веке главным противником для Великобритании и Франции была Германия, и они поддерживали вполне приличные отношения между собой, хотя за несколько веков до этого были заклятыми врагами. В другой момент истории главным противником Англии была Испания, а России — Франция. Испания воевала с Голландией, Россия — со Швецией и т. д. В детстве и юности я был свидетелем ужасов немецкой оккупации Чехословакии, а позднее — беспощадный просталинский режим, навязанный нам Советским Союзом, и я знаю, что у меня весьма личное отношение к этой проблеме.

С самого раннего детства я ненавидел любые границы и все, что с ними связано: башни с пулеметами, колючую проволоку, минные поля и солдат с собаками, которые все это охраняют. Это отвращение распространялось даже на куда более цивилизованные формы границ в странах свободного мира, с их таможенниками, визами и пошлинами. Я часто мечтал о Соединенных Штатах Европы, о будущем, в котором все народы Европы смогут жить и мирно сосуществовать. Позднее это видение распространилось на всю планету. Мне нравилось представлять себе будущее, когда человечество преодолеет все расовые, сексуальные, национальные, культурные, политические и экономические принципы деления и создаст мировое сообщество. Однако я достаточно полно осознаю сложность проблем, чтобы понимать, что для нашей планеты это не очень правдоподобный сценарий.

После такого несколько пессимистичного вступления я не прочь рассказать один эпизод из

моей собственной жизни, который, несмотря на мрачность общей ситуации, дал мне некоторую надежду на наше лучшее будущее. Это был опыт глубокого исцеления и трансформации, который имел место много лет тому назад в группе людей, с которыми я разделил необычное состояние сознания. Хотя это произошло уже более тридцати лет тому назад, я по-прежнему готов расплакаться, говоря или думая об этом. Это событие показало мне всю глубину проблем, с которыми мы сталкиваемся в этом мире, где много веков ненависть передавалась из поколения в поколение. Однако это также придало мне надежды и веры в возможность избавления от этого проклятия и уничтожения всех барьеров, которые отделяют нас друг от друга.

В конце 1960 — начале 1970-х годов я принимал участие в спонсируемой правительством исследовательской программе Мэрилендского центра психиатрических исследований в Балтиморе по исследованию потенциала терапии с использованием психоделиков. Одним из наших проектов была программа тренинга для психиатров и других специалистов, работающих в области ментального здоровья. Эта программа давала возможность психиатрам, психологам, социальным работникам и священникам, осуществляющим пасторский надзор, с обучающей целью получить три сессии с высокой дозой ЛСД. Одним из участников программы был Кеннет Годфри, психиатр из больницы города Топика, штат Канзас. Кен и сам был одним из пионеров исследования психоделиков, проводя сессии с клиентами, но в его программе не было резерва для его собственных сессий. Я был консультантом на трех его сессиях в нашем институте, и за это время мы стали близкими друзьями. И Кен, и его жена были коренными американцами, и их духовная связь с традициями родного племени и его старейшинами была очень глубокой.

Еще в Чехословакии я читал о Церкви коренных американских народов, синкретической религии, сочетающей индейские и христианские элементы и использующей во время церемоний священный мексиканский кактус пейот. Мне очень захотелось самому поучаствовать в церемонии с пейотом, что дало бы возможность сравнить терапевтическое использование психоделиков с использованием их же в контексте ритуала. После того как я приехал в США, я искал подобную возможность, но без особого успеха.

Во время обсуждения последней из трех сессий Кена мне пришло в голову, что у Кена могут быть какие-то знакомые в индейской церкви, и он поможет мне найти группу, которая позволит мне принять участие какой-нибудь церемонии. Кен пообещал обсудить этот вопрос с Джоном Митчеллом, известным «дорожным вождем» потаватоми или, проще говоря, руководителем священных церемоний, который был его близким другом. Несколько дней спустя Кен позвонил мне и сообщил, что у него есть хорошие новости. Джон Митчелл не только приглашал меня на свою церемонию с пейотом, но и предложил мне привести еще несколько человек.

В следующие выходные пятеро из нас вылетели из Балтимора в Топику, штат Канзас. В группу входили специалист по музыкотерапии Хелен Бонни, ее сестра, психотерапевт Боб Лихай, профессор религиоведения Уолтер Хьюстон Кларк и я. В аэропорту Топики мы взяли такси и углубились в канзасскую прерию. Там, где-то в самой глуши, стояло несколько вигвамов, обозначая собой место проведения священной церемонии. Солнце уже садилось, и ритуал вот-вот должен был начаться, но, прежде чем принять в ней участие, его должны были одобрить остальные участники, среди которых были только индейцы. Нам пришлось пережить весьма эмоциональный, но отнюдь не теплый прием.

Индейцы очень эмоционально вспоминали полную боли историю вторжения и завоевания белыми Америки — геноцид индейцев и насилие над их женщинами, захват их земель, бессмысленную резню бизонов и прочие зверства. После пары часов подобной беседы эмоции поутихли, и один за другим индейцы согласились на наше участие в церемонии. В конце концов, остался только один человек, который яростно противился нашему присутствию, — высокий, с очень темной кожей и очень угрюмый. Его ненависть ко всем белым без исключения была

безмерной.

Потребовалось много времени и аргументов со стороны его соплеменников, которые были подавлены тем, что церемония все откладывается, чтобы он неохотно, но согласился на наше участие в церемонии. Наконец, все проблемы были решены, или, по крайней мере, так казалось, и мы все собрались в большом вигваме. Священная церемония началась с зажигания огня. Мы глотали бутоны пейота и передавали по кругу посох и барабан. Согласно обычаю, тот, у кого находился посох, может спеть песню или что-то сказать, была также возможность просто передать посох другому.

Тот угрюмый человек, который противился нашему участию в церемонии, сидел напротив меня, прислонившись к одной из жердей вигвама. Он излучал раздражение и враждебность, и каждому было ясно, что он пребывает в самом дурном настроении. В то время как остальные всем сердцем участвовали в церемонии, он оставался отстраненным и равнодушным. Каждый раз, когда посох и барабан снова оказывались у него, он с раздражением передавал их дальше. Мое восприятие окружающего было усилено влиянием пейота, и тот человек был большим местом в моей картине мира — мне все больше было смотреть в его сторону. Его ненависть словно излучалась из глаз, подобно ярким лазерным лучам поглощая меня и наполняя собой весь вигвам. Он смог сохранить это мятежное настроение на протяжении всей церемонии.

Наступало утро, и, незадолго до восхода солнца, мы должны были передать посох и барабан в последний раз. Каждый мог сказать несколько слов о том, что он пережил, и о впечатлениях прошедшей ночи. Речь Вальтера Хьюстона Кларка была невероятно длинной и очень эмоциональной. Он выразил свою глубочайшую признательность своим индейским друзьям за проявленное великодушие и разделенную с нами прекрасную церемонию. Вальтер особенно подчеркнул тот факт, что индейцы приняли нас, несмотря на все то, что мы, т. е. белые, с ними сделали, — захватывали и крали их земли, убивали их братьев, насиловали женщин, убивали бизонов. В какой-то момент он обратился ко мне — не помню точно, в каком именно контексте: «Стен, который находится так далеко от своей родной страны — Чехословакии».

Как только Вальтер произнес слово «Чехословакия», тот человек, что всю ночь был возмущен нашим присутствием, вдруг странным образом разволновался. Он вскочил, пересек вигвам и, рухнув на землю передо мной, положил голову мне на колени и заплакал. Примерно минут через двенадцать он успокоился настолько, что смог говорить. Он объяснил, что еще вечером воспринимал нас всех как «бледнолицых» и, следовательно, врагов индейцев. Но после того, что сказал Вальтер, он осознал, что, будучи родом из Чехословакии, я не мог иметь никакого отношения к трагедии его народа, поскольку чехи не принимали какого-либо заметного участия в завоевании Дикого Запада. Он ненавидел меня во время священной церемонии безо всякого на то оправдания.

Он казался убитым горем и опустошенным. После такого заявления некоторое время воцарилось молчание, и по этому человеку было видно, что он переживает сильную внутреннюю борьбу — ясно, что он собирается сказать что-то еще. Наконец, он нашел в себе силы поделиться с нами окончанием своей истории. Во время Второй мировой войны он был призван в Военно-воздушные силы США и за несколько дней до конца войны лично принимал участие в совершенно ненужном воздушном рейде на чешский город Пльзень, всемирно известный благодаря своему пиву и заводами по производству автомобилей «Шкода». Дело было не только в том, что его ненависть ко мне была совершенно неоправданной, но и в том, что наши роли поменялись, теперь он был преступником, а я — жертвой. Он вторгся в мою страну и убивал моих братьев — этого он не смог вынести. Он вернулся ко мне, и, продолжая меня обнимать, стал просить у меня прощения.

После того как я заверил его, что не питаю по отношению к нему никаких враждебных

мыслей, случилось нечто невероятное. Он подошел к моим балтиморским друзьям, среди которых были только американцы, извинился за свое поведение перед церемонией и во время ее, обнял их и попросил прощения. Он сказал, что этот случай объяснил ему, что у мира не будет никакой надежды, если мы продолжим хранить в своих сердцах ненависть за то, что сделали наши предки. И он понял, что неправильно делать обобщенные суждения о расовых, национальных и культурных группах. Мы должны судить о людях по тому, чем являются они сами, а не к какой группе они принадлежат.

Его речь была достойным продолжением известного письма индейского вождя по имени Сиэтл, в котором он обращался к европейским колонизаторам. Письмо заканчивалось такими словами: «Вы не мои враги, вы мои братья и сестры. Вы не сделали ничего плохого мне или моему народу. Все, что произошло, произошло при жизни наших предков, и в то время я действительно мог находиться на другой стороне. Мы все — дети Великого Духа, мы все принадлежим Матери Земле. Наша планета находится в большой опасности. И если мы будем продолжать нести старую злобу и не станем работать вместе, мы все умрем».

К этому времени многие в нашей группе плакали. Мы все ощутили глубокую связь и принадлежность к одной большой семье — человечеству. Солнце медленно поднималось над горизонтом, а мы приняли участие в церемониальном завтраке. Мы ели пищу, всю ночь простоявшую в центре вигвама и освященную ритуалом. Затем мы все долго обнимались, неохотно расстались друг с другом и отправились домой. Мы уносили с собой память об этом бесценном уроке разрешения межрасовых и международных проблем, которая, без сомнения, не потускнеет до самого конца наших дней. Лично у меня это невероятное совпадение, пережитое в необычном состоянии сознания, порождает надежду на то, что когда-нибудь в будущем подобное произойдет в куда большем масштабе.

СТЕЛЮЩИЕСЯ ОБЛАКА СЛАВЫ

Воспоминания о рождении и пренатальной жизни

Среди наиболее частых переживаний, связанных с холотропными состояниями различного происхождения, являются эпизоды психологической регрессии к рождению, во время которых люди с невероятной силой переживают эмоции, физические ощущения, положения тела и другие аспекты этого процесса. Глубоко отпечатавшиеся в нашем подсознании родовые события стали большим сюрпризом для психологов, психиатров и нейрофизиологов традиционного направления, поскольку они бросают вызов их глубоко укоренившимся посылкам об ограниченности человеческой памяти. Однако более пристальное изучение обнаруживает, что эти послылки являются необоснованными убеждениями, жестко контрастирующими с научными фактами.

Согласно традиционному взгляду психиатров, только рождение, которое является настолько трудным, что наносит необратимый ущерб клеткам головного мозга, может иметь и психологические, и психопатологические последствия. Хорошо известно, что длительное воздействие недостатка кислорода, связываемое с трудными и затяжными родами, может вызывать психиатрические проблемы, в первую очередь задержку умственного развития или гиперактивность. Существуют также исследования, напрямую связывающие рецидивизм преступников с затяжными, трудными или осложненными родами с высокими степенями асфиксии. Вирусные инфекции, перенесенные во время беременности, и осложнения при родовспоможении, в том числе длительные роды и кислородное голодание, значатся среди нескольких находящихся постоянно подтверждение факторов риска проявления шизофрении. Однако удивляет то, что психиатры-традиционалисты интерпретируют эти находки только с точки зрения физического ущерба, нанесенного мозгу, и не рассматривают возможность того, что пре- и перинатальные кровоизлияния, вне зависимости от того, повреждают или не повреждают они клетки головного мозга, также оказывают на ребенка сильное психотравматическое воздействие.

У новорожденного ребенка кора головного мозга еще недостаточно миелинизирована, что означает, что ее нейроны еще не полностью покрыты защитной оболочкой жировой субстанции, называемой миелином. Это обычно считают очевидной причиной того, почему рождение не влияет на психику, и этот опыт не фиксируется в памяти. Уверенность психиатров-традиционалистов в том, что ребенок не осознает это экстремально болезненное и стрессовое испытание и что процесс рождения никак не оставляет никакого следа в мозгу ребенка, не только противоречит результатам клинических наблюдений, но также и здравому смыслу и элементарной логике.

Действительно, трудно примирить подобную посылку с тем фактом, что широко принятые психологические и физиологические теории придают огромное значение раннему взаимодействию между матерью и ребенком, которое включает зрительный контакт матери и ребенка, возникающий сразу после рождения («связывание»), нежный физический контакт и качество ухода. Хорошо известно, что «импринтинг» подобных ранних переживаний имеет критическое влияние на взаимоотношения матери и ребенка в будущем и на эмоциональное здоровье ребенка на всю его последующую жизнь. Образ новорожденного как ничего не осознающего и ни на что не реагирующего организма также находится в остром конфликте с постоянно растущим количеством книг, описывающих потрясающую чувствительность плода во время пренатального периода.

Отрицание возможности запоминания момента рождения, основанное на том факте, что

кора головного мозга новорожденного еще полностью не миелинизирована, не имеет ни малейшего смысла, хотя бы исходя из того факта, что способность запоминания существует и у многих низших форм жизни, которые начисто лишены коры головного мозга. Утверждение, что для запоминания рождения требуется миелинизированная кора головного мозга, становится абсурдным и смешным, если сравнить его с фактами, открытыми шведским физиологом Эриком Канделем, за которые он получил Нобелевскую премию 2000 года в области медицины. Эти факты касались механизма запоминания у аплизии (морского огурца), организма с очень небольшим количеством нервных клеток, который стоит на эволюционной лестнице намного ниже новорожденного ребенка. Более того, биологам хорошо известно, что конкретные примитивные формы протоплазменной памяти существуют даже в одноклеточных организмах.

Удивительно, что подобные явные логические противоречия встречаются в контексте научного мышления, которое столь сильно гордится собственной логичностью. Трудно найти другое объяснение этим несообразностям, кроме глубокого эмоционального подавления, которому подвергается память о рождении. Совокупность эмоционального и физического стресса и боли, имеющих место при рождении ребенка, явно превышает любые постнатальные травмы младенчества и детства, обсуждаемые в литературе по психодинамике, за исключением, возможно, физического насилия. Поэтому вполне понятно, что эта память подвергается сильному психологическому подавлению и отвержению.

Во второй половине XX века исследователи воздействия психоделиков и клиницисты исследовали различные формы эмпирической психотерапии, и им удалось накопить убедительные доказательства того, что биологическое рождение является наиболее глубокой травмой всей нашей жизни и событием первостепенной психодуховной важности. Оно записано в нашей памяти в мельчайших деталях, вплоть до клеточного уровня и оно оказывает далеко идущее воздействие на наше психологическое развитие. Как только мы преодолеем свое сопротивление столкновению с этим болезненным и ужасающим аспектом нашей личной истории, становится не только возможным, но и очень логичным, что событие подобной значимости записано в подсознании и что оно может быть перенесено в сознание и высвобождено.

Количество концептуальных проблем возрастает по экспоненте по мере того, как регрессия в холотропных состояниях продолжается и достигает ранних стадий жизни эмбриона или даже момента зачатия. По мере того как мы приближаемся к началу нашей жизни, нервная система становится все менее развитой и более примитивной, пока не исчезает полностью. И все же имеется достаточно много эмпирических доказательств существования воспоминаний уже на заре нашего независимого существования. Впоследствии у нас остается лишь клеточная память — единственный материальный носитель информации.

Приведенным ниже текстом я проиллюстрирую переживание рождения, внутриутробного развития и зачатия несколькими примерами, почерпнутыми из сессий с применением психоделиков и сессий холотропного дыхания.

СЛОЖНОСТИ ПОЛУДЕННЫХ РОДОВ

История Лени

Чтобы оградить частную жизнь моих клиентов, в своих книгах я называю их выдуманными именами, что является практикой, обычной для психиатрической литературы. Для этой истории я делаю исключение, поскольку ее главная героиня, вышеупомянутая Лени Шварц, опубликовала ее в своей книге «Мир новорожденного» (Шварц, 1981). Я впервые встретил Лени и ее мужа Боба, которые позднее стали моими близкими друзьями, в 1971 году, когда они присутствовали на моей лекции в Майами, штат Флорида. Когда я наблюдал за ЛСД-сессией Лени, ей было пятьдесят лет, и она была талантливым дизайнером интерьера. Переживания, о которых я собираюсь рассказать, вдохновили ее изучить психологию и получить степень доктора философии. Ее диссертация носила название «Связь до рождения» и была основана на длительном наблюдении за несколькими парами, за которыми она наблюдала во время недельных групповых сессий, с момента зачатия ими ребенка до момента рождения и после него.

Одна из сессий с высокой дозой ЛСД погрузила Лени в воспоминания о ее биологическом рождении. На протяжении более двух часов она переживала то, что я называю второй базовой перинатальной матрицей, или БПМ-2, — начальную стадию родов, когда матка уже сокращается, но ее шейка еще не раскрылась. Это одно из наиболее тяжелых и требующих напряжения переживаний, которые человек может испытывать в холотропных состояниях сознания. Оно обычно включает ощущение агонии в эмоциональном и физическом плане и ощущение того, что выхода нет, — убежденность, что из этой ситуации нет выхода и что она никогда не закончится. Наиболее глубокие столкновения с этой матрицей могли принимать форму пребывания в аду, дополненные видениями дьяволов и адского пейзажа.

Затем переживания сменились, перейдя в поле третьей базовой перинатальной матрицы, или БПМ-3. Эта матрица соответствует следующей стадии родов, связанной с прохождением плодом родовых каналов, после того как матка достаточно расширена и раскрыта. Эти переживания включают, кроме прочего, сильные столкновения энергий, образов разрушения и саморазрушения и странное сексуальное возбуждение, проявляющееся в богатом спектре очень странных мысленных образов. Если она доходит до счастливого завершения, то кульминацией этой стадии становится психодуховная смерть и возрождение.

Однако на сессии Лени произошло нечто совершенно иное. После длительной борьбы за собственное рождение она внезапно оказалась окутанной зловещей тьмой и почувствовала, что ее поглотили и что она не может освободиться. Надежда на благополучное прохождение родовых путей почти исчезла, и она снова оказалась в безвыходной ситуации. Действие ЛСД постепенно сходило на нет, а Лени так и не добилась разрешения этой затруднительной ситуации. Сессия оставила ощущение подавленности и пессимистический взгляд на жизнь.

Мы решили подождать неделю и провести еще одну сессию, чтобы покончить с этим неудовлетворительным опытом. После применения ЛСД требуется примерно неделя, чтобы преодолеть последующую фармакологическую невосприимчивость к новой дозе того же самого вещества. Следующая сессия Лени тоже началась с сильного переживания БПМ-2 с ощущением беспомощности и безвыходности. Однако длилось оно недолго, и все неприятные ощущения вскоре исчезли, словно по волшебству. Ее окружил золотой свет невероятной яркости, который имел явно сверхъестественное происхождение. Это сопровождалось всепоглощающим чувством освобождения и психодуховного возрождения. На этот раз в ее переживаниях не было ни одного элемента третьей перинатальной матрицы; это был ускоренный переход от глубочайшего

отчаяния и темноты к экстатическому восторгу возрождения.

Озадаченная такой странной последовательностью событий и желая хоть что-то понять, Лени решила позвонить своей матери, чтобы расспросить ее об обстоятельствах своего рождения. Поскольку ее мать была женщиной очень консервативной и старомодной, Лени знала, что обсуждение подобной темы будет для нее нелегким испытанием, и некоторое время медлила, но все же сделала это. К примеру, мать никогда не говорила с Лени о сексе до тех пор, пока дочь не стала взрослой и не вышла замуж, и она никогда не рассказывала ничего о своей беременности и рождении Лени. Лени не стала говорить матери о том, что у нее была сессия с ЛСД; она сказала, что во время гипноза она испытала глубокую регрессию, которая была связана с воспоминаниями о ее рождении. Однако, как мы с ней договорились заранее, она не стала сообщать матери какие-либо подробности сессии.

История, рассказанная ее матерью, пролила некоторый свет на то, что пережила Лени во время сессии. Лени была ее первым ребенком, и мать совершенно не представляла себе, чего ожидать. Она была удивлена и ошеломлена интенсивностью переживаний, но вначале все шло хорошо. Однако потом произошло что-то неожиданное: акушерка и нянечка, которые должны были принимать ее роды, объявили, что наступил полдень и они собираются «перехватить сэндвич». Акушерка сказала, что ей надо скрестить ноги и ждать, пока они вернутся.

Мать Лени, будучи послушной пациенткой, не стала возражать и выполнила все распоряжения. Терпя сильную боль, она сжимала ноги и ждала возвращения медиков. Когда они вернулись с обеденного перерыва, все, что им оставалось сделать, это разрешить ей развести ноги. Когда она это сделала, Лени буквально вылетела из родовых каналов на дневной свет. После телефонного разговора с матерью Лени рассказала мне об этом неожиданном объяснении необычного развития сессии, добавив еще один поразительный пример к моему длинному списку памяти о рождениях, истинность которых может быть подтверждена независимым свидетелем.

ЗАПАХ СВЕЖЕВЫДЕЛАННОЙ КОЖИ

История Курта

Второй пример — с сессии холотропного дыхания Курта, психолога, принимавшего участие в одном из наших европейских семинаров. Во второй части своей сессии Курт пережил глубокую регрессию и настолько погрузился в воспоминания о собственном рождении, что его пришлось держать впятером, поскольку он метался, налетая на других людей. Он постоянно тряс головой и катался по комнате со спины на живот и обратно. Эта полная борьбы сессия завершилась невероятным прорывом — Курт почувствовал себя возрожденным и эмоционально освобожденным.

На обсуждении нам удалось воссоздать то, что происходило во время сессии. Курт рассказал, что в начале сессии он идентифицировал себя с чешуйчатым, змееподобным созданием и был вынужден ползти. Внезапно он почувствовал, что его тело и его ноги сдавливаются, что счел неприятной и докучливой помехой, и начал бороться с ней, сначала слабо, а потом все сильнее и сильнее. Давление постепенно возрастало и под конец возросло до такой степени, что он решил, что борется за свою жизнь. Он был намерен не сдаваться, даже если весь мир обернется против него. С громкими криками, сочетая силу с различными приемами, он боролся против сильных врагов.

Когда мы пытались его удержать, он был не в состоянии отличить, что происходит в его внутреннем мире, а что — вокруг него. Несмотря на то что я постоянно повторял, что мы ему не враги и хотим помочь, потребовалось некоторое время, для того чтобы он воспринял эту борьбу как воспоминание о собственном рождении. Ощущение беспомощности вызывало в нем сильное сопротивление и решимость, но не покорность. Курт сообщил нам, что подобная модель так же часто проявляется и в его повседневной жизни. После длительной борьбы лихорадочные движения Курта и громкие крики достигли своей кульминации и затем внезапно стихли. Он перестал бороться и перешел к фазе глубокой релаксации.

В этот момент Курт решил сесть, открыть глаза и посмотреть вокруг. Я сказал, что еще рано, и предложил ему лечь и вернуться к своим переживаниям. Внезапно Курт вспомнил, что ему говорили, что у его матери роды начались раньше срока. В связи с этим мои слова о том, что еще слишком рано, имели особый смысл. Он снова лег и накрылся одеялом. Когда он лежал в позиции эмбриона, у него было ощущение, что это поможет ему компенсировать то время, которого ему не хватило в утробе. Он счел это благодатным и прекрасным и чувствовал себя довольным и счастливым. Внезапно, к своему огромному удивлению, он почувствовал очень сильный и четко различимый запах новенькой, свежесделанной кожи. Запах не исчезал и показался ему очень приятным.

К концу сессии Курт полностью расслабился — это состояние было практически неизвестно ему в обычной жизни. Его нормальным состоянием было быть гонимым и наслаждаться столкновением с трудными ситуациями и кризисами. Он рассказал нам, что чувствовал себя очень несчастным, если в его жизни не было ни трудностей, ни противников, с которыми необходимо бороться. Затем он сфокусировался на сильном и насыщенном запахе кожи, который был столь важной частью данной сессии. Он чувствовал, что этот запах каким-то образом тесно связан с его спокойным и расслабленным состоянием, и продолжал повторять, что это было наиболее поразительным и примечательным аспектом его переживаний. Он совершенно не представлял, как относиться к этому запаху, и считал ситуацию в целом чрезвычайно запутанной и сбивающей с толку.

Во время обсуждения Курт попросил меня объяснить, почему запах свежей кожи должен

играть такую заметную роль в воспоминаниях о его рождении. Я ответил, что новая кожа или ее запах не является типичным символическим сопутствующим элементом рождения, что я впервые сталкиваюсь с чем-то подобным и могу лишь предположить, что этот запах может быть как-то связан с обстоятельствами его собственного появления на свет. Однако мы не смогли выяснить, как нечто подобное могло произойти. Курт, не желая оставаться в неизвестности, в тот же вечер позвонил матери, чтобы узнать обстоятельства своего рождения.

Выяснилось, что во время беременности его мать работала в магазине кожаных изделий. В тот день, когда родился Курт, она осталась на работе допоздна, дошивая тирольские кожаные брюки (Lederhosen), которые она держала на коленях. Как и в случае с матерью Лени, она была неопытна, ведь это была ее первая беременность. Роды ожидалось только через несколько дней, и, когда начали отходить воды, она решила, что у нее проблемы с мочевым пузырем. Когда же она поняла, что происходит, Курт уже начал свой путь на свет.

Роды были очень быстрыми, и Курт появился на свет на полу, рядом с недошитыми кожаными брюками, окруженный запахом новенькой кожи, которым была насквозь пропитана мастерская. К тому же младенчество Курта тоже было тесно связано с этим запахом, поскольку мать продолжила шить кожаные брюки на дому почти сразу после родов. Эта существенная деталь воспоминаний убедила не только Курта, но и всю группу, что его воспоминания о собственном рождении были подлинными.

ВИДЕНИЕ СТАРОГО ДУБА

История Анны-Марии

Третий из приводимых мною отчетов о переживании рождения даже более необычен, чем два предыдущих, поскольку он предполагает возможность передачи визуальных образов от матери к плоду. Это история Анны-Марии, 30-летнего антрополога, которая пережила свое рождение под воздействием высокой дозы ЛСД. Хотя сессии настойчиво рекомендуется проводить лежа и с закрытыми глазами, она испытала настойчивую потребность встать и ходить кругами с довольно высокой скоростью. Некоторое время она весело смеялась, сама не зная почему, и когда она наконец смогла лечь, то переживания быстро достигли своей кульминации, и Анна-Мария пережила собственное рождение. Когда она появилась из родовых каналов, она увидела огромный, прекрасный дуб.

Ей все пережитое показалось бессмысленным, и Анна-Мария, как и многие другие, чьи переживания рождений содержали какие-то особенные детали, позвонила матери, чтобы расспросить ее о собственном появлении на свет. Анна-Мария родилась в очень консервативной семье, ее мать была пуританкой и всячески избегала любых разговоров, связанных с сексом. Тогда они впервые заговорили о рождении Анны-Марии, и, хотя мать не слишком охотно вдавалась в подробности, ее рассказ пролил свет на результаты сессии. Мать рассказала, что она была очень испугана и сильно нервничала и, чтобы справиться с напряжением, почти все время ходила по палате. Она также утверждала, что врач дал ей большую дозу закиси азота, называемого «веселящим газом», поскольку он вызывает приступы неконтролируемого смеха.

Роды шли не слишком хорошо, и мать услышала, как один из практикантов сказал другому: «Эта мать не представляет себе, как надо тужиться; лучше бы ей учиться побыстрее, а не то мы потеряем или ее, или ребенка». Она запаниковала и решила тужиться со всей возможной силой и энергией. В тот момент она внезапно вспомнила очень яркий образ из своего детства. Она вспомнила, как, будучи маленькой девочкой, она проводила очень много времени под большим красивым дубом, который рос около их дома. В самом конце родов она представляла себе, что упирается ногами в ствол того самого дуба — как она часто делала в детстве.

В тот момент, когда Анна-Мария появилась на свет, ее мать представляла себе это дерево — тот самый образ, который возник тогда, когда Анна-Мария переживала свое рождение. Если очень постараться, можно было бы найти какое-нибудь материалистическое объяснение смеху, а возможно, и ходьбе по комнате, однако передача ментального образа дуба предполагает, что нам следует искать другой механизм для памяти рождения, не предполагающий материального субстрата.

ПРЕНАТАЛЬНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЕЖЕГОДНОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЯРМАРКИ

История Рихарда

Эта история уводит нас еще дальше, в заключительную стадию беременности, непосредственно предшествующую родам, и связана с Рихардом, талантливым и очень привлекательным молодым человеком, который оказался подопечным пражского Института психиатрических исследований из-за тяжелой хронической депрессии. Он постоянно пытался покончить жизнь самоубийством и кастрировать себя большими дозами эстрогена, чтобы побороть гомосексуальные наклонности. После безуспешных попыток изменить ситуацию с помощью традиционных методов психиатрии Рихард вызвался стать добровольцем в программе терапии с использованием психоделиков.

На одной из сессий Рихард пережил нечто, что выглядело как подлинные внутриутробные переживания. Его восприятие собственного тела изменилось, он стал воспринимать себя в качестве зародыша — маленьким, с очень большой в сравнении с телом и конечностями головой. Рихард чувствовал себя погруженным в околоплодную жидкость и соединенным с матерью плацентой и пуповиной. Он был способен чувствовать циркуляцию крови, приносящей в его тело необходимые для жизни питательные вещества. Все это вызывало прекрасные ощущения блаженства и симбиотического единения с матерью. Он чувствовал, что кровь, текущая в них обоих, является загадочной и волшебной жидкостью, создающей священную связь.

Во время этого переживания он слышал удары двух сердец, которые бились с разной частотой и сливались в один волнообразный акустический рисунок. Он сопровождался специфическими шумами, которые, после некоторых раздумий, Рихард идентифицировал как ток крови по тазовым артериям матери. Возникали также случайные, глухие и рычащие звуки, похожие на движение газов и жидкостей в кишечнике, который соседствует с маткой. На основе различных эмпирических доказательств и воспринимая ситуацию со стороны как взрослый человек, Рихард смог установить, что является зрелым эмбрионом на заключительной стадии беременности, незадолго до рождения.

Его мирное и счастливое состояние было внезапно прервано странными звуками, пришедшими из внешнего мира. Они вызывали эхо, как будто резонировали в огромном зале или проходили сквозь слой воды. То, что получалось в результате, напомнило ему звуковые спецэффекты некоторых современных записей, которые создают с помощью электроники. В конце концов Рихард решил, что этому эффекту он обязан стенкам живота и матки и околоплодной жидкости и что подобным образом зародыш слышит звуки внешнего мира.

Некоторое время он усиленно пытался понять, чем на самом деле являются эти звуки и каков их источник. Потом он смог определить два разных типа звуков, которые сливались вместе. Он определил, что часть этих звуков является голосами людей, которые кричат и смеются. Через нерегулярные промежутки времени голоса прерывались звуками труб. Внезапно он догадался, что это могут быть звуки ежегодной ярмарки, проводившейся в его родной деревне за два дня до его дня рождения. Сложив вместе всю полученную информацию, Рихард решил, что его мать принимала участие в этой ярмарке незадолго до родов.

Когда я расспрашивал мать Рихарда об обстоятельствах его рождения, ничего не рассказав ей о его ЛСД-сессии, она, помимо всего прочего, поделилась следующей историей. В сравнительно скучной жизни ее родной деревни ежегодная ярмарка была одним из самых

значительных и волнующих событий, и, хотя она была уже на последней стадии беременности, ни за что на свете не согласилась бы упустить подобную возможность. Несмотря на предупреждения и возражения своей матери, она ушла из дома, чтобы принять участие в празднике. Согласно заявлениям родственников Рихарда, шумное окружение и суматоха ярмарки ускорили его рождение. Рихард сказал, что ни разу не слышал этой истории, да и его мать не помнила, что рассказывала ему об этой ярмарке.

ВЫИГРЫШ В ГОНКЕ СПЕРМАТОЗОИДОВ

Переживание клеточного уровня сознания

Если продвигаться дальше вспять по линии времени, то отчеты о пренатальном опыте, переживаемом в холотропных состояниях сознания, становятся все фантастичнее и поверить в них все труднее. И все же иногда они приносят информацию, которую можно проверить. Я сам присутствовал на потрясающей презентации австралийского психотерапевта Грэма Фарранта на конференции по пре- и перинатальной психологии в Сан-Диего, штат Калифорния. На своей лекции Грэм демонстрировал видеокассету, на которой он переживал свое зачатие.

К своему большому удивлению, во время сессии, когда он был сперматозоидом, он вовсе не пытался атаковать пассивную яйцеклетку, как пишут в учебниках для мединститутков, а на самом деле сама яйцеклетка приступила к действию, выпустив «щупальце» своей цитоплазмы и поглотив его. Когда Грэм показывал видеозапись своей сессии, мы могли видеть на разделенном экране самый первый фильм, в котором было зафиксировано зачатие человека, снятый в Стокгольмском королевском институте Леонардом Нильсоном с использованием электронного микроскопа четыре года спустя после сессии Грэма. Поскольку Грэм на кассете продолжал комментировать свои переживания, мы могли видеть, что фильм подтверждает его эмпирические прозрения.

Ниже приведены выдержки из конспекта сессии с высокой дозой ЛСД, проведенной молодым психиатром, в котором он описывает свое убедительное отождествление со спермой и яйцеклеткой на клеточном уровне сознания. Переживая участие в гонке сперматозоидов и слиянии двух эмбриональных клеток во время зачатия, он пережил деление клеток оплодотворенного яйца и все эмбриональное развитие до самого конца.

«Мое сознание становилось все менее и менее дифференцированным и мое представление о собственном теле подвергалось радикальным изменениям. Казалось, я стал каким-то примитивным организмом вроде амебы. Я начал испытывать странное возбуждение, не похожее ни на что, что мне когда-либо приходилось чувствовать. Я понял, что участвую в какой-то лихорадочной супергонке, следуя неким химическим посланиям, очень соблазнительным, действию которых невозможно сопротивляться. Часть меня, расположенная где-то там, где обычно располагалась моя спина, генерировала ритмичную пульсацию, которая несла меня сквозь пространство и время к какой-то неведомой цели. Я имел очень смутное представление о пункте назначения, но дело казалось очень важным. По прошествии некоторого времени я, к своему немалому удивлению, понял, что стал сперматозоидом и этот таинственный регулярный пульс исходит от лидера гонки. Он стимулировался длинным жгутиком, который извивался и толкал меня вперед.

Прибегнув к своему зрелому рассудку, я заключил, что целью, которую я так яростно преследовал, было достичь яйцеклетки и оплодотворить ее. Несмотря на то что подобный сценарий казался моему разуму ученого абсурдным и нелепым, я не мог сопротивляться соблазну полностью погрузиться и раствориться в этой гонке со всей серьезностью и всеми силами. Чувствуя себя сперматозоидом, борющимся за яйцеклетку, я осознавал всю сложность задействованных факторов. Происходил физиологический процесс, обладавший теми самыми основными характеристиками, которые изучают в медицинских институтах. Однако у него было и множество дополнительных характеристик, которые выходили далеко за пределы того, что было известно моему разуму, и того, что была способна вообразить моя фантазия в обычном состоянии сознания.

Клетка-сперматозоид, которой я стал, оказалась сложным микрокосмом, мирозданием в

своим собственном праве. Я ощущал биохимические процессы в нуклеоплазме и представлял себе хромосомы и даже молекулярную структуру ДНК. Базовое архетипическое строение молекул ДНК было расцвечено голографическими образами различных форм жизни. Физиохимические конфигурации казались тесно связанными с примордиальными филогенетическими отпечатками, памятью предков, мифами и архетипическими образами, и все они сосуществовали в одной и той же безгранично сложной матрице. Биохимия, генетика, естественная история и мифология, казалось, сложно переплетались и были лишь различными аспектами одной и той же сложной космической структуры. Гонка сперматозоидов также, казалось, управлялась некими внешними силами, определяющими ее конечный результат. Я ощущал, что все это имеет какое-то отношение к истории и звездам, и решил, что они представляют таинственное кармическое и астрологическое влияние.

В какой-то определенный момент я также отождествился с яйцеклеткой. Мое сознание колебалось между сперматозоидом, стремящимся к своей цели, и яйцеклеткой с туманным, но сильным ожиданием очень желанного и важного события. Возбуждение этой гонки возрастало с каждой секундой, и ее лихорадочный темп увеличивался с такой скоростью, что это, казалось, напоминало полет на космическом корабле, приближающемся к скорости света. Затем наступила кульминация в форме триумфальной имплозии и экстагическое слияние сперматозоида с яйцеклеткой. В этой точке две разделенные части сознания соединились, и я был одновременно обеими эмбриональными клетками.

Довольно странно, что и сперматозоид и яйцеклетка, похоже, переживали одно и то же событие одновременно и как личную победу, и как общий триумф. Они оба выполнили свою миссию — для сперматозоида это достижение и вхождение в яйцеклетку, а для яйцеклетки — получение и объединение со сперматозоидом. Одно действие подразумевает двух участников и в итоге приводит к победе и общему удовлетворению их обоих.

Я чувствовал, что этот пример двойной победы представляет собой идеальную модель не только для кооперации мужского и женского в зрелой сексуальной активности, но и для межличностных отношений в целом. Главной задачей было организовать обстоятельства таким образом, чтобы все участвующие стороны достигли удовлетворения и пережили позитивный результат как их личный успех.

После слияния эмбриональных клеток мои переживания продолжались с той же бешеной скоростью, что и гонка сперматозоидов. В сконденсированной и сильно ускоренной форме я пережил весь филогенез, следовавший за зачатием, от оплодотворенной яйцеклетки через первое деление клетки, морулу, бластулу и далее, к полностью развитому плоду. Я полностью осознавал биохимические процессы, деление клеток и рост тканей. Было выполнено огромное количество задач, преодолено множество трудностей и критических периодов. Я был свидетелем и пережил дифференциацию тканей и формирование новых органов, стал жаберными щелями, пульсирующим сердцем эмбриона, колоннами клеток печени, слизистой оболочкой кишечника и многими другими частями развивающегося организма. Взрывной рост эмбриона сопровождался потрясающим высвобождением энергии и золотого света. Я чувствовал, что переживаю биохимическую энергию, задействованную в стремительном росте клеток и тканей.

В определенный момент я четко ощутил, что мое развитие в качестве плода закончено, и это тоже переживалось как великое завершение — личный успех, так же как и триумф творческой силы природы. Когда я вернулся в нормальное состояние сознания, я был убежден, что это переживание будет иметь глубокое и длительное воздействие на мою самооценку. Вне зависимости от того, каким бы ни был мой дальнейший жизненный путь, я уже совершил два достаточно необычных подвига в этой своей инкарнации: я выиграл гонку с сотнями миллионов

участников и успешно завершил труднейшую задачу эмбриогенеза. Хотя ученый во мне был позабавлен подобным глупым объяснением и реагирует на него снисходительной улыбкой, стоящие за ним эмоции очень сильны и вполне убедительны».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ

Самые дальние пределы человеческой памяти

Как только я установил, что в холотропных состояниях сознания можно получить доступ к памяти о биологическом рождении и жизни эмбриона, я столкнулся с куда более фундаментальной концептуальной проблемой. В целом ряде случаев мои клиенты сообщали, что во время сессий с применением психоделиков они переживали эпизоды из жизни своих предков, живших задолго до того, как они были зачаты. Другие переживали что-то, связанное с другими историческими эпохами и даже другими географическими областями, но без ощущения биологической связи с их главными героями, а эмпирические идентификации часто подразумевали представителей других расовых групп.

Эти наследственные, расовые и коллективные воспоминания часто содержат точную историческую и культурную информацию, которая выходит далеко за пределы реальных знаний этих людей. Они четко описывают костюмы, оружие, архитектуру, ритуалы и другие аспекты периодов истории и стран, с большим количеством конкретных деталей. Все это, похоже, показывает, что подобные переживания не являются плодом фантазии, символической переработкой некоторых текущих проблем или результатом мозговой патологии, как их обычно рассматривают психиатры традиционного направления, но в своем роде уникальными и завораживающими явлениями. Эти наблюдения предоставили сильные доказательства в поддержку существования коллективного бессознательного, описанного Карлом Густавом Юнгом.

Признание объективности этих переживаний и доказательство их подлинности требует подтверждения информации, которую они содержат, и демонстрацию того, что мои клиенты не могли получить ее другим путем, а это, естественно, задача не из легких. Многие события, описанные в этих переживаниях, имели место много лет тому назад и в других странах. Иногда содержащаяся в них информация недостаточно конкретна и точна, а иногда, наоборот, точна до мельчайших деталей, но не существует никаких архивов по этой теме и других источников для легализации подобной информации. Однако иногда случалось так, что у переживаний имелись все критерии, необходимые для их подтверждения — ясная и недвусмысленная информация, адекватный источник для независимого исследования и оценки его точности, и разумные гарантии того, что этот человек не получил информацию из других источников. В следующем тексте я приведу несколько примечательных случаев подобного типа, с которыми я столкнулся в своей жизни.

ЭПИЗОД РУССКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ

История Инги

Главной героиней этой истории является Инга, молодая женщина из Финляндии, которая участвовала в одном из наших семинаров в Стокгольме. Ее сессия холотропного дыхания была очень глубокой и вертелась вокруг ее появления на свет. Когда она переживала путешествие по родовым каналам, стадию родов, которую я называю второй перинатальной матрицей (БПМ-2), ее переживания закончились сценами агрессии и насилия из различных войн. Связь между перинатальными переживаниями и сценами насилия из коллективного бессознательного весьма характерна и встречается очень часто. Однако одна из этих сцен была необычной и отличалась от всех остальных.

Инга ощутила себя молодым солдатом, принимавшим участие в русско-финской войне — за четырнадцать лет до своего зачатия. К своему немалому удивлению, Инга поняла, что смотрит на бой глазами собственного отца. Она полностью слилась с ним и чувствовала его тело, его эмоции и его мысли. Она также могла очень ясно воспринимать все, что происходило вокруг. В какой-то момент, когда Инга пряталась в лесу за стволом березы, мимо пролетела пуля и оцарапала ей щеку и ухо.

Переживания были очень яркими, достоверными и убедительными. Инга не знала, откуда они пришли и что это значит. Умом она понимала, что ее отец принимал участие в русско-финской войне, но была уверена, что он никогда не рассказывал о подобном эпизоде. Наконец, после обсуждения своей сессии Инга поняла, что она каким-то образом вошла в контакт с памятью отца об этом событии, и решила проверить это, позвонив домой.

После разговора Инга вернулась к группе сильно взволнованной и даже испуганной. Когда она позвонила отцу и рассказала ему о том, что ей довелось пережить, отец был потрясен. Этот эпизод действительно имел место, и описание Инги, в том числе и окружающей обстановки, например березы, было абсолютно точным. Отец заверил Ингу, что никогда не рассказывал об этом эпизоде ей или другим членам семьи, поскольку ранение не было серьезным и не стоило отдельного упоминания.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА В БЕЛОМ ПЕРЕДНИЧКЕ

История Нади

Вторая история рассказывает о более древней наследственной памяти. Надя, пятидесятилетняя женщина-психолог, во время сессии с применением ЛСД пережила очень яркий эпизод из раннего детства своей матери. К своему бесконечному удивлению, Надя вдруг стала маленькой девочкой лет трех-четырёх, в накрахмаленном, вычурном платье, прячущейся под лестницей, в этой девочке Надя узнала собственную мать. Она закрывала рот ладошками и чувствовала себя встревоженной и одинокой, словно испуганный зверек. Дело было в том, что она сказала что-то очень плохое, и ее сильно отругали за это. Она не могла вспомнить, за что именно, но болезненно осознавала, что произошло что-то очень неприятное и ужасное.

Из своего убежища девочка могла видеть множество своих родственников, дядюшек и тетушек, сидящих на веранде деревянного дома, в старомодных платьях, характерных для того времени (начало XX века), все о чем-то говорят, забыв о ней. Девочка понимала, что не в состоянии соответствовать невыполнимым требованиям взрослых — вести себя хорошо, говорить правильно и не пачкаться. Угодить им совершенно невозможно, и девочка чувствовала себя отверженной и пристыженной.

Желая понять, что все это значит, Надя обратилась к матери, чтобы уточнить необходимые подробности из ее детства, что-то, о чем они никогда не говорили прежде. Не желая признаваться в употреблении ЛСД, что ее консервативная мать не одобряла, Надя сказала, что ей приснился сон о детстве матери, и она хочет узнать, действительно все было именно так. Вскоре после того как она начала рассказывать, мать перебила ее и сама закончила историю, и ее рассказ полностью совпадал с тем, что Надя пережила во время сессии. Она также добавила множество деталей из своего детства, которые логически дополняли данный эпизод.

Она призналась, что ее собственная мать (бабушка Нади) была женщиной очень авторитарной и строгой, рассказала о ее непомерных требованиях, касающихся чистоты и подобающего поведения, — они отражались в любимой поговорке матери: «Детей должно быть видно, но не слышно». Мать Нади подчеркнула, что в детстве, единственная сестра двух братьев, которые были намного ее старше, она чувствовала себя очень одинокой и ей хотелось найти подходящих товарищей для игр. Согласно ее рассказу, бабушка Нади часто приглашала множество родственников на семейные встречи по субботам и готовила на всех еду. Ее описание дома также соответствовало тому, что Надя увидела во время сессии, в том числе и большая веранда и ведущие к ней ступеньки. Она также упомянула платья с накрахмаленными белыми фартуками, которые были характерны для времен ее детства. В семье не сохранилось фотографий, запечатлевших эту сцену, да и дом был снесен задолго до рождения Нади.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ УКРАДЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ

История Марианны

Третий пример, подтверждающий память предков, уходит вглубь истории семьи на несколько поколений. Марианна Вобке, акушерка из Австралии, принимала участие в нашем тренинге по холотропному дыханию и трансперсональной психологии и в конце концов стала сертифицированным практиком. Я использую ее настоящее имя, поскольку в июне 2004 года она опубликовала свою историю и представила ее на шестнадцатой Международной трансперсональной конференции в Палм-Спрингз, которую организовали мы с Кристиной.

Необычный генеалогический поиск Марианны начался в ее тринадцатый день рождения, когда родители сказали, что удочерили ее. Когда девочка рассказала об этом в школе, ее начали дразнить, и Марианна предпочла никогда больше не говорить об этом. Ее также сильно сбивало с толку то, что во многих ее снах и кошмарах, а также видениях под влиянием галлюциногенных грибов и ЛСД, которые она употребляла в юности, фигурировали австралийские аборигены. Однако она не так уж сильно задумывалась о своем статусе приемного ребенка до тех пор, пока не испытала сильное переживание, связанное с ее профессией акушерки.

В апреле 1991 года Марианна начала акушерскую практику в базовой больнице г. Тувумба (среднее звено в системе больниц штата — Примеч. пер.). Первым случаем в ее практике стали роды женщины-аборигенки из Западной Австралии, забеременевшей в результате изнасилования. Это была первая практика Марианны, и девушка была полна энтузиазма, поэтому она, желая поддержать женщину, постоянно вторгалась в ее личное пространство. Не имея представления о традициях австралийских аборигенов, Марианна пыталась поддерживать с пациенткой зрительный контакт, что запрещено их обычаями.

Чтобы защититься, женщина скорчилась спиной к Марианне, закрыв рот и нос ладонями. Ее также раздражал и вызывал тошноту запах Марианны — для нее Марианна пахла мылом и духами. В конце концов, инстинктивно отреагировав на сложившуюся ситуацию, Марианна отошла назад, присев на корточки на достаточном расстоянии от роженицы, и дала ей возможность рожать в тишине.

Родовые переживания женщины и ее отказ от ребенка произвели на Марианну глубокое впечатление. Ребенок провел в роддоме три недели, пока семейные службы искали его мать, которая бесследно исчезла. Марианна была странно тронута судьбой ребенка и увлечена им. Она пыталась рационально подойти к своей реакции, убеждая себя, что это присутствие при родах разбудило в ней материнский инстинкт, но даже для этого случая эмоции Марианны были слишком сильными. Она случайно оказалась на дежурстве в тот день, когда три старейшие женщины племени пришли за ребенком, и сама отдала им младенца. Это стало для нее причиной глубокой печали, которая предшествовала ее путешествию к наследию предков.

Именно это переживание пробудило в начинающей акушерке сильный интерес к своему статусу приемного ребенка. Поскольку ее приемные родители больше не возвращались к этому вопросу, Марианне не хотелось обращаться к ним со своими заботами. Вместо того чтобы расспрашивать их, она написала в службу помощи семьям. Вскоре она получила на почте бандероль, в которой содержалась краткая справка о ее усыновлении, имя ее биологической матери и ее возраст на момент рождения дочери, и книга под названием «Больше никаких тайн». В последующие десять лет ее не раз охватывало отчаянье от тщетности попыток хотя бы приоткрыть завесу тайны над собственным прошлым. За это время она испытала множество разочарований и много путешествий по пересохшим руслам.

Поиск Марианны получил новый импульс, когда она встретила с Мэри Мэдден,

психотерапевтом, которая проходила тренинг у нас в США и была сертифицированным практиком холотропного дыхания. Мэри стала фасилитатором на сессиях холотропного дыхания Марианны и, вскоре, ее близкой подругой. С помощью Мэри Марианна отправилась по трудному пути самоанализа, на котором столкнулась со множеством нелегких переживаний, отчасти на сессиях холотропного дыхания, а отчасти во снах и повседневной жизни.

Среди них были воспоминания о неоднократном сексуальном насилии над ней в образе ребенка и о том, как ее насилует человек, говорящий не по-английски, а по-итальянски. Марианна была сбита с толку этими переживаниями, поскольку была абсолютно уверена, что они не имеют ни малейшего отношения к ее нынешней жизни. У нее начались мигрени, похоже, связанные с тем, что при ее рождении использовались акушерские щипцы. Когда она переживала эту часть своей истории, на ее лбу и теле внезапно появились синяки. Она настойчиво пыталась понять, действительно ли это случилось с ней, и возможно ли, чтобы она сознательно блокировала эти воспоминания.

На этой трудной стадии самоизучения Марианна отделилась от своего партнера, семьи и друзей. Она была смущена и дезориентирована, потеряла все точки привязки к действительности и желание жить. Позднее она рассказывала, что только любящая поддержка сообщества холотропного дыхания, фасилитаторов и членов группы помогла ей пережить этот кризис. Марианна была убеждена, что без такой поддержки в то трудное время она бы наверняка рассталась с жизнью.

Хотя до сих пор Марианна очень мало общалась с аборигенным населением, в ее внутренних переживаниях они занимали значительное место — появлялись во время сессий холотропного дыхания, во снах или спонтанно в повседневной жизни. С невероятной яркостью и силой она представляла, как к ней приходят старейшины и показывают ей приемы, которые существенно повышают ее возможности как акушерки. Это вдохновило ее на создание с помощью благотворительной организации Blue Care первой в Квинсленде независимой акушерской программы, частично финансируемой государством.

Все это время Марианне не везло в поисках ее родной матери, но она аккуратно регистрировала все свои переживания в журнале, в большом количестве выплескивая на его страницы преследовавшие ее сцены. В результате появился целый ряд примечательных рисунков, иллюстрирующих ее бурные внутренние процессы. В 1996 году в поисках Марианны наметился первый прорыв, когда Служба поиска пропавших Армии спасения нашла ее бабушку и дядей, живущих в Сиднее, а позднее и ее мать, которая жила в Новой Зеландии. Однако ее родственники не хотели иметь с ней ничего общего, и Марианна чувствовала себя опустошенной.

Наконец, шесть месяцев спустя, ее родная мать все-таки написала ей. Письмо было очень коротким и, тем не менее, содержало подтверждение части того, что пережила Марианна во время сессии. В письме говорилось о том, что Марианна была зачата в результате насилия и насильник говорил по-итальянски, а не по-английски. В то время мать Марианны была подростком из маленького городка на севере Квинсленда, и не только глубоко травмирована самим изнасилованием, но и сильно пристыжена и проклята собственными родителями. После нескольких безуспешных попыток сделать аборт, она попала в дом для незамужних девушек.

После рождения Марианны, тяжелого, с применением щипцов, она никогда больше не видела дочери и не прикасалась к ней. Она села на корабль, идущий в Новую Зеландию, и сделала все возможное, чтобы забыть свое прошлое и начать все сначала. В своем письме она желала Марианне всего наилучшего и просила больше не пытаться с ней связаться, несмотря на то что Марианна много раз пыталась это сделать. Однако этим поиск не закончился — после этого неожиданного подтверждения данных о ее зачатии и рождении, полученных на сессиях

холотропного дыхания, Марианна продолжила его с новыми силами.

На одной из сессий Марианна идентифицировалась с женщиной-аборигенкой, которая была связана, изнасилована и избита двумя людьми в униформе, приехавшими верхом. У нее отняли двух ее детей, ее ноги намочили в нефти и подожгли. Марианна продолжала рисовать и записывать пережитое — хотя бы для того, чтобы не сойти с ума. Однажды, когда сессия психотерапии снова затронула тему аборигенов, Марианна, по настоятельной просьбе Мэри, узнала в справочной службе телефон и позвонила в Новую Зеландию, надеясь поговорить со своей родной матерью, и на этот раз попытка была успешной.

Во время этого разговора мать сказала ей, что прабабушка Марианны была аборигенкой, и ярко описала сексуальное, эмоциональное, физическое и духовное насилие, которое та испытала в своей жизни. Наконец-то тайна начала раскрываться, и Марианна почувствовала надежду. Однако после разговора мать отказалась от дальнейших контактов. Марианна в отчаянии обратилась в организацию австралийских аборигенов Link Up с просьбой помочь ей подтвердить свою принадлежность к коренному населению. Без согласия ее матери, которое конечно же не было дано, организация не смогла ничего сделать, и Марианна снова погрузилась в разочарование.

Приемные родители Марианны поддерживали ее все это время, и однажды отец передал ей случайно попавший к нему номер телефона. Марианна смогла установить контакт с организацией «Сообщество и личные биографии», которое заинтересовалось ее делом. Несколько месяцев спустя она получила по почте несколько документов, датированных 1895–1918 годами, содержащих сведения о ее прабабушке, которая была незаконнорожденной дочерью пожилого холостого землевладельца с самого Севера Квинсленда. Он пытался найти лазейку в Законе о защите коренного населения, обойти его и вернуть дочь-полукровку себе, чтобы было кому позаботиться о нем в старости.

Этот человек заявил, что аборигенка была его любовницей, в результате чего родилось двое детей-полукровок. Там был также отчет полиции о том, как двое верховых офицеров были отправлены захватить «туземку и ее детей», которые потом были посланы в «лагерь для черных» и на принудительные работы. В конце концов Марианна убедилась, что ноги ее прабабки были тогда сильно обожжены — в точности так, как это было с Марианной во время сессии холотропного дыхания.

Марианна обратилась к психологу-консультанту организации «Украденные поколения» (Stolen Generations) и нашла работу с ним очень полезной и трансформирующей. В июне 2003 года представитель Link Up, организации, занимавшейся воссоединением аборигенных семей, принадлежавших к «украденным поколениям», вылетел с Марианной в Сидней для трехдневного свидания с ее бабушкой и дядей Робби. Никакие слова не в силах выразить те эмоции, которые испытывала Марианна, входя в дом своей бабушки. Бабушка заключила ее в свои объятия, заплакала и, повернувшись к своему сыну, сказала: «Наконец-то наше дитя дома». Марианна узнала, что, когда несколько лет тому назад Армия спасения связалась с ними, ее бабушка только что перенесла удар. Когда она оправилась от удара, она не помнила об этом и не знала, где Марианна и как с ней связаться. Человек глубокой духовности, она каждый день молилась, чтобы Марианна нашла свою дорогу домой.

Родная мать Марианны мало общалась со своей семьей и по-прежнему отказывалась признать свою дочь, но боль от ее отношения исцелялась приятием и любовью бабушки и дяди, который писал в своем последнем письме: «Я пытался понять, почему вы так изменили нашу жизнь. Потом я догадался, что вы дополнили нашу семью, постучавшись в дверь своей бабушки, — словно круг наконец замкнулся. Мы очень вас любим». Героическая эпопея Марианны подошла к концу, и она смогла найти свой дом.

Когда я попросил у Марианны разрешения включить ее волнующую историю в свою книгу, она захотела, чтобы я упомянул ее глубокую признательность Таву Спарксу, руководителю «Трансперсонального тренинга Грофа», и Мэри Мэдден, ее психотерапевту и сертифицированному практику холотропного дыхания, за ту решающую роль, которую эти необыкновенные люди сыграли в ее исцелении. Она убеждена, что без их квалифицированной помощи и любящей поддержки она бы не смогла противостоять трудностям и эмоциональной боли ее внутреннего путешествия, и привести его к счастливому завершению.

ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ?

История Ренаты

Четвертый пример демонстрирует ситуацию с возвращением в далекое прошлое, в самое начало VII века. Этот пример также прекрасно демонстрирует концептуальные трудности, связанные с подтверждением полученной информации. Главной героиней этой истории является Рената, моя бывшая клиентка, которой потребовалась психотерапия, поскольку канцерофобия сильно осложняла ей жизнь. Во время терапии с применением ЛСД она пережила некоторые травматичные моменты своего детства и постоянно переживала память о собственном рождении. На более глубокой стадии самоанализа природа ее сессий внезапно существенным образом изменилась. То, что произошло при этом, было очень необычно и не имело аналогов.

На протяжении четырех ЛСД-сессий она имела дело с событиями одного и того же отрезка истории. Она пережила несколько эпизодов, происходивших в Праге в самом начале VII века. После ужасной битвы у Белой горы в 1621 году, которая положила начало Тридцатилетней войне в Европе, страна прекратила свое существование как самостоятельное государство и попала под власть династии Габсбургов. Пытаясь разрушить чувство национальной гордости и подавить национальное сопротивление, Габсбурги отправили наемников захватить двадцать семь самых известных и влиятельных аристократов, чтобы публично обезглавить на эшафоте, воздвигнутом на Староместской площади в Праге.

Во время этих сессий Рената получила необычный набор образов и прозрений, касающихся архитектуры этого периода, предметов одежды и костюма, а также оружия и различной утвари, используемой в обычной жизни. Она также смогла описать довольно сложные взаимоотношения, существовавшие в то время между королевской семьей и ее слугами. Рената никогда не изучала специально этот период чешской истории и даже не интересовалась им. Мне пришлось отправиться в библиотеку и провести кое-какие исследования, чтобы выяснить, являются ли сведения Ренаты исторически верными.

Многие эпизоды, пережитые Ренатой, были связаны с жизнью молодого дворянина, одного из двадцати семи, казненных по приказу Габсбургов. В конце концов Рената испытала все, что непосредственно предшествовало казни, и саму казнь, включая последние страдания этого дворянина и его агонию. Во многих отношениях Рената пережила полную идентификацию с этим человеком. Она не смогла объяснить, каким образом эти исторические события связаны с ее жизнью, почему они появились на ее сессиях и что означали. В результате долгих раздумий Рената пришла к выводу, что она пережила эпизоды из жизни одного из своих предков. Сессии Ренаты пришлись на самое начало моей работы с психоделиками, и, вполне возможно, я был недостаточно подготовлен к интерпретации полученных данных.

Пытаясь что-нибудь понять, я применил два разных подхода. С одной стороны, я потратил значительное количество времени на подтверждение конкретной исторической информации и все больше и больше поражался ее точности. С другой стороны, я использовал фрейдовский метод свободных ассоциаций, толкуя рассказ Ренаты, словно обычный сон. Я надеялся, что смогу расшифровать его символическую маскировку как какое-то детское переживание или проблему из ее нынешней жизни. Но, как бы я ни пытался, эта эмпирическая последовательность не имела с точки зрения психоанализа ни малейшего смысла. Когда во время сессий переживания Ренаты сместились в другую область, я наконец сдался и перестал

думать об этом занимательном случае, сфокусировавшись на других, более современных и неотложных концептуальных проблемах.

Два года спустя, когда я уже жил в Соединенных Штатах, я получил от Ренаты письмо со следующим интригующим вступлением: «Уважаемый доктор Гроф, возможно, когда я сообщу вам о результатах своего недавнего исследования, вы сочтете меня совершенно безумной». В тексте, который следовал за этим вступлением, Рената рассказывала о том, как случайно встретила со своим отцом, которого не видела с тех пор, как ее родители развелись, когда ей было три года. Отец пригласил Ренату пообедать с ним, его второй женой и их детьми. После обеда он сказал, что хочет сообщить ей что-то, что может показаться ей интересным.

Во время Второй мировой войны нацисты потребовали, чтобы все семьи, живущие на оккупированных территориях, предъявили немецким властям свои родословные, демонстрирующие отсутствие лиц еврейского происхождения в последних пяти поколениях. Это стало очень серьезной проблемой, поскольку неспособность доказать «чистоту» происхождения имела катастрофические последствия для каждого из членов семьи. Проводя эти вынужденные генеалогические исследования, отец Ренаты увлекся процессом и, составив список требуемых пяти поколений и отдав властям, продолжил исследования уже по собственной инициативе.

Благодаря тщательно сберегаемым архивам различных приходов Европы, хранящих данные обо всех рождениях в их округе за бесчисленное количество поколений, он проследил историю своей семьи больше чем на три века. Теперь он мог показать Ренате результат многолетних исследований — тщательно разработанную, сложную генеалогию их семьи, показывающую, что они являются прямыми потомками одного из дворян, казненных после битвы у Белой горы на площади пражского Старого города.

Ренату поразило это неожиданное подтверждение информации, полученной на ЛСД-сессии. После описания этого невероятного эпизода Рената выразила глубокую уверенность в том, что «подобные, сильно эмоционально заряженные воспоминания могут быть запечатлены в генетическом коде, и передаваться сквозь века последующим поколениям». Письмо Ренаты заканчивалось торжествующим «я же вам говорила». Она чувствовала, что эта новая, неожиданная информация, полученная от отца, подтверждает ее давние подозрения, что она столкнулась с подлинной наследственной памятью. Как я уже говорил выше, в то время я был еще не готов воспринять подобную информацию.

После того как первое потрясение от подобного стечения обстоятельств прошло, я обнаружил в отчете Ренаты серьезную логическую нестыковку. Одно из ее переживаний, имевшие исторический контекст и повествовавшее о казни молодого дворянина, содержало также и все связанные с этим событием эмоции. В VII веке, задолго до революционных прорывов в области медицины, умерший не мог ничего передать потомкам, смерть уничтожала все материальные каналы, через которые могла быть передана потомкам информация о жизни казненного.

В результате этого вывода ситуация стала еще более сложной, чем прежде. Сюжет становился все более запутанным. С одной стороны, переживание Ренаты получило сильное независимое подтверждение в тех исторических исследованиях, которые провел ее отец. С другой стороны, не существовало никакого материального субстрата, способного сохранить, передать и восстановить информацию. Однако прежде чем отбросить информацию, которая выполняет в истории Ренаты роль свидетельства подлинности наследственной памяти, следует серьезно изучить некоторые факты.

Ни один из оставшихся чешских пациентов, с которыми мы провели в общей сложности более двух тысяч сессий, ни разу не упомянул этот исторический период, а в случае с Ренатой четыре следовавшие одна за другой сессии с применением ЛСД содержали почти

исключительно исторически последовательные события этого времени. Вероятность того, что пересечение внутреннего поиска Ренаты и генеалогических исследований ее отца было лишь ничтожным совпадением, столь ничтожна, что эту альтернативу с трудом можно воспринимать всерьез. Нам остается лишь необычное наблюдение, для которого современная материалистическая парадигма не имеет никакого объяснения. Это пример наблюдения из современных исследований сознания, которые недавно получили название «аномальные явления».

ЖИЛИ ЛИ МЫ ПРЕЖДЕ?

Реинкарнация и «Хроники Акаши»

Среди самых интересных явлений, с которыми приходилось сталкиваться во время моих исследований холотропных состояний сознания, без сомнения, одно из главных мест принадлежит переживаниям из прошлых жизней. Эти переживания с необычайной частотой случаются на сессиях с применением психоделиков, холотропного дыхания и во время спонтанных психодуховных кризисов у людей, с которыми мы работали. Подобное случалось, несмотря на то что изначально я не принимал идеи реинкарнаций и кармы всерьез и видел в них продукт жаждущей фантазии людей, которые не могут принять жестокую реальность мимолетности жизни и неотвратимости смерти. В дополнение к этому переживания противоречили убеждениям той культуры, в которой я вырос, поскольку концепция реинкарнации отвергается и традиционной наукой основного направления, и нашей основной религией. Это один из тех редких случаев, когда материалистическая наука и христианство абсолютно солидарны друг с другом.

У многих людей первая встреча со своими прошлыми жизнями происходит во время переживания собственного рождения, у других же подобные переживания возникали независимо от других. Эта последовательность обычно вовлекает человека в какую-либо ситуацию с сильным эмоциональным зарядом, которая может происходить в разных странах в самые разные исторические периоды — и совсем недавние, и очень далекие. Содержание этих переживаний обычно является для человека полным сюрпризом и все же сопровождается странным ощущением «дежавю» («уже виденного») или «дежавесю» («уже прожитого»): «Это случается со мной уже не в первый раз; я здесь уже был; я пережил это в одной из прошлых жизней». Также типично, что между этим человеком и событиями из этих переживаний или с его нынешней жизнью существует глубокая связь.

Я достаточно быстро осознал тот факт, что у переживаний из прошлых жизней есть множество характеристик, не позволяющих считать их обычными глупыми фантазиями. Они существуют в том же континууме, что и точные воспоминания из юности, детства, младенчества, рождения и внутриутробного существования — явлениями, которое можно подтвердить с очень большой вероятностью. Они также часто очень близко связаны с эмоциональным и психосоматическим состоянием человека и важными проблемами и обстоятельствами его жизни. Когда кармические последовательности полностью переходят в область сознания, они часто приносят разъясняющие прозрения в различные, прежде непонятные и вводящие в заблуждение аспекты повседневной жизни этого человека.

Сюда входит большой спектр психологических и межличностных проблем, для которых традиционные школы психиатрии не могут дать адекватного объяснения. Мне также неоднократно приходилось быть свидетелем того, как переживания из прошлых жизней не только приводили к интеллектуальному пониманию, но и к облегчению или полному исчезновению различных тяжелых эмоциональных и психосоматических симптомов, а также к разрешению конфликтов во взаимоотношениях с другими людьми. В дополнение к этому, как и упоминавшиеся раньше наследственная, расовая и коллективная памяти, переживания из прошлых жизней часто дают точные инсайты того времени и культуры. Во многих случаях природа и качество этой информации не позволяет предположить, что эти люди могли получить подобные сведения из общедоступных источников.

Ниже вы найдете несколько примеров этих замечательных переживаний, также содержащих

конкретную информацию, которая позднее может быть подтверждена, или связаны с применательными совпадениями. За исключением истории Карла, все они описывали переживания и события, связанные с законами кармы и реинкарнациями Кристины и моими собственными. Они помогли оценить силу опыта и убедительную природу этих явлений.

ОСАДА КРЕПОСТИ ДУН АН ОЙР

История Карла

Сколь бы впечатляющими и убедительными ни были приведенные выше возможности переживаний прошлых жизней, мечтой каждого исследователя этой области была бы возможность найти случаи, когда некоторые важные аспекты этих переживаний могут быть подтверждены независимым историческим исследованием. Для меня подобные мечты стали правдой, когда мы с Кристиной встретились с Карлом и получили возможность содействовать процессу его глубокого самоанализа и исцеления. Карл записался на один из наших месячных семинаров в Эсалене, после того как провел некоторую внутреннюю работу в группе психотерапевтов-диссидентов, практикующих первичную терапию в Канаде. Это была одна из групп, ушедших из института первичной психотерапии в Лос-Анджелесе после серьезных разногласий с Артуром Яновым.

В ходе курса первичной терапии эти люди испытали различные формы трансперсональных переживаний, таких как архетипические видения, отождествление с различными животными и воспоминания о прошлых жизнях. Янов, не имевший ни малейшего понятия о трансперсональной области подсознания, был настроен очень враждебно ко всему, что хоть как-то связано с духовным опытом, и интерпретировал их аргументацию как «примитивную защитную реакцию». Многие люди, ценившие методику опервичной терапии, но не могущие противостоять концептуальной предвзятости Янова, ушли из института и основали свою группу.

Карл начал заниматься самоанализом как член этой группы, и через некоторое время его внутренний процесс достиг перинатального уровня. По мере переживания различных аспектов своего биологического рождения он увидел фрагменты драматических сцен, которые, похоже, относились к другому времени и другой стране. Они сопровождались сильными эмоциями и физическими ощущениями и имели глубокую и очень близкую связь с его жизнью; но ни один из этих эпизодов, казалось, не имел ни малейшего смысла в связи с событиями его нынешней жизни. Он видел туннели, подземные склады, казармы, толстые стены и крепостные валы, которые, похоже, были частью крепости, построенной на вершине скалы на берегу океана. Эти видения перемежались образами солдат в различных ситуациях. Карл был совершенно сбит с толку, поскольку солдаты были испанцами, а место действия больше напоминало Шотландию или Ирландию.

В это время Карл пришел на наш семинар в Эсалене и перешел от первичной психотерапии к холотропному дыханию. По мере того как процесс продолжался, сцены становились все более драматичными, а Карл принимал в них все более живое участие. Антуражем многих сцен была жестокая битва и кровавая резня. Окруженный солдатами, Карл ощущал себя священником; однажды в его видении, очень волнующем, присутствовали Библия и крест. В этот момент он увидел на своем пальце кольцо с печатью и смог ясно рассмотреть выгравированные на нем инициалы.

Будучи талантливым художником, он решил задокументировать этот процесс, хотя в то время не понимал, что происходит. Он нарисовал целую серию графических работ и очень сильных и эмоционально заряженных рисунков пальцем. Одни из них изображали части крепости, другие — сцены резни, а несколько — собственные переживания Карла, в том числе и то, где его пронзает меч английского солдата, а затем его сбрасывают с крепостного вала и он умирает на берегу. Среди этих рисунков был и тот, на котором Карл изобразил свою руку с кольцом, на печатке которого выгравированы инициалы имени священника.

По мере того как он собирал кусочки и обрывки этой истории, Карл находил все больше и

больше осмысленных связей между различными аспектами этого сюжета и своей нынешней жизнью. Он начал подозревать, что драма испанского священника, произошедшая в далеком прошлом, может быть источником многих эмоциональных и психосоматических симптомов, а также проблем в общении с другими людьми. Поворотной точкой стал момент, когда он вдруг, повинаясь импульсу, решил провести отпуск в Ирландии. По возвращении оттуда, когда он просматривал слайды, снятые им на Западном побережье Ирландии, он обнаружил двенадцать идущих подряд снимков одного и того же пейзажа. Карл был поражен, поскольку не помнил, что он это делал, да и вид, запечатленный на слайдах, не представлял собой ничего особенного.

Будучи человеком прагматичным, он выбрал очень рациональный и аналитический подход к этой странной ситуации. Он посмотрел на карту, восстановил, откуда и в каком направлении он снимал. Карл выяснил, что место, которое привлекло его внимание, является руинами старой крепости, носящей имя «Дун ан Ойр» или Форте де Оро («Золотая крепость»). С того места, откуда он фотографировал, остатки крепости были едва различимы простым глазом, и Карлу пришлось долго вглядываться, чтобы найти их на слайде. Подозревая, что между этим странным поведением и пережитым во время первичной психотерапии и сессий холотропного дыхания существует связь, Карл решил изучить историю Дун ан Ойр, пытаясь найти какие-либо объяснения.

К собственному удивлению, он обнаружил, что в 1580 году небольшой испанский экспедиционный корпус высадился в Ирландии, близ Смеруикской бухты, чтобы помочь ирландскому восстанию, возглавляемому графом Дезмондом. После того как к ним присоединились ирландцы, численность отряда достигла 600 человек. Они составили гарнизон форта Дун ан Ойр, который вскоре был осажден большим войском англичан под командованием лорда Грея. Уолтер Рейли, сопровождавший лорда Грея, сыграл роль посредника и провел с испанцами переговоры. Он пообещал им свободный выход из крепости, если они откроют ворота и сдадутся англичанам. Испанцы согласились на эти условия и сдались, но англичане не сдержали свое обещание. Войдя в крепость, они безжалостно вырезали всех испанцев и выбросили их тела за стены — в море и на берег.

Несмотря на потрясающее подтверждение той истории, которую он трудолюбиво реконструировал из отрывочных воспоминаний, Карл не был удовлетворен. Он продолжал исследования в библиотеках до тех пор, пока не нашел документ о битве при Дун ан Ойр. В этом документе сообщалось, что в испанском отряде был священник, которого англичане убили вместе с остальными. Инициалы священника полностью совпадали с теми, которые Карл видел на кольце с печатью и запечатлел на одном из своих рисунков.

КАРМИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Путешествие в Древний Египет

В 1967 году, как раз в то время когда я эмигрировал в Соединенные Штаты, мне пришлось столкнуться с проблемой воспоминаний о прошлых инкарнациях. Я снова и снова становился их свидетелем на сессиях моих клиентов и был поражен и озадачен объемом и качеством информации, которая высвобождается, когда они всплывают в сознании. Эта информация касалась социальной структуры общества, обрядов и духовной жизни, а также костюмов, оружия и военной стратегии, характерных для народов и исторических периодов, сформировавших контекст этих переживаний. Эти кармические эпизоды подразумевают знания, далеко превосходящие интеллектуальный уровень и образование моих клиентов.

Я также был сильно поражен связью между конкретными важными аспектами этих кармических переживаний и повседневной жизнью моих клиентов — их эмоциональных и психосоматических проблем, трудностей во взаимоотношениях с другими людьми, странных и необъяснимых приступов идиосинкразии, или влечения, и реакциях на конкретных людей или ситуации. Но еще более примечательным было психотерапевтическое воздействие, которое оказывают подобные кармические переживания, когда они полностью прожиты и интегрированы.

Но, несмотря на все эти впечатляющие доказательства, мне казалось невозможным принять, что в данном случае мы имеем дело с подлинным феноменом. Существующий концептуальный барьер был на качественно ином уровне, чем тот, что стоит на пути воспринимающей способности мозга новорожденного зафиксировать суровое испытание рождения. В конце концов, мозг новорожденного, миелинизированный или нет, является очень сложной материалистической системой, но возможность воспроизведения целых сцен, относящихся ко времени, предшествующему зачатию, часто на целые века, кажется слишком нелепой.

Если действовать в рамках материалистического мировоззрения, характерного для западной науки, наследственная и расовая память должны передаваться спермой и яйцеклеткой, единственными материальными объектами, осуществляющими нашу связь со всем тем, что предшествует зачатию. Носителями этой информации должны быть хромосомы, а точнее, ДНК, а в случае с воспоминаниями о прошлых жизнях даже этот слабенький материальный мостик с прошлым теряется, поскольку они пересекают не только наследственные, но даже расовые линии наследования информации. Эти воспоминания не могут быть памятью предков, поскольку принадлежат людям другой расы, например, для европейцев не так уж необычны воспоминания о прошлых жизнях в качестве чернокожих африканцев, индейцев или жителей Азии, и наоборот.

Чтобы изменить мое отношение к воспоминаниям о прошлых жизнях, потребовалось некое глубокое личное переживание. Эта область открылась для меня на ЛСД-сессии, вскоре после моего прибытия в Соединенные Штаты. То, что произошло на этой сессии и вокруг нее, убедило меня, что воспоминания о прошлых жизнях представляют собой подлинные явления и не могут быть отброшены как производные событий нашей повседневной жизни. Этот необычный опыт, помимо всего прочего, был связан с примечательными совпадениями, которые касались и других людей, не участвовавших в моих сессиях и не знавших о том, что она была.

Мой отъезд в Соединенные Штаты в марте 1967 года произвел радикальные изменения в моем личном, профессиональном, политическом и культурном окружении. Я прибыл в Балтимор всего с пятьюдесятью фунтами личных вещей. Более половины моего багажа

составляли записи о моих исследованиях психоделиков, проведенных в Праге, а остальное — одежда и несколько личных вещей — все, что осталось от моей прежней жизни в Европе. Это был конец одной большой главы моей жизни и начало на многих разных уровнях. Пока я всецело наслаждался преданностью делу и энтузиазмом группы моих коллег в Спринг-Гроув, свободой выражения, о которой не мог и мечтать, и всеми теми новыми вещами, которые я обнаружил в окружающем меня мире, у меня не слишком получалась организация удовлетворительной личной жизни.

Все женщины в моем окружении, подходящие по возрасту и разделявшие мои интересы, оказывались замужними или уже с кем-то встречались. Эта ситуация меня расстраивала, поскольку я находился на той стадии моей жизни, когда остро нуждался в партнерстве и чувствовал себя готовым к браку. Мои друзья и коллеги в Спринг-Гроув казались еще более озабоченными этой ситуацией, чем я сам, и прилагали огромные усилия к ее разрешению. Они искали потенциальных невест и продолжали приглашать их на разные подходящие мероприятия, что привело к нескольким грустными и, в некотором роде, неудобным ситуациям, но не принесло никаких плодов. А потом ситуация внезапно приняла неожиданный и весьма радикальный оборот.

Непростые взаимоотношения с одним из моих коллег-психотерапевтов, Сеймуром, подошли к концу, и мои друзья немедленно пригласили на обед меня и его бывшую девушку Монику. Когда мы впервые встретились, я сразу почувствовал влечение и ощущение мгновенно возникшей глубокой связи. Вскоре я уже был безнадежно влюблен в Монику. Так же как и я, она приехала из Европы, была одинока, красива и остроумна. Ее необычайное обаяние, ум и красноречие моментально делали ее центром внимания на любой вечеринке. Я был влюблен по уши и совершенно не в состоянии быть объективным и трезво оценивать ситуацию.

Я не видел проблемы в том, что Моника намного моложе меня, игнорировал рассказы о ее очень тяжелом детстве и бурной истории внутреннего развития, которые в нормальном состоянии воспринял бы как серьезные тревожные сигналы. Каким-то образом мне удалось убедить себя, что все это — незначительные детали и в этом нет ничего такого, что мы не смогли бы преодолеть. Если бы я мог быть более объективным и проанализировать обстоятельства, то понял, что столкнулся с тем, что Карл Густав Юнг называл *animafigure* — образом анимы. Мы с Моникой начали встречаться, и наши отношения были страстными и неожиданно бурными.

Настроения Моника и ее поведение менялись день ото дня, а то и час от часу. Волны сильного влечения ко мне сменялись периодами равнодушия, неискренности и отчужденности. Похоже, эта ситуация, и без того непростая, еще больше осложнялась двумя необычными обстоятельствами. С момента моего прибытия в Балтимор я жил в небольшой студии, которую прежде снимал Сеймур, бывший друг Моника. Когда я туда въехал, то приобрел также всю его обстановку и даже телевизор. Моника часто бывала здесь, когда они еще встречались, и теперь видела в той же самой обстановке другого человека. К тому же брат Моника, Вольфганг, возненавидел меня с самой первой встречи. Между ним и Моникой существовали необычно глубокие отношения, имевшие ясно различимые черты инцеста. Вольфганг всячески препятствовал нашим встречам с его сестрой и относился ко мне как к личному врагу.

Я был настроен очень решительно и хотел, чтобы взаимоотношения развивались, но ничего не мог сделать с этими доводящими до безумия американскими горками, на которых оказались мы с Моникой. Я чувствовал себя так, словно меня подвергали контрастному душу, и совершенно сбит с толку, но в то же время мое влечение к Монике оказалось сродни притяжению магнита, и я был не способен прервать эти смущающие, бестолковые и не имеющие перспективы отношения.

Я отчаянно нуждался в каком-либо инсайте, касающемся той бестолковой ситуации, в которой я оказался. Как я уже говорил выше, в Мэрилендском центре психиатрических исследований, где я тогда работал, существовала программа, предлагавшая всем профессионалам в области психического здоровья возможность провести три сессии с высокими дозами ЛСД, и наша исследовательская команда вполне подходила для этой программы. Когда проблемы в моих отношениях с Моникой достигли своего пика, я решил пройти сессию с ЛСД, чтобы внести хоть какую-то ясность в эту обескураживающую ситуацию.

В середине этой сессии я увидел темный камень неправильной формы, выглядевший, словно гигантский и очень древний метеорит. Небо раскрылось, и молния невиданной силы ударила в его поверхность и выжгла на нем какие-то мистические символы. Выжженные на поверхности скалы, эти странные иероглифы продолжали гореть и испускать яркий свет. Хотя я был не способен расшифровать иероглифы и прочесть их, но чувствовал, что они священны, и смог каким-то образом понять послание, которое они содержат. Они раскрыли мне, что я прожил целую серию жизней, и, согласно законам кармы, должен отвечать за все свои действия в этих жизнях, хотя и не помнил ни одной из них.

Сначала я пытался отказаться от ответственности за те вещи, о которых я ничего не помнил, но не мог сопротивляться огромному психологическому давлению, принуждавшему меня подчиниться. В конце концов я понял, что это явно был древний закон мироздания, от которого нельзя укрыться. Как только я согласился с тем, что требовал закон, я увидел, что держу в руках Моника, в точности так, как я держал ее в прошлые выходные. Мы плыли по воздуху в архетипическом колодце огромного размера, медленно снижаясь по расширяющейся спирали. Я инстинктивно чувствовал, что это — Бездна Времени, и мы скользим в прошлое.

Спуск длился вечно, и казалось, что ему не будет конца, но мы все-таки достигли дна Бездны. Моника исчезла, и я обнаружил себя идущим по залу дворца в Древнем Египте, одетый в узорчатую одежду. Стены вокруг меня украшены прекрасными рельефами с иероглифами. Я понимал их значение так же легко, как читал объявления на доске в холле в Балтиморе. На другой стороне огромного зала я увидел фигуру человека, которая медленно приближалась ко мне. Я знал, что я — отпрыск аристократической египетской семьи и человек, идущий мне навстречу, в той жизни был моим братом.

Когда человек подошел ближе, я понял, что это Вольфганг. Он остановился в футах десяти от меня и теперь смотрел с огромной ненавистью. Я понял, что в той египетской инкарнации Моника, Вольфганг и я родились в одной семье. Я был самым старшим и потому женился на Монике и получил массу других привилегий, связанных с этим статусом. Вольфганг чувствовал себя обманутым и мучился от зависти и ненависти ко мне. И в эту минуту я понял, что эта ненависть стала основой деструктивного паттерна, который потом повторялся в различных вариантах в течение многих веков.

Я стоял в огромном зале напротив Вольфганга и чувствовал его ненависть. Попытавшись разрядить эту болезненную ситуацию, я отправил Вольфгангу телепатическое послание, что-то вроде: «Я не знаю, в какой форме я здесь присутствую и как я сюда попал. Я путешественник во времени из двадцатого века, где я принял сильное лекарство, изменяющее состояние сознания. Из-за этого напряжения между нами я чувствую себя очень несчастным и хотел бы сделать что-нибудь, чтобы его снять». Я протянул свои руки вперед, раскрыв их очень широко, и обратился к нему со следующими словами: «Вот он я, это все, что у меня есть! Пожалуйста, сделай что-нибудь, чтобы освободить нас от этого рабства, чтобы мы оба стали свободны!»

Похоже, Вольфганга очень взволновало мое предложение, и он с удовольствием его принял. Его ненависть, казалось, приняла форму двух сильных лучей энергии, напоминающих лазерные, которые жгли мое тело и причиняли мне невероятную боль. После чудовищно долгой и

мучительной пытки лучи стали постепенно терять свою силу и наконец окончательно погасли. Вольфганг и зал, в котором мы находились, исчезли, и я понял, что снова обнимаю Монику, а с плеч моих свалилась огромная тяжесть.

Мы поднимались из той же Бездны Времени, на этот раз двигаясь вперед. Стены архетипического колодца раскрывались сценами из разных веков, показывающих Монику, Вольфганга и меня во множестве предыдущих жизней. Каждая из них демонстрировала трудные ситуации с участием все того же деструктивного треугольника, которые ранили каждого из нас.

Казалось, будто сильный ветер — «кармический ураган» дует сквозь века, рассеивая страдания, вызванные этими ситуациями, и освобождая каждого из нас от фатальных болезненных уз. Когда это закончилось и я полностью вернулся в настоящее, я был в состоянии неопишуемого блаженства и восторга. Я чувствовал, что, даже если больше ничего не достигну до конца своих дней, мою жизнь можно считать продуктивной и успешной. В том состоянии разрешение и избавление от одного из мощных кармических паттернов казалось мне вполне достойным завершением жизни!

Присутствие Моники в моем переживании было столь интенсивным, что я решил: она должна почувствовать воздействие того, что произошло со мной в этом видении. Когда мы встретились, я решил выяснить, что происходило с ней во время моей сессии. Вначале я специально не сообщил ей о своей сессии, пытаясь всячески избегать любой темы, которая могла бы навести ее на эту мысль. Я просто спросил, что она делала между 16:00 и 16:30 — именно тогда, когда я побывал в Древнем Египте.

«Странно, что ты об этом спрашиваешь, — ответила она. — Это было худшее время в моей жизни!» Затем она описала кошмарное выяснение отношений с ее начальником, в результате чего она вылетела из офиса, хлопнув дверью. Она была уверена, что потеряет работу, чувствовала отчаянье, и дело закончилось тем, что она сильно выпила в ближайшем баре. В какой-то момент дверь бара открылась, и вошел человек, в котором Моника узнала Роберта, мужчину, бывшего в то время, когда она только познакомилась со мной, ее сексуальным партнером. Роберт был очень богат и подарил ей много дорогих подарков, в том числе новую машину и лошадь.

Без моего ведома Моника продолжала отношения с Робертом и после того, как мы начали встречаться, потому что не могла отдать предпочтение кому-то из нас. Теперь, когда Моника увидела любовника входящим в бар, ей захотелось обнять его и поцеловать, но Роберт уклонился от объятий и просто пожал ей руку. И тут Моника заметила, что его сопровождает элегантная женщина. Явно растерянный, Роберт представил ее Монике как свою жену. Для Моники это оказалось настоящим шоком, поскольку все время, пока продолжались их отношения, Роберт утверждал, что не женат.

В тот момент Моника почувствовала, что земля уходит из-под ног. Она выскочила из бара и побежала на стоянку к своему «мустангу» — той самой машине, что ей подарил Роберт. Она забралась внутрь, сильно пьяная, и, под проливным дождем, выехала на окружную дорогу на скорости 90 миль в час. Слишком многое случилось в тот день и, казалось, ничто больше не имело значения, поэтому Моника решила покончить со всем разом. Выяснилось, что именно в тот момент, когда я, во время сессии, избавился от кармического паттерна, мой образ всплыл в памяти Моники, и она стала думать обо мне и о наших отношениях. Осознав, что в ее жизни еще остался человек, на которого можно рассчитывать, она успокоилась — снизила скорость, съехала со скоростной полосы и припарковалась у обочины. Когда она протрезвела настолько, что смогла нормально вести машину, Моника вернулась домой и легла спать.

На следующий день после этого разговора мне позвонил Вольфганг и предложил встретиться. Это было неожиданное и весьма интригующее развитие событий, поскольку он

никогда не звонил мне прежде, и уж тем более не просил о встрече. Приехав, он сказал, что хочет поговорить со мной по очень личному и деликатному для него поводу. Эту проблему в психоанализе называют комплексом «развратной девственницы» {prostitute Madonna). В его жизни было множество случайных, поверхностных сексуальных связей, в том числе тех, что длились не дольше одной ночи, и у него никогда не возникало проблем с эрекцией. Теперь же он чувствовал, что нашел женщину своей мечты, и впервые в жизни был по-настоящему влюблен. Однако он оказался неспособным заниматься с ней любовью и раз за разом терпел болезненную неудачу.

Вольфганг был в отчаянии и боялся, что может потерять эту женщину, если он не сделает что-нибудь со своей импотенцией, однако был слишком смущен, чтобы говорить об этом с чужим человеком. Он думал о том, чтобы обсудить эту тему со мной, но отверг эту мысль, поскольку я вызывал у него строго отрицательные эмоции. Но в какой-то момент его отношение ко мне радикально изменилось — его ненависть, словно по волшебству, растворилась, и он решил позвонить мне и попросить о помощи. Задав вопрос, когда это произошло, я выяснил, что этот момент полностью совпал с тем, когда завершилась моя древнеегипетская история.

Несколько недель спустя я получил недостающий фрагмент этой истории. Полина Маккририк, психоаналитик из Лондона и мой большой друг, проводила со мной сеанс гипноза, и, войдя в состояние транса, я понял, что лежу на песке в выжженной солнцем пустыне. Я чувствовал страшную боль в животе, и все тело сводили судороги. Я знал, что отравлен и скоро умру, было ясно, что единственные люди, которые могли меня отравить, это моя сестра и ее любовник. Согласно законам Древнего Египта, старшая сестра должна была выйти замуж за меня, как за самого старшего из братьев, но ее любовь принадлежала другому человеку.

Он был очень привлекательным, атлетически сложенным мужчиной, уборщиком в зверинце при дворце фараона. Таким образом, он принадлежал к совсем иному социальному классу, и его взаимоотношения с моей сестрой были не только незаконны, но и недопустимы. Я узнал об их связи и попытался им помешать, чем не оставил любовникам иного выхода, кроме как убить меня. В какой-то момент я увидел этого любовника и понял, что в моем настоящем это Сеймур, бывший любовник Моники. Это казалось более чем разумным, поскольку Сеймур был очень развит физически, по несколько часов в день уделяя тяжелой атлетике и тренажерам. Своими огромными, гипертрофированными мускулами он напоминал скорее звезду бодибилдинга, чем психолога.

Когда я умирал от дикой боли, осознание того, что меня предали и отравили, вызвало у меня приступ слепого, всепоглощающего бешенства. Я умирал в пустыне в полном одиночестве, и все мое существо переполняла ненависть. Переживание этой ситуации породило интересное прозрение — кажется, в той жизни, в Древнем Египте, я принимал активное участие в мистериях Исиды и Осириса и знал все их секреты. Я чувствовал, что яд и ненависть по отношению к моей сестре и ее любовнику отравляли мой разум и скрывали все остальное, в том числе и мои эзотерические знания, и это не давало мне возможности воспользоваться преимуществами тайного учения в момент смерти. По той же самой причине моя связь с этими тайными знаниями была грубо разорвана.

Внезапно я понял, сколь много времени в моей нынешней жизни было посвящено постоянному поиску этого потерянного знания. Я припомнил, как я был взволнован каждый раз, когда находил какую-либо информацию, которая прямо или косвенно была связана с этой областью — любые сведения о культуре или истории Египта, любое упоминание о древних мистериях или намек на мистические переживания и эзотерические знания. Кульминацией поиска стал момент, когда я открыл для себя ЛСД и получил первый опыт космического сознания. В свете этого прозрения моя работа с психоделиками вертелась вокруг психодуховной

смерти и возрождения и оказалась попыткой открыть заново и переформулировать на современном уровне процессы, присутствующие в древних мистериях.

На последовавшей за этим сеансом медитации на меня внезапно нахлынула масса образов, представляющих самые яркие фрагменты моих переживаний, связанных с Вольфгангом и Моникой, отчасти из реальной жизни, отчасти из сессий. Сила и интенсивность этого обзора постепенно возрастали до тех пор, пока не достигли взрывной кульминации. Ощущение было похоже на то, как будто взорвался огромный пузырь, и моя голова внезапно прояснилась. На мгновение я ощутил чувство глубокой решимости и покоя. Я знал, что кармический паттерн полностью разрешен. Мы с Моникой оставались друзьями до самого конца нашего пребывания в Балтиморе. Напряжение и хаос исчезли из наших взаимоотношений, и ни один из нас не чувствовал никакого побуждения продолжить интимные отношения. Мы оба поняли, что наши предыдущие жизни не позволяют нам быть партнерами.

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ КИЕВСКО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Прошлая жизнь в царской России

С самого раннего детства, сколько я себя помню, я был очарован другими странами, их географией, культурой и людьми. Страстное желание путешествовать и исследовать мир всегда было существенной частью моей личности, но в молодости мне казалось, что для этой страсти я был рожден не в том месте и не в то время. Оккупация фашистами Чехословакии с 1939 по 1945 год и все, что принес с собой нацизм, нанесли жестокий удар по моим детским мечтам о кругосветном путешествии. После разгрома немцев союзниками наша страна наслаждалась коротким периодом свободы, в том числе и свободы передвижений ее граждан. Летом 1947 года нам с моим братом Павлом удалось провести целых пять недель в маленькой югославской деревушке Трпань на полуострове Пелешац.

Красота Адриатического побережья и соседнего горного края произвели на меня глубокое впечатление и подогрели мой аппетит к более длительным путешествиям в будущем, однако мой энтузиазм и надежды прожили недолго. Государственный переворот в феврале 1948 года, отдавший Чехословакию под политический контроль Советского Союза, снова закрыл границы нашей страны. В последующее десятилетие восточноевропейские сателлиты Советского Союза постепенно становились все более открытыми для путешествий, но в течение многих лет сам Советский Союз оставался для чешских туристов закрытым.

В 1959 году у меня появилась возможность провести летние каникулы в Румынии, главным образом в Мамае. Этот международный курорт, самый большой на Черном море, был знаменит своими широкими пляжами с фантастически приятным песком, тянущимися более чем на пять миль, небольшим количеством осадков, безоблачным небом и приятной температурой морской воды. Воспользовавшись преимуществами подобных идеальных условий, я большую часть времени проводил на пляже. Там я познакомился с русским эпидемиологом, доцентом Киевского университета, который вместе с семьей проводил здесь каникулы. Они приехали из Киева в Мамаю на своем новеньком «Москвиче», послужившем им наградой за многие годы ожидания и куда больший срок почти спартанского существования и тщательной экономии.

Из разговоров с ученым и его семьей я вскоре понял, что мои новые друзья ненавидят Советский Союз так же сильно, как и я. Наши ежедневные встречи на пляже дали мне возможность попрактиковаться в русском языке и получить кое-какую информацию о жизни в Советском Союзе, что называется, из первых рук. Мы затронули очень широкий спектр тем, но одна из них произвела на меня особенно глубокое впечатление. Рассказывая об исторических достопримечательностях Киева, мои русские друзья упомянули Печерскую лавру, русский православный монастырь, располагавшийся внутри огромной горы. Этот монастырь состоял из запутанной системы катакомб и гротов, которые превратили внутреннюю часть горы в сложный подземный лабиринт, напоминающий огромную голову швейцарского сыра. По обеим сторонам коридоров располагались ниши, где хоронили тела монахов лавры, с самого ее основания и до наших дней. Постоянные сквозняки и благоприятные климатические условия сохранили их путем сухой мумификации для последующих поколений.

Киевско-Печерская лавра изначально была частью обширного религиозного комплекса, включавшего также Успенский собор, чудесный православный храм, завод по производству свечей, мастерскую по написанию икон и другие здания. Друзья рассказали мне, что большевикам, объявившим крестовый поход против религии, считая ее, согласно определению Карла Маркса «опиумом для народа», было хорошо известно значение этого религиозного центра для украинского народа. Однако они воздерживались от грубого вторжения в жизнь

монахов и монахинь, и вынуждены были проявлять терпимость, поскольку опасались народного восстания.

Взаимоотношения между населением Украины и советским правительством с самого начала складывались очень напряженно. С 1922 года, когда Украина была аннексирована Советским Союзом, сопротивление власти России, оставшееся еще со времен царизма, возросло из-за жестокости Советов, в том числе двух искусственно вызванных голодов, второй из которых был инспирирован Иосифом Сталиным и его правой рукой Лазарем Кагановичем. Целью этих провокаций, в результате которых умерло несколько миллионов человек, было сломить дух украинских крестьян и принудить их к коллективизации, а также подавить возрождение украинской культуры.

История Киевско-Печерской лавры заворожила меня. Пока я слушал рассказ моих друзей, я чувствовал, как по спине бегут мурашки, а сердце бьется быстрее. Эта реакция поразила и озадачила меня, поскольку была очень необычной и нетипичной. Было ясно, что для такого глубокого эмоционального отклика должна быть причина, скрывающаяся в подсознании, и я почувствовал сильное желание посетить Киевско-Печерскую лавру и выяснить, что за всем этим стоит. Двумя годами позже, когда гражданам Чехословакии разрешили въезд в Советский Союз, я стал участником одного из первых туров, в программу которого входило посещение Киева, Ленинграда и Москвы. Где бы мы ни находились, нас сурово опекали гиды советского «Интуриста» и нам было настоятельно рекомендовано при любых обстоятельствах не отходить от группы. Индивидуальный осмотр достопримечательностей был строго запрещен, а нарушение этих правил могло повлечь за собой серьезные политические последствия.

Основной причиной для выбора именно этого тура была возможность оказаться в Киеве и посетить Печерскую лавру, и я был совершенно разочарован, когда узнал, что этот важный исторический памятник не включен в программу. Когда я задал этот вопрос, то в ответ услышал, что Успенский собор был разрушен немцами во время Второй мировой войны, а больше там смотреть нечего. Стоит заметить, что от своих русских друзей, с которыми я познакомился в Мамае, я получил совсем другую информацию. Они утверждали, что собор при отступлении минировали советские войска, и они же взорвали его, когда немецкая армия вошла в город. Таким образом, они убили сразу двух зайцев — уничтожали духовный символ Украины и обратили гнев украинского народа против немцев.

Однако то, что на самом деле случилось с Успенским собором, не имело особого значения — в первую очередь меня интересовала Печерская лавра и ее катакомбы. И, насколько мне было известно, лавра по-прежнему существовала, без особого ущерба пережив советскую власть и немецкую оккупацию. Почти сразу по прибытии в Киев я начал испытывать беспокойство — мое страстное желание посетить таинственное подземное кладбище превратилось в навязчивую идею, сопротивляться которой я был не в силах, и это тоже было чем-то особенным и нехарактерным. Меня считали человеком очень рациональным, идущим по жизни самым прямым путем и без значительных эмоциональных всплесков.

В конце концов я решил пойти на риск, оторваться от группы и самостоятельно посетить лавру. Поскольку в то время я уже достаточно бегло говорил по-русски, то был вполне способен взять такси и направить его к монастырю. Я попал внутрь и прошел по путанице коридоров, между нишами с останками монахов, в течение многих веков живших и умиравших в этом монастыре, — их худые руки, обтянутые коричневой пергаментной кожей, были соединены словно в последней молитве. Время от времени коридоры открывались в небольшие пещеры, где на стенах висели особо почитаемые иконы, а перед ними горели свечи. Сквозь облака густого дыма благовонных курений я видел группы монахов с длинными бородами; казалось, они находились в состоянии глубокого транса, и их монотонное пение казалось потусторонним и

порождало странное эхо.

Я понял, что и сам нахожусь в очень необычном состоянии сознания. Я чувствовал, проходя по темным катакомбам, и часто знал, что я увижу за поворотом. Ощущение «дежавю» («уже виденного») или «дежавесю» («уже прожитого») было всеобъемлющим. В одной из ниш я увидел мумию, руки которой не были сложены в молитве, и меня захлестнула волна эмоций, казалось, поднявшаяся из самых глубин моего существа, — я никогда не чувствовал ничего похожего. Тогда я закончил свою экскурсию и, потрясенный, поспешил в гостиницу. Я не сомневался, что пытаюсь убежать от еще более сильной и дезорганизирующей реакции. Было ясно, что мой противозаконный визит в Печерскую лавру и враждебные обстоятельства, которые ему предшествовали, не создали благоприятной психологической обстановки для глубокого анализа этих переживаний.

Я вернулся в гостиницу в состоянии странной неудовлетворенности и с четким ощущением, что мой визит является незавершенным гештальтом. Но, с другой стороны, я был приятно поражен, узнав, что гиды «Интуриста» так и не заметили моего отсутствия, что само по себе уже было маленьким чудом. Я встретил Новый год в Москве, наслаждаясь культурными ценностями этого города, и, согласно старой поговорке «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», в потрясающих количествах поглощал отличную «Старку» — водку, изготовленную по рецепту, сохранившемуся еще с царских времен. Со мной больше не случалось необычных переживаний, аналогичных тем, что я испытал в Печерской лавре. Самым впечатляющим сознательным приключением до самого конца моей поездки оставался визит в один из самых известных московских аттракционов — комплекс плавательных бассейнов на открытом воздухе, в которых можно было плавать в горячей воде и нырять туда с вышек, окутанных холодом, приближавшимся к —30 по Цельсию.

После возвращения из России я часто проигрывал в памяти киевский эпизод, пытаюсь понять те странные эмоции, которые он во мне вызвал. Однако я недолго оставался погруженным! в размышления об этом необычном происшествии. Я был увлечен исследованиями ЛСД в пражском Институте психиатрических исследований, проводя две сессии с применением психоделиков в день и пытаюсь понять, что же мне удалось выяснить. Каждый день я сталкивался с таким количеством трудных и разрушающих парадигму традиционной науки переживаний и наблюдений, что забыть о моем русском приключении ничего не стоило. Правда, эта история получила неожиданное продолжение много лет спустя, когда я покинул Чехословакию и уже работал в Мэрилендском центре психиатрических исследований в Балтиморе.

Директор центра, доктор Альберт Курланд, пригласил на месяц Джоан Грант и Денниса Келси, супружескую пару из Европы, известную своим интересным подходом к гипнотерапии. Джоан, француженка, обладала сверхъестественной способностью вводить себя в состояние транса и переживать эпизоды из других времен и стран, которые походили на воспоминания из прошлых жизней. Она опубликовала серию, основанных на ее реконструкциях целых жизней книг, таких, как «Крылатый фараон», «Жизнь в облике Кэролы» и «Так был рожден Моисей».

Деннис был английским психотерапевтом, прошедшим подготовку в качестве гипнотизера. Когда они работали вместе, Деннис просил клиентов, подвергаемых гипнозу, подобрать как можно ближе к источнику той проблемы, с которой они пришли на сеанс. Джоан обладала невероятным даром настраивать переживания клиентов и помогать им в решении их проблем. Часто источник эмоциональных и психосоматических симптомов клиентов кроется в каком-либо эпизоде из прошлых жизней, поэтому супруги Келси выбрали для своей совместной публикации, в которой была описана их работа, название «Множество жизней» (Келси и Грант, 1967).

В то время, когда супруги Келси находились в нашем исследовательском центре, все его сотрудники могли испробовать их метод, лично поучаствовав в сессии. Проблема, которую я тогда решил проработать на сессии, был конфликт между чувственностью и духовностью, который я в то время переживал. В основном я был в восторге от жизни и вполне способен с большой жадностью наслаждаться различными удовольствиями, которые может предложить человеческое существование. Однако время от времени я испытывал желание уйти от мира, найти отдаленный ашрам и посвятить всю свою жизнь духовным практикам. Деннис загипнотизировал меня и попросил вернуться в прошлое, чтобы выяснить, с чего началась эта проблема.

Как только я вошел в гипнотический транс, я почувствовал себя маленьким русским мальчиком, стоящим в большом саду и смотрящим на богатый, похожий на дворец дом. Я знал, что нахожусь в России и что я родился в дворянской семье, но при этом продолжал слышать голос Джоан, доносившийся как бы издалека. Мягко, но настойчиво она повторяла: «Посмотри на балкон!» Я сделал то, о чем она просила, не задумываясь о том, откуда ей известно, что я стою перед домом и что на его фасаде есть балкон. Я посмотрел на балкон и увидел старую женщину с узловатыми, скрюченными пальцами, сидящую в кресле-качалке. Я знал, что это — моя бабушка, и испытывал сильную любовь и сочувствие к ней.

Затем декорации изменились, и я увидел себя идущим по дороге к одной из окрестных деревень. Я помнил, что приходил туда довольно часто. Простой, но яркий деревенский мир мужиков представлялся волнующим бегством от строгой и скучной жизни родной семьи. Деревенские дороги были покрыты грязью и лужами, и все вокруг было пропитано запахом навоза, солома на крышах домов торчала во все стороны, а люди были одеты в грязные лохмотья, но в этом месте кипела жизнь.

Я вошел в плохо освещенную и очень бедную кузницу. Он стоял у горящего горна — огромный и очень мускулистый мужчина, полуобнаженный и весь покрытый черными, курчавыми волосами. Могучими ударами тяжелого молота он придавал форму раскаленному докрасна куску железа, лежащему на наковальне. Внезапно мне вспомнился первый акт вагнеровского «Зигфрида», где Зигфрид перековывает Нотунг, сломанный меч, данный Одним его отцу Зигмунду. Созерцание этой сцены и великая музыка, которой Вагнер мастерски имитировал звуки, слышные во времяковки, всегда производило на меня неизгладимое впечатление — мой правый глаз начинал гореть, его веко дергалось, на нем выступали слезы. Внезапно все это произошло снова, но только несравнимо сильнее. Я чувствовал острую боль в правом глазу, правую половину лица свело судорогой, а по щекам потекли потоки слез.

В отличие от других случаев, на этот раз я понял, почему я реагирую именно таким образом. В то время как я смотрел на кузнеца, замороженный этим зрелищем, кусок горячего железа ударил меня в правую половину лица и вызвал сильные ожоги. Последовало несколько крайне болезненных с эмоциональной точки зрения сцен. Я пережил ужас матери, увидевшей мое лицо обожженным до неузнаваемости, и ее последующее отдаление от меня и неприятие. Я снова пережил агонию юнца с изуродованным лицом, который достиг половой зрелости и которого мучило неудовлетворенное сексуальное влечение и задевали постоянные отказы. Я увидел, как после осознания, что для меня больше нет места в светском мире, я в полном отчаянии сбежал в монастырь — сменив стыд и унижение вынужденным безбрачием на фальшивую гордость самоотречения, я принял постриг в Киевско-Печерской лавре.

Как только я на сознательном уровне установил связь со своей памятью о жизни в этом монастыре, мои кисти свела сильная судорога. Я понял, что за десятилетия, проведенные в темноте и сырости катакомб, пальцы обеих моих рук были страшно изуродованы. Не знаю, был ли это артрит, вызванный условиями жизни, или истерической реакцией невротического

характера, отражающей глубокую неудовлетворенность жизнью? Возможно ли, что я использовал в качестве модели для этого психосоматического симптома органическое заболевание, поразившее руки моей любимой бабушки?

Последней в моей гипнотической регрессии была сцена смерти, которая стала завершением жизни, полной страданий, и могла восприниматься как освобождение, избавление от тюрьмы безнадежно поврежденного тела. Однако обрести покой и примирение в мой последний час помешало неожиданное осложнение. В Киевско-Печерской лавре существовал обычай хоронить умерших в нишах стен подземелий и соединять их руки на груди в молитвенном жесте — символическое выражение успешного завершения хорошо прожитой жизни, проведенной в служении Богу. Но мои изуродованные кисти, превращенные каким-то патологическим процессом в безобразные клешни, нельзя было соединить в символическом жесте благословения, означавшем успешное завершение моей монашеской жизни. Я заплакал, переполненный смесью гнева, печали и жалости к самому себе.

Я ненавидел жизнь в монастыре и завидовал тем счастливым, чьи тела были неповрежденными и красивыми, — они могли наслаждаться тем, что находилось за его стенами. То, что я оставался в монастыре, не было результатом свободного выбора, я отказался от мира за его пределами, сбежав от стыда, отверженности и унижения, и невозможность обрести правильное завершение той жизни неопишуемого страдания была больше, чем я мог вынести. Я всхлипывал, все тело мое дрожало, и слезы струились из глаз.

В этот трагический момент и вмешалась Джоан с ее невероятной интуицией, начав, очень мягко и осторожно, массировать мои сведенные кисти. Когда кисти наконец расслабились, она свела их вместе и сложила в молитвенном жесте, удерживая своими ладонями. Я почувствовал, что быстро достиг завершения и примирения моей несчастной жизни в Киевско-Печерской лавре. Огромный объем негативных эмоций, накопившихся у меня в Сознании и теле за несколько десятилетий невольного монашеского существования, теперь вышел наружу. Они постепенно сменялись ощущением глубокой релаксации и внутреннего покоя, блаженства и любви. Не было сомнений в том, что то, что мне довелось пережить, было для меня глубоко целительным, и все моя последующая жизнь была согласована этим интуитивным прозрением. С тех пор как Келси провели эту сессию, у меня больше никогда не случалось конфликтов между духовностью и способностью наслаждаться тем, что способна предложить жизнь — природой, работой, пищей, сексом и множеством других вещей, присущих плоти.

Сессия закончилась убедительным чувством, что я разрешил эту проблему. Однако несколько лет спустя некоторые элементы этой истории внезапно всплыли на поверхность в моей жизни, во время месячного семинара, который мы с Кристиной проводили в Эсаленском институте в Биг Суре, штат Калифорния.

Дик Прайс, соучредитель Эсалена и один из бывших студентов Фрица Перлса, который был приглашен на наш семинар в качестве гостя, проводил сессию гештальт-терапии с Кэролайн, молодой женщиной, участвовавшей в семинаре. Перед началом сессии Кэролайн рассказала о внезапно возникшем у нее интересе к России, ее людям и культуре. Она учила русский и любила петь русские песни.

Проблемой, с которой она пришла на сессию, было то пагубное воздействие, которое одиннадцать лет пребывания в католическом монастыре оказали на ее сексуальную жизнь, жизненные силы и любовь к жизни. Когда она со все нарастающей интенсивностью выплескивала свой гнев и печаль по потерянным годам ее юности, я ощущал растущий эмоциональный отклик на эту историю. Я догадался, что это как-то связано с тем, как похожа ее история на историю из моей прошлой жизни в России, но интенсивность моего отклика меня поразила. Мой правый глаз начал гореть, веко дергалось, а по щекам потекли слезы.

По мере того как я сквозь пелену слез смотрел на Кэролайн, ее лицо менялось и в конце концов стало лицом моей матери из той русской инкарнации. Я внезапно оказался в том моменте истории, когда меня привезли домой после ожога, полученного в кузнице, и моя мать увидела, насколько я изуродован. Кэролайн явно изливала эмоции из своей нынешней жизни, но в моем восприятии она была частью одной из моих инкарнаций. Она была моей матерью, женщиной, чье сердце было разбито тем, что со мной произошло. Сессия закончилась, и я был глубоко тронут произошедшим. Все еще потрясенный и сбитый с толку, я подошел к двери, собираясь отправиться на ланч, но, открыв ее, замер, пораженный увиденным.

Я смотрел на чудовищно изуродованное лицо молодой женщины, которая собиралась открыть ту дверь, в которую я выходил. Я все еще находился под впечатлением той, русской инкарнации, и на мгновение мне показалось, что я смотрюсь в зеркало. Выяснилось, что девушка, которая хотела войти в комнату, была подругой Кэролайн по имени Виктория. Она прочитала о Мэрилендской программе применения психотерапии с использованием психоделиков у людей в последней стадии рака и пришла, чтобы поучаствовать в ЛСД-сессии. Виктория рассказала мне свою невероятную историю.

Она и ее сестра были однойяйцевыми близнецами, но сестра Виктории умерла вскоре после рождения. Позднее, к своему большому смятению, ее родители обнаружили, что в роддоме перепутали бирки с именами, и выжившая девочка получила имя своей умершей сестры. В возрасте четырех лет от роду Виктория выпала из заднего окна едущей машины и едва не умерла. Вскоре после того как девочка поправилась, у нее появились первые симптомы редкой формы рака кожи. В последующие годы болезнь прогрессировала, и Виктория перенесла целый ряд пластических операций, которые превратили ее лицо в жутковатую мозаику глубоких шрамов и лоскутков пересаженной кожи.

У Виктории сложилась странная теория относительно природы ее таинственного заболевания. Она была уверена, что во время той аварии она оказалась на том свете и приняла на себя личность сестры, имя которой она носила. Эта идентификация выразилась в прогрессирующем ухудшении ее состояния и разложении ее тела. Она идентифицировала себя с изгнанным призраком сестры, страдала глубокой депрессией, и даже всерьез думала о самоубийстве как о способе прекратить страдания. Ни один из подходов, который она испробовала, не принес благотворных изменений в ее состояние, и когда она услышала о воздействии терапии с использованием психоделиков, то решила попробовать.

Мы с Кристиной согласились стать проводниками Виктории на ее сессии с высокой дозой ЛСД, и эта сессия оказалась для каждого из нас глубоким и значительным опытом. Переживания Виктории были очень широкого спектра: она имела дело с болью и горечью своего трудного положения, с тем случаем, который произошел в детстве, и с травмой своего рождения и смерти сестры. Но она не задерживалась слишком долго в каждом из этих переживаний и провела большую часть сессии в состоянии блаженства и космического единства. Это переживание было таким глубоким и необыкновенным, что она примирилась с трагическим ходом своей нынешней жизни и с Богом.

В то время, когда она переживала этот прилив восторга, ее, казалось, окружал ореол сияющей энергии. Хотя мы с Кристиной сидели рядом с Викторией, мы не видели ее шрамов. Ее лицо выглядело совершенно гладким и прекрасным. Было ясно, что мы находились в состоянии «контактного кайфа», и несколько часов спустя наше восприятие вернулось к норме. Однако Виктории удалось сохранить большую часть нового эмоционального подхода к жизни, которого она достигла во время сессии, а для меня видение исцеленного, прекрасного лица Виктории было окончательным завершением моего приключения из прошлой жизни, связанного с Россией.

Хотя с момента нашей сессии с Викторией прошла уже четверть века, я больше не сталкивался с чем-либо, что добавило бы еще фрагмент к этой головоломке. Время от времени я мысленно возвращался к этому приключению, пытаюсь понять, в каких именно взаимоотношениях находятся прошлые и нынешние герои этой истории. В то время как связь между мною и несчастным монахом была очевидной и прямой, взаимосвязь между Викторией и изуродованным монахом, Кэролайн и моей русской матерью, мною нынешним и Викторией, Викторией и Кэролайн, а также роль во всем этом Кристины куда более неопределенна и таинственна.

Хотя мои переживания, описанные в этой истории, переплетаются с невероятными совпадениями, раскрывающими сложную невидимую ткань, лежащую в основе нашей повседневной реальности, достаточная часть этой глубокой динамики остается скрытой, чтобы защитить природу законов, действующих в мире кармы.

КОГДА ДУХОВНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ МОГУТ БЫТЬ ОПАСНЫ

Возвращение к салемской охоте на ведьм

В 1976 году мы с Кристиной прожили несколько месяцев в Круглом доме Эсалена, в БигСуре, штат Калифорния. Это была маленькая, очаровательная постройка, расположенная у ручья, делящего территорию Эсалена на две части. Его говорливые воды срывались с гребня горы и, прежде чем влиться в воды Тихого океана, создавали довольно большой водопад. Прямо перед домом в земле была расщелина, извергавшая горячую минеральную воду в маленький личный бассейн. Согласно местному фольклору, Эсаленские горячие источники были связаны с системой вулканических подземных пещер, которая тянулась под большей частью штата Калифорния.

Журчание ручья и шум водопада оказывали очень мощное сенсорное воздействие, но психоэнергетическая сила этого места была еще более впечатляющей. Многие годы мы приглашали на наши семинары в Эсалене людей с экстраординарными психическими способностями — ясновидящих, шаманов из самых разных частей мира, представителей спиритической церкви, индийских йогов, тибетских духовных учителей, и все они сходились во мнении, что местность вокруг Круглого дома является «точкой силы», местом, наделяющим невероятной духовной энергией. Те, кто пытался найти какое-то научное объяснение тому воздействию, которое оно оказывает на людей, приписывали его высокой концентрации отрицательно заряженных ионов, близостью водопада и присутствию огромных хвойных деревьев, растущих по берегам ручья.

В любом случае, какой бы ни была причина, жизнь в Круглом доме очень сильно воздействовала на нас обоих. Было необычайно легко входить в состояние медитации; я часто соскальзывал в транс, в котором мог забыть, в каком месте и времени нахожусь, и чувствовал, что наш маленький дом находится в некой архетипической сфере за пределами времени и пространства. Кристина, на тот момент переживавшая психодуховный кризис, испытывала здесь невероятную интенсификацию внутреннего процесса. В один из выходных дней ее переживания достигли такой интенсивности, что стали напоминать сессию с применением психоделиков.

После периода сильного беспокойства и неприятных физических ощущений возникли переживания на тему одной из прежних жизней. У нее, молодой девушки из Салема, Новая Англия, случались необычные состояния сознания. Ее консервативные соседи-христиане в своем религиозном фанатизме истолковали эти состояния как одержимость дьяволом. Последовало обвинение в колдовстве; ее судили двое судей в церемониальных одеждах и приговорили к утоплению.

Кульминацией этого эпизода стала казнь через утопление. Кристина увидела, что ее, привязанную к доске, несут к пруду и погружают, начиная с головы, в воду. Она успела заметить, что пруд окружен березами. Переживая смерть в воде, она кричала, задыхалась, а из ее рта и носа выделялось большое количество слизи. Количество выделений из носа было просто невероятным. В тот день на мне была фланелевая рубашка, и, когда переживания Кристины закончились, вся ее передняя часть была покрыта засохшей слизью. Когда я снял рубашку, она не упала, а осталась стоять на полу, словно средневековый доспех.

Когда Кристина жила на Гавайях, она страдала от сильной аллергии и синусита и перепробовала множество медицинских обследований, тестов и способов лечения, в том числе целые серии инъекций для десенсибилизации. Ее доктора, разочарованные провалом всех

терапевтических попыток, в конце концов предложили хирургическое вмешательство, включавшее выскабливание и очистку пазух. Кристина решила отказаться от столь радикальной процедуры и смирилась со своей судьбой. К своему большому удивлению, Кристина обнаружила, что после того как она пережила смерть своего салема, все проблемы с пазухами исчезли.

К счастью, к этому времени моя вера в «научное мировоззрение», которое и так неоднократно подвергалось испытанию, было уже серьезно подорвано множеством подобных наблюдений. Если бы не это, подобный эпизод поверг меня в серьезный интеллектуальный кризис. Без сомнения, элемент космического юмора присутствовал в том, что проблемы, возникшие у Кристины, не поддававшиеся решению силами специалистов-ученых, были разрешены переживанием кармического эпизода, неотъемлемой частью которого являлось невежество, религиозный фанатизм и ложное обвинение в колдовстве.

Этот эпизод имел очень интересное продолжение несколько лет спустя, когда мы с Кристиной приехали в Бостон для проведения семинара по холотропному дыханию. Семинар закончился вечером, а наш самолет в Сан-Франциско улетал на следующий день ближе к вечеру, так что у нас была возможность потратить большую часть дня на осмотр достопримечательностей. Мы решили позвонить Мэрилин Гершензон, физиологу и нашему близкому другу, принадлежавшей к тому же к внутреннему кругу последователей Свами Муктананды. Мы стали друзьями в начале 1980-х, когда она вместе с нами координировала проведение большой международной трансперсональной конференции в Бомбее, и вот теперь, когда мы позвонили ей, Мэрилин очень обрадовалась и предложила показать нам город.

Когда мы решали, где бы перекусить, Мэрилин предложила свой любимый ресторан, находившийся на берегу океана, неподалеку от Салема. Выяснилось, что он называется «Готорн Инн», что напомнило нам о Натаниэле Готорне, его «Алой букве» (Scarlet Letter) и ведьминском промысле. Пока мы завтракали, Кристина пересказывала Мэрилин тот эпизод из прошлой жизни, связанный с Салемом и казнью ведьмы. Ее рассказ поразил Мэрилин, поскольку во время одной из медитаций в ашраме сиддха-йогов она пережила схожий эпизод.

Поскольку мы находились всего в нескольких милях от Салема, нам показалось вполне уместным заехать туда после ланча, так как у нас еще оставалось время до отлета. Когда мы въехали в Салем, Кристина спросила у Мэрилин, есть ли в городке пруд. Мэрилин, детство которой прошло в Салеме, категорически отрицала этот факт, но вскоре она, по ошибке, свернула не в том месте, что было удивительно, поскольку город она знала очень хорошо, и это неожиданное изменение маршрута привело нас к садку для разведения рыбы на берегу океана. Похоже, когда-то это была естественная бухта, отгороженная от океана старой каменной дамбой.

Кристина вышла из машины, словно в полусне. Она оглядывалась вокруг, совершенно сбита с толку. «Я не вижу ни одной березы», — сказала она и пошла вокруг пруда. «Куда ты?» — спросили мы. «Здесь обязательно должны быть березы», — ответила Кристина, продолжая идти. Мы припарковали машину и отправились за ней. В конце концов, на другой стороне пруда, Кристина нашла одну-единственную березу. Ее ствол был сломан, а крона оказалась под водой. «Видите, они все-таки были здесь, эта, наверное, последняя».

Мы вернулись в машину и решили, что стоит посетить здание суда, где проводились заседания. По дороге туда Кристина рассказала Мэрилин о том, что узнала в двух судьях из прошлой инкарнации своего бывшего мужа и отца. «Но на процессе всегда был только один судья», — возразила Мэрилин. «Судей было двое!» — настаивала Кристина. Подъехав к зданию суда, мы обнаружили, что он закрыт, но перед зданием была установлена большая табличка, которая рассказывала о процессах над ведьмами. Текст не только подтверждал, что на процессе

было двое судей, но и называа имя одного из них — Корвин (что напоминаю космического масштаба шутку, поскольку бывшего мужа Кристины звали Вин).

Прежде чем мы вернулись к машине, я купил в сувенирном магазине небольшой иллюстрированный путеводитель по Салему, в котором был и рассказ о процессах. Пока Мэрилин везла нас в аэропорт, я зачитывал вслух некоторые отрывки из этого буклета. Мы узнали, что девушки, обвиненные в колдовстве, проводили много времени со служанкой по имени Титуба, которую потом обвинили в связях с дьяволом. Титуба, индианка из племени араваков, живущего в Южной Америке, в детстве была захвачена в плен, вывезена на остров Барбадос и продана в рабство. Мы решили, что Титуба могла научить девочек каким-то шаманским техникам, которые невежественные соседи восприняли как призвание дьявола.

Но самой интересной информацией, почерпнутой мною из данного путеводителя, были сведения о том, что старый Салем, в котором происходила большая часть исторических событий, теперь называется Денвере, — эта информация оказалась для нас настоящим шоком. Именно в этом городе мы в 1978 году проводили большую конференцию Международной трансперсональной ассоциации. На этой конференции мы впервые представили нашу концепцию «психодуховного кризиса», подразумевающую, что многие случаи необычных состояний сознания, которые сторонники традиционной школы психиатрии диагностируют как психозы и часто пытаются лечить такими радикальными методами, как инсулиновый шок и электрошок, на самом деле являются психодуховными кризисами.

На лекции в Денверсе мы высказали предположение, что если такие психодуховные кризисы правильно воспринимать и оказывать человеку в этом состоянии должную поддержку, то на самом деле они могут оказывать целительный, трансформирующий и даже эволюционный эффект. Мы работали в холле, откуда была видна старая психиатрическая больница, расположенная по другую сторону долины и имевшая едва не самую худшую репутацию в Соединенных Штатах. Они все еще использовали шокирующие методы, которые сильно напоминали те, что использовала святая инквизиция и тому подобные охотники на ведьм, — нас поразило это удивительное совпадение. Из всех возможных мест проведения надо же нам было устроить наше мероприятие за радикальное изменение отношения к необычным состояниям сознания в месте, где, хотя Кристина об этом и не подозревала, проходила одна из ее прошлых жизней, и где ее постигли страдания и смерть в этом кармическом эпизоде, вызванные неправильным пониманием и интерпретацией необычных состояний сознания.

Погруженные в эту драму, мы прибыли в аэропорт в самую последнюю минуту. Мы вбежали в ворота, и дверь самолета закрылась сразу за нашими спинами, как только мы оказались в салоне. Мы опустили в кресла, пристегнули ремни и принялись обсуждать странные стечения обстоятельств, случившихся в этот день. Как только самолет поднялся в воздух, из салона первого класса к нам в эконом-класс вышла стюардесса с подносом бокалов с белым и красным вином.

Я не мог поверить собственным глазам. У нее была очень темная кожа, а ее голову окружала корона длинных растрепанных косичек, торчащих во все стороны. Не знаю, как ее начальство допустило подобное, ведь они очень придирчиво относятся к внешнему виду стюардесс. «Это Титуба, твоя служанка с Барбадоса», — в шутку сказал я, обращаясь к Кристине. Стюардесса подошла к нам к нам и посмотрела на Кристину долгим и значительным взглядом. «В первом классе осталось немного вина, сказала она. — Не хотите ли выпить? — И, после небольшой паузы, добавила: — Вы предпочитаете белое или красное?»

Мы взяли по бокалу вина и принялись обдумывать очередное совпадение, когда стюардесса появилась снова, на этот раз на ее подносе были гвоздики. «У нас остались и цветы, не желаете?» И, предлагая поднос Кристине, спросила очень серьезным тоном: «Какие вам больше

нравятся, красные или белые?» Подумав немного, Кристина выбрала белую. Позднее она сказала мне, что, в контексте того, что произошло в тот день, этот на первый взгляд простой выбор имел большое кармическое значение. Выбор белой гвоздики показался успешным завершением этого драматического эпизода ее жизни.

Существование переживаний из прошлой жизни со всеми их примечательными особенностями является бесспорным фактом, который может подтвердить серьезный исследователь, непредвзятый и заинтересованный в проверке этих доказательств. Также совершенно очевидно, что не существует правдоподобного объяснения этого феномена в формате классической психиатрии и психологии. Хотя все эти впечатляющие факты и не являются твердым доказательством нашего существования после смерти и реинкарнации той же самой независимой единицы сознания — нашей уникальной души, они представляют собой серьезный концептуальный вызов традиционной науке и обладают потенциалом, достаточным для разрушения всей системы понятий. Поскольку я сам был свидетелем сотен переживаний из прошлой жизни и многие из них испытал сам, я согласен с Крисом Бейшем в том, что «доказательства в этой области так богаты и невероятны, что ученые, которые думают, что проблема реинкарнаций не заслуживает серьезного изучения, или не имеют достаточного количества информации, или просто тупицы».

ЭКСТРАСЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Исследование мира паранормальных явлений

Истории в этой части книги описывают события и переживания, в которых присутствуют феномены, известные как паранормальные, психические либо пси-эффекты. Систематическое научное изучение психических феноменов проводилось в основном парапсихологами, хотя их различные формы также описывались в книгах по другим дисциплинам, таким как антропология и сравнительное религиоведение. На протяжении всего XX века парапсихология являлась объектом яростного противостояния, поскольку она специализируется на исследовании экстрасенсорного восприятия и других способностей, событий и процессов, которые нельзя объяснить с помощью существующих научных теорий.

С точки зрения традиционной науки психические феномены невозможны, поскольку они подразумевают передачу информации или даже влияние на материальные процессы без медитации или знания о каналах и энергиях. Общим знаменателем этих переживаний и событий, принадлежащих к этой категории, является то, что они выходят за рамки пространства и времени. Психические явления могут возникать при обычных обстоятельствах и вовсе не требуют изменения сознания. Однако в холотропных состояниях вероятность их возникновения существенно возрастает.

Чтобы создать нужный фон для данного раздела, я кратко опишу и дам определение психическим явлениям, которые в прошлом привлекали внимание парапсихологов и вызвали их интерес. Телепатия — это прямая передача мыслей другому человеку без помощи слов, невербальных подсказок, сигналов и других традиционных средств общения. Внетелесные переживания — это моменты, во время которых сознание, лишенное тела, приобретает способность передвигаться в пространстве и четко воспринимать все, что его окружает. Когда речь идет о восприятии на очень большом расстоянии, это называется астральной проекцией.

Предвидение — это четкое предчувствие будущих событий без каких-либо реальных подсказок. Ясновидение — это способность получать информацию о прошлом, настоящем и будущем, не используя обычные источники информации, что подразумевает преодоление пространственных или временных барьеров, или и тех и других. Психометрия — это процесс получения информации об истории объекта или фактов и образов о человеке, которому этот объект принадлежал, с помощью длительного тактильного контакта с этим объектом. Термин психокинез относится к ситуациям, в которых на материальные объекты или процессы оказывается влияние с помощью средств психики.

Другой проблемой, заинтриговавшей парапсихологов еще в 1882 году, когда двое преподавателей Кембриджа организовали Общество для исследования психики и парапсихология стала самостоятельной дисциплиной, стала возможность продолжения жизни сознания после смерти. Вера в продолжение существования после момента биологической смерти разделялась всеми древними религиями мира. В прошлом старания парапсихологов собрать веские доказательства жизни после смерти были с презрением высмеяны научным сообществом и академическими кругами. Однако во второй половине XX века исследователи сознания накопили огромное количество наблюдений, позволяющих предположить, что эта идея не столь нелепа, как кажется многим, выросшим в интеллектуальной атмосфере, сформированной материалистической наукой. Хотя эти новые данные не могут рассматриваться

как доказательства сохранения личного сознания после смерти, они точно представляют глобальный концептуальный вызов для традиционной науки. Они также помогают нам понять, почему эта вера оказалась настолько универсальной и неизменной.

Мысль о том, что сознание может пережить смерть, на самом деле не является только верой, совершенно беспочвенной фантазией невежественных людей, не желающих принять скоротечность жизни и неотвратимость собственной смерти. Она основана на разнообразии невероятных переживаний и наблюдений, которые противоречат рациональным объяснениям материалистической науки. Ранее в этой книге мы уже исследовали наблюдения и научные исследования, связанные с воспоминаниями из прошлых жизней детей и взрослых и проблемой реинкарнации. Другим источником научной информации, важной для вопроса жизни после смерти, являются танатологические исследования околосмертных переживаний. Эти завораживающие переживания испытывала примерно третья часть тех людей, которые выжили в автокатастрофах, тонули, пережили сердечный приступ или остановку сердца во время операции или столкнулись с другими формами угрожающих жизни ситуаций.

Реймонд Муди, Кеннет Ринг, Майкл Сабом, Брюс Грейсон и многие другие провели обширные исследования этого феномена и описали характерный эмпирический паттерн околосмертного состояния. В своей полной форме он включает выход из тела — внетелесные переживания, «просмотр жизни» и путешествие по темному туннелю. Кульминацией является встреча с сияющим Созданием Света — божественной справедливостью, с этической оценкой жизни человека и посещением различных трансцендентальных сфер. Менее часто встречаются болезненные, тревожные и inferнальные типы околосмертных состояний. В конце 1990-х годов исследования Кена Ринга добавили этим наблюдениям еще одно интересное измерение. Ринг смог доказать, что у людей, слепых от рождения по органическим причинам, в этом состоянии могут быть видения, включая такие, достоверность которых могут единодушно подтвердить все присутствующие («достоверные внетелесные переживания»).

Подтвержденные внетелесные переживания не сводятся только к предсмертным ситуациям и случаям клинической смерти. Они также могут возникнуть во время духовных практик или на сессиях сильной экспириенциальной психотерапии, такой как первичная психотерапия, ребефинг или холотропное дыхание. Применение психоделических веществ — особенно диссоциативного анестетика кетамин — может значительно облегчить их наступление. Внетелесные переживания могут проявляться спонтанно, в обычной, повседневной жизни или как отдельные эпизоды, или повторяясь, как часть кризиса психического раскрытия или какого-либо иного типа духовного пробуждения.

Соответствующие действительности внетелесные переживания имеют особое значение для проблемы жизни после смерти, поскольку они демонстрируют, что сознание способно действовать независимо от тела. Это имело особый интерес для танатологов и других исследователей сознания, поскольку они представляют феномен, который предлагается для научного изучения и объективного подтверждения. Обычным возражением, выдвигаемым против идеи, что такие исследования служат доказательством существования сознания после смерти, является тот факт, что люди, испытывавшие внетелесные переживания, хоть и оказывались на волосок от смерти, все же не умерли. Однако представляется разумным сделать вывод, что если сознание может функционировать независимо от тела при нашей жизни, то это возможно и после смерти.

Другая сфера интереса парапсихологов, тесно связанная с проблемой жизни после смерти, включает встречи и общение с умершими. Появление умерших людей, обычно родственников и друзей, часто случается в связи с околосмертными состояниями и как часть предсмертных видений. Умершие, похоже, приветствуют прибывающего и пытаются облегчить его переход в

мир иной («комитет по встрече»). К доказательствам в поддержку этой теории необходимо относиться особенно осторожно и критически. Видение мертвого человека или нескольких человек само по себе значит не так уж много и может легко быть отброшено как фантазия или галлюцинация.

Поэтому исследователи психики обращают большое внимание на тот факт, что «комитет по встрече» всегда состоит только из умерших, в том числе и тех, о чьей смерти умирающий ничего не знал. Подобные примеры обычно называют «сказочным берегом» (Кобб, 1877).^[2] Конкретные случаи общения, которые могут быть объективно подтверждены, также представляют важный материал для исследований. Особый интерес представляют квазиэкспериментальные доказательства жизни после смерти, которые исходят из эмоционально заряженной и спорной области сеансов спиритизма и ментального или трансового медиумизма. Лучший медиум способен точно воспроизвести в своем представлении голос, манеру речи, жесты, манеры и другие характерные черты умерших, которых они до этого не видели.

Совсем недавно исследователи во всех уголках мира, объединенные сетью Интернет, в том числе Эрнст Сенковски, Джордж Мик, Марк Мейси, Скотт Рого и другие, создали группу, пытающуюся установить «коммуникацию между мирами». Они утверждали, что получили множество паранормальных вербальных контактов и картинок от умерших людей с помощью электронных медиумов, в том числе записей на кассетах, телефонов, факсов, компьютеров и телеэкранов. Другое интересное нововведение в области общения с умершими — процедура, описанная в книге Реймонда Муди «Воссоединения: визионерские встречи с ушедшими близкими» («Reunions: Visionary Encounters with Departed Loved Ones», 1993). Во вступительном слове к этому к своему исследованию Реймонд Муди проводит систематический обзор литературы по гаданиям по магическим кристаллам и тому подобным феноменам, Используя большое зеркало и драпировки из черного бархата, он создавал особую среду, которая, как он утверждает, может облегчить воображаемую встречу с умершими близкими.

Еще один феномен, который следует упомянуть в этом контексте, — ченнешнг. Это современный термин для ситуации, в которой человек передает через автоматическое письмо, речь или сообщения действием, из источника, находящегося вне данной личности. Этот источник часто обозначает себя как существо из нефизической реальности, иерархический ранг этих существ варьируется от архетипической фигуры (божество или ангел) или духовно просветленного сверхчеловеческого существа, и до невоплощенного существа или даже живущего человека. Качественное содержание общения также варьируется очень широко, от тривиальной болтовни до глубокого и запоминающегося психологического и духовного общения.

Богатый материал, накопленный современными исследователями сознания, имеет для парапсихологии странно неоднозначный подтекст. С одной стороны, он дает сильные доказательства в поддержку многих явлений, традиционно изучаемых парапсихологами, а с другой стороны, они угрожают самому существованию парапсихологии как независимой дисциплины. Стоит нам принять существование трансперсональных переживаний, и мы осознаем, что все они или, по крайней мере, большинство могут иметь посреднический доступ к новой информации с помощью каналов, неизвестных современной науке, независимо от того, задействуют ли они других людей, другие формы жизни, архетипические фигуры и сферы или различные эпизоды из истории человечества. Если способность человеческой психики получать доступ к новой информации без посредства чувств будет в основном принята, исчезнет нужда в специальной дисциплине, занимающейся изучением сравнительно узкой подборки конкретных психических явлений. То, что в прошлом считалось «паранормальным», можно будет рассматривать как нормальные возможности человеческой психики.

ЗРЕНИЕ БЕЗ ПОМОЩИ ГЛАЗ (МЫСЛЕННЫЙ ВЗОР)

История Теда

Интересным примером подтвержденного внетелесного переживания в близкой к смерти ситуации является история Теда, 26-летнего учителя афроамериканского происхождения, страдающего от неоперабельной формы рака. В ходе болезни мы провели с ним три сессии с высокой дозой ЛСД, которые Тед посчитал очень полезными и благотворными, поскольку они помогли ему свыкнуться со своим заболеванием и справиться со страхом смерти. Позднее его состояние ухудшилось, и метастазы заблокировали мочеточник. Это породило опасный застой мочи в чашевидной полости его почек, в результате чего в его крови стали накапливаться токсические продукты жизнедеятельности организма.

После того как Тед провел несколько дней в состоянии прогрессирующей уремии, нам позвонила его жена Лилли. Тед хотел видеть меня и Джоан, в то время мою жену и коллегу, чтобы обсудить проблему огромной важности. К тому времени как мы приехали в отделение интенсивной терапии Синайской больницы, состояние Теда сильно ухудшилось — по всей видимости, он был в коме. Его окружали родственники, пытавшиеся как-то привлечь его внимание, но Тед не отвечал, если, конечно, не считать ответом неразборчивое бормотание — было ясно, что вскоре он умрет.

Пока я успокаивал Лилли и остальных родственников, пытаюсь помочь им примириться с этой ситуацией, Джоан присела на кровать к Теду и начала мягко разговаривать с ним, используя собственную, переработанную в традициях западной культуры версию инструкции из тибетской «Книги мертвых». В сущности, она предположила, что Тед движется навстречу свету и сливается с ним, не боясь его яркости. К тому моменту, когда все, находящиеся в комнате, похоже, смирились с тем, что смерть Теда неизбежна, произошло то, чего никто не ожидал. В самый последний момент врачи все-таки решились его оперировать. Без всякого предупреждения двое санитаров вошли в палату, переложили Теда на каталку и повезли в операционную. Все, кто при этом присутствовал, были шокированы тем, что казалось грубым вторжением в очень личную и непростую ситуацию. Позднее мы узнали, что во время операции у Теда дважды останавливалось сердце, что повлекло за собой клиническую смерть, и оба раза его возвращали к жизни.

Мы отправились домой, чтобы принять душ и сменить одежду, поскольку у нас были свои планы на вечер. По дороге в центр мы решили заехать в больницу, чтобы выяснить, как дела у Теда. Когда мы приехали, он уже снова находился в отделении интенсивной терапии, приходя в себя после наркоза. На этот раз он находился в сознании и мог говорить. «Привет, спасибо, что второй раз задень ко мне заходите», — сказал он. Тед посмотрел на Джоан и поразил ее точным, но весьма неожиданным заявлением: «Вы переоделись; собираетесь пойти куда-то сегодня вечером?» Затем он рассказал, что уже видел нас сегодня, но не мог поговорить с нами, поскольку его сознание витало под потолком палаты и не могло связаться с телом.

Это происходило за несколько лет до того, как танатологические исследования установили, что внетелесные переживания отражают реальные события и это является клинически подтвержденным фактом. Не желая поверить в то, что человек, находящийся в состоянии комы, может четко воспринимать то, что вокруг него происходит, и помнить такие мелкие подробности, мы начали расспрашивать Теда о том, что случилось в тот день. Он в мельчайших подробностях описал ту одежду, которая была на нас во время первого визита в его палату. Стало ясно, что он воспринимал людей, находившихся рядом с ним, абсолютно правильно, хотя его глаза были закрыты. В какой-то момент он даже заметил, что по щекам Джоан катятся

слезы. Однако, полностью осознавая то, что вокруг него происходит, он пережил несколько весьма необычных состояний.

Он полностью осознавал то, что происходит в палате, и мог слышать голос Джоан, но при этом его внутренний мир, похоже, следовал ее инструкциям. Тьма, окружавшая его вначале, сменилась ярким светом. Тед смог приблизиться к нему и слиться с ним. Чувства, которые сопровождали этот процесс слияния, были чувствами священного, глубокого внутреннего спокойствия. Однако в то же самое время он смотрел кино на потолке палаты, яркую демонстрацию всех тех поступков, которые он совершил в своей жизни. Он видел лица людей, которых убил на войне, и всех подростков, которых колотил в юности. Он чувствовал боль и страдания всех тех, кому он причинил боль. Когда это происходило, он ощутил присутствие Бога, который смотрел этот фильм вместе с ним и судил его за его поступки.

«Я рад, что совершил это ЛСД-путешествие вместе с вами, ребята, — сказал он перед нашим уходом. — То, что произошло сегодня, перенесло меня туда же, куда я попадал во время этих путешествий. Благодаря вам я знал, что это за место. Я был бы напуган тем, что происходило, но, зная, что происходит, не боялся совсем».

ПОСЛАНИЯ ИЗ АСТРАЛЬНОЙ СФЕРЫ

История Рихарда

Одно из самых интересных наблюдений, связанных с проблемой жизни после смерти, из тех, что я помню, произошло на одной из сессий ЛСД-психотерапии Рихарда, молодого гомосексуалиста, подверженного сильным депрессиям и склонного к суициду. Он и был тем самым пациентом, чей пренатальный визит на ежегодную деревенскую ярмарку был описан в другой главе моей книги. На одной из ЛСД-сессий Рихард испытал очень необычные переживания в странной и даже жуткой астральной сфере. Он внезапно оказался в пространстве, залитом жутким светом и наполненном невоплощенными существами, которые очень настойчиво и требовательно пытались привлечь к себе его внимание. Он не мог видеть или слышать их, но почти физически ощущал их присутствие и получал от них телепатические послания.

Я записал одно из этих посланий, которое было очень необычным и могло быть подвергнуто последующей проверке. Одно из невоплощенных существ упрашивало Рихарда связаться с его родителями в Кромержиже, городке в Моравии, и дать им знать, что их сын Ладислав в полном порядке и о нем хорошо заботятся. Существо сообщило имена родителей и их номер телефона — эта информация не была известна ни Рихарду, ни мне самому и для любого из нас не имела ни малейшего значения. Это происшествие выглядело абсолютно чужеродным среди других переживаний Рихарда, совершенно не связанным с его проблемами и остальной частью его лечения. Ситуация в целом выглядела очень таинственной и сбивающей с толку.

По окончании сессии я решил сделать одну вещь, которая наверняка превратила бы меня в мишень для шуток моих коллег, стоило только им узнать о моем поступке. Я подошел к телефону, набрал номер в Кромержиже и спросил, могу ли я поговорить с Ладиславом. К моему немалому удивлению, сняв трубку женщина заплакала. Когда она немного успокоилась, то ответила: «Наш сын нас покинул — мы потеряли его три недели тому назад». Кто-то может сказать, что это не может быть доказательством, что их умерший сын послал им весточку с того света, но возможность того, что эта ситуация является бессмысленным совпадением, слишком мала.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ?

История Вальтера

Другое, столь же из ряда вон выходящее наблюдение подобного рода имело отношение к моему коллеге и близкому другу, психиатру Вальтеру Панке, который был членом нашей исследовательской команды по изучению психоделиков в Мэрилендском центре психиатрических исследований в Балтиморе. Он был инициатором и основной движущей силой создания в Мэрилендском центре психиатрических исследований в Катонсвилле программы для пациентов с раком в последней стадии. Вальтер сильно интересовался парапсихологией, особенно проблемами существования сознания после смерти, и работал со многими знаменитыми медиумами и экстрасенсами, в том числе и с нашим общим другом Эйлин Гаррет, президентом и основателем Американской ассоциации парапсихологии.

Летом 1971 года Вальтер вместе со своей женой Евой и тремя детьми отправился на каникулы в штат Мэн, чтобы провести их в своем небольшом домике на побережье Атлантического океана. Перед отъездом из Балтимора он купил у приятеля акваланг и взял несколько уроков дайвинга. Однажды он отправился на погружение в одиночку и без буйка и не вернулся. Хорошо организованные поиски, предпринятые на огромной территории, не нашли ни его тела, ни частей его акваланга. С учетом всех этих событий Еве было очень трудно свыкнуться с мыслью о его смерти, ведь в последний раз она видела Вальтера выходящим из их домика, полным энергии и здоровья. Ей было трудно согласиться, что он больше не будет частью ее жизни, и она не была готова начать новую главу своей жизни, не завершив предыдущую.

Поскольку она сама была психологом, она могла принять участие в специальной программе по ЛСД, проходившей тогда в нашем институте. Ева решила провести сессию в надежде как-то прояснить ситуацию с гибелью мужа и попросила меня быть ее ассистентом — я с удовольствием согласился, поскольку Ева была одним из самых близких моих друзей. Во второй половине сессии она испытала очень сильное переживание, увидев Вальтера, и вступила с ним в телепатический контакт. Он дал ей особые указания относительно каждого из троих их детей и позволил начать новую жизнь, свободную и не связанную чувством привязанности к его памяти. Это было очень глубокое и освобождающее от чувства вины переживание.

Поскольку Ева спрашивала, не является ли этот эпизод плодом ее воображения, Вальтер ненадолго появился снова и попросил Еву вернуть книгу, которую он позаимствовал у друга. Затем он сообщил ей имя друга, название книги, комнату и полку, на которой она находится, и последовательность расстановки книг на этой полке. Заинтригованные, желая проверить достоверность этого невероятного послания, мы отправились домой к Еве, как только сессия закончилась. Следуя инструкциям Вальтера, мы без труда нашли книгу, о существовании которой Ева прежде не подозревала.

Это было вполне в стиле Вальтера — дать Еве подобного рода подтверждения истинности их общения. При жизни он общался с психологами и психиатрами из самых разных частей мира и был заморожен попыткой известного мага Гарри Гудини доказать существование того света. Я присутствовал при попытке Вальтера провести подобный эксперимент. Эйлин Гаррет сказала нам, что она скоро умрет.

«Эйлин, — сказал Вальтер требовательно, — вы должны пообещать мне, что, если вы захотите, вы можете дать мне какой-нибудь явный знак, что тот свет действительно существует».

Эйлин, известная своим тонким чувством юмора, похоже, не приняла требование Вальтера всерьез. «Можешь быть спокоен, Вальтер, — ответила одна, — ты получишь свое доказательство. Я появлюсь на твоей следующей ЛСД-сессии, и схвачу твой пенис своей холодной, влажной рукой!» Учитывая одержимость Вальтера подобными доказательствами, вполне вероятно, что он воспользуется этой стратегией, чтобы придать больше силы его собственному посмертному общению.

СРЕЗАННЫЕ РОЗЫ В САДУ ТЕТУШКИ АННЫ

История Курта

Героем следующей истории был Курт, один из психологов, принимавших участие в нашей трехлетней программе профессиональных тренингов по трансперсональной психологии и холотропному дыханию. Когда Курт приступил к занятиям, он был одним из самых научно ориентированных и скептически настроенных членов нашей группы. Все, что он наблюдал и переживал во время тренингов, находилось под глубоким влиянием той системы убеждений, которую он унаследовал от своих профессоров. Выше я уже описывал переживания Курта, связанные с его рождением и запахом свежесделанной кожи. Этот эпизод подорвал его убежденность в том, что термины «сознание» и «психология» применимы только к человеку, который уже родился.

В то же самое время, когда он пережил собственное рождение, Курт столкнулся с еще одной концептуальной проблемой, которая принудила его сильно расширить собственные профессиональные горизонты. Этой проблемой стала природа трансперсональных переживаний. Были ли они онтологически реальными явлениями, демонстрирующими существование обычно невидимых трансцендентальных сфер, или продуктом человеческого воображения? В процессе тренинга Курт был свидетелем самых разных переживаний своих коллег, но не испытал их сам. Курт продолжал настаивать на том, что подобные переживания являются плодом человеческой фантазии — в полном соответствии с тем, чему его учили в медицинском институте.

Потом, на одной из сессий холотропного дыхания, Курт испытал сильные переживания, за которыми последовали необычные совпадения, которые и убедили его быть более непредвзятым, насколько может позволить человеческое сознание. В конце этой сессии он пережил очень яркую встречу со своей бабушкой, которая умерла много лет тому назад. В детстве их отношения были очень близкими, и Курт был глубоко тронут возможностью снова встретиться с нею. Несмотря на глубокую эмоциональную вовлеченность в эти переживания, он продолжал сохранять свой профессиональный скептицизм по поводу этой встречи.

Как Курт позднее объяснил группе, он подозревал, что его разум мог легко создать воображаемую встречу по старым воспоминаниям, поскольку много общался с бабушкой при ее жизни. Но общение с умершей бабушкой было настолько глубоким, открытым и убедительным, что он просто не мог считать его обычной фантазией. Ближе к концу встречи он решил попросить бабушку подтвердить, что это общение было реальным, а не плодом его воображения.

Прежде чем Курт телепатически задал свой вопрос, он получил следующее послание: «Отправляйся к тетушке Анне и посмотри на срезанные розы». По-прежнему настроенный скептически, он решил, «просто шутки ради», в следующие выходные навестить дом своей тетушки и посмотреть, что произойдет. К своему немалому удивлению, Курт обнаружил свою старую тетушку работающей в саду. Она была в специальной одежде, держала в одной руке садовые ножницы, а в другой — розу. Все лужайки и дорожки в саду были покрыты срезанными розами. Курту было неизвестно, что каждый год в этот самый день, который он выбрал для визита к тете, она обычно срезала все розы в своем саду.

Ученые-материалисты отвергают и часто смеются над возможностью жизни после смерти просто по причине несовместимости подобных взглядов с их базовыми метафизическими допущениями о действительности. Их позиция базируется не на научных доказательствах того, что продолжение существования сознания после смерти в какой-либо форме невозможно. На самом деле их выводы основаны на пренебрежении большим количеством наблюдений, таких,

какие были приведены выше, которым текущая парадигма не может дать адекватного объяснения.

ЛУИС ГАСПАРЕТТО

Художники и картины из потустороннего мира

Хотя мы довольно много слышали о Бразилии от наших друзей, однако ничто не могло подготовить нас к тому культурному шоку, который мы пережили во время нашего первого визита в эту невероятную страну. Ввиду наших занятий исследованиями психоделиков и трансперсональной психологией мы находились в ежедневном контакте со множеством людей, которые были очень открытыми личностями и для которых духовная сфера являлась важной частью их повседневной жизни. Впрочем, было ясно, что в более масштабном контексте западной индустриальной цивилизации они представляли собой, скорее, исключения из общего правила, острова в океане прагматической по большому счету культуры.

Встречи с жителями Бразилии и беседы с ними заставили нас почувствовать, что мы находимся на другой планете. Большинство бразильцев, включая и представителей высшего общества и образованной элиты, похоже, принимали существование таких реальностей, которые в евроамериканской культуре отнесены к сфере детской чепухи, фантазий, примитивных суеверий или даже душевного расстройства — невоплощенные существа, одержимость духами и добрыми или злыми божествами, духовное целительство, успешные операции психических хирургов-хилеров, визиты НЛО и многое другое. Все эти явления считаются нормальной и неотъемлемой частью их картины мира, по многим пунктам основанной на личном опыте, а не на ничем не обоснованной вере и предрассудках или сенсационных заголовках дешевых газетенок.

Похоже, это было тесно связано с тем фактом, что бразильцы легко погружаются в холотропные состояния сознания, а также имеют множество возможностей для прямого контакта с областью трансперсонального. Для многих из них это стало возможным благодаря употреблению аяхуаски, психоделического напитка, который много веков использовался в бассейне Амазонки в качестве священного и сильного лекарства. Он разрешен бразильским правительством и используется местными целителями (аяхуаскерус), представителями церкви Санту-Дайми и еще одной крупной организацией под названием «Униан ди Вежетал».

Значительная часть населения этого государства также является представителями афробразильских синкретических культов, таких как умбанда, кандомбле и макумба, сочетающих элементы религий африканских племен с верованиями коренных бразильцев и христианством. Мы особенно заинтересовались спиритизмом, очаровательным духовным движением, основанным на работах французского просветителя и философа XIX века Аллана Кардека. Спиритизм основан на вере в то, что духи умерших способны общаться с живыми людьми и вмешиваться в материальный мир с помощью людей, обладающих способностями медиумов. Церковь спиритистов стала особенно известной потому, что из ее членов вышли известные психические хирурги-хилеры, такие как филиппинец Тони Агпаоа и бразилец Зе Ариго, «хирург с ржавым ножом».

Пока мы жили в Сан-Паулу, мы слышали о Луисе Антониу Гаспаретто, экстрасенсе и представителе церкви спиритистов, использующем свои способности медиума совершенно уникальным способом. Он был известен тем, что послужил медиумом для многих известных умерших художников и рисовавший необыкновенные картины в самых разных стилях. С помощью наших бразильских друзей мы договорились о встрече и навестили Луиса у него дома, в пригороде Сан-Паулу.

Луис был высоким, симпатичным мужчиной, темноволосым и с очень выразительными глазами. Он был одет в свободные слаксы и белую рубашку и вел себя вежливо, тепло и

дружелюбно. Луис выглядел скорее как образец ученого, чем как эксцентричный экстрасенс с безумной репутацией. Ничто в его облике или обстановке его дома не предвещало того, что должно произойти, — за исключением огромного количества полок, с невероятным количеством стопок бумаги. Как мы выяснили, эти полки были сделаны на заказ для хранения его «рисунков из-за грани», — к тому моменту их было уже более пяти тысяч.

Предложив нам чаю, Луис принялся демонстрировать свою коллекцию. Мы были поражены потрясающей выставкой рисунков в стиле великих мастеров всех времен и стран. Они не были копиями уже существующих картин, а новыми сюжетами, выполненными в легко узнаваемой манере конкретных художников. Там были букеты цветов Моне, хрупкие фигуры молодых женщин Модильяни, танцоры Тулуз-Лотрека и другие персонажи «Мулен Руж», незамысловатые лесные пейзажи Анри Руссо с дикими животными, светотени на портретах кисти Рембрандта, лица на портретах Леонардо да Винчи, соединяющие в себе женские и мужские черты, натюрморты и метафорические картины Пикассо, цветы Джорджии О'Кифф, экспрессивные композиции Фриды Кало и многое другое.

Иногда эти картины отражали не зрелую, достигшую наивысшей точки расцвета манеру умерших мастеров, а различные ранние стадии развития их таланта. Позднее, когда мы лучше узнали Луиса и получили возможность наблюдать за его работой, мы в некоторых случаях сверялись с монографиями, освещавшими творчество тех художников, с которыми, как утверждал Луис, он устанавливал контакт, чтобы подтвердить, что он действительно уловил манеру рисования, свойственную раннему периоду их творчества.

Пока мы наслаждались этим завораживающим подбором примечательных творений, Луис поделился с нами несколькими историями о своей жизни и работе. Его необычные психические способности начали проявляться еще в детстве. Род Гаспаретто был известен в Бразилии своими паранормальными способностями, которые передавались в семье из поколения в поколение. Мать Луиса тоже обладала особыми способностями, выразившимися в автоматическом рисовании. Она многому научила сына и помогала ему развивать его талант. Общение Луиса с не воплощенными художниками началось, когда ему исполнилось тринадцать. Они продолжали являться Луису достаточно регулярно, научив его пониманию астральных сфер и смыслу жизни. Некоторые из них были очень известными, и Луис знал не только их имена, но и их картины, другие же были ему совершенно неизвестны, и Луису приходилось подтверждать их подлинность, сверяясь с Книгами по истории искусства.

Духи умерших мастеров сообщали ему, что хотели снова показать свои работы и передать известие о том, что они все еще существуют. Другой причиной того, что они связывались с Луисом, было их желание дать осязаемое доказательство существования того света. Художники сообщили Луису, что планировали нечто подобное с самого момента его рождения. Луис никогда не знал, кто из художников посетит его на этот раз и что они будут делать. Он даже не мог рисовать сам — без помощи невоплощенных художников он просто не мог рисовать. Когда появлялись духи, он мог чувствовать все, что чувствуют они, и видеть мир их глазами — Луис сравнивал это ощущение с состоянием оргазма. Его общение с умершими художниками изменило собственную картину мира Луиса, открыв его магическую красоту.

Нас поразила история Луиса и его искусство, и мы решили пригласить его в качестве гостя на наш грядущий месячный семинар. Он был частью экспериментальных обучающих программ, которые мы два раза в год проводили в институте Эсален, Биг Сур, штат Калифорния, где мы тогда жили. Это давало нам возможность самим выбирать интересовавшие нас темы и приглашать в качестве гостей тех людей, которые являлись выдающимися представителями в своей области и связанных с темой семинара. Приглашенные гости представляли самый широкий спектр, от таких ученых, как Фритъоф Капра, Карл Прибрам и Грегори Бейтсон, до

тибетских лам, индийских гуру, индейцев, мексиканских шаманов и христианских мистиков. Спектр обсуждаемых тем был также необычайно широк: месячные семинары посвящались буддизму и западной психологии, шизофрении и способности входить в измененные состояния сознания, картам сознания, методам целительства коренного населения и современной медицине, древней мудрости и современной науке, высшему творению и передовым достижениям науки.

Ближайший семинар назывался «Энергия: физическая, эмоциональная и духовная». В краткой аннотации, которая была опубликована в Эсаленском каталоге, мы обещали теоретически и эмпирически исследовать эти различные формы энергии и возможности работы с ними, и Луис был для этой программы идеальным приглашенным преподавателем. Наш бюджет позволял предложить ему гонорар, который почти полностью компенсировал ему затраты на дорогу, и к тому же Луиса очень обрадовала перспектива приехать в Калифорнию.

Месячные семинары проходили в Большом доме, расположенном на заросшем кипарисами утесе, с видом на Тихий океан, а территория, на которой он был построен, отделялась от остальных земель института ручьем. Институт Эсален получил свое имя от индейского племени, которое жило в Биг Суре до появления европейских колонизаторов. Индейцы считали, что земли вокруг горячих источников обладают целительной силой и предназначены для погребения. Когда закладывался фундамент Большого дома, строители обнаружили множество скелетов эсаленских индейцев, лежащих в позе эмбриона, лицом на запад. Еще два места захоронения были в разное время обнаружены на территории института, и, вместе с первым, они составляли треугольник.

Наше первое знакомство с психическими возможностями Луиса состоялось сразу же по его прибытии в Большой дом. Он бродил вокруг дома, как будто что-то искал, и мы, не понимая, что происходит, спросили, что он делает. «Вы знаете, что здесь жило и умерло множество индейцев? — спросил он. — В этом месте полно их духов — я чувствую, что они окружают меня». Это было особенно интересно, поскольку Луис ничего не знал об истории Эсалена.

В течение месяца, прожитого с нами, он проводил с участниками семинара целительные сессии, которые послужили дополнительным доказательством его необычных паранормальных способностей. Однако самые удивительные впечатления от работы с Луисом мы получили от его выступления в Хаксли — просторной аудитории для совещаний, непосредственно примыкавшей к зданию Эсалена на его основной территории. Несмотря на то что это выступление было частью нашего семинара, мы предоставили право посетить его всем членам эсаленского сообщества. В центре помещения мы поставили стол и два стула — один для Луиса, другой для Кристины, чьей задачей было передавать Луису листы бумаги. Во время выступления все источники освещения, за исключением лампы с красной колбой на столе Луиса, были выключены.

По дороге в Биг Сур Луис останавливался в Лос-Анджелесе в доме одного из моих близких друзей, психолога и парапсихолога Тельмы Мосс. Когда она демонстрировала его способности своим близким друзьям, во всем квартале на время отключили свет. К немалому удивлению гостей и самого Луиса, это никак не повлияло на его работу — Луис продолжал рисовать, правильно выбирая краски и создав за то время, пока в комнате было темно, несколько прекрасных рисунков.

Рисование в полной темноте было бы впечатляющим экспериментом, но темнота не позволила бы зрителям наблюдать за процессом. В качестве компромисса мы решили выбрать красный свет, который позволил бы наблюдать за Луисом, но эффективно препятствовал распознаванию цветов. Луис потребовал, чтобы мы включили «Времена года» Вивальди, и эта музыка играла в течение всего опыта, поскольку он выяснил, что эта музыка помогает ему

работать. Через несколько минут после того как музыка начала играть, голова и тело несколько раз содрогнулись, и, похоже, он вошел в состояние транса. В то же время Кристина, которая сидела рядом с ним, почувствовала страшный жар, исходящий от его рук, — это продолжалось на протяжении всей сессии.

Луис начал рисовать и с потрясающей скоростью рисовал одну примечательную картину за другой, причем каждую — в стиле какого-нибудь известного художника — ван Гога, Пикассо, Гогена, Рембрандта, Моне и многих других. Он работал обеими руками, иногда рисуя одновременно две разные картины, каждую картину одной рукой. Чаще всего он даже не смотрел на бумагу, закрывая глаза или наклонив голову назад или набок. Он нарисовал портрет Моне вверх ногами, под столом правой ногой, вовсе не видя, что рисует. Это потрясающее представление длилось чуть больше часа и, когда Луис перестал рисовать, пол вокруг него был покрыт картинами большого формата — всего двадцать шесть картин. Несмотря на красный свет, все они были нарисованы именно теми красками, которые должны были быть. Люди, находившиеся в комнате, зашевелились, желая рассмотреть рисунки поближе.

Однако было очевидно, что Луис еще не закончил. Он немного помедитировал и заявил: «Здесь присутствует дух, который называет себя Фрицем Перлсом. Он хочет, чтобы его портрет был нарисован Тулуз-Лотреком». Затем он нарисовал портрет легендарного южноафриканского психотерапевта, основателя гештальт-практики, который последние годы своей жизни провел в Эсалене. Это был не только очень точный портрет Фрица, но и выполненный в характерной манере Тулуз-Лотрека.

Луис закончил рисунок, но снова не сказал, что сеанс закончен. После некоторого размышления он сказал: «Здесь есть еще один дух, его имя Ида Рольф. Она тоже хочет получить свой портрет, но не непосредственно перед смертью, а в возрасте сорока лет». Ида Рольф тоже была легендой и идолом Эсалена. Немецкий врач, разработавшая известную технику работы с телом, названную ее именем, она много лет прожила в Эсалене, примерно в полутора милях от основного комплекса, в доме, в котором мы поселились после ее отъезда.

Портрет Фрица показывал Фрица таким, каким люди его помнили или могли видеть на фотографиях. Нарисованный Луисом портрет Иды был очень интересен с художественной точки зрения и изображал фигуру женщины средних лет, но оценить точность изображения не было никакой возможности. Никто в Эсалене не имел ни малейшего понятия о том, как выглядела Ида Рольф в возрасте сорока лет, поскольку она переехала в Эсален из Германии уже пожилой. Дик Прайс, один из соучредителей Эсалена, был совершенно очарован тем, что делал Луис, и в особенности портретами двух легендарных личностей из истории института, о которых Луис ничего не знал. Позднее Дик потратил немало времени на то, чтобы получить из Германии фотографии Иды Рольф в возрасте сорока лет. Когда же он наконец получил их, невероятное сходство между ними и «портретом из-за грани» стало еще одним убедительным доказательством огромной психической одаренности Луиса.

ВЕЧЕРИНКА В ЧЕСТЬ ЭШУ

Интервью с ориша

Следующая история описывает другие необычные переживания, которые испытали мы с Кристиной во время нашего первого посещения Бразилии. В то время когда мы жили в институте Эсален, Биг Сур, штат Калифорния, наши финансовые возможности были весьма ограничены. Отчасти этим мы были обязаны потерям во время наших предыдущих разводов, отчасти потому, что мы намеренно избрали то, что Дуэйн Элджин называл «добровольной простотой»: мы предпочитали простую жизнь в прекрасном месте на побережье Биг Сура более респектабельному стилю жизни, который потребовал бы переезда в город.

В обмен на конкретное количество семинаров Эсален предложил нам дом, расположенный на пологом утесе на берегу Тихого океана, с захватывающим 200-градусным видом на океан. Таким образом, мы могли жить в постоянном контакте с потрясающей дикой жизнью, наблюдать за играми каланов, морских львов и дельфинов. Мы могли видеть чаек, бакланов, пеликанов и других морских птиц, летающих в небе и плавающих в океане, в зарослях гигантских водорослей. Дважды в год мимо проплывали стада серых китов по дороге с Аляски в Баха-Калифорния, а в редких случаях и появление касаток еще сильнее обогащало и без того невероятный биологический спектакль. Биг Сур также был важной остановкой на пути другой группы неугомимых путешественников — бабочек-монархов.

Обратной стороной этого рая были весьма ограниченные возможности зарабатывания денег. Институт Эсален давал нам пищу и кров, но плата за те семинары, которые мы могли провести сверх того минимума, который шел в уплату за жилье и пищу, были весьма скудными. Руководители семинаров получали двадцать процентов от той платы, которую Эсален собирал с участников этих семинаров, что было едва не самыми худшими условиями, на которые мы могли бы рассчитывать в любом другом месте мира. Однако есть множество причин тому, почему приглашенные преподаватели соглашались приезжать и работать на таких условиях.

Побережье в районе Биг Сура, без всякого сомнения, одно из наиболее прекрасных мест в мире. Полоска земли, на которой построен институт, считалась индейцами-эсселенами, по имени которых он и назван, священной и, несомненно, являлась энергетической точкой. В дополнение к этому Эсален является легендарной Меккой всех тех, кто стремится к развитию человека и его возможностей, известным во всем мире как потрясающая лаборатория по изучению человека и местом яркого мышления, связанным с такими именами, как Олдос Хаксли, Алан Уотте, Абрахам Маслоу, Грегори Бейтсон, Фриц Перле, Моше Фельденкрейс и Ида Рольф.

По вышеперечисленным причинам, мы искали дополнительные источники доходов за пределами Эсалена, в других частях Соединенных Штатов и даже за границей. Мы пытались организовать наши путешествия таким образом, чтобы хотя бы возместить расходы. Такова была и ситуация во время нашего первого визита в Бразилию, когда мы путешествовали, чтобы принять участие в четвертой Международной трансперсональной конференции в Белу-Оризонти. Мы организовали несколько лекций и пару семинаров в различных частях Бразилии и рассчитывали получить достаточно денег, чтобы оплатить это путешествие.

Но внезапно мы столкнулись с непредвиденными осложнениями. Мы не знали, что наш семинар в Рио по времени совпадает с отборочным матчем футбольного чемпионата мира Бразилия—Перу, и, как мы выяснили, у того, кто решит соревноваться в популярности с футбольным матчем в Южной Америке, шансов не больше, чем у снежка не растаять в пекле. Дело кончилось тем, что мы с трудом набрали пять участников для сессии по холотропному

дыханию, намеченной на выходные, что при сложившихся обстоятельствах было чудом, но в тоже время явно недостаточным для продолжения семинара. Мы вынуждены были извиниться перед нашей небольшой группой и отменить семинар, с болью понимая, что нас ждут значительные финансовые потери.

Внезапно у нас оказалось очень много свободного времени для осмотра достопримечательностей Рио. Одним из тех, кто пришел на семинар, был Сержиу, молодой бразильский психолог. Мы разговорились, и он сказал, что изучает бразильскую умбанду, очень популярную синкритическую афробразильскую религию, сочетающую элементы традиционных верований африканских племен, католичества и религий индейских племен Бразилии. В своих исследованиях он опирался на юнгианскую перспективу, пытаясь описать архетипическую динамику, проявляющуюся в ее ритуалах. Когда он заметил наш интерес к этой теме, он предложил нам поучаствовать в церемонии, которая должна была проводиться вечером того же дня.

Умбанда зародилась в Рио-де-Жанейро в 1920-х годах и с тех пор получила широкое распространение по всей Бразилии. Жизнь сообщества направляется Pais de Santos («отцами святых») или Maes de Santos («матерями святых»), которые присматривают за Filhos and Filhas de Santos («сыновьями» и «дочерьми святых»). Это медиумы, посвященные в служители разных божеств западноафриканского происхождения, или ogixd(ориша), например Шангу, Ошум и Йеманжа. Ритуалы проводились в особых центрах, которые назывались «террейрус» (terreiros) или «тендас» (tendas). На церемониях поют или произносят нараспев гимны на языке йоруба, сопровождаемые игрой на барабане (атабаке), со своим особым ритмом для каждого ориша. Медиумы впадают в транс и становятся воплощением своих божеств.

Мы располагали некоторым количеством информации об умбанде, почерпнутой из лекций Стенли Криппнера, известного американского парапсихолога, который очень интересовался антропологией и несколько раз был гостем наших месячных семинаров в Эсалене. Мы также получили шанс лично поучаствовать в церемонии умбанды во время поездки в Белу-Оризонти десятью днями раньше. Это переживание подарило нам интересное прозрение относительно сложностей академического мира Бразилии.

Во время конференции Международной трансперсональной ассоциации мы выразили желание принять участие одной из церемоний умбанды. Наш хозяин, известный психолог, преподававший на факультете психологии университета в Белу-Оризонти, сначала пытался отговорить нас от этой идеи. Он отстаивал взгляды профессионального ученого и стал рассказывать, что умбанда основана на суевериях простонародья, и для людей образованных здесь не может быть ничего интересного, но мы продолжали настаивать, и тут выяснилось, что его кузен проводит службы в местной группе последователей этой религии и с приглашением на церемонию не возникнет никаких проблем.

Дом, в котором проходили ритуалы, был двухэтажной постройкой с подвалом. Второй этаж олицетворял собой небеса. Он весь был расписан белым и розовым и украшен большими розами и гирляндами цветов, сделанными из гипса и покрытыми несколькими слоями золота. Подвал изображал ад, и его интерьер был полной противоположностью второго этажа: его стены были черными с темно-красным, а пол покрывали подношения, состоящие из окурков и бутылок аквавита, очень крепкого алкогольного напитка. Первый этаж, который и был местом проведения церемонии, богато украшен деревьями и кустарниками в горшках и бассейнами с водой.

Впечатление от этих слегка наивных декораций развеялось, как только началась церемония. Пение и игра на барабане производили очень сильное впечатление, и многие из присутствующих начали впадать в транс. Мы стали свидетелями множества физических и

эмоциональных освобождений от напряжений, и у нас не было ни тени сомнения в том, что этот процесс является естественным и имеет большой целительный потенциал. На самом деле многое из того, что мы видели, напомнило нам те процессы, которые мы наблюдали годами во время психоделических сессий и сессий холотропного дыхания.

На следующий день мы рассказали нашему хозяину о том впечатлении, которое произвела на нас церемония. Когда он услышал об этом, тут-то правда и начала выходить наружу. Он рассказал, что на собственном опыте убедился в важности церемоний умбанды и их целительном потенциале. Если у кого-то из его родных возникали эмоциональные или психосоматические проблемы, он не стал бы предлагать им обращаться к фрейдистскому психоаналитику или бихевиористу, а отправил бы их для лечения в «умбанда кабилду». Он даже упомянул о ситуации, когда его семья тайком провела целителя в больничную палату, чтобы тот провел индивидуальную церемонию для одного из родственников.

Наши переживания в Белу-Оризонти лишь разожгли наш аппетит, и мы с удовольствием приняли приглашение Сержиу присутствовать на другой церемонии. В тот же день ближе к вечеру, мы сели в его машину и направились на окраину города. Ехать пришлось довольно долго, и когда мы приехали туда, где должен проходить ритуал, мы были сильно удивлены тем, что увидели. В то время как ритуал в Белу-Оризонти проводился в доме достаточно богатом, на этот раз строение явно относилось к другому концу спектра.

Сначала мы вошли в темный гараж, освещенный цветными гирляндами, развешанными под потолком. У одной стены находился трехъярусный алтарь, на котором стояли маленькие гипсовые фигурки, символизирующие ориша, вперемешку с их христианскими антагонистами, изображениями католических святых. Мы узнали Шангу, бога агрессии и секса, парного святому Георгию, и Йеманжу, богиню океана, рядом с Девой Марией. Мы также по прошлому разу узнали Кабоклу — темнокожего человека в набедренной повязке, головном уборе из перьев и с луком и стрелами, и Прету Велью, сгорбленного темнокожего старика, сидящего на маленьком табурете, с трубкой во рту.

Сержиу показал нам две железные фигуры, красную и черную, с рогами и ярко выраженными половыми признаками, изображающие дьявола и дьяволицу. Он также показал нам Помба Жира, богиню в виде сексуальной женщины в платье с глубоким декольте, выглядящую как проститутка, и с насмешливым выражением лица. Он также провел нас в так называемую «комнату воплощения», место проведения ритуала, который уже начинался. Там нас представили пожилой одноглазой женщине с взъерошенными волосами, очень похожей на ведьму, которая играла роль «матери святых» {Mae de Santos} и была главным действующим лицом церемонии.

Пока мы смотрели на жертвоприношение черного цыпленка и смазывание его кровью различных объектов, Сержиу объяснял нам, что это — «эбу» (ebo) или «диспашу» (despacho), церемониальное жертвоприношение. Эта церемония отличалась от той, которую мы видели в Белу-Оризонти, поскольку эта проводилась в день Бары или день Святого Антония и в честь Эшу. Сержиу рассказал нам, что Эшу — безответственный и своевольный обманщик, сеющий неприятности и расцветающий от всеобщего замешательства. Некоторые видят в нем мост между людьми и ориша, другие — темные силы природы, сравнимые с дьяволом, каким его представляют себе христиане.

Как только началось пение под аккомпанемент барабанов, возлюбленные святых начали танцевать и постепенно впали в транс. Несколько ассистентов наблюдали за ними и, когда они замечали гримасы, жесты или поведение, характерные для конкретных ориша, они наряжали представляющих их людей в соответствующие костюмы. Две женщины выделялись своим вызывающим, непристойным поведением — Сержиу сказал нам, что воплощают образ Помба

Жи́ра. Очень приличные и сдержанные перед началом церемонии, теперь они высоко поднимали свои юбки, демонстрируя нижнее белье, выкрикивали непристойности и показывали мужчинам жесты, символизирующие соитие. Мы видели, как каждая из них выпила до дна три больших бутылки аквавита, очень крепкого дистиллята примерно сорокапятиградусной крепости, не проявляя при этом ни малейшего нарушения координации движений.

На сцене творилось какое-то безумие, воздух словно уплотнился, а атмосфера стала в своем роде сюрреалистичной. Однако нам с Кристиной хватило сил наблюдать за всем этим с беспристрастностью антропологов, занимающихся полевыми исследованиями, и остаться невозмутимыми. Все изменилось, когда похожая на ведьму мать святых подошла к нам с многозначительной ухмылкой и спросила, не хотим ли мы получить «консульта». Этим словом у последователей умбанды называется разговор с духами, во время которого медиум принимает послания и советы ориша участникам церемонии. Мы согласились на «разговор с духами», рассматривая его как возможность получения интересного опыта, но выяснилось, что мы были совершенно не готовы к тому, что произошло.

Старуха подвела нас к одной из женщин, которые вели себя непристойно и в огромных количествах пили аквавит. Она подталкивала нас в спину до тех пор, пока мы не оказались очень близко к медиуму, почти вплотную. Лицо женщины было искажено странной гримасой, она что-то жевала и курила огромную сигару. «Итак, вы хотите поговорить с духами?» — спросила она с насмешливой улыбкой. Не дожидаясь ответа, она потянулась к Кристине и принялась трогать и давить нижнюю часть ее живота. «Женские проблемы, да? — хихикнула она. — Боль и кровотечения. И куча энергии!» Сержиу переводил ее комментарии, поскольку женщина говорила на португальском.

«Вы печальны, очень печальны и расстроены, — продолжала она голосом, напоминающим кваканье лягушки. — Тяжело разлучаться с двумя детьми, правда? Когда они так далеко, на острове?» Мы были поражены — Кристина находилась на пике пробуждения энергии кундалини, которое характеризуется очень высоким уровнем энергий. В тот момент процесс был сфокусирован в животе и вызвал большое количество гинекологических проблем, для которых не было медицинских причин. К тому же она совсем недавно, в результате судебного процесса, потеряла право опеки над своими двумя детьми, которые теперь жили со своим отцом на Гавайях, что служило для Кристины источником постоянного раздражения и депрессии.

Потом женщина посмотрела на меня, и на ее лице возникло насмешливо-дразнящее выражение: «Неплохо провел время в Бразилии, да? Нравится бразильская еда и все эти восхитительные специи? Не стоит беспокоиться насчет финансов — это испортит тебе все удовольствие! Можешь не бояться, ты не потеряешь денег в этой поездке!» Это было второе стопроцентное попадание. Любовь к хорошей еде, насколько было известно Кристине и всем моим друзьям, была одной из моих величайших слабостей, и, когда я приезжал в какую-либо новую для меня страну, я незамедлительно принимался за исследование ее кухни. Мы только что вернулись из Байи, где я буквально влюбился в невероятную смесь африканских и бразильских специй. А после отмены нашего семинара в Рио мысли о нашей финансовой ситуации постоянно крутились в моей голове. Это было тем более поразительно, поскольку единственным связующим звеном между мною и местными последователями умбанды был Сержиу, который не был в курсе тех проблем, о которых говорила медиум.

Открытие невероятных способностей медиума к ясновидению или телепатии и то, насколько они могли видеть нас насквозь, немедленно изменило наши чувства и отношение к церемонии. Внезапно мы почувствовали огромное уважение к тому, что здесь происходит, и ситуация стала выглядеть куда более достоверно и серьезно. Пребывание в незнакомом пригороде Рио, в гротескном интерьере, на церемонии в честь Эшу, и окружающие нас люди с

подобными паранормальными возможностями вызвали у нас несколько легких приступов паранойи.

Уверение в том, что наше финансовое положение в конце этого путешествия не будет плачевным, полученное нами от женщины, ставшей воплощением ПомбаЖира, оказалось верным. Несмотря на неудачу с несостоявшимся семинаром в Рио-де-Жанейро, мы вышли из этой ситуации без потерь — в конце поездки мы обнаружили, что наши расходы и доходы полностью совпадали.

ТАБУ НА ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ ЯСНОВИДЯЩИМ

Сессии Энн Армстронг

В те годы, когда я работал в Мэрилендском центре психиатрических исследований, моя дружба с Вальтером Панке дала мне возможность познакомиться с такими выдающимися экстрасенсами нашего времени, как Эйлин Гаррет, Хью и Чарлз Кейс, Джоан Грант и многие другие. За те четырнадцать лет, которые мы с Кристиной провели в институте Эсален, в Биг Суре, у нас было много возможностей для общения с людьми, наделенными необычными психическими возможностями, такими, как Луис Гаспаретто, Ури Геллер, Хелен Палмер, Кит Хэррари и Джек Шварц.

Однако именно наша долгая дружба с Энн Армстронг дала нам наиболее убедительные доказательства возможности паранормального доступа к информации о других людях и мире в целом. Необычная психическая одаренность Энн раскрылась во время «духовного кризиса», который длился около 20 лет. Процесс внутреннего развития начался, когда Энн и ее муж Джим начали эксперименты с гипнозом в надежде справиться с мучившими Энн страшными мигренями.

Их терапевтический эксперимент удался, когда они смогли проследить связь этих мигреней с воспоминаниями Энн о своей прошлой жизни, в которой она была атлетом, как-то связанным с римским Колизеем, которого его мучители подвергали суровым пыткам, желая получить какие-то важные сведения. К глубокому изумлению Энн и Джима, этим преступником из кармической памяти Энн оказался Джим, но брак Армстронгов счастливо пережил эту новость, и они вместе отправились в путешествие совместного духовного раскрытия. После нескольких лет внутренней борьбы Энн превратилась в заслуживающего доверия и хорошо подготовленного экстрасенса-практика.

Энн и Джим регулярно принимали участие в наших месячных семинарах, обычно приезжая на последнюю неделю. До того как они присоединились к группе, ее члены проводили вместе в среднем по десять часов в день, занимаясь совместными глубинными исследованиями, включая регулярные сессии холотропного дыхания. Энн появлялась в группе, не зная никого, кроме Кристины и меня, но при этом она немедленно получала различного рода информацию об окружающих ее людях, которая была неожиданной для всех нас. Ее специальностью было исследование и разъяснение межличностных отношений, и все, что ей для этого требовалось, — знание имен этих людей. Она даже могла провести очень точное и достоверное считывание по телефону.

Помимо потрясающего разоблачительного и точного индивидуального считывания для членов группы она также, с помощью Джима, проводила участников через серию упражнений, обучающих обнаруживать, овладевать и развивать их собственные психические возможности. Любимым упражнением Армстронгов было так называемое групповое сканирование, сочетавшее оба эти процесса. Маленькие кусочки бумаги с именами участников сворачивали так, чтобы не было видно текста, и складывались в шляпу, а один из членов группы вслепую вытягивал имя человека, который получит групповое считывание, и этот человек сообщал проблему, по поводу которой он хотел получить информацию.

Группе рекомендовалось временно отбросить любые сомнения в собственных психических возможностях и записать все, что приходит им в голову, без каких-либо оговорок или подавления подсознательных тенденций. После того как каждый из участников делился своими прозрениями по проблеме, Энн проводила собственное считывание, так чтобы мы могли сравнить ее результаты с нашими. Заключительной стадией упражнения была обратная связь

человека, вынесшего проблему на обсуждение, относительно того, что считают попаданиями и промахами считывания.

Чтение Энн было неизменно правильным, и часто его результаты действительно оказывались поразительными. Но что еще более невероятно, так это насколько точными оказывались многие образы и прозрения различных членов группы, которые никогда не задумывались о существовании у них каких-либо психических возможностей. Одной из главных трудностей была четкая интерпретация возникающих образов и ассоциаций, что Энн делала с необычайной легкостью. Могу проиллюстрировать эту проблему одной из собственных попыток психометрии, которую я предпринял под руководством Энн и Джима.

На этом упражнении половина членов группы села у одной стены комнаты, а другая — напротив. Нас попросили, втайне от других членов группы, принести на занятие предмет, имеющий для нас большое эмоциональное значение. Затем Джим дал каждой половине группы по большой хозяйственной сумке и попросил нас потихоньку сложить в нее те предметы, которые мы принесли с собой. Затем он поменял сумки, и каждый из нас вытащил предмет, принадлежащий человеку из другой группы. Нам нужно было, держа предмет в одной руке, провести психометрическое считывание — записать все ассоциации и образы, которые возникали у нас в связи с этим предметом.

Предмет, который вытащил я, был металлической подвеской, немногим больше дюйма в диаметре. Она была круглой, со стилизованной человеческой фигурой с вытянутыми в стороны руками и ногами, как на одном из известнейших рисунков Леонардо да Винчи — «Витрувианском человеке». Следуя указаниям Энн, я взял подвеску в левую руку, сфокусировал на ней внимание и позволил своему сознанию уплыть, как я обычно делал на тренингах по фрейдистскому анализу. Затем я записал все ассоциации по мере их появления и был поражен той легкостью, с которой они возникали, и их богатством.

Сначала я припомнил несколько путешествий по Европе, во время которых я побывал в нескольких старомодных и изящных маленьких немецких городках с мощенными булыжником улицами и колоритными домами, украшенными росписями, деревянной резьбой и ящиками с цветами. Потом мои мысли перешли к студенческим годам, когда я изучал медицину в различных институтах, посещая лекции или практические занятия. Это началось с общего обзора, но быстро сфокусировалось на исключительно сильных воспоминаниях, связанных с анатомией и физиологией злокачественных опухолей. Отсюда память перешла к моей работе с людьми, находящимися на последних стадиях рака, в Мэрилендском центре психиатрических исследований и на некоторое время задержалась здесь. А затем, безо всякого предупреждения или перехода, в моей памяти всплыла шутка, которую я услышал совсем недавно, и я рассмеялся. Шутка была такой:

Турист-авантюрист, приехавший в Северную Африку, Послал за арабским купцом, чтобы купить верблюда. Он собирался пересечь пустыню Сахара и дал купцу понять, что ему нужен действительно хороший верблюд, который сможет долгое время обходиться без воды. Араб привел верблюда, который, как он утверждал, был самым выносливым и самым надежным, путешественник заплатил за него требуемую, весьма значительную сумму, и немедленно отправился в путешествие. К своему весьма неприятному удивлению, через несколько дней он стал замечать, что верблюд слабеет, а его бег замедляется. Хотя он использовал воду, как было запланировано, верблюда, казалось, мучила жажда, и он тяжело дышал, его пересохший язык был высунут изо рта. Два дня спустя он отказался продолжать путь и упал в пустыне.

Они бы оба умерли, если бы не караван со значительным запасом воды, шедший в противоположном направлении, который и спас их жизни. После возвращения из этого несчастливого путешествия турист, в праведном гневе, разыскал купца и потребовал, чтобы тот

вернул ему деньги. «Что за верблюда вы мне продали? — возмущался он. — Через несколько дней в пустыне он свалился и отказался идти дальше; из-за этого я едва не расстался с жизнью!»

«Я не понимаю, — недоумевал араб-купец, — вы били его кирпичами?» — «То есть как — кирпичами?» — переспросил несчастный путешественник, окончательно сбитый с толку. «Я вам покажу», — сказал купец и повел верблюда к колодцу. Как только верблюд начал пить, араб подошел к нему, держа в каждой руке по большому кирпичу, и внимательно за ним наблюдал. Как только верблюд закончил пить, купец ударил его кирпичами по яичкам. Верблюд издал ужасный вопль, с перепугу всосав пару дополнительных галлонов воды.

Не так-то просто передать весь смак этой шутки письменно — для того чтобы все было понятно, рассказчик должен повторить изданный верблюдом вопль. Поток воздуха, который с силой втягивается при воспроизведении этого звука, позволяет понять, какой объем воды добавляется к выпиваемому верблюдом запасу воды с помощью двух кирпичей. История о верблуде была моей последней ассоциацией в этом упражнении по психометрии. Она крутилась в моей голове еще несколько минут уже после того, как упражнение закончилось.

Под руководством Энн и Джима мы определили владельцев доставшихся нам предметов и начали обсуждение. Я не мог поверить тому, насколько точными оказались мои свободные ассоциации, в особенности потому, что я никогда не думал о том, что обладаю какими-либо парапсихологическими способностями. Я подошел к этой игре со здоровым скептицизмом, сильно сомневаясь, что из этого выйдет что-нибудь толковое. Но как же я ошибался! Выяснилось, что хозяйкой той подвески, которую я использовал во время упражнения, была Мира, женщина из Германии, выросшая в маленьком городке, выглядевшая именно так, как я себе представлял. Она была врачом и недавно заинтересовалась нетрадиционными подходами и начала посещать семинары новых тенденций в психологии.

Анекдот с верблудом тоже оказался потрясающе точным попаданием, хотя информация и пришла в виде шутки. На самом деле ситуация, с которой связана эта ассоциация, была еще более жестокой и веселой одновременно, чем сам анекдот. Подвеска была эмблемой Центра целостной личности, группы людей, занятых глубоким самопознанием, основанным на модифицированной и сильно расширенной форме первичной психотерапии. Мира участвовала в недельном семинаре, которым руководил Билл Суортли, один из лидеров этой организации; этот семинар был нудистским марафоном, проходившим недалеко от Атлантик-Сити.

Нудистский марафон является радикальной формой психотерапии, разработанной в 1960-х годах калифорнийским психологом Полом Биндримом. Он сочетал нудизм, отказ от сна и пост с эмпирической групповой работой в плавательном бассейне с водой, нагретой до температуры тела. Бассейн был около пяти футов глубиной, одинаковой во всех его частях. В начале этого марафона Билл Суортли показал участникам подвеску, служившую символом его центра, и сказал, что в конце семинара она станет наградой тому участнику, который совершит в эти выходные наиболее дикий поступок. Не зная о том, насколько авантюрным человеком является Мира, Билл и не подозревал, на что именно он себя обрекает.

Одним из упражнений, используемых в нудистском марафоне для вызова сильных эмоциональных реакций, была демонстрация обнаженных тел участников, плавающих в бассейне, пристальному изучению их товарищей. Члены группы стоят в бассейне, двумя линиями, лицом друг к другу. Затем, один за другим, они плыли на спине между двумя линиями. Тот, кто заканчивал путешествие, становился в конец линии. В подобной ситуации гениталии мужчин и женщин и груди женщин были открыты взгляду всех членов группы. Для многих людей подобное грубое вторжение в их частную жизнь служило спусковым механизмом невероятной силы.

Достаточно часто случалось так, что некоторые из участников не могли вынести подобной

ситуации и впадали в истерику. В таких случаях остальные участники окружали этого человека, чтобы поддержать его и помочь проработать происходящее. Когда процесс заканчивается, линии восстанавливаются, и сплав нагих тел продолжается. Равенство ведущего и членов группы выражается не только в его нагоде, но и в том, что он тоже участвует в упражнении. Когда между двух линий плыл Билл Суортли,

Мира увидела благоприятную возможность выиграть приз этих выходных. Она накинулась на Билла, пытаясь достать зубами его мошонку и яички, и, естественно, стала безоговорочным победителем этого необычного соревнования.

Во время группового считывания многие из нас получили ассоциации, которые были четко связаны с личностями и жизнями владельцев объектов. В этом отношении основное различие между Энн и нами было не только в том, что ее воображение богаче нашего; она также была способна расшифровать эти образы и ассоциации и перевести их в четкое и связанное считывание, которое мы выполнить не в состоянии.

Хотя большинство моих ассоциаций, когда я выяснил, кто является владельцем подвески, и получил от нее подтверждение, оказалось потрясающе точными, я бы не смог самостоятельно расшифровать эти образы и получить четкое, точное и недвусмысленное считывание. Удивительно, но мое психометрическое считывание включало одну очень важную деталь, важность которой стала очевидной далеко не сразу. Воспоминания о моей учебе в мединституте и последующей работе, четко сфокусированные на ситуациях, связанных с раком, были больше, чем аллюзиями на профессию Миры. Через несколько месяцев после нашего Эсаленского семинара у Миры был обнаружен рак, и вскоре она умерла.

МУРАВЬИ ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ-БОГИНИ

Визит в Паленке

Следующая история демонстрирует, что трансперсональные переживания в холотропных состояниях сознания могут открыть паранормальный доступ к новой информации об архетипической и исторической сферах коллективного бессознательного. К тому же во многих случаях вполне возможно подтвердить точность информации о божествах и мифологических сферах других культур, так же как и о различных периодах человеческой истории, полученных таким образом. И, похоже, абсолютно не важно, были ли эти мифологические, культурные или исторические факты известны субъекту прежде или же нет. Эти наблюдения соответствуют и подтверждают исследования Карла Густава Юнга о том, что кроме фрейдистского индивидуального бессознательного психика каждого из нас также имеет доступ к коллективному бессознательному, которое хранит записи об историческом и мифологическом наследии человечества.

События, описываемые в этой истории, произошли в конце ноября 1971 года, когда мы с моим братом Полом участвовали в работе пятого Международного психиатрического конгресса, проходившего в Мехико. Пол, который, как и я, был психиатром, в то время работал в психиатрической больнице университета Макмастера в Гамильтоне, штат Онтарио, а я жил и работал в Балтиморе, штат Мэриленд, и конгресс предоставил нам благоприятную возможность для долгожданного воссоединения. Мы решили использовать время после конференции для совместного путешествия на полуостров Юкатан для исследования руин древних городов майя.

Когда конгресс закончился, мы арендовали машину и, после достаточно долгого путешествия, добрались до Мериды, столицы полуострова. Используя в качестве базы отель в Мериде, мы исследовали окрестные развалины древних городов — Чичен-Ицы, Цибильчалтуна, Ушмаля и Тулума. В середине интенсивной программы осмотра достопримечательностей я обнаружил у себя симптомы гриппа и воспаленное горло, но был не в состоянии отказаться от осмотра памятников древних майя, культуры, которая с самой юности очень сильно меня интересовала. Сильная лихорадка и изрядная порция дайкири, которую я выпил, пытаюсь бороться с фарингитом и ларингитом, добавили очень интересное измерение к моим переживаниям. Я столкнулся с несколькими воспоминаниями из прошлых жизней и получил несколько очень интересных интуитивных прозрений, касающихся тех мест, которые мы посещали.

Несмотря на то что отдыхать получалось только по ночам, мне удалось почти выздороветь раньше нашего возвращения в Мехико. На обратном пути мы решили остановиться в Вилья-Эрмосе и посетить Паленке — один из наиболее примечательных городов майя. Хотя мое самочувствие еще не вернулось к норме, я решил поступиться доводами разума и принять немного метилендиоксиамфетамина (МДА), психоделика или энтеогена, родственного «экстази». Сначала я планировал принять его в Чичен-Ице, но не смог, поскольку чувствовал себя слишком больным. Проведение сессии в таком необычном месте было частью моего исследования культурного воздействия психоделиков. Из моего прежнего опыта я знал, что подобные вещества могут вызвать необычайно глубокие прозрения относительно архетипической динамики священных мест.

Хотя я имел представление о том, насколько важна для сессий с применением психоделиков безопасность, это была возможность, которую я просто не мог упустить. На основании моих прежних опытов с МДА я чувствовал себя в силах справиться с его действием в общественном месте, не привлекая к себе слишком много внимания. Я скрыл глаза за темными

очками, чтобы никто не заметил расширенных зрачков, и принял 125 граммов МДА. Непонятно, было ли это неполное выздоровление, сила этого места или конкретное могущественное астрологическое прохождение, но воздействие МДА было несравнимо более сильным, чем прежде.

Начало переживания было внезапным и очень драматичным. Оказалось очень трудным, почти невозможным смотреть на развалины, как смотрел бы обычный турист. Я ощущал волны глубокого беспокойства, которое пронизывало все мое существо, и чувствовал почти метафизическое чувство подавленности. Мое поле восприятия становилось все темнее и темнее, и я начал замечать, что окружающие его руины наделены потрясающей энергией и плывут самым угрожаемым образом.

Я понял, что Паленке являлось местом, где были принесены в жертву тысячи людей, и чувствовал, что все страдания, копившиеся здесь веками, каким-то образом продолжают висеть над городом, подобно тяжелому облаку. Я ощущал присутствие гневных божеств майя и их жажду крови. Они явно требовали еще жертв и предполагали, что я буду следующим объектом для жертвоприношения. Несмотря на то что эти переживания были очень убедительными, мое восприятие их было достаточно критическим, чтобы осознавать, что это внутренний символический опыт и на самом деле моя жизнь не подвергается опасности.

Я закрыл глаза, чтобы попытаться выяснить, что именно происходит с моей психикой. Внезапно мне показалось, что история ожила — вместо руин я увидел процветающий священный город в зените славы. Я увидел ритуал жертвоприношения в мельчайших подробностях; при этом я был не просто наблюдателем, но и самими жертвами. За этой сценой последовала еще одна подобная, а затем еще одна. По мере того как я все глубже и глубже проникал в религию доколумбовой эпохи и ту роль, которую играли жертвы в этой системе, границы моей личности, казалось, исчезли полностью, и я ощущал все более сильную связь со всеми теми, кто был принесен в жертву в Паленке за все века его существования, поскольку я был всеми и каждым из них.

Я ощущал себя бесконечным морем эмоций, которое испытывали эти люди; это был весь спектр чувств — сожаление о том, что жизнь заканчивается так рано, беспокойное ожидание, странная двойственность по отношению к тем, кто приносил их в жертву, но также и своеобразная покорность собственной судьбе, и даже волнение и пылливое предвкушение того, что должно случиться. Я чувствовал, что подготовка к ритуалу включает принятие какого-то наркотика, изменяющего состояние сознания, который поднимал переживания на новый уровень.

Меня завораживали новые измерения переживаний и богатство прозрений, которые они вызывали. Я вскарабкался на холм и лег на землю рядом с храмом Солнца, чтобы иметь возможность лучше сконцентрироваться на происходящем. Сцены из прошлого продолжали с невероятной силой бомбардировать мое сознание. Моя заинтересованность быстро сменилась глубоким метафизическим ужасом, словно я получил четкое и ясное послание: «Ты здесь не как турист, подслушивающий историю, а как жертва для жертвоприношения, как все, кого приносили в жертву в прошлом. Ты не уйдешь отсюда живым». Я чувствовал всепоглощающее присутствие божеств, требующих жертвы, и, казалось, даже стены домов жаждут крови — моей крови.

На сессиях с применением психоделиков я уже переживал измененные состояния сознания и знал, что наихудшие страхи этих переживаний вовсе не отражают объективно существующие опасности и обычно рассеиваются, как только сознание возвращается к норме. Эти переживания были настолько убедительны, что мне бы хотелось верить, что этот случай «всего лишь один из тех», но ощущение надвигающейся смерти становилось все более реальным. Я открыл глаза, и

ощущение всепоглощающей паники поглотило все мое существо: мое тело было покрыто гигантскими муравьями, и моя кожа покрылась красными волдырями. Это не было всего лишь плодом воображения, а случилось на самом деле.

Я понял, что это неожиданное осложнение создало тот самый элемент, который я не замечал прежде и который сделал мои страхи совершенно реальными. Прежде я сомневался, что сам по себе наркотик может меня убить, но теперь я вовсе не был уверен, насколько большая доза токсина сотен гигантских мексиканских муравьев может сделать с человеком, чья симпатическая нервная система сильно взбудоражена МДА, производной амфетамина. Муравьи привнесли в уравнение одно неизвестное — химические ингредиенты своего токсина и его взаимодействие с веществом, которое я принял. Я решил убежать из этих развалин, не дать божествам воздействовать на меня. Однако время словно замедлилось, почти остановилось, и все мое тело казалось невероятно тяжелым, будто сделанным из свинца.

Я отчаянно пытался бежать как можно быстрее, но, похоже, двигался, как в замедленном кино. Я чувствовал себя так, словно бежал вверх по эскалатору, ведущему вниз; божества и стены развалин имели жесткую хватку и продолжали удерживать меня под действием своего заклинания. Пока все это происходило, образы из истории Паленке продолжали вспыхивать в моем сознании: я видел полную машин парковку, отделенную от развалин тяжелой цепью, — это был предсказуемый, рациональный мир моей повседневной реальности. Я поставил своему разуму задачу добраться туда, чувствуя, что это каким-то образом может спасти мне жизнь. В то время я представлял эту цепь как границу, за которой заканчивается волшебный мир древних богов. Разве наш современный мир не завоевал и дискредитировал империю, основанную на вере в подобные мистические области?

Мои предположения оказались верными. После того, что казалось вечностью, и с огромным трудом я добрался до парковки. В этот момент как будто огромная тяжесть — физическая, психологическая и духовная — свалились с моих плеч. Я чувствовал себя легким, восторженным, возрожденным и был переполнен бьющей через край жизненной энергией. Мои чувства прояснились и были полностью открыты для ощущений: потрясающий закат солнца, сопровождавший мое возвращение из Паленке, обед в небольшом ресторанчике в Вилья-Эрмосе, наблюдение за кипением жизни на улицах и фруктовые соки в местных «хугериас» были действительно потрясающими переживаниями.

Однако большую часть ночи я провел под холодным душем, пытаясь облегчить боль и жжение от муравьиных укусов. Когда воздействие МДА окончательно прекратилось, сотни зудящих волдырей, покрывших мое тело, стали для меня единственной реальностью. Несколько лет спустя один из моих немецких друзей, известный антрополог и этноботаник Кристиан Реч, который очень подробно изучал культуры Центральной Америки и долгое время жил у лакандонских индейцев майя, во время своего визита в Эсален рассказал мне, что муравьи играли важную роль в мифологии майя и были непосредственно связаны с богиней земли и процессом смерти и возрождения.

УЛУРУ И АЛЧЕРИНГА

Приключения во времена творения

Эта история рассказывает о необычных приключениях в необычных реальностях, которые Кристина и я пережили во время нашего путешествия в Австралию, а именно в Центральную Австралию, где находится удивительная скала Айерс-Рок, или Улуру. Что сделало эти переживания особенно интересными, так это то, что мы смогли найти независимое подтверждение для той новой информации об архетипическом и ритуальном мире аборигенов, которое мы получили в холотропных состояниях сознания: я — на сессии с применением психоделиков, а Кристина — в спонтанных переживаниях, вызванных духовным кризисом.

У Австралии множество черт, делающих ее уникальной и запоминающейся: ее изолированное расположение в Южном полушарии, обширность центральной пустыни, живописная громада Айерс-Рок в самом центре континента и, в особенности, ее фауна, абсолютно уникальная и не имеющая аналогов в мире — сумчатые кенгуру, вомбаты и тасманийские дьяволы и яйцекладущие утконосы и ехидны. Но для антропологов, психологов и исследователей в области сознания наиболее таинственным аспектом этого континента является его население — австралийские аборигены.

Эта примечательная группа охотников и собирателей жила в Австралии как минимум пятьдесят тысяч лет и развивались параллельно с меняющимся континентом. Аборигены адаптировались к этой жестокой среде обитания с помощью полукочевого образа жизни, оптимального в условиях экстремально приближенных к существовавшим в каменном веке. И все же их внутренняя жизнь невероятно богата. У них существовали завораживающие ритуалы, и духовная жизнь, и сложная мифология, тесно связанные с той землей, на которой они живут. Исследователи, жившие среди аборигенов и изучавшие их, сообщали, что эти люди проводят много времени в необычном состоянии сознания, которое они называют «алчеринга» (грезы).

Мы читали и слышали множество историй о примечательных психических возможностях австралийских аборигенов. Эти источники свидетельствовали о том, что они способны общаться друг с другом на большом расстоянии без помощи каких-либо материальных возможностей, таких как вестники, звуки или дымовые сигналы; они могут точно передавать мысли, чувства и идеи друзьям и родственникам, которые находятся в сотнях миль от них. Интуитивная связь аборигенов с природой не менее примечательна. Например, они знают, что небольшой дождь, явление в пустыне очень редкое и равнозначное чуду, прольется в нескольких милях от них, и добегут туда с безупречной точностью, чтобы его перехватить. Согласно некоторым другим историям, они способны воссоздавать картину преступления, идентифицировать и выслеживать преступников, находить заблудившийся скот и потерянные вещи. Они тоже имеют невероятную способность видеть и идентифицировать небольшие объекты на больших дистанциях.

Эти сообщения, а также наши знания по мифологии, изобразительному искусству и музыке этой необыкновенной группы людей вызвали у нас такой интерес, что мы решили познакомиться с ними поближе. Первая возможность появилась тогда, когда наши друзья Элф и Мьюриэл Фут пригласили нас провести семинар по холотропному дыханию у них в Блэкуде, неподалеку от Мельбурна. Другой причиной для нашего визита стала необходимость подготовить почву для проведения на острове Филлип-Айленд у побережья Австралии конференции Международной трансперсональной ассоциации.

Во время нашего пребывания в Блэкуде мы, вместе с нашими друзьями, стали искать возможность провести какое-то время с аборигенами, и встретиться с их старейшинами, но оказалось, что это куда сложнее, чем мы ожидали. Выяснилось, что они не являются однородной

группой, и несколько сотен тысяч выживших аборигенов говорят более чем на 200 языках. К тому же они подразделяются на некоторое количество «родственных групп», каждая из которых имеет свою мифологию, ритуалы и четкие правила, касающиеся заключения браков. Не так-то просто оказалось найти «межкультурных посредников», которые помогли бы наладить контакт с различными группами аборигенов, а те несколько человек, которых мы нашли, старались оградить их от контакта с нами из-за целого ряда неприятных инцидентов в прошлом и были очень осторожны с незнакомыми чужаками.

Еще в Калифорнии мы решили включить в программу поездки Центральную Австралию и побывать на Айерс-Рок, уникальной геологической формации, расположенной в самом центре континента, который аборигены называли Улуру и считали своей Небесной горой. Поскольку все наши попытки завести полезные контакты провалились, нам пришлось предпринимать это путешествие в одиночестве. Как выяснилось потом, наша встреча с культурой аборигенов приняла совсем иную форму, а вовсе не ту, которую мы ожидали, — скорее через сильные внутренние переживания, чем через внешние контакты.

Мы вылетели из Мельбурна в Алис-Спрингс и там решили добраться до Айерс-Рок не на местном небольшом самолете, а на взятой напрокат машине. Мы хотели поближе познакомиться с потрясающей красной пустыней, покрывающей большую часть материка. От Алис-Спрингс до Улуру было почти 500 километров, и нам пришлось выдержать многочасовую поездку по палящей жаре. Аборигены способны различать в пустыне множество интересных нюансов и рассказывают различные мифы, связанные этими нюансами. Кроме того, они верят в то, что любая осмысленная деятельность или процесс, имевшие место на определенной территории, оставляют за собой остаточные вибрации на земле тем же самым образом, каким растения оставляют свой образ в семени. Форма ландшафта, таким образом, передает и отражает вибрации, словно эхо — повторяющие события, породившие их, а также следы мифологических существ, творивших этот процесс. Эта энергетическая модель — «гурувари», или «сила семени» — является неотъемлемой частью данной местности и наделяет ее глубоким метафизическим смыслом.

Нам, западным ученым, пейзаж казался прекрасным, но в то же время монотонным. Время от времени мы замечали на обочинах дороги выбеленные ветром скелеты динго, верблюдов и других животных. Приятным развлечением на нашем долгом пути была встреча с перенти (*Varanus giganteus*) — огромным вараном, гревшимся на солнце в нескольких ярдах от дороги. Позже мы выяснили, что мясо этих животных считается у аборигенов деликатесом.

Айерс-Рок, или Улуру, является самым большим в мире монолитом, в форме грубого овала. Эта потрясающая формация песчаника, с окружностью почти десять километров, возвышающаяся на 345 метров над сотнями миль красной пустыни. Считается, что это только вершина горы, которая тянется на километры от поверхности земли. Когда мы наконец подъехали к его подножию, измученные многими часами езды через пустыню, то, к собственному восторгу, обнаружили небольшой мотель, расположенный всего лишь в 200 ярдах от фантастической скалы. Мы зарегистрировались и решили немного пройтись, чтобы осмотреться.

Солнце уже садилось, и мы зашли довольно далеко в пустыню, чтобы взглянуть на скалу в более удачном ракурсе. Когда мы достаточно удалились от мотеля, панорама Улуру, красновато-оранжевого и резко выделявшегося на фоне темно-синего неба, была просто великолепна. Это чудо природы было известно тем, что полностью раскрывало свою потрясающую красоту в момент восхода или заката солнца. Мотель располагался в благоприятном уголке и выглядел прекрасным местом для психоделических переживаний. У меня было с собой небольшое количество ЛСД, оставшееся от моих исследований в Чехословакии, где я был основным

исследователем в программе терапии с использованием психоделиков и имел неограниченный доступ к запасам этого вещества.

Хотя я довольно сильно устал после долгой езды по пустыне, я решил воспользоваться этой уникальной возможностью и отправился во внутреннее путешествие. Кристина, в то время бывшая очень открытой и после пробуждения кундалини испытавшей большое количество спонтанных переживаний, решила на этот раз ко мне не присоединяться и сказала, что я могу разбудить ее, если мне потребуется кто-то, чтобы «поддержать веревку моего змея», как мы это называли. Я принял 400 микрограммов ЛСД и устроился поудобнее на своей кровати.

После сорока пяти минут молчаливой медитации вещество начало действовать, и состояние моего сознания изменилось очень сильно и глубоко. Я почувствовал, что меня уносит во времена грез, к началу мира. Я уловил несколько проплывавших мимо знаний по мифологии австралийских аборигенов, но то, чему я был свидетелем, далеко превосходило то, что мне когда-либо приходилось читать или слышать на эту тему. И все же я почему-то совершенно не сомневался, что мои переживания в этом мифическом домене были абсолютно достоверны.

Я видел поверхность земли, плоскую, не поддающуюся описанию, и невыразительную и был свидетелем появления мифических фигур самых разных форм. Они пели какие-то таинственные песни, и по мере того как они пели, земля обретала какую-то форму, превращаясь в скалы, горы, каньоны и источники. Некоторые из них имели облик людей, другие — змей или иных животных. Среди них было несколько гигантских антропоморфных фигур, которые сразу же привлекли мое внимание, поскольку я никогда не слышал о том, что в мифологии австралийских аборигенов встречаются великаны.

Вначале я просто наблюдал за этой чередой фантастических сцен, но внезапно ситуация изменилась, и обитатели этого сказочного мира обратились против меня как против незваного гостя, угрожая уничтожить меня и требуя раскрыть мотивы моего дерзкого вторжения. Я пытался объяснить, что я пришел с огромным уважением и смирением, что мои намерения были самыми дружелюбными и что моим единственным мотивом была жажда знаний. Эти мифические существа подвергли меня пристальному психологическому и духовному испытанию, и в конце концов мне было дано разрешение посетить их мир, но с условием, что я буду полностью подчиняться их правилам.

Преодолев этот затруднительный тупик, я смог свободно продолжить мое путешествие по Великой грезе. Перед моими глазами из первозданной бездны возникла волшебная громада Улуру, существующая где-то вне того времени и пространства, которые нам известны, но это была не безжизненная геологическая глыба, какой она является в нашем мире, но огромное, припавшее к земле существо, ужасающе чудовищная рептилия. Я услышал оглушительный гром, когда она раскрыла мощные челюсти так, что стала видна ее утроба, наполненная чем-то вроде кипящей вулканической магмы, которая иногда извергалась.

Но сравнивать содержимое ее утробы с кипящей магмой было бы весьма поверхностной характеристикой этой таинственной субстанции. Подобно кипящей лаве, она, похоже, обладала силой разрушения и созидания, но на более глубоком уровне и в куда более грандиозном масштабе. Похоже, это была архетипическая субстанция, которая лежит в основе вулканической активности. Подобно изначальной материи греков «хиле», или «первоматерии» алхимиков, в ней, казалось, заключался универсальный принцип Созидания и Разрушения. Это субстанция бытия, из которой все появляется и в которую все возвращается. Я наблюдал этот потрясающий спектакль и чувствовал, что стал свидетелем изначальной мистерии мироздания.

Прежде чем я смог окончательно прийти в себя после этой сокрушительной встречи с первобытной рептилией Улуру, олицетворяющей Созидание и Разрушение, я столкнулся с другой гигантской фигурой. Это была Великая Богиня-Мать в образе самки кенгуру. Внезапно я

понял, что стал крошечным детенышем кенгуру, находящимся в ее чреве, который должен вот-вот родиться. Путь через родовые каналы был очень легким, особенно в сравнении с моим собственным рождением, которое я пережил на других сессиях с применением психоделиков.

Что было действительно тяжким испытанием, это сам ритуал перехода — последующее карабканье в ее сумку и мучительные попытки добраться до сосков. Это путешествие требовало от меня так много усилий, что несколько раз я чувствовал, что не смогу его закончить и умру по дороге. Но наконец я добрался до цели, и питательное молоко щедро полилось из соска Великой Матери Кенгуру — на вкус оно было подобно амброзии и заставило меня забыть все трудности пути. Экстатическое единение с богиней-кенгуру было последним переживанием этой сессии.

Уже светало, и проснулась Кристина, которую сильно интересовали мои приключения. Я вкратце поделился с ней основными моментами своего ночного путешествия, и мы решили подняться на Айерс-Рок, чтобы посмотреть восход солнца и насладиться видом пустыни с вершины горы. Склоны были довольно крутыми, и в некоторых местах нам даже приходилось использовать цепи. Когда мы прошли примерно одну треть пути до вершины, погода внезапно изменилась, и нам в лицо стал дуть сильный порывистый ветер.

Кристина ощутила, что столкнулась с непреодолимым силовым полем, которое не дает ей продолжить подъем — это выглядело так, словно невидимые руки толкают ее прочь от скалы. Кристина решила уступить этому давлению, вернуться к подножию скалы и там дожидаться моего возвращения. Я еще не совсем вернулся в нормальное состояние сознания и чувствовал настоятельную потребность продолжать подъем и дойти до вершины. В то время как я боролся с порывами ветра, внутрь моего сознания приходили послания, источник которых был неизвестен, в которых говорилось, что для аборигенов подъем на Айерс-Рок считался особой привилегией, и я заслужил ее, совершив прошлой ночью ритуал перехода.

Вид бесконечной пустыни, раскрашенной в оранжево-красные тона в лучах восходящего солнца, был потрясающим. Следом за мной на вершину поднялись несколько туристов; они фотографировали друг друга и громко разговаривали, среди них была женщина в теннисной рубашке с гордой надписью: «Я поднялась на Айерс-Рок». Я пробыл на вершине совсем недолго и начал спуск, чтобы присоединиться к Кристине и получить возможность все спокойно обдумать. Я нашел Кристину в небольшой пещере, погруженной в глубокую медитацию.

Кристина рассказала мне, что, будучи в очень открытом и восприимчивом состоянии сознания, она тоже испытала сильное переживание, слушая ритуальную музыку и пение. Пытаясь понять, не является ли это звуками корробори — церемонии аборигенов, она отправилась туда, откуда, казалось, доносились звуки. Однако ни одного аборигена поблизости не оказалось. Кристина показала мне несколько мест, которые, по ее мнению, были местами проведения ритуалов. Позднее, в мотеле, мы узнали, что, с тех пор как на Улуру стали бывать туристы, аборигены не проводят здесь свои церемонии. Эта ситуация продолжалась до октября 1985 года, когда права на земли вокруг Улуру снова перешли к аборигенам.

Выяснилось, что, когда Кристина ждала меня, она получила ряд интересных прозрений насчет того, что произошло, когда она поднималась на Айерс-Рок. «Я поняла, почему я не могу подняться на вершину, — сказала она. — Для аборигенов это было местом мужской инициации, куда женщины не допускались. В какой-то момент я получила очень ясное послание: «Ты женщина и ты не должна быть здесь». Остаток дня мы решили провести в поездке вокруг Айерс-Рок, изучая ее окрестности с помощью путевого проводника, который мы приобрели в мотеле. Мы отправились в наше путешествие, часто останавливаясь, чтобы насладиться этим фантастическим творением природы.

Нетрудно было понять, почему Улуру занимает такое важное место в воображении аборигенов. Поверхность огромной скалы сильно выветрилась и нарушалась большим

количеством причудливых утесов и выступов и глубоких пещер. Капризы погоды сформировали мягкие поверхностные слои песчаника в мириады фантастических образований. Наш путеводитель давал самое подробное описание наиболее важных узоров на поверхности скалы и связанные с ними мифы аборигенов. В этих мифах каждая из легко различимых комбинаций была учтена и объяснялась событиями Времени Грез, когда они были созданы. Мы были поражены тем, что этот маленький буклет подтверждал большую часть информации, которую мы получили прошлой ночью и ранним утром в результате внутреннего путешествия.

Мы узнали, что окрестные племена, питжантжатжара и ян-кунитжатжара, также известные под наименованием анангу, изображали Улуру в виде огромной рептилии, являвшейся первопричиной созидания и разрушения. Среди персонажей мифологии фигурируют гиганты в несколько метров высотой, именно такие, каких я видел во время сессии. Восхождение на Улуру было ежегодным ритуальным событием, которое выполняли лишь два избранных члена племени, и оно было для них особой честью. Одна из пещер, которые мы видели во время подъема на гору, была специальной пещерой для ритуалов перехода и носила имя Сумки Кенгуру. Буклет также подтвердил все прозрения Кристины: те места, где она слышала музыку и пение, были особыми местами, где проводились священные церемонии. Она точно указала те места, где проводились мужские инициации и куда не допускали женщин.

Я подумал об автобусах, полных туристов, которые не видели в Улуру ничего, кроме очередной достопримечательности, и считали подъем на его вершину только вызовом собственной физической форме, и особенно о той молодой женщине с торжествующей надписью на футболке, которую я встретил на вершине Улуру. Для нее и вовсе не было трудной задачей сделать то, что Кристина посчитала невозможным — она не смогла обойти чувствительность к древним табу. Вовсе не встречный ветер или отсутствие физической выносливости или смелости не позволили Кристине, чье тело было закалено годами занятий хатха-йогой, продолжать подъем, а что-то еще, куда более таинственное и глубокое.

Необычное состояние сознания, в котором находилась Кристина, обострившее ее психические способности и позволившее ей достичь чудесных прозрений относительно священных мест, по всей видимости, поспособствовало и тому, что она приняла для себя те табу, которые являлись обязательными для аборигенов. Было очевидно, что промышленная цивилизация притупила интуитивные возможности людей, отвлекла их внимание от скрытых сфер реальности и сделала их невосприимчивыми к сверхъестественным аспектам бытия. Входя в необычные состояния сознания, спонтанно или с использованием какой-либо изменяющей сознание технологии, мы приподнимаем эту вуаль и открываем для себя обычно невидимые и неслышимые реальности.

Для возвращения в Алис-Спрингс мы решили избрать другой маршрут и провели ночь на одном из расположенных в пустыне ранчо. Когда мы покидали Улуру, Кристина была все еще погружена в свои внутренние переживания. Мы думали, что по мере удаления от места со столь сильной энергетикой то влияние, которое оно оказывало на нее, станет уменьшаться, но этого не случилось. Оранжевая скала в окне заднего вида нашей машины становилась все меньше и меньше и наконец совсем исчезла из виду, но это не оказало на состояние Кристины никакого заметного влияния.

Власть, которую Улуру имел над Кристиной, исчезла, когда мы приехали в Коллин-Спрингс, маленький оазис в пустыне, где мы остановились, чтобы купить холодные напитки и легкие закуски. Прогуливаясь вокруг построек, мы обнаружили, что у хозяина была небольшая коллекция птиц. Большинство жили в больших клетках, но несколько павлинов свободно разгуливали по дому. Кристина, увидев их, была поражена и сильно взволнована, но не столько потому, что неожиданно увидела павлинов среди австралийской пустыни, а потому, что

павлины имели огромное символическое значение для ее духовных путешествий.

В прошлом видения павлинов сформировали важную часть наиболее глубоких и значительных переживаний ее внутреннего процесса, и связанные с ними символы постоянно появлялись в ее рисунках. К тому же павлин является очень важным символом сиддха-йоги, основной духовной практикой Кристины. Ее духовный учитель, Свами Муктананда, часто использовал метелку из павлиньих перьев, ароматизированных сандаловым маслом, для передачи шактипата, пробуждения духовной энергии в своих учениках.

Кристина решила купить немного хлеба, чтобы скормить его павлинам. В то время когда она предлагала хлеб птицам, весьма

глубокомысленно и медитативно, она ощутила очень сильную связь с ее собственной духовной традицией: со своим учителем, сиддха-йогой, Индией и всем тем, что они для нее значили. В то же самое время этот процесс привел Кристину в ее обычное состояние сознания и завершил ее эмпирическое путешествие в мир австралийских аборигенов.

Мы провели ночь на гостеприимном ранчо посреди пустыни, в котором гостям предлагался плавательный бассейн с теплой водой и барбекю на ужин. К своему немалому удовольствию, я обнаружил среди предлагаемых блюд жареных личинок, которых аборигены считали деликатесом и который мне очень хотелось попробовать. Это был финал моего путешествия в Страну Грез, куда менее драматичный и духовный, чем завершение опыта Кристины с ритуалом кормления павлинов. На следующий день мы вернулись в Алис-Спрингс и воссоединились с «Большим Миром», как мы в шутку называем современное технологическое общество во время наших внутренних исследований.

ИСКУШЕНИЕ НЕЗДЕШНЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Провалившаяся попытка астральной проекции

Одним из самых необычных приключений в области сознания, которые мне довелось пережить за пятьдесят лет глубинных исследований, было яркое переживание так называемой астральной проекции (термин, встречающийся в духовной литературе). Это произошло во время сессии с высокой дозой психоделика в 1967 году, в исследовательском отделении государственной больницы Спринг-Гроув в Балтиморе, штат Мэриленд, который позднее превратился в новый Мэрилендский центр психиатрических исследований, созданный в том же самом здании. Одна из исследовательских программ этого исследовательского центра предлагала психиатрам, психологам и другим профессионалам в области психического здоровья получить три сессии с высокими дозами психоделиков. Вскоре после того как я приехал в Соединенные Штаты и присоединился к исследованиям, я решил воспользоваться этой уникальной возможностью.

Исследования, проводившиеся в Спринг-Гроув, использовали подход, называемый психоделической терапией. Он предполагал прием достаточно высокой дозы ЛСД (400–600 микрограммов), а внешние воздействия во время сессии резко ограничивались с помощью повязки для глаз и наушников. Альтернативный метод, называемый психолитическим и используемый преимущественно европейскими психотерапевтами, подразумевал целую серию сессий с низкими дозами психоделиков. Объекты опыта в течение всей сессии находятся под постоянным наблюдением психотерапевта и медсестры. Подготовка длится несколько часов и позволяет, помимо всего прочего, создать тесную связь и хорошие рабочие взаимоотношения между пациентом и его проводниками. Моими проводниками на сессиях были психолог Сэнди Ангер, человек, основавший и разработавший программу исследований в Спринг-Гроув, и Нэнси Джуэлл, няня средних лет с баптистскими корнями, производившая впечатление доброй матушки.

ЛСД, принятый мною во время сессии, был произведен швейцарской компанией Sandoz. Как я и ожидал, это было очень сильное переживание, поскольку 400 микрограммов относится к тому уровню дозировок, который терапевты, работающие с психоделиками, совершенно справедливо называют «однократная избыточная доза». Однако в первые несколько часов сессии не происходило ничего принципиально отличающегося оттого, что мне довелось пережить на предыдущих сессиях в Праге. А затем, где-то во второй половине сессии, я оказался в очень странном и необычном состоянии сознания. Я ощущал безмятежность, блаженство и наивную простоту, смешанную с восхищением в благодарность за чудо существования. Я чувствовал, что то, что я испытываю, похоже на то, что должны были испытывать первые христиане.

Это был мир, в котором чудеса были возможны, приемлемы и даже вполне вероятны. В том состоянии сознания я начал размышлять о проблемах времени и пространства и связанных с ними парадоксах происхождения, вечности и бесконечности и присущих им парадоксов. Я смеялся над тем, что мог поверить, что линейное время и трехмерное пространство являются абсолютными и обязательными условиями существования. Для меня стало достаточно очевидным, что в духовной сфере не существует ограничений и время и пространство являются произвольными выдумками психики.

Внезапно я понял, что не привязан к ограничениям времени и пространства и могу довольно свободно путешествовать в пространственно-временном континууме без каких-либо ограничений. Это ощущение было таким убедительным и всепоглощающим, что я захотел

проверить его с помощью эксперимента. Я решил отправиться в Прагу, в квартиру к моим родителям, которая находилась в тысячах миль от меня. После определения направления и приняв во внимание расстояние, я представил себя летящим сквозь пространство к своей цели. Я чувствовал, что лечу с огромной скоростью, но, к своему разочарованию, так никуда и не прибыл.

Я не мог взять в толк, почему эксперимент не удался, поскольку мои ощущения, что подобные передвижения возможны, были очень убедительными. Внезапно я понял, что по-прежнему нахожусь под влиянием старых концепций времени и пространства. Я продолжал мыслить в терминах направлений и расстояний и поэтому подходил к поставленной задаче соответствующим образом. Мне пришло в голову, что самым правильным подходом было бы заставить себя поверить, что место проведения сессии и есть то место, куда я должен попасть, и я сказал себе: «Это не Балтимор, это Прага. Здесь и сейчас я нахожусь в квартире моих родителей».

Когда я подошел к задаче с этой точки зрения, я испытал необычные и причудливые ощущения. Я почувствовал, что нахожусь в странном месте, полном электрических контуров, электронно-лучевых трубок, проводов, резисторов и конденсаторов. После некоторого замешательства я понял, что мое сознание заблудилось в телевизоре, стоявшем в углу одной из комнат родительской квартиры. Каким-то образом я пытался использовать динамики, для того чтобы слушать, а электронно-лучевую трубку — чтобы смотреть. Вскоре я рассмеялся, поскольку увидел в своем нынешнем положении символическую насмешку над тем фактом, что все еще был узником своих прежних представлений о пространстве, времени и материи.

Единственным способом пережить то, что происходит на достаточно большом расстоянии, который я мог себе представить, а мой разум — принять, было телевидение. Телевизионная передача была бы, конечно, ограничена скоростью электромагнитных волн, но мысли и сознание человека не ограничиваются даже скоростью света. В тот самый момент, когда я осознал это и всерьез поверил в то, что мое сознание может выйти за рамки любых ограничений, ситуация радикально изменилась — телевизор вывернулся наизнанку, словно лента Мебиуса, и я обнаружил себя в пражской квартире моих родителей.

В тот момент я не ощущал никакого воздействия наркотика и переживание было таким же реальным, как и любая другая ситуация в моей жизни. Дверь в спальню моих родителей была приоткрыта, я заглянул туда и увидел их лежащими на постели и услышал их дыхание. Я подошел к окну в гостиной, выглянул на улицу. Часы на углу улицы показывали шестичасовую разницу с Балтимором, где проводился эксперимент. Несмотря на то что часы показывали на существующую разницу во времени между этими часовыми поясами, я не счел это достаточным подтверждением достоверности происходящего. Поскольку я знал об этой разнице, мой разум вполне мог сфабриковать подобную деталь.

Я лег на кушетку, стоящую в углу гостиной, чтобы обдумать происходящее. Я вспомнил, что на этой самой кушетке прошла моя последняя сессия перед отъездом в Соединенные Штаты. Незадолго до этой сессии моя просьба о поездке в Соединенные Штаты по гранту была отклонена чешскими властями. Моя последняя сессия в Праге произошла в то время, когда я ожидал ответа на мою просьбу. Размышляя об этом, я внезапно ощутил волну всепоглощающего беспокойства.

Внезапно мне пришла в голову тревожная мысль: а что, если я никогда не уезжал из Чехословакии, из Праги и сейчас просто заканчивается моя психоделическая сессия? Может быть, положительный ответ на мой запрос, поездка в США, работа с исследовательской группой в Балтиморе и психоделическая сессия в этом городе были лишь воображаемым путешествием, иллюзорным результатом сильного желания? Я угодил в хитрую ловушку, порочный

пространственно-временной круг, не в силах определить свои реальные исторические и географические координаты.

В течение довольно долгого времени я чувствовал себя подвешенным между двумя реальностями, которые казались одинаково убедительными. Я не мог сказать, оказался ли я в Праге путем астральной проекции с сессии в Балтиморе или заканчиваю психоделическую сессию в Праге, в которой я пережил путешествие в Соединенные Штаты. Я думал о китайском философе Чжуан-цзы, очнувшись ото сна, в котором был бабочкой, и какое-то время не мог понять, является ли он человеком, которому снится, что он бабочка, или бабочкой, которой снится, что она человек.

Я чувствовал, что нуждаюсь в более убедительном доказательстве того, является ли объективно реальным то, что я испытываю, или нет. И тогда я решил провести тест — взять картину со стены, а затем списаться с родителями и спросить, не произошло ли в это время в их квартире что-нибудь необычное. Я потянулся к картине, но, прежде чем я смог коснуться рамы, меня захлестнуло ощущение, что это очень рискованное и даже опасное предприятие. Внезапно я почувствовал, что меня атакуют силы зла с помощью черной магии. Мне казалось, что я участвую в крайне опасной азартной игре, ставкой в которой является моя душа.

Я остановился и предпринял безнадежную попытку понять, что происходит. Образы самых известных казино мира промелькнули у меня перед глазами — Монте-Карло, венецианское Лидо, Лас-Вегас, Рино. Я видел шарик рулеток, описывающие круг за кругом с невероятной скоростью, рычаги игровых автоматов, лихорадочно передвигаемые вверх и вниз, и кубики, катящиеся по зеленому сукну во время игры в кости. Игроки лихорадочно сдавали карты, играли в баккара и наблюдали за мигающими огоньками на экранах игровых автоматов. Я ощущал соблазн богатства, роскоши и неограниченных возможностей, которые только могут дать деньги.

Затем последовали другие видения — перед моим мысленным взором проходили совещания различных тайных организаций, которые, оставаясь в тени, управляли историей всего человечества, международные встречи глав государств, встречи авторитетных политиков с представителями многонациональных компаний, внутренняя кухня военных штабов, научные коллективы, работавшие под началом великих ученых, — на этот раз это был соблазн скорее власти, чем богатства, но не мене притягательный и опьяняющий. Мне вспомнилась история Фауста, который продал душу за неограниченные возможности, и эта мысль начала меня преследовать.

Я безнадежно пытался понять, почему возможность преодоления пределов времени и пространства кажется мне такой опасной. Внезапно я с особенной ясностью увидел причину своих затруднений. Образы показали мне, что я не до конца преодолел собственный эгоцентризм и был не способен сопротивляться соблазнам денег и власти. Опасность ситуации была связана с искушением использовать мои паранормальные возможности для достижения личных целей, злоупотребляя обнаруженным в себе потенциалом.

Если я преодолею ограничения, наложенные на нас временем и пространством, я смогу получить неограниченное количество денег, а вместе с ними и то, что можно за них приобрести. Все, что мне нужно сделать, — это отправиться в ближайшее казино, на биржу или купить лотерейный билет. В моем распоряжении окажется неограниченный набор средств, с помощью которых моя жизнь превратится в рог изобилия. Если я смогу стать хозяином времени и пространства, для меня не останется никаких секретов. Я смогу подслушивать встречи политических лидеров и получу доступ к засекреченным исследованиям — это откроет возможности, о которых я и мечтать не мог, для правления течением событий в мире.

Я припомнил отрывки из разных духовных книг, предупреждавших об опасности игр со

сверхъестественными силами, прежде чем мы преодолеем ограничения нашего эго и достигнем духовной зрелости. Внезапно эти отрывки стали чрезвычайно ясными и понятными. Но мой страх этических последствий моей духовной нечистоплотности был только частью всей картины. Я осознал, что я так же сильно противоречив в отношении результатов моей проверки. С одной стороны, они выглядели очень соблазнительно — ведь время и пространство было бы больше не властно надо мной. С другой стороны, было очевидно, что позитивный итог этого эксперимента будет иметь далеко идущие и очень серьезные последствия. Было ясно, что это намного больше, чем отдельно взятый эксперимент, раскрывающий всю власть времени и пространства.

Если я найду подтверждение того, что возможно манипулирование физическим окружением на расстоянии в несколько тысяч миль, моя вселенная рухнет в результате одного-единственного эксперимента. Мир, каким я его знал, просто перестанет существовать. Я лишусь всех карт, на которые привык полагаться и чувствовать себя волне комфортно, и я окажусь в состоянии полного метафизического замешательства. Я не буду знать, кем, где и когда я являюсь, и потеряюсь в совершенно новой, пугающей реальности, законы которой будут абсолютно чужды и незнакомы мне. Если я получу подобные силы, то и многие другие тоже захотят получить их. У меня не останется права на личную жизнь, двери и стены больше не смогут защищать меня. Мой новый мир будет полон потенциальными опасностями, абсолютно непредсказуемыми по качеству и в невообразимой пропорции.

Я не был способен довести эксперимент до конца и решил оставить проблему объективности и реальности нерешенной. Это позволило играть с идеей, что я действительно способен выйти за пределы пространства и времени. В то же время подобное решение оставляло открытой возможность рассматривать этот эпизод как воображаемое путешествие, вызванное сильным психоделиком. Объективное доказательство того факта, что реальность в том виде, в каком я ее знал, — не более чем иллюзия, было столь ужасным, что в данных обстоятельствах я не в состоянии его вынести.

В тот момент, когда я отказался от продолжения эксперимента, я обнаружил, что снова нахожусь в своей комнате в Балтиморе, где я принял ЛСД. За несколько часов я постепенно вернулся в обычное состояние сознания, к знакомой «объективной реальности» материального мира. У меня больше не было сомнений в том, что мой переезд в Соединенные Штаты был реальностью и что я нахожусь в Балтиморе. Я так никогда и не смог простить себя за то, что упустил столь уникальную возможность подвергнуть феномен астральной проекции эмпирическому исследованию. Однако воспоминания о метафизическом ужасе, который я ощутил в ходе этого эксперимента, заставляют меня усомниться в том, что, если когда-нибудь еще мне представится подобный шанс, мне хватит смелости.

Древние индийские учения рассматривают опыт соприкосновения с миром феноменального как лилу — божественную игру, созданную Абсолютным Сознанием, или Брахманом. Они рассматривают наше восприятие материального мира как космическую иллюзию, или майю. В XX веке квантово-релятивистская физика нашла важное доказательство в поддержку подобного видения реальности. Мой опыт астральной проекции в Прагу объяснил мне, насколько глубоко мы погружены в нашу веру в объективно существующий и предсказуемый материальный мир и как много сил и чувств мы вкладываем в поддержание этой иллюзии. Внезапное крушение нашего понимания природы реальности и нарушением того, что Алан Уотте называл «табу на знание того, кем мы являемся», может быть связано с неопишным метафизическим ужасом и паникой.

ЧЕННЕЛИНГ АВАТАРА

Моя мать, Саи Баба и холотропное дыхание

В конце 1960-х годов Чехословакия переживала волну либерализации, кульминацией которой в 1968 году стала знаменитая «Пражская весна». Это движение предшествовало двум десятилетиям «перестройки» и «гласности» Михаила Горбачева, похожему движению в России, которое со временем привело к распаду Советского Союза. Чехословацкие политические лидеры приняли участие в беспрецедентном эксперименте, нацеленном на создание «социализма с человеческим лицом». В 1967 году мы с братом Полом смогли уехать из Чехословакии и начать новую жизнь в Северной Америке: Пол — в Канаде, а я — в Соединенных Штатах.

21 августа следующего года надежды чехов и словаков на свободу и демократию были жестоко подавлены вторжением советских войск. То, что для нас начиналось как вполне законная поездка, превратилось в эмиграцию, которую чешские власти рассматривали как нелегальную, в результате чего мы с братом не могли свободно ездить в Чехословакию и обратно. Однако мы регулярно переписывались с родителями и иногда встречались с ними за пределами Чехословакии.

Мать и отец уже вышли на пенсию, и поэтому им было позволено выезжать из страны. Коммунистический режим не интересовали люди, которые ничего не производят и не являются полезными членами общества. На самом деле коммунисты даже поощряли эмиграцию этой категории граждан, поскольку это означало конфискацию их жилья, этого редкого в коммунистическом мире предмета потребления, и прекращение выплаты пенсий и других социальных льгот. Поэтому родители вполне могли навещать меня и Пола в Америке и встречаться с нами во время наших поездок в Западную Европу.

В то время как мои родители могли путешествовать без особого труда, они были лишены возможности купить какую-либо твердую валюту и все время своего пребывания за границей полностью зависели от нашей финансовой помощи. Подобный расклад был удобен для нас с Полом, но вызывал большие эмоциональные проблемы у моей матери — она была человеком очень щедрым, которому намного проще было давать другим, чем получать, и в результате она чувствовала постоянную потребность играть значительную роль в нашей жизни. Эта характерная черта моей матери играет важную роль в той истории, которую я собираюсь рассказать.

В 1973 году, когда я переехал в Биг Сур, штат Калифорния, институт Эсален предоставил мне очаровательный дом на утесе с видом на Тихий океан, в обмен на то, что я буду вести определенное количество семинаров. Когда мы с Кристиной стали жить и работать вместе, нам удалось превратить небольшой участок земли, отделявший наш дом от океана, в симпатичный огород. Потребовалось немало тяжелого труда, поскольку участок сильно зарос дикой чапаррелью, чертополохом, утесником, другими колючими растениями и печально известным ядовитым сумахом. Наше огородничество представляло собой постоянную битву с природой, пытающейся вернуть себе то, что было у нее отнято.

Когда моя мать впервые приехала в Биг Сур одна, после смерти отца, она немедленно обнаружила, что огород срочно требует ее внимания. Не посоветовавшись с нами, она посвятила себя этому проекту, вознамерившись освободить наш огород и его непосредственное окружение от всего, что казалось бесполезными сорняками. Все живущие в Биг Суре были хорошо знакомы с сумахом, ботанической угрозой, способной превратить жизнь огородника из рая в настоящий ад. Многие из нас узнали о разрушительной силе сумаха на собственном горьком опыте — столкнувшись с ним во времена нашего невежества, а моя мать была новичком, лишенным

необходимых знаний.

После контакта со смолистыми листьями и ветвями сумаха у большинства людей возникает обширная сыпь с мокнущими волдырями, сопровождающаяся невыносимым зудом. Обычно на выздоровление уходит от трех до четырех недель, но в более серьезных случаях реакция бывает весьма сильной и относится не только к той части тела, что вступила в контакт с ядом, а ко всему организму в целом; вдыхание дыма от горящих веток сумаха может вызвать отек легких. Старожилы Биг Сура пересказывают страшную историю из местного фольклора о двух наивных и ничего не подозревающих туристах с Восточного побережья, отце и сыне, которые во время поездки по Калифорнии использовали листья сумаха вместо туалетной бумаги.

Моя мать страдала от нескольких типов аллергии, и ее реакция на яд сумаха была ужасна. Все тело покрылось сыпью и волдырями, а зуд доставлял невероятные мучения. Через несколько дней после контакта с растением ее состояние стало критическим, она пребывала в бреду, сопровождавшемся очень яркими видениями. Ночью к ней явились ее умершие родственники — родители и брат. Она также увидела моего отца, который приехал на старомодном коше-де-фиакр — экипаже, запряженном парой лошадей, очень популярном средстве передвижения в городах Европы до появления такси. Он был в смокинге и цилиндре и пытался убедить ее присоединиться к нему за гранью.

Я просиживал у постели матери множество часов и все больше и больше тревожился. Несколько лет проработав с пациентами, находящимися на последних стадиях рака, и будучи знаком с танатологической литературой, я увидел сходство между видениями матери и «комитетом по встрече», известным по наблюдениям за умирающими людьми. У меня случайно оказалось несколько ампул кортизона, являвшегося эффективным средством при подобных отравлениях, и я решил ввести их внутримышечно в качестве последней попытки, прежде чем предпринять поездку в Кармелитскую больницу — ближайшее медицинское учреждение, расположенное в пятидесяти милях от нас.

Состояние моей матери, словно по волшебству, изменилось к лучшему в течение часа. К ней вернулись силы, а сознание прояснилось. Утром она даже решила выйти из дома на веранду, чтобы полюбоваться восходом на пустошах Вентаны и посмотреть на Тихий океан. Она была очень взволнована, а глаза ее светились счастьем. «Стен, ты живешь в потрясающем месте! — с восторгом сказала она. — Воздух здесь так прозрачен и все цвета такие яркие! Ты когда-нибудь замечал искры на ветвях этих сосен? И взгляни, как свет отражается в волнах!» Не было никаких сомнений в том, что она переживает то, чему я сотни раз был свидетелем во время работы с психоделиками и время, во время сессий холотропного дыхания, — глубокое психодуховное возрождение!

На следующий день мать подробно описала те переживания, которые испытала в ту ночь, когда ее состояние стало критическим, и те, что последовали за инъекцией кортизона. Вскоре после того как я сделал ей укол, она увидела индийского святого, возникшего в слепящем ярком свете. По густым волосам и длинному красному одеянию она узнала в нем Сатъя Саи Бабу. Он проник в ее тело и чудесным образом исцелил ее. Мать не сомневалась, что его вмешательство стало поворотным пунктом в ее физическом и эмоциональном состоянии; она была убеждена, что именно Саи Баба, а вовсе не кортизон вернул ее от порога смерти.

В Индии Сатъя Саи Бабу считают новой инкарнацией Саи Бабы из Ширди, что в штате Махараштра, известного индийского святого. Во всем мире он известен своими сиддхи, сверхъестественными деяниями, которые демонстрировали власть его разума над материальным миром. Среди них можно выделить его умение материализовывать различные предметы, от золотых колец и небольших изображений божеств до большого количества священного пепла вибхути. Также говорили, что он может появляться в нескольких местах одновременно. Многие

люди верили, что он — современный аватар, один из немногих примеров в истории человечества, когда божество решило воплотиться в человеческом облике, чтобы влиять на ход событий в мире.

Мы с Кристиной встречались с Саи Бабой во время нашего визита в Индию в 1980 году в Путтапартхи, где он жил в своем богатом доме. Наша недельная поездка совпала с рождественскими каникулами, временем, когда Саи Баба уделял особое внимание представителям западной культуры. У нас появилась возможность на близком расстоянии увидеть сиддхи в действии. Одним быстрым движением руки он сотворил большое количество свечей, которые раздал детям, и несколько горстей вибхути, которым он мазал лоб своих последователей. Рукава его одежды были короткими, что делало любые трюки иллюзиониста делом весьма затруднительным, особенно в случае с пеплом.

Для моей матери источником информации о Саи Бабе стал Эл Драккер, массажист, специалист по акупунктуре и руководитель одного из эсаленских семинаров. Эл по образованию был математиком и физиком, работавшим на правительство Соединенных Штатов в качестве эксперта по расчету траектории полета снарядов. После сильных духовных переживаний, которые сделали его работу на производстве вооружений невозможной по морально-этическим соображениям, он оставил свое занятие и приехал в Эсален. Он слышал о Саи Бабе и решил отправиться в Путтапартхи и проверить утверждение о том, что этот человек способен материализовывать объекты, феномен, который поразил Эла как физика.

Среди других невероятных дел, которым Эл был свидетелем во время визита в Путтапартхи, была материализация серебряного кольца, которое он тут же превратил в золотое. В результате Эл вернулся в Калифорнию страстным приверженцем, намеренным нести людям послание Саи Бабы. Моя мать, которая живо интересовалась духовными философиями Эсалена, встретила здесь Эла, и они стали друзьями. Он рассказал матери множество историй о Саи Бабе и дал ей несколько книг о нем. Его собственная связь с Саи Бабой была настолько сильной, что позднее он переехал в Индию, получил индийское гражданство и стал «правой рукой» Саи Бабы.

Я уже говорил о давнем интересе моей матери к восточным религиям и философиям. Она принадлежала к последователям Пола Брайтона, английского писателя и философа, популяризатора индийской философии. Она также читала Шри Рамана Махариши, Шри Ауробиндо, Рабиндраната Тагора и других духовных учителей. В конце 1960-х годов я был ее проводником на трех сессиях с высокой дозой ЛСД, результатом которых стали очень глубокие духовные переживания. Они также возбудили в ней интерес к глубинам психологии. Приезжая в Эсален, она принимала участие в наших месячных семинарах, которые в качестве гостей посещали духовные учителя, ученые новой парадигмы и трансперсональные психологи.

Она получила большое удовольствие от теоретических лекций, читавшихся на семинаре, но особенно ее заинтересовали сессии по холотропному дыханию, которые были стандартной и очень важной частью программы. Когда я пригласил ее на семинар, который я проводил в Скандинавии и Швейцарии, у нее было несколько возможностей побывать на сессиях и в качестве сиделки, и лично. Я знаю, что ей понравилась эта работа, но тогда я и не подозревал, куда заведет ее этот интерес.

Когда мать вернулась в Прагу, мы постоянно переписывались, и, после смерти отца, ее письма стали очень печальными и пессимистичными. Она писала о неуклонно сужающемся круге ее друзей, что вполне естественно для человека, приближающегося к восьмидесятилетнему рубежу. Там были сообщения о болезнях и операциях родных и знакомых — ударах, сердечных приступах, раке, артритах и проблемах с позвоночником. Время от времени в письмах моей матери встречался некролог, сообщающий о смерти кого-то из соседей.

Но однажды тон писем резко изменился. Мать написала мне, что хочет провести сессию

холотропного дыхания с несколькими друзьями и знакомыми, в том числе и с двумя моими бывшими пациентами. Воодушевленная своим первым опытом, она решила продолжать в том же духе. Новости о холотропном дыхании распространялись по всему миру, в том числе и с помощью рассказов и растущего круга клиентов моей матери, вскоре включившего в себя и юных психиатров и психологов, жаждущих испытать и изучить новую технику.

Упоминания старости, болезней и смерти исчезли из ее писем и сменились отчетами о тех переживаниях, которым она была свидетелем на сессиях холотропного дыхания. Она спрашивала меня о новых подборках музыки для сессий, поскольку очень скучно было постоянно проигрывать одни и те же куски. Она также консультировалась со мной по поводу конкретных ситуаций, складывавшихся во время сессий холотропного дыхания. Однажды она с гордостью сообщила мне, что число участников ее группы (в основном достаточно молодых) достигло сорока человек. Было ясно, что способ ее существования в мире радикально изменился, словно произошло возрождение жизненных сил. Внезапно она получила сильное чувство смысла жизни, жизненные силы и невероятную жажду жизни.

К тому времени когда мать отпраздновала свой восемьдесят пятый день рождения, ситуация в Чехословакии изменилась настолько, что я смог приехать в Прагу и принять участие в этом прекрасном юбилее. По этому поводу я был приглашен прочесть лекцию и провести семинар по холотропному дыханию на кафедре психиатрии медицинского факультета Карлова университета, моей старой доброй альма-матер. Два психиатра приехали на семинар из Словакии. Они рассказали, что несколько недель тому назад они присутствовали на семинаре, который вела моя мать. Это был семинар по холотропному дыханию для словацких психиатров и психологов, за которым последовала теоретическая дискуссия.

Я не мог поверить в то, что услышал. До того, как моя мать встретила моего отца и вышла за него замуж, она была прекрасной и успешной пианисткой, но, несмотря на свой большой талант и совершенную технику, выступления на публике доставляли ей неприятные переживания, так как она боялась сцены. Сама мысль о том, что она будет вести семинар для психиатров и психологов в области, в которой у нее нет ни подготовки, ни большого опыта, казалась фантастикой. Но мои словацкие коллеги заверили меня, что практический семинар имел большой успех и во время обсуждения моя мать, к всеобщему удовлетворению, ответила на все теоретические и технические вопросы.

Я был совершенно сбит с толку и в тот же самый вечер поднял тему словацкого семинара в разговоре с матерью после ужина.

— Я так понял, что ты недавно проводила семинар по холотропному дыханию для словацких психиатров и психологов. Как он прошел? — спросил я, как только мы закончили ужин.

— Замечательно, — сказала она немного застенчиво, возможно потому, что знала, что мы разрешаем проводить публичные семинары только тем, кто прошел полный курс обучения и получил сертификат фасилитатора. — Похоже, им понравилось.

— Словацкие коллеги, участвовавшие в моем семинаре в психиатрической клинике, сказали мне, что после холотропного дыхания было еще обсуждение, во время которого ты отвечала на вопросы. Как оно прошло? Были ли вопросы, на которые трудно отвечать? — продолжал настаивать я.

— Все в порядке, — ответила она и надолго замолчала. Было понятно, что она хочет что-то добавить и подбирает подходящие слова. Я молча сидел в кресле, терпеливо ожидая, что за этим последует. — Это не совсем так, — наконец сказала она с виноватым выражением лица. — На самом деле в половине случаев я не понимала, о чем они говорят, но затем, внезапно, приходил ответ. Правда, если быть честной, я не думаю, что его давала я...

— Ты не думаешь, что сама отвечала на вопросы? — спросил я потрясенно. — Если не ты, тогда кто же?

— Он, — ответила моя мать с той особенной интонацией, которая не оставляла места для сомнений. — САИ БАБА!

Затем она рассказала мне, что, с тех пор как Саи Баба явился ей в Биг Суре, она часто ощущала его присутствие даже в обычной жизни, особенно в ситуациях, связанных с холотропным дыханием, и семинар в Словакии был всего лишь одним из серии подобных случаев. То же самое регулярно случалось во время «работы с телом» на сессиях холотропного дыхания, когда участники нуждались в каком-либо типе физического вмешательства для лучшего завершения их переживания. Все, что требовалось моей матери, это подождать несколько секунд, пока не придет указание из тех сфер, с которыми она обычно не поддерживала контакт. Затем она проводила работу с телом без малейших проблем и, как правило, вполне успешно, к большому удовольствию членов группы.

Ее вмешательства часто бывали очень необычными и поражали тех, кто за ними наблюдал. Мой брат Пол стал свидетелем эффективности работы матери в качестве фасилитатора в 1992 году, когда мы проводили семинар по холотропному дыханию перед конференцией Международной трансперсональной ассоциации в Праге. Это была одна из самых больших групп, с которой нам когда-либо приходилось иметь дело, — 330 человек из 36 разных стран мира и 35 фасилитаторов, включая Пола и нашу мать.

В какой-то момент у Пола, сильного мужчины и опытного психиатра, возникли проблемы с одной из участниц, молоденькой русской акушеркой, — опасение, как бы она ничего себе не повредила. Она была невероятно физически активна, ее тело спазматически выгибалось, она била во все стороны руками и ногами. Она не реагировала на то, что говорил ей Пол, хотя он очень бегло говорил по-русски, и он не мог контролировать ее, даже несмотря на то что, пытаясь удержать ее, он навалился на нее всем своим весом. Когда наша мать, которой на тот момент было восемьдесят пять лет, увидела эту сцену, она подошла к ним и успокоила молодую женщину прикосновением одной руки и несколькими словами на чешском, которого русская женщина просто не поняла бы. Члены группы, которую мать создала в Праге, души в ней не чаяли и относились к ней как к Матери, или даже как к архетипической Мудрой старой женщине. В конце концов, после падения коммунистического режима, двенадцать членов ее группы смогли пройти полную подготовку у нас в Соединенных Штатах и в Европе и стать сертифицированными фасилитаторами холотропного дыхания. Моя мать умерла внезапно, всего через несколько дней после проведения последней сессии холотропного дыхания и через час после того, как пригласила двух своих друзей, физика и его жену, на кофе с особым десертом, который она приготовила. Для меня она осталась образцом достойной старости и жизни, посвященной служению.

КОГДА ВОЗНИКАЕТ ЕДИНЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ИСЧЕЗАЮТ

Подвиги корейского мастера меча

Наш шестинедельный эсаленский семинар, озаглавленный «Буддизм и западная психология», имел воистину звездный состав и примечательную программу. Соруководителем семинара был Джек Корнфилд, наш близкий друг, духовный учитель випассаны и буддийский монах, который обучал участников основным принципам медитаций прозрения, читал лекции по буддизму, предлагал личные даршаны и вел девятидневную сессию, ставшую объединяющим моментом всего полуторамесячного семинара. На семинаре присутствовали духовные учителя тибетского буддизма Чегьям Трунгпа, Тартанг Тулку и Согьял Ринпоче. На двух из шести недель семинара присутствовал лама Говинда со своей женой Лии каждый день читал часовую лекцию по тибетскому буддизму. Теолог и философ Хьюстон Смит читал лекции по буддизму, а Джозеф Кемпбелл представил группу по буддийской мифологии в серии иллюстрированных презентаций.

Дзен-буддизм был представлен аббатом дзен-центра Сан-Франциско Ребом Андерсоном, мастером дзен из Кореи Сын Сан Нимом и мастером дзен-буддистского искусства стрельбы из лука Кобуном Тино. Даосский учитель Чунлян Аль Хуан рассказал участникам семинара о тайцзы-чуань и китайской каллиграфии. Однако наибольшее внимание как нашей группы, так и остальных членов эсаленского сообщества привлек корейский мастер боевых искусств и меча Кван Ча Ним. Он прибыл в Эсален вместе с Сын Сан Нимом в сопровождении двух учеников. Мы были наслышаны о его невероятных возможностях и его выступлении, обещавшем быть настолько необычным, что мы решили не ограничивать его во времени и сделать публичным. Оно проходило на большой овальной лужайке перед административным корпусом Эсалена.

Кван Ча Ним начал свою презентацию с представления, во время которого он и два его ученика продемонстрировали поединок на мечах и затем с длинными шестами. Во время поединка один из учеников, долговязый и худой молодой поляк, снял рубашку и положил ее на траву. Тогда другой ученик принес огромный и очень красивый, украшенный гравировкой меч. Кван Ча Ним продемонстрировал заточку меча, разрубив волос, зажатый между большим и указательным пальцами левой руки. Затем он положил салфетку на живот своего польского ученика, а на салфетку — яблоко и разрезал яблоко пополам одним быстрым взмахом своего меча. Яблоко распалось на две половинки, на платке же остался лишь небольшой след.

Зрители устроили овацию и разразились приветственными криками, пораженные продемонстрированной мастером степенью контроля во владении столь грозным оружием. Кван Ча Ним поспешил умерить их энтузиазм: «Это всего лишь разминка... еще рано восхищаться... подождите!» Тот из двух учеников, что был поменьше, вынес на лужайку два табурета, три больших арбуза и сумку, сделанную из толстого черного бархата. Он поставил одну скамейку вместе с арбузом у головы ученика-поляка, а вторую — у его ног. Третий арбуз он положил на салфетку ему на живот.

Тем временем Кван Ча Ним обошел людей, окруживших овальную лужайку, с сумкой из черного бархата, давая всем возможность ее осмотреть и ощупать. Не было никаких сомнений в том, что два слоя толстого черного бархата не позволят что-нибудь через нее увидеть. Затем Кван Ча Ним срезал верхушки тех арбузов, что лежали на табуретках, чтобы они были устойчивыми, и поставил их на табуреты. Сделав это, он отошел примерно на пятнадцать футов от того места, где лежал его ученик, надел сумку себе на голову, и завязал ее нижний конец вокруг шеи, используя тесьму, протертую в ее край. Затем он принял формальную боевую стойку, держа меч в правой руке прямо и вертикально.

Он простоял в этой позе несколько минут абсолютно неподвижно и в полном молчании. Стоящие вокруг люди внимательно наблюдали за ним, почти не дыша. Внезапно, практически одновременно, все эсаленские собаки начали выть. Кван Ча Ним издал ужасный воинственный клич, который слился с собачьим хором в тревожную какофонию. Держа меч в правой руке и используя левую руку в качестве точки опоры, он сделал кувырок в направлении лежащего ученика. Взявшись за рукоять меча двумя руками, он вслепую разрубил оба арбуза, лежащие на табуретках в головах и ногах лежащего на траве ученика. Затем он, сильно размахнувшись, разрубил третий арбуз, лежащий на животе ученика, полностью доверявшего мастеру.

Арбуз распался на две части, и, как и в трюке с яблоком, на салфетке остался лишь небольшой, едва различимый надрез. Зрители сходили с ума и вопили от восторга, ведь прежде мы успели убедиться, насколько грозным оружием является этот меч, и что им можно сделать. Малейшая ошибка, самое мизерное отклонение от пятнадцатифутовой траектории, по которой меч Кван Ча Нима прошел без какого бы то ни было визуального контроля, могло закончиться для его ученика серьезной, если не смертельной травмой. Тот невероятный трюк, который мы только что видели, граничил с чудом!

Кван Ча Ним снял с головы колпак и сказал, что ответит на любые вопросы зрителей. Все захотели знать, как ему удалось достигнуть такого мастерства. «Вы способны видеть то, что находится вокруг вас без помощи глаз, с помощью каких-либо паранормальных способностей?», «Находилось ли ваше сознание вне вашего тела и видело ли все сверху?». . . . «Вы запечатлели в памяти трехмерный образ и поддерживали его все это время?» — забросали его вопросами члены группы. Кван Ча Ним отвечал на них, смеясь. «Нет, — сказал он, отмахнувшись. — Вы просто медитируете и ждете, пока все это — мастер меча, мяч, арбуз и ученик — не станет одним, и никаких проблем».

Согласно восточной духовной литературе, продвинутые йоги, особенно сиддха-йоги — мастера Тантры, могут приобрести сверхъестественные силы, называемые сиддхи, невероятные трюки, которые они могут проделать, демонстрируют господство разума над материей. Четкость и точность, с которой Кван Ча Ним с повязкой на глазах управлялся со своим грозным мечом в ситуации, когда изменение траектории на два или три дюйма могло закончиться для ученика смертью или тяжелым ранением, явно относят этот трюк к данной категории. Те из нас, кто был свидетелем того представления Кван Ча Нима в Эсалене, почувствовали, что то, что мы увидели, не может быть достигнуто с помощью обычных упражнений, вне зависимости от того, какой бы длительной и напряженной ни была подготовка.

СТРАННОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ МАЙЯ

Тайна хрустального черепа

Шаманские верования, религиозные традиции, антропологическая литература и мифология народов мира содержат множество сведений о различных рукотворных и природных магических объектах, наделенных невероятной силой, — фетишах, ритуальной утвари, амулетах, кольцах, оружии, кристаллах, камнях и растениях. Например, в индуистской традиции к священным предметам — салаграммам относятся найденные в природе камни или окаменелости, имеющие форму важных тантрических символов или несущие их изображение. Многие мусульмане уверены, что Черный Камень, краеугольный камень Каабы, самого почитаемого мусульманского святилища и места паломничества, обладает очищающей силой и вбирает в себя грехи тех, кто пришел поклониться ему. Они утверждают, что Черный Камень когда-то был чистым и ослепительно белым и стал черным от тех грехов, которые он поглотил за все это время.

В христианстве реликвии святых, плачущие или кровоточащие статуи Девы Марии, Туринская плащаница — льняное покрывало, на котором запечатлен образ распятого человека, считаются объектами с чудесными свойствами. О гробницах мучеников говорят, что там якобы «слепые и увечные исцеляются, мертвые возвращаются к жизни и дьяволы изгоняются из тел людей». Согласно легенде, «Копье Судьбы», принадлежавшее Гаю Кассию Лонгину, якобы пронзившее тело распятого Иисуса, давало своему владельцу силу завоевать мир, но потеря его сулила немедленную смерть. Мифологическими примерами предметов, обладавших сверхъестественными силами, являются меч короля Артура Эскалибур и Святой Грааль.

Ацтеки и майя наделяли огромным символическим значением человеческий череп, который был очень популярным мотивом в доиспанском искусстве Центральной Америки. Археологи нашли множество его изображений, многие из которых относятся к доисторическим временам. Они очень сильно различались по размеру и были выполнены из самых разных материалов — серебра, золота, бронзы, обсидиана, оникса, малахита, лазурита, бирюзы, рубина, сапфира, топаза и кварца. Среди всех этих артефактов особое внимание привлекли достаточно редкие точные копии черепа в натуральную величину, сделанные из кристалла горного хрусталя. Они стали предметом исследования множества ученых, описывающих ни с чем не сравнимое мастерство их изготовления и то невероятное воздействие, которое они оказывают на людей.

В начале 1970-х годов, проводя семинар в Эсаленском институте, я услышал о черепе Митчелл-Хеджеса, необычном артефакте индейцев майя, названным по имени английского лорда Митчелл-Хеджеса и его приемной дочери Анны. Это искусно вырезанная из монолитного куска горного хрусталя копия человеческого черепа в натуральную величину. Многие люди, какое-то время находившиеся поблизости от этого черепа, якобы переживали глубокие необычные состояния сознания. Те, кто рассматривал череп в течение некоторого времени, всматриваясь в темную вуаль, слегка туманные глубины и другие изъяны внутренней структуры, впадали в состояние транса и каталепсии или, наоборот, испытывали сильное беспокойство. Они видели сложные сцены из истории или встречались с различными мифологическими существами.

Обычно эти видения сопровождались сильными эмоциями в диапазоне от экстатического восторга и до всепоглощающего ужаса. Среди описываемых эффектов были и примеры пробуждения энергии кундалини, связанные с крия — волнами немотивированных эмоций, спонтанными звуками и приливами энергии, спазмами и конвульсиями. Другие воздействия лежат в диапазоне от мистического восторга и видений, психических феноменов до психотических эпизодов. Некоторые из тех, кто свел близкое знакомство с этим черепом, даже

оказались в психиатрической лечебнице.

Этот экземпляр черепа также обладал некоторыми необычными оптическими свойствами. Скуловые дуги лица действовали как световоды, ничем не отличаясь от современных оптических волокон. Они проводили свет от основания черепа к пустым глазницам, где заканчивались двумя миниатюрными линзами. Два выступа в основании черепа, которые покоились на первом шейном позвонке, имели форму маленьких пирамид, собиравших свет из окружающей среды. При соответствующем освещении весь череп мерцал бледно-зеленым светом, а глаза светились ярко-красным. В нескольких случаях череп, возможно, излучал сияющую ауру, граница которой проходила достаточно далеко от его поверхности, могла двигаться и изменять свои размеры. Люди, испуганные странным воздействием этого произведения искусства, называли его «Череп Судьбы».

Череп был окружен ореолом тайны и породил множество спекуляций относительно его происхождения, возраста, способа создания и его примечательного воздействия на человеческую психику. В 1970-х годах он привлек внимание множества ученых, журналистов и писателей. Наслушавшись разговоров о свойствах хрустального черепа Митчелла-Хеджеса, я сильно заинтересовался возможностью испытать его воздействие и изучить его. Я узнал, что его хранителем является Фрэнк Дорланд, который живет на Панорамик-Хайвей в Милл-Вэлли, Калифорния. Я навестил его и несколько часов слушал его рассказы о черепе.

Дорланд был одержим хрустальным черепом, он изучал его около пяти лет, проводя с ним все свое время — с перерывом разве что на сон. Он пришел к выводу, что проблемы, связанные с изготовлением черепа, настолько огромны, что он просто-напросто не может существовать. Его уровень твердости по десятибалльной шкале Моса равнялся 7, всего на три пункта уступая твердости алмаза, и его невозможно поцарапать стальным ножом.

Дорланд изучал его абсолютно гладкую поверхность с помощью бинокулярного микроскопа и так и не смог обнаружить следов каких-либо орудий. Любая попытка применения долота оставила бы следы на поверхности и, вне всякого сомнения, расколола бы камень, во многом потому, что череп был вырезан поперек слоев камня.

К тому же майя не знали карборунда или шлифовального круга, а выполнение работы вручную, при помощи песка и воды заняло бы несколько поколений. Дорланд обдумывал идею о том, что майя могли использовать какую-то неизвестную шлифовальную пасту, рецепт которой держался в тайне и с древности передавался из поколения в поколение, но ничего подобного ученым не было известно. Он выяснил, что высокие температуры, например пламя ацетиленовой горелки, может расплавить кристалл, но слишком маловероятно, что майя имели в своем распоряжении что-то подобное современным технологиям. Но даже если бы и имели, это не могло бы служить адекватным объяснением для происхождения хрустального черепа.

Дорланд показал мне доклад, содержащий подробный отчет об исследованиях, проведенных в лабораториях кристаллических материалов компании Hewlett-Packard в Санта-Кларе (Калифорния). Специалисты института пришли к заключению, что ни одна из известных в настоящее время технологий, в том числе и современных, не способна справиться с созданием точной копии человеческого черепа, выполненного из одного куска кварца. Они даже отвергли предложение Дорланда заплатить полмиллиона долларов за воссоздание черепа. Кварц с его множеством дефектов и даже небольшими включениями воды является материалом, слишком сложным для обработки.

После нескольких лет безуспешных попыток найти объяснение происхождению хрустального черепа, теории Дорланда становились все фантастичнее и фантастичнее. Он решил, что череп был создан более развитой цивилизацией, какими-то существами с сильным разумом и превосходящим человеческий интеллект, что он может быть устройством,

обеспечивающим связь через пространство и время или даже с параллельными вселенными. Он даже подозревал, что создатели черепа по-прежнему могут наблюдать за нами через его глазницы и влиять на нас, но не был уверен, оказывается ли это влияние с другой планеты, из другого измерения или даже из иных времен — прошлого или, возможно, будущего.

За то время, которое Дорланд провел рядом с хрустальным черепом, он и сам испытал довольно много странных переживаний и в конце концов счел их слишком «подавляющими» и «зловещими». Он рассказал мне о последнем из них, которое он пережил всего за несколько недель до нашей встречи. Он проснулся среди ночи от странных звуков, доносившихся с первого этажа его собственного дома. Он пошел узнать, что происходит, и, взглянув с лестницы вниз, на гостиную, окаменел: по комнате, круша все на своем пути, прыгал огромный ягуар. Он бросился обратно в спальню, запер за собой дверь, и провел остаток ночи в метафизическом ужасе. Наутро он нашел в гостиной полный беспорядок, часть предметов обстановки была сломана и разбита.

Дорланд так никогда и не узнал, что же произошло той ночью, но в любом случае это оказалось последней каплей. После некоторого периода болезненных колебаний Дорланд решил вернуть артефакт миссис Митчелл-Хеджес. Если я хочу увидеть хрустальный череп, сказал он, я должен отправиться в Китченер, Онтарио, Канада, где миссис Митчелл-Хеджес проживала с момента смерти своего отчима. Заинтригованный историями Дорланда, я во время своего следующего визита в Канаду вместе со своим братом Полом решил позвонить миссис Митчелл-Хеджес и спросить, не можем ли мы нанести ей визит. К своему большому удивлению, мы обнаружили ее в том самом мотеле, который она купила после смерти отчима и которым с тех самых пор управляла.

Это было очень странно, поскольку она унаследовала сказочные богатства лорда Митчелла-Хеджеса, очень богатого английского аристократа. Анна объяснила, что таким образом она почтила память своего «отца». Когда он усыновил девочку, она была голодной бездомной десятилетней сиротой, живущей в этой части Канады. После его смерти она стала давать жилье и пищу другим людям, как это когда-то сделал он.

Мы разговаривали в офисе мотеля, который и сам по себе был достаточно необычен. Среди украшавших его уникальных произведений искусства был большой серебряный кувшин, когда-то принадлежавший королю Баварии Людовику, и украшенное алмазной гранью зеркало королевы Марии-Антуанетты. Миссис Митчелл-Хеджес принесла огромную подборку газетных вырезок, в которых рассказывалось о приключениях ее и отчима в самых разных уголках мира — плавание под парусами в разные экзотические места, охота на акул, разных крупных рыб и тигров, жизнь среди индейцев Южной Америки и раскопки доиспанских поселений.

Наиболее интересными из этих газетных вырезок оказались те, которые рассказывали о раскопках Лубаантуна, «Города упавших камней», который лорд Митчелл-Хеджес открыл в джунглях Британского Гондураса (Белиза) во время поисков Атлантиды — именно там мистическим образом появился хрустальный череп. В свой семнадцатый день рождения Анна, как утверждают, нашла его в древних руинах. Анна перебирала газетные вырезки одну за другой, рассказывая нам истории, связанные с каждой из них.

Было ясно, что эти газетные вырезки и связанные с ними воспоминания являются теперь средоточием ее жизни. Анна никогда не была замужем, возможно из-за сильного комплекса Электры, поскольку ни один человек не мог быть лучше ее невероятного «отца», который с годами превратился в почти мифического героя. Наша встреча с Анной Митчелл-Хеджес в ее мотеле в Китченере была потрясающе интересной, но хрустального черепа мы, к сожалению, так и не увидели, поскольку его там больше не было.

Мы выяснили, что незадолго до нашего визита Анна подарила хрустальный череп Музею

американских индейцев в Нью-Йорк Сити. Она пришла к выводу, что артефакт слишком могуществен, чтоб принадлежать какому-либо человеку, и должен быть передан безличному владельцу. Когда мы попытались получить более конкретные объяснения, она выставила нас вон, не желая обсуждать эту тему. Вскоре после нашей поездки к Анне расписание моих лекций привело меня в Нью-Йорк. Одной из первых вещей, которую я сделал по приезду, — взял такси и отправился в Музей американских индейцев, желая завершить свой поиск.

Там я наконец увидел хрустальный череп, таинственный артефакт, который я так долго искал. Он был помещен в витрину, стеклянные панели отражали свет и окружающие предметы, мешая разглядеть его как следует. К тому же музей был весьма популярен, и множество посетителей, толпившихся вокруг, представляли серьезную проблему. В общем, это были далеко не идеальные условия для гадания по магическому кристаллу, и я решил нанести визит доктору Фредерику Докстейдеру, всемирно известному авторитету в области изучения американских индейцев, куратору музея, и попросить у него разрешения вынуть череп из витрины и провести с ним ночь в музее, в одиночестве и медитации.

К сожалению, доктор Докстейдер не очень-то понял мою необычную просьбу. На него не произвели впечатления мои регалии психиатра и исследователя в области человеческого сознания, и он сказал, что я должен подчиняться правилам музея так же, как и остальные его посетители. Решительный отказ доктора Докстейдера положил конец моим попыткам исследовать хрустальный череп. Много лет спустя мне удалось сублимировать свое разочарование, выплеснув весь свой неутолимый интерес к хрустальному черепу на страницы фантастического романа под названием «Зов ягуара», ставшего для меня пробой пера.

ЧУДЕСА СИНЕСТЕЗИИ

Уго Азукарелли и холофонический звук

В конце 1960 — начале 1970-х годов я имел честь входить в состав небольшой группы, которая сформулировала основные принципы трансперсональной психологии. Абрахам Маслоу назвал эту новую дисциплину Четвертой Силой в психологии, поскольку она появилась следом за бихевиоризмом, фрейдовским психоанализом и гуманистической психологией. Была предпринята попытка создать максимально расширенную модель человеческой психики, включив в нее как сведения, полученные в ходе современных исследований сознания, так и наиболее значительные духовные традиции мира. Признав духовную сферу одной из важных и заслуживающих должного внимания областей человеческой природы, новая психология устранила серьезные пробелы и ошибочные представления, укоренившиеся в научных кругах.

Трансперсональная психология восприимчива к культурному контексту, что проявляется в ее почтительном отношении к духовным и религиозным традициям древних и коренных культур, а также к различным эзотерическим философским системам и школам мистицизма. Пересмотр теории, вызванный ею, среди прочего отражал революционные данные наблюдений и те вызовы, которые психоделические исследования, антропология, экспериенциальная (эмпирическая) психотерапия, учения о медитации и другие области исследований, посвященные холотропным состояниям сознания, бросили самой парадигме науки.

Одной из самых сложных проблем на раннем периоде существования только что возникшей дисциплины был тот факт, что ее основные положения были несовместимы с традиционной научной мыслью, в которой преобладала декартово-ньютоновская парадигма и которая в философском смысле была прочно привязана к идеям монистического материализма. Ввиду этого новая наука была чрезвычайно уязвима для обвинений в ненаучности, иррациональности и даже «чокнутости». Первопроходцы трансперсональной психологии, будучи убеждены в оправданности своих усилий, с большим интересом следили за революционными изменениями в других научных дисциплинах, ища в них поддержку для своей точки зрения и разработок, которые могли бы помочь устранить эту пропасть между концепциями.

Ни одна из разработок в науке с новой парадигмой не привлекала большего внимания к ее потенциалу с точки зрения снабжения трансперсональной психологии мощным научным базисом, нежели открытие принципов оптической голографии и их применение в различных областях. Речь идет, конкретнее, о голографической модели мозга Карла Прибрама и теории холоддвижения Дэвида Бома. Два эти научных подхода представили мистические переживания и многочисленные трансперсональные явления в совершенно новом свете, описав новые и дотоле неведомые и непостижимые парадоксальные взаимосвязи между частью и целым.

В период охватившего всех энтузиазма по поводу голографического мышления автор бестселлера «Заговор Водолея» («The Aquarian Conspiracy») Мэрилин Фергюсон опубликовала в своем издании «Brain/Mind Bulletin» материал о новом сенсационном пополнении голографической системы понятий — изобретении аргентино-итальянским ученым Уго Азукарелли технологии холофонического звука. Мэрилин, которая была восхищена работами Уго, пригласила его в США, в местечко Миллбрей под Сан-Франциско, где те из нас, кто проявил интерес, могли в течение недели встречаться с ученым. На этот семинар, который стал выдающимся событием, приехали многие известные специалисты, занимающиеся трансперсональной психологией.

Уго начал свой семинар с того, что рассказал нам об одном событии из своего детства, которое подтолкнуло его к открытию холофонического звука. Он связывает возникновение

своего интереса к вопросам звукового восприятия с давней ситуацией, когда его, тогда маленького мальчика, чуть не сбил тяжелый грузовик. Произошло следующее: он сидел на обочине дороги, спиной к приближающейся машине. Водитель грузовика, избегая столкновения с другой машиной, выехал на обочину, и Уго удалось спастись от смерти лишь в самый последний момент, инстинктивно отскочив в сторону.

Чудом избежав гибели, он впоследствии часто думал об этом происшествии и не переставал удивляться тому, как ему удалось так точно определить источник звука от приближающегося грузовика и среагировать на него соответствующим движением, спасшим его жизнь. Уго увлекся изучением тех механизмов, которые помогают живым существам определять направление звука, и они в итоге привели его в восторг. Проведя тщательные исследования и анализ, он пришел к выводу, что существующие теории звуковосприятия не способны объяснить некоторые важные характеристики восприятия звука человеком и его способности точно устанавливать местонахождение источника звука.

Он заметил, что крокодилам, у которых отсутствует гибкая и подвижная шея, чтобы установить, откуда доносится тот или иной звук, приходится поворачивать всю верхнюю часть тела. Птицы, чтобы справиться с аналогичной задачей, поворачивают голову. Млекопитающие для этих же целей пользуются своей способностью менять положение и форму ушных раковин. Однако человек может точно определить местоположение источника звука, не меняя положения головы и ушей (пошевелить ушами большинство из нас вообще не в состоянии). Более того, установить направление на источник звука способны даже люди, глухие на одно ухо.

Данные наблюдения привели Уго к мысли, что существующие теории, пытающиеся отнести способность стереофонического звуковосприятия и локализации источника звука на счет процесса сравнения сигналов, поступающих от правого и левого уха, неточны. Он заключил, что, для того чтобы объяснить все удивительные характеристики звуковосприятия, придется предположить, что человеческое ухо выполняет роль не только приемника, но и передатчика и что задачу по локализации источника звука оно выполняет в соответствии с принципами голографии. По его словам, люди, страдающие от звона или шума в ушах, на самом деле слышат звук, испускаемый самим ухом. Тщательно избегая каких-либо технических подробностей, которые могли бы раскрыть секрет его изобретения, Уго пояснил, что свою технологию холофонического звука он разработал, просто смоделировав этот механизм.

Самой важной частью таинственной технологии Уго была полноразмерная модель человеческой головы, которую изобретатель любовно называл «Ринго». Внутри нее размещались записывающие устройства, которые были встроены именно в тех местах, где находятся уши. Ринго постоянно находился в сумке из толстого темного материала, где он был скрыт от любопытных глаз слегка огорченных присутствующих. После короткой вводной части Уго перешел непосредственно к демонстрации. Он подсоединил магнитофон, воспроизводящий холофоническую запись, к устройству, оборудованному рядом разъемов для наушников. Устройство позволяло десяти слушателям одновременно надеть наушники и прослушать экспериментальную пленку Уго.

Мы не могли поверить в то, что сами переживали. Каким-то непостижимым образом запись Уго воспроизводила характерные акустические детали широкого спектра звуков с такой реалистичностью и точной локализацией, что без постоянного визуального контроля было практически невозможно на слух отличить записанный звук от реального события, происходящего в нашем трехмерном мире. Типичным примером такого события был звук приближающегося грузовика — словно эхо того, что в детстве пережил Уго. Когда мы прослушивали эту запись с закрытыми глазами, тело инстинктивно пыталось отскочить в сторону, чтобы избежать удара.

Но это было еще не все. К нашему удивлению, прослушивание холофонических записей Уго чаще всего воздействовало и на другие чувства, порождая многочисленные случаи синестезии. Под синестезией понимают такое состояние, при котором стимуляция одних органов чувств вызывает реакцию восприятия со стороны других органов. Наиболее распространенным видом синестезии является так называемый цветовой слух, при котором у человека возникают зрительные образы, в то время как он только лишь слышит соответствующие звуки. Синестезия может распространяться и на все остальные органы чувств. Экспериментальные записи Уго не просто воздействовали на все сферы ощущений — они еще и передавали слушателю информацию о других параметрах ситуации, породившей данный звук.

Так, звук ножниц, щелкающих во время стрижки, вызывал реалистичное ощущение, что слушателю стригут волосы, шум парикмахерского фена порождал ощущение струи горячего воздуха, бьющей в волосы, а звук чиркающей о коробок спички создавал образ горящей спички и отчетливый запах сгоревшей спичечной головки. Точно так же чувственный голос женщины, шепчущей что-то вам на ухо, заставлял вас почувствовать ее теплое дыхание. Нет нужды говорить о том, насколько сильное впечатление произвел на нас этот эксперимент.

В ходе обсуждения, начавшегося после демонстрации, несколько участников семинара, которым уже приходилось иметь дело с холофоническим звуком, поделились с остальными еще более интересными примерами, раскрывающими потенциал этой технологии. Они утверждали, что холофонические записи способны не только воздействовать на другие органы чувств, но и вызывать эмоции, в том числе ощущения мистического характера. Они рассказали об эксперименте, в ходе которого группа участников приняла дозу энтеогена MDMA, производную психотропного амфетамина, известного более молодому поколению под названием «экстази». Собравшись в кружок, они хором произносили индийскую мантру «ОМ». По их свидетельству, люди, слушавшие потом холофоническую запись эксперимента, испытывали на себе такие энтеогенные эффекты этого препарата, как видение нуминозного света и чувство всеобъемлющего единения.

В ходе оживленного обсуждения участники семинара становились все более взволнованными. Некоторые из них указали на то, что удивительное воздействие холофонической технологии, похоже, проливает свет на важную роль звуков в различных религиозных традициях и эзотерических направлениях. В этой связи они вспоминали о таинственных магических свойствах, приписываемых иудеями и древними египтянами звучанию букв своего алфавита, о взаимосвязи звуковых частот и изначальных (семенных) звуков с чакрами в кундалини-йоге и нада-йоге, о важнейшем значении звуков в тантрических учениях, искусстве и обрядах и о космогонической силе, которой наделяет звук «ОМ» индийская мифология.

Другие участники обсуждали важные теоретические и практические последствия, которые открытие холофонического звука, вероятно, будет иметь для виртуальной реальности, физиологии и патологии слуха, психиатрии, психологии и психотерапии, кино, телевидения и других сфер развлекательной индустрии. Все мы испытывали радость от этого открытия — еще одного, только что появившегося элемента расширяющейся мозаики новой научной парадигмы, обеспечивающей концептуальную поддержку трансперсональной психологии.

Однако вскоре стало очевидно, что жестко поставленные планы Уго на будущее холофонической технологии представляют собой серьезное препятствие на пути ее широкого использования. Он был полон решимости неукоснительно контролировать способы применения своей технологии, тех людей, кто будет ее использовать, и цели, которым она будет служить. Он хотел быть абсолютно уверен в том, что его технологию не станут использовать во зло. Было понятно, что эта в общем-то замечательная позиция не очень реалистична и что дело все равно

закончится переговорами с компаниями, заинтересованными в том, чтобы сделать голофонический звук доступным для широких масс.

Озабоченность Уго возросла еще больше, когда Мэрилин Фергюсон взяла его с собой на студию «Метро-Голдвин-Майер» на предварительный закрытый просмотр нового научно-фантастического фильма «Мозговой штурм», в производстве которого Кристина и я участвовали в качестве консультантов по спецэффектам. «Мозговой штурм» — история о двух ученых, компьютерном гении и блестящем специалисте в области исследования мозга, которые изобрели устройство, имевшее вид шлема, с помощью которого можно записывать опыт и переживания человека и затем предоставлять их другим людям. Легко можно было представить, что этот шлем и является воплощением технологии Уго — точнее, ее гораздо более сложного и усовершенствованного со временем варианта.

По сюжету фильма, это выдающееся изобретение очень быстро попало в руки не порядочных людей, намеревавшихся использовать его в коммерческих и военных целях. Просмотр этой ленты только укрепил страх Уго перед несправедливым использованием его принципиально нового устройства. Послужило ли тому основной причиной жесткое решение Уго или нечто иное, но его удивительное изобретение не встретило особого воодушевления в мире, хотя те из нас, кто принимал участие в семинаре в Лос-Гатосе, ждали и надеялись на обратное.

ОКНО В АБСОЛЮТ

Секрет светоносной жабы

В представлении большинства людей первоисточником психоделических веществ является растительное царство. С незапамятных времен туземные народы использовали растения, способные изменять состояние сознания, «плоть богов», для проведения своих ритуалов и духовной жизни. Многие были написаны о соме, легендарном растении Вед, которое использовали мистики и провидцы, о разных разновидностях каннабиса, о доколумбовом священном пейоте и магических грибах (теонанакатле), о священных кустах ибоги, используемой в ритуалах африканских племен, а также о напитке обитателей джунглей Южной Америки яхе, или аяхуаска, и многих других.

Гораздо менее известно, что психоделические вещества могут быть найдены также в животном царстве. В 1960 году Джо Роберте, фоторепортер журнала «National Geographic Magazine», описал сильный психоделический опыт с элементами научной фантастики, который он пережил после того, как съел мясо *kuiphosusfuscus*. Эта рыба, обитающая в районе острова Норфолк в южной части Тихого океана, известна среди местных обитателей тем, что вызывает яркие и часто кошмарные видения.

Наиболее знаменательный вклад животного царства в ассортимент любителей психоделиков и духовных ищущих внесли представители рода буфо. Кожа этих жаб, которая содержит психоактивное вещество буфотенин, являлась обязательным компонентом отваров, которые средневековые ведьмы использовали для того, чтобы вызывать видение шабаша. В конце 1960-х годов в «психоделических кругах» распространились слухи о новом необычном способе достигать психоделического опыта — слизывая секреты кожи гигантской жабы аризонских пустынь, *bufoalvarius*. Этот вид обитает только в Сонорской пустыне, которая занимает южную часть Аризоны и простирается далее на юг, охватывая запад мексиканского штата Сонора.

Поскольку эта жаба является полуводной, для своего выживания она должна постоянно оставаться в окрестностях постоянных водных источников. Поэтому ее основным местом обитания являются русла непересыхающих рек и ручьев Сонорской пустыни. Их образ жизни также обусловлен тем обстоятельством, что более тысячи лет тому назад индейцы племени хохо-кам начали отводить воду из реки Хила для орошения своих засушливых земель и создали целую сеть каналов. Но даже всего этого было бы недостаточно. Природа наделила *bufo alvarius* специальными железами, которые расположены главным образом на ее шее и конечностях животного. Эти железы вырабатывают вязкий, белый как молоко секрет, который защищает жабу от жары аризонской пустыни, а также от врагов.

Этот секрет содержит высококонцентрированный 5-метоксидиметилтриптамин (5-MeO-DMT), вещество с ярко выраженными психоделическими свойствами. В химической лаборатории это вещество было впервые синтезировано в 1936 году, более чем за двадцать лет до того, как современные американцы открыли его психоделический эффект. Однако коренные жители Американского континента знали об изменяющих сознание свойствах секрета пустынной жабы на протяжении столетий и использовали его в своих шаманских практиках. Как оказалось, тот же самый активный компонент ответствен за психоделическое действие таких нюхательных порошков растительного происхождения, как вирола и эпена, используемых индейцами племен тукано, уайка и арарайбо, живущих в Бразилии и Венесуэле.

Сухой продукт, получаемый путем выпаривания при нагревании секрета кожи *bufo alvarius*, содержит не меньше 15 % активного вещества. Курение высушенного секрета в течение

нескольких секунд вызывает психоделическое состояние, которое может представлять серьезное испытание в психологическом плане из-за быстроты его наступления и сокрушительной интенсивности. Курение или вдыхание от 5 до 15 мг чистого 5-МеО-ДМТ оказывает сходное действие. Открытие психоделического эффекта секрета *bufo alvarius* психоделическое поколение восприняло как сенсацию. Была даже основана церковь «светоносной жабы», члены которой курили этот продукт в своих церемониях.

Я с большим интересом следил за сообщениями о *bufo alvarius*, а также о другом психоделическом виде, *bufo marinus*, который обитает во Флориде. Последний фигурирует в новеллах Карла Хайесена, в которых он повествует об одном бывшем губернаторе, который сошел с ума и поселился в болотах Эверглейдс, где стал гоняться за этими жабами и облизывать их. Поскольку я считал, что сравнение воздействия разных психоделиков имеет большое теоретическое значение, я искал возможности попробовать это новое дополнение к арсеналу фармакопеи. Раньше у меня уже был опыт с некоторыми родственными производными траптамина — с диметилтриптамином (ДМТ) и диэтилтриптамином (ДЭТ) из наших ранних экспериментов в Праге, а также с дипропилтриптамином (ДПТ) из исследований в Мэрилендском центре психиатрических исследований.

К своему великому огорчению, я осознал, что упустил замечательную возможность поэкспериментировать с *bufo alvarius* во время одного из моих прошлых посещений Аризоны. Я оказался там, в пустыне недалеко от Тусона, в середине июля, в период проливных муссонных дождей, которые временно превратили выжженную солнцем пустынную местность у подножия горной цепи Каталина в районе горы Леммой в полноводную реку двадцати пяти футов шириной и четырех футов глубиной. В течение считанных минут земля покрылась тысячами огромных жаб, которые вылезли из своих подземных укрытий, и тут же начали спариваться. Слушая их громкое, звучное кваканье, я был весьма впечатлен таким экстатическим празднованием жизни. Но поскольку я не был хорошо осведомлен относительно таксономии земноводных, я не знал, что стал свидетелем групповой оргии *bufo alvarius*, и не воспользовался возможностью попробовать их таинственный эликсир.

Возможность проникнуть в секрет светоносной жабы представилась мне, когда мой друг Пол появился на пороге нашего дома с внушительной порцией 5-МеО-ДМТ. Это вещество не было внесено в список веществ, вызывающих сильное привыкание и не имеющих терапевтической ценности, и для химика достать его не составляло труда, поскольку оно использовалось как исходное звено в синтезе многих других соединений. Мой друг уже имел опыт употребления 5-МеО-ДМТ и вызвался предоставить необходимые инструкции и компетентное руководство.

Под присмотром Пола я поместил небольшое количество белого порошка на поверхность стекла и с помощью бритвенного лезвия постарался еще больше измельчить его. Затем я разделил порошок на две одинаковые кучки, а остаток ссыпал в трубку, набитую сушеной петрушкой. Пока Пол раскуривал трубку, я свернул бумажную долларовую банкноту в тоненькую трубочку и втянул носом обе кучки порошка, каждую отдельной ноздрей. Затем я взял у Пола трубку и сделал две или три глубоких затяжки. Впоследствии я оценил, что общая доза 5-МеО-ДМТ, которую я принял, была весьма немалой — она составляла около 25 мг.

Начало опыта было внезапным и впечатляющим. В меня вдруг ударила космическая молния невероятной силы, которая в мгновение ока потрясла и разрушила всю мою обычную реальность. Я полностью потерял контакт с окружающим миром, который исчез как по волшебству. Раньше, когда я принимал высокие дозы психоделиков, я предпочитал лечь и устроиться поудобней. Но на этот раз подобных проблем даже не возникало, поскольку я полностью утратил осознание своего тела, так же как и окружающей обстановки. После сеанса

мне рассказали, что, когда я сделал две затяжки, я несколько минут оставался сидеть неподвижно, как статуя, держа трубку у рта. Кристине и Полу пришлось взять трубку из моей руки и уложить мое тело на кушетку.

Во время предыдущих психоделических сеансов я всегда в основном сохранял ориентацию. Я осознавал, кто я, где нахожусь и почему переживаю необычный опыт. На этот раз все это улетучилось за несколько секунд. Мои повседневные заботы, мое имя, мое местонахождение и моя жизнь исчезли, как по мановению волшебной палочки. Стен Гроф... Кристина... Соединенные Штаты... планета Земля... Эти концепции еще несколько мгновений слабо маячили, подобно сновидческим образам, на периферии моего сознания, а затем окончательно рассеялись. Я усиленно пытался напоминать себе о существовании реальности, которую я знал, но она вдруг потеряла всякий смысл.

Все мои предыдущие психоделические сеансы всегда были наполнены неким богатым специфическим содержанием. Переживаемый мною опыт был связан либо с моей настоящей жизнью — с историей детства, младенчества, рождения и эмбрионального периода, либо с различными темами из трансперсональных сфер — с моими прошлыми жизнями, сценами из истории человечества, архетипическими образами богов и демонов или посещениями различных мифологических сфер. Теперь моей единственной реальностью была масса лучистой пульсирующей энергии необыкновенной интенсивности, которая, казалось, заключала в себе все существование в сжатой и абстрактной форме. Я стал Сознанием, взирающим на Абсолют.

Эта энергия обладала яркостью миллиарда солнц, и все же ее нельзя было сравнить ни с каким светом, который я знал в обычной жизни. Она казалась чистым сознанием, разумом, творческой энергией, выходящей за пределы всех полярностей. Она была одновременно бесконечной и конечной, божественной и демонической, пугающей и экстатической, творческой и разрушительной — все это и гораздо больше. Я не мог подобрать никаких концепций, никаких категорий в отношении того, что я видел. Перед лицом такой силы я не мог сохранить чувство собственного отдельного существования. Моя обычная идентичность была разрушена; я стал единым с Источником. Оглядываясь назад, я почти уверен, что мне довелось ощутить Дхармакаю, Изначальный Чистый Свет, который, согласно тибетской «Книге мертвых», появляется в момент нашей смерти. Хотя все это носило некоторое сходство с тем, что я переживал в моих первых сеансах ЛСД, этот опыт был гораздо более ошеломляющим и сокрушительным, с полной утратой чувства отдельной идентичности.

Моя встреча с Абсолютом продолжалась примерно двадцать минут по обычному времени, как отметили наблюдатели. Что касается меня, в продолжение всего опыта время перестало существовать и утратило для меня всякий смысл. Мне казалось, что прошла вечность, когда в моем поле опыта начали формироваться конкретные призрачные образы и концепции. Я начал воспринимать мимолетные образы космоса с галактиками, звездами и планетами, и затем, наконец, увидел Солнечную систему и в ней Землю с континентами.

Сначала эти образы были очень смутными и нереальными, но постепенно у меня начало возникать ощущение, что, возможно, эти реальности существуют в объективном мире. Постепенно в моем видении сформировались образы Соединенных Штатов и Калифорнии. И наконец, ко мне вернулось ощущение моей обычной идентичности и осознание моей настоящей жизни: Сначала контакт с обычной реальностью был очень слабым. Я осознавал, где я нахожусь и при каких обстоятельствах. Но при этом я был уверен, что доза, которую я принял, была чрезмерной, и теперь я умираю. Какое-то время я думал, что я нахожусь в бардо — промежуточном состоянии между настоящей жизнью и моим рождением в следующем воплощении, как это описано в тибетских текстах.

Постепенно мой контакт с обычной реальностью становился все более плотным, и в конце

концов я осознал, что возвращаюсь из психоделического опыта и что я остался жив. Я лежал, все еще ощущая, как будто умираю, но при этом осознавая, что моей настоящей жизни ничего не угрожает. Казалось, что мой опыт умирания относится к сценам из моих прошлых воплощений. Я видел себя в разных драматичных ситуациях, всегда опасных и болезненных, в разных частях света и в разные исторические периоды. В то время как мое тело страдало и умирало в разных контекстах, различные группы мышц в моем теле подергивались и дрожали. Однако, переживая всю свою кармическую историю в своем физическом теле, я пребывал в состоянии глубокого блаженства, совершенно отстраненный от этих драматических проявлений, которые продолжались даже после того, как все специфические содержания исчезли.

Когда я работал в Мэрилендском центре психиатрических исследований, у нас был особый термин для описания состояния, которое наше клиенты переживали в течение многих дней, а иногда и недель, после успешного и хорошо интегрированного психоделического сеанса. Мы называли это «психоделическое последствие». Последствие после этого моего опыта было необычно интенсивным, глубоким и продолжительным. Я мог работать над моей книгой с необыкновенной точностью и сосредоточенностью. Тем не менее, когда я решал сделать перерыв и закрывал глаза, я тут же оказывался в состоянии экстатического восторга и переживал чувство единства со всем существованием. Мои медитации были необычайно глубокими, и они казались мне самым естественным состоянием, какое только можно себе представить.

Со временем повседневная, трезвая реальность все больше отвоевывала свои прежние позиции, а окно в Абсолют становилось все более туманным и непроницаемым. Однако после этого сеанса у меня осталось чувство глубокого уважения и признания магии тех средств, которыми пользуются шаманы. Я часто смеялся над высокомерием традиционных психиатров, которые относились к шаманским техникам как к продукту примитивных суеверий, и считали свои собственные методы, типа свободных ассоциаций на кушетке или поведенческой дезадаптации, истинно научными подходами к изучению психики человека.

После этого опыта я также по-новому оценил принцип, который встречается во многих эзотерических системах, — что самая благородная истина часто обнаруживается в самом низком. По убеждению алхимиков, например, «философский камень зарыт в грязи и навозе». Лично мне самый короткий и быстрый путь к абсолюту показала жаба, животное, которое часто считается символом безобразия. Я вспоминаю об этом каждый раз, когда слышу или читаю известный отрывок из пьесы Шекспира «Как вам это понравится»:

Оно подобно ядовитой жабе,
Что ценный камень в голове таит.
Находит наша жизнь вдали от света
В деревьях — речь, в ручье текущем — книгу,
И проповедь — в камнях, и всюду — благо.
Я б не сменил ее!^[3]

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Кетамин и новое очарование мира

Осенью 1972 года я познакомился с самым странным из психоактивных веществ, которые я когда-либо пробовал на протяжении пятидесяти лет своих сознательных исследований. Действие этого вещества настолько необычно, что оно выделяется даже из группы психоделиков, наркотических соединений, которые немецкий фармаколог Луис Левин однажды назвал фантастическими. Этим веществом был кетамин, также известный под торговыми названиями кеталар, кетаджет, кетанест и веталар.

Человеком, который открыл удивительные психоактивные свойства кетамина сотрудникам Мэрилендского центра психиатрических исследований, был Сальвадор Рокет, вздорный мексиканский психиатр, известный своими дикими экспериментами с психоделиками. Сальвадор проводил сеансы с большими группами людей с применением различных психоактивных препаратов (таких как ЛСД, псилоцибин, пейот, дурман и др.), демонстрируя им при этом фильмы с шокирующим агрессивным и сексуальным содержанием. Его целью было вызвать у клиентов глубокое переживание смерти собственного эго и вслед за этим опыт психодуховного возрождения. В Мехико Сальвадор вызвал к себе враждебное отношение коллег, подав как-то на вечеринке в своем доме (не уведомив об этом гостей) сэндвичи с психоделическими грибами. В Балтимор он приехал с целью поучаствовать в нашей программе тренингов с применением ЛСД для профессионалов.

Кетамин — анестезирующее средство кратковременного действия, родственное фенциклидину, транквилизатору животного происхождения, известного как сернил или ПиСиПи. Кетамин был открыт в 1961 году Кэлом Стивенсом из Государственного университета Уэйна. На протяжении многих лет за этим веществом сохранялась репутация исключительно безопасного анестезирующего средства благодаря его минимальному затормаживающему воздействию на кровообращение, дыхание и рефлекс кашля. В период войны во Вьетнаме оно пользовалось большой популярностью среди медицинского персонала как обезболивающее средство в полевых условиях. В последние годы его использование резко сократилось, в основном в связи со странным психоделическим эффектом, названным «синдром кризиса», о котором пациенты сообщали после пробуждения. Сейчас кетамин все еще используется во многих странах при проведении непродолжительных операций, главным образом для детей и пожилых людей, для которых «синдром кризиса» не должен составлять большую проблему.

Те наши сотрудники, которые слышали о кетамине до приезда Сальвадора, знали, что это препарат, используемый в хирургии как анестезирующее средство общего действия, и также слышали о «синдроме кризиса» как о неблагоприятном побочном эффекте, который обычно легко устраняется назначением транквилизаторов. В своем докладе Сальвадор Рокет представил совершенно иную информацию; он объяснил, что «синдром кризиса» — это не побочный эффект кетамина, а часть его удивительного основного действия. Кетамин — это «диссоциирующий анальгетик», и механизм его действия существенно отличается от действия всех остальных анестезирующих средств. Применение этого препарата вызывает не потерю сознания, а отделение сознания от тела.

Причина, по которой медицинский персонал мог осуществлять хирургические операции над пациентом, была не в том, что его сознание угасало, как при использовании традиционных анестетиков, а в том, что оно покидало его тело. Оно совершает фантастические путешествия через всевозможные другие реальности — внеземные цивилизации и параллельные миры, астрофизический мир и микромир, животное, растительное и минеральное царства, другие

страны и исторические периоды и архетипические сферы различных культур. Клиенты Сальвадора, которые принимали кетамин не как анальгетик, а как терапевтический препарат и средство для философских и духовных изысканий, получали глубокий мистический опыт, и многие из них были уверены, что они встречались с богом. Некоторые также утверждали, что они посещали бардо, промежуточную сферу между воплощениями, и говорили о том, что у них пропал страх смерти.

У некоторых из наших сотрудников лекция Сальвадора вызвала большой интерес и сильное желание самим испытать действие кетамина. У Сальвадора оказалось с собой достаточное количество вещества, и он предложил провести обучающий сеанс с каждым, кто пожелает. Наш личный опыт полностью подтвердил все то, что рассказывал Сальвадор. Определенно, кетамин был удивительным веществом, представляющим интерес для любого, кто всерьез занимается исследованием сознания. Хотя его действие совершенно отличается от действия ЛСД, без сомнения, он является важным дополнением к арсеналу психоделических препаратов. Удивительный опыт, переживаемый под воздействием кетамина, безусловно, с лихвой компенсирует некоторые неприятные побочные эффекты, такие как головокружение, нарушение координации и невнятная речь.

На протяжении ряда лет я продолжал свои личные эксперименты с кетамином и не переставал удивляться необычной природе опыта, переживаемого под воздействием этого вещества, и глубоким осознанием относительно связей между сознанием, человеческой психикой и материей, которые возникали в результате этого опыта. Действие кетамина всегда было совершенно непредсказуемым, даже в самом общем виде. Во всех своих прежних экспериментах с другими психоделиками я обычно имел хотя бы общее представление, в каком направлении пойдет мое самоисследование и что может произойти (исследование биографических событий, переживание собственного рождения, архетипический опыт и т. д.). Опыты с кетамином были подобны посещению Космического Диснейленда; я никогда не знал, что меня ждет. Возникающие переживания охватывали очень широкий спектр, от самых возвышенных и потрясающих до самых банальных и тривиальных.

Приведу несколько примеров, чтобы проиллюстрировать, что я имею в виду. Начну с того, что кетамин обладает необыкновенной способностью вызывать астральные проекции. Отчасти этот опыт может быть очень простым и очевидным, но в то же время в нем могут присутствовать некоторые весьма странные и абсурдные детали, как будет видно из следующих примеров. Однажды я принимал кетамин в нашем доме в Биг Сур, в то время как мы проводили один из наших месячных семинаров в Эсалене. В какой-то момент эксперимента я осознал, что нахожусь в Большом доме (одном из зданий Эсалена), который находился примерно в миле от нашего дома и в котором, собственно, мы и проводили семинар. Я увидел там нескольких членов нашей группы, занятых определенными делами. На следующий день все, что я видел, подтвердилось в мельчайших деталях. Однако в этом опыте было нечто необычное — когда я наблюдал все эти события, я ощущал себя подушкой, лежащей в углу комнаты в Большом доме: образ моего тела полностью принял форму этого предмета.

В другой раз у меня был сходный опыт, только даже еще более необычный, потому что на этот раз мы разделили его вместе с Кристиной. В середине совместной кетаминовой сессии, которую мы проводили в спальне, в нашем доме в Биг Сур, я внезапно оказался в эсаленской купальне на берегу океана и обнаружил, что стал мокрым полотенцем, висящим на ограде купальни. Отсюда я мог хорошо видеть во всех деталях все, что там происходит и кто именно там находится. В конце сеанса я описал этот странный эпизод Кристине, и, к нашему изумлению, выяснилось, что у нее был точно такой же опыт. На следующее утро мы имели возможность проверить точность нашего совместного опыта, поговорив с людьми, которые

были в тот день в бассейне.

Как видно из этих примеров, одной из необычных и характерных особенностей кетаминового опыта является возможность эмпирически отождествляться с различными материальными предметами и процессами, которые мы обычно считаем бессознательными, потому что они имеют неорганическую природу, а мы привыкли связывать сознание с более высокими формами жизни. Однако в кетаминовых сеансах переживания подобного рода далеко не редкость, и когда они возникают, они кажутся подлинными и очень убедительными. После подобного опыта становятся более понятными анимистические мировоззрения многих туземных культур, согласно которым не только все животные и растения, но также солнце и звезды, океаны, горы и реки и другие объекты неорганической природы обладают сознанием.

Среди моих переживаний такого рода были, например, случаи, когда я отождествлялся с сознанием океана, пустыни, гранита; атомного реактора подводной лодки, находящейся под арктическими льдами; металлического моста, по которому ехали тяжелые грузовики; деревянной сваи, которую забивали в землю ударами огромной кувалды; горячей свечи; пламени факела; драгоценных камней и золота. Один раз я даже отождествился с лыжным ботинком на ноге лыжника—бегуна по пересеченной местности. Я был прикреплен к лыже и ощущал все изменения напряжения, связанные с движениями бегуна.

Не менее частыми в кетаминовых сессиях являются отождествления с другими формами жизни. Так, в одной из сессий я был головастиком, переживающим превращение в лягушку, а в другой — огромной серебристой гориллой, отстаивающей свою территорию. Несколько раз благодаря такому механизму я имел уникальную возможность проникнуть в некоторые тайны жизни дельфинов и китов. А однажды очень натурально и правдоподобно переживал, как, будучи гусеницей, строю кокон и растворяюсь в аморфную жидкость, которая затем превратилась в бабочку. Особенно впечатляющим был один мой опыт такого рода, когда я стал венерой-мухоловкой, плотоядным растением, которое как раз поймало муху и переваривало ее — со всей гаммой вкусовых ощущений, которые мое человеческое воображение едва ли могло измыслить.

Со всеми этими примерами фантастических переживаний резко контрастируют несколько кетаминовых сессий, которые были совершенно тривиальными и откровенно скучными. Во время этих сессий я созерцал бесконечные образы кирпичных стен, цементных поверхностей и асфальтовых улиц в пригороде большого города или бесконечную смену безобразных флуоресцентных цветовых пятен, спрашивая себя, зачем я только принял это вещество. В какой-то период у меня было подряд несколько кетаминовых сессий, настолько ужасных и отвратительных, что я даже решил никогда больше не принимать это вещество. Они касались проблемы ископаемых видов топлива и проклятия, которое они представляют для жизни на нашей планете. Вот отчет об одной из таких сессий.

«Атмосфера была мрачной, тяжелой и зловещей. Она казалась не только токсичной и ядовитой в химическом смысле, но также опасной и враждебной в метафизическом плане. Сначала я воспринимал ее как внешнее окружение, но постепенно она овладела мной, и я сам стал ею. Через какое-то время я осознал, что я стал нефтью, заполняющей огромные пустоты в земле. Переживая свое отождествление с нефтью как физическим материалом, включая ее резкий, проникающий запах, я осознал, что я также являюсь вредной метафизической или архетипической сущностью невообразимых масштабов. Мне открылось множество удивительных осознаний из области химии, геологии, биологии, психологии, мифологии, истории, экономики и политики.

Внезапно я понял то, о чем никогда не задумывался раньше. Нефть представляет собой жиры органического происхождения, которые подверглись минерализации; это значит, что они

отклонились от обычного круговорота смерти и возрождения, по которому циркулирует вся остальная живая материя. Однако элемент смерти при этом не исчез, он просто оказался отсрочен. Разрушительный плутонический потенциал смерти продолжает существовать в нефти в скрытой форме, как чудовищная бомба замедленного действия, ожидающая благоприятной возможности, чтобы вырваться в мир.

Переживая то, что я считал сознанием нефти, я увидел, как заключенный в ней смертоносный потенциал проявляется через зло и уничтожение, порождаемые жадностью тех людей, которые стремятся получать благодаря нефти астрономические прибыли. Я наблюдал бесчисленные сцены политических интриг, экономических диверсий и дипломатических манипуляций, мотивируемых нефтяным долларом. Я видел многочисленных жертв нефтяных войн, которые были положены на алтарь этой злой сущности. Нетрудно было проследить дальнейшую цепь событий, которая в будущем приведет к мировой войне за истощающиеся ресурсы продукта, ставшего настолько важным для выживания и процветания индустриальных стран.

Мне стало ясно, что для будущего нашей планеты существенно важно переориентировать всю нашу экономику на использование солнечной энергии и других возобновляемых ресурсов. Последовательная политика эксплуатации ограниченных запасов ископаемых видов топлива и превращение их в токсичные и другие промышленные отходы, загрязняющие окружающую среду, была настолько неправильной, что я не мог понять, как экономисты и политики этого не видят. Такая недалёковидная политика была совершенно несовместима с космическим порядком и с циклической природой жизни. Эксплуатацию ископаемых ресурсов можно было понять в историческом контексте индустриальной революции, но ее продолжение, после того как была прослежена смертоносная траектория, казалось самоубийственным и преступным.

Далее мне пришлось пройти через длинную череду отвратительных и крайне неприятных переживаний, когда я погружался в различные состояния сознания, связанные с химической нефтяной промышленностью. Заимствуя название известного немецкого предприятия химической промышленности, я обозначаю эту группу переживаний как «сознание IG Farben». Это была бесконечная последовательность состояний, обладающих свойствами пагубных для жизни продуктов — анилиновых красителей, органических растворителей, гербицидов, пестицидов и токсичных газов.

Кроме переживаний, связанных с самими промышленными ядами, я отождествлялся также с состояниями сознания, связанными с воздействием этих продуктов нефтепереработки на различные формы жизни. Я был каждым евреем, умершим в нацистских газовых камерах, каждым отравленным муравьем и тараканом, каждой мухой, пойманной в вязкую массу мухоловок, и каждым растением, погибающим под воздействием гербицидов. И за всем этим маячила весьма вероятная зловещая перспектива для всей жизни на нашей планете — смерть от промышленных загрязнений.

Это был потрясающий урок. Я вынес из этого сеанса глубокое экологическое видение и ясное понимание, в каком направлении должны развиваться экономика и политика, чтобы жизнь на нашей планете была сохранена».

Целый ряд последовательных сессий с исследованием ловушек промышленного века, подобных этой, привели меня к решению больше не принимать кетамин. Однако сессия, которая должна была быть моей последней попыткой самоисследования с помощью кетамина, внезапно перенесла меня на совершенно противоположный конец спектра переживаний. Этот опыт был настолько экстагическим и необычным, что я решил не закрывать эту дверь и продолжать опыты с кетамином. Вот краткий отчет об этой сессии.

«У меня было чувство присутствия многих из моих друзей, которые разделяли мой интерес

к трансперсональной психологии, мои ценности и определенное направление, или цель, в жизни. Я не видел их, но очень явно ощущал их присутствие по каким-то экстрасенсорным каналам. Мы проходили через некий сложный процесс, устанавливая, в чем наши взгляды сходятся и в чем расходятся, и пытаюсь устранить разногласия посредством почти алхимических механизмов растворения и нейтрализации. В конце концов нам удалось достичь полной общности, так что мы буквально стали единым организмом с определенной ясной целью и без каких-либо внутренних противоречий.

Затем этот совокупный организм стал тем, что я назвал «космическим кораблем сознания». Мы начали движение, которое сочетало в себе элемент пространственного полета с неким абстрактным представлением эволюции сознания. Движение становилось все быстрее и быстрее, пока не достигло некоего абсолютного предела, нечто вроде скорости света в эйнштейновской вселенной. Мы чувствовали, что этот предел может быть превзойден, но что результат совершенно непредсказуем и потенциально опасен. В духе авантюризма, который был присущ всей нашей группе, мы решили продолжать движение и встретиться с неизвестным.

Нам удалось выйти за этот предел, и тогда опыт перешел в какое-то совершенно другое измерение, так что его даже сложно описать. Вместо движения через пространство и время произошло как будто невероятное расширение сознания. Время остановилось, и мы вошли в состояние, которое я назвал сознанием янтаря. Мне показалось очень подходящим это название, потому что янтарь на материальном уровне представляет ситуацию, когда время как бы останавливается: это минерализованное органическое вещество (смола), в котором различные формы жизни, такие как растения или насекомые, сохраняются в неизменном виде миллионы лет.

Далее последовало то, что можно назвать процессом очищения, в результате которого все намеки на органическую жизнь были устранены. Опыт стал кристально чистым и невероятно красивым. Было такое ощущение, как будто мы находимся внутри огромного алмаза; бесчисленные тонкие грани, пересекающиеся в жидкой среде невероятной чистоты, сверкали и переливались всеми цветами радуги. Казалось, что в этом кристалле заключена вся информация о жизни и природе в абсолютно чистой, абстрактной и до предела уплотненной форме, как в наисовершеннейшем компьютере. Это было очень естественным и уместным, потому что алмаз состоит из чистого углерода — элемента, на основе которого построена вся жизнь, — и образуется в условиях крайне высоких температур и давления.

Все остальные свойства алмаза, казалось, указывали на его метафизическое значение — его блеск, красота, прозрачность, прочность, неизменность и способность расщеплять белый свет на целый спектр цветов. Тогда я наконец понял, почему тибетский буддизм носит название ваджраяна — алмазная колесница. Я мог подобрать только одно подходящее название для этого экстатического состояния — «алмазное сознание». Это состояние, казалось, заключало в себе всю творческую энергию и весь разум вселенной, существующие как чистое сознание за пределами пространства и времени.

Я парил в этой энергии как безразмерная точка сознания, сохраняя некоторое чувство индивидуальной идентичности, но при этом будучи полностью растворенным и единым со всем остальным. Я осознавал присутствие друзей, которые совершили это путешествие вместе со мной; они тоже были совершенно бесформенными, просто безразмерными точками. Я чувствовал, что мы достигли состояния полной реализации, источника существования и конечного пункта назначения: мы были так близки к небесам, как я только мог себе представить».

Я описал здесь лишь несколько примеров моих опытов с самым странным и необычным из психоактивных веществ, с которыми мне когда-либо доводилось иметь дело. Упомяну еще одно

интересное свойство кетамина, которое заслуживает внимания в данном контексте. Несколько раз мы с Кристиной экспериментировали с кетаминем в других странах — в Перу, в Бразилии, в Индии и на Бали — где это вещество очень доступно. И во всех этих опытах мы попадали в архетипические миры, связанные с культурой, мифологией, коллективным сознанием, артефактами и искусством данной страны.

ПО СЛЕДАМ ИНКОВ

Раскрытие секрета трепанации

Во время наших посещений Перу нам удавалось быстро восстанавливаться после долгих перелетов и смены часовых поясов благодаря двум уютным местечкам. Первым из них был гостеприимный отель «Боливар» в Лиме, с удобными кроватями, большими ваннами и особым чарующим духом старины. Вторым — Casa Vasca, маленький ресторанчик, расположенный прямо за углом, в котором подавали превосходные баскские блюда. Мы также обнаружили, что в аптеке напротив нашего отеля, через дорогу, можно было купить без рецепта практически любые медицинские препараты, в том числе и кетаджет, — под такой торговой маркой в Южной Америке продается кетамин, «диссоциирующий анестетик» с сильным психоделическим действием.

Мы с Кристиной несколько раз принимали кетамин в других странах — в Индии, на Бали и в Бразилии — и каждый раз в своих психоделических путешествиях попадали в архетипические миры, связанные с культурой, коллективным сознанием и искусством этих стран. Итак, мы купили флакон с препаратом, предвкушая возможность поэкспериментировать с ним в Куско, древней столице империи инков. Нам казалось, что это уникальная возможность проникнуть в секреты культуры инков, мира их богов и их прославленного искусства. Однако этот опыт оказался одним из наиболее тяжелых переживаний всей моей жизни.

Прибыв в Куско, вечером мы приняли кетамин в нашем отеле. Как только вещество начало действовать, я обнаружил, что меня окружают четверо мускулистых воинов-жрецов инков, облаченных в ритуальные одежды. На них были надеты сложные головные уборы и туники, сделанные из разноцветных перьев. Уши и тела инков были увешаны тяжелыми золотыми украшениями. Я чувствовал железную хватку их рук на своих запястьях и лодыжках. Затем ко мне подошел особенно богато украшенный человек, вероятно, верховный жрец, неся в руках долото и молоток, и начал безжалостно ударять по моему черепу.

Я не сразу понял, что со мной происходит. Пока мы были в Лиме, мы посещали антропологический музей и видели там большое количество трепанированных черепов. По состоянию костной ткани, окружавшей отверстия, можно было предположить, что люди, подвергшиеся этой процедуре, остались живы. В сопроводительных надписях объяснялось, что эти трепанации свидетельствуют о том, какого высокого уровня достигла медицина у древних инков. Вероятнее всего, это были хирургические операции по удалению опухолей или по устранению каких-либо других патологических состояний. Я вспомнил, какое странное и необъяснимое неприятное чувство у меня возникло, когда я смотрел на эти продырявленные черепа.

И вот теперь я самым реалистичным и убедительным образом переживал состояние человека, которого подвергали этой процедуре. Хотя я чувствовал воздействие какого-то химического вещества, отличное от действия кетамина, что могло быть некоторого рода премедикацией, используемой в ритуале, боль была настолько сильной, что раньше я не мог бы даже представить себе, что такое бывает. Но, несмотря на агонию, которую я переживал, меня переполняли озарения по поводу истинного назначения процедуры, в которой я участвовал.

Это была не хирургическая операция, а ритуал перехода, подобный различным туземным ритуалам других культур, включающим переживание мучительной боли, таким как «солнечный танец» индейцев лакота-сиу или рассечения у австралийских аборигенов. Отчасти, вероятно, это было испытанием силы духа человека и его власти над миром материи. Иницируемый должен был продемонстрировать свою способность переносить крайние физические страдания и

оставаться невозмутимым. Но главная цель трепанации заключалась в том, чтобы устранить преграду между мозгом человека и богом Солнца, высшим божеством инков, так чтобы его энергия могла свободно проникать во внутреннее существо иницируемого.

Мне вспомнился один молодой человек, с которым я познакомился как-то раз в антикварном магазине в Амстердаме. Он рассказал мне об одном датчанине по имени Барт Хьюз, который в 1962 году положил начало движению, основанному на представлении о том, что с помощью самотрепанации можно достичь высших состояний сознания благодаря усилению мозгового кровообращения, и сам произвел на себе подобную операцию при помощи электродрели. Молодой человек, который мне это рассказал, последовал его примеру и утверждал, что достиг весьма впечатляющих результатов. Несколько лет тому назад, во время нашего пребывания в Англии, нам с Кристиной довелось провести некоторое время с лордом Джеймсом Нейдпатом и его женой, леди Амандой Нейдпат, которые сделали себе трепанацию по той же самой причине. У нас с ними состоялась длительная беседа, в ходе которой они превозносили позитивные эффекты, которые эта процедура оказала на их сознание.

Как только я понял сущность процедуры, которой подвергался, я постарался призвать все свое мужество, демонстрация которого ожидается от иницируемого. Но это было очень сложно, потому что мучения были невыносимыми. Тогда я призвал на помощь интеллект; я осознавал, что действие кетамина длится приблизительно от пятидесяти минут до часа, так что моя агония должна быть ограничена во времени. Я периодически посматривал на часы, но маленькая стрелка едва двигалась. Наконец, когда, как мне казалось, прошла целая вечность, час истек. Однако, к моему великому ужасу, мои страдания на этом не прекратились. Фармакологическое действие вещества закончилось, но мучительная боль продолжалась.

У Кристины был обычный опыт, характерный для кетаминовой сессии, и, после того как мы обменялись впечатлениями, она уснула. Я лежал на своей кровати в агонии, без сна, переживая головную боль, какую только кто-либо переживал за всю историю человечества. На следующий день у нас была запланирована поездка в Мачу-Пикчу, знаменитый древний крепостной город инков. Когда наступило время первого завтрака, мы оделись и спустились вниз в столовую. Меня тошнило, и каждый шаг по лестнице я ощущал как очередной удар долота, который держал верховный жрец. Я смотрел, как Кристина ест свой завтрак, а сам не мог съесть ни крошки.

Моя агония продолжалась и тогда, когда мы уже ехали на поезде в Мачу-Пикчу. Рабочие, которые укладывали рельсы, видимо, не очень добросовестно выполнили свою работу, так что каждый раз, когда колеса попадали на стыки рельс, я ощущал как очередной удар долота. Мне казалось, что мой ритуал перехода все еще продолжается и что он никогда не закончится. Но затем внезапно, примерно на половине пути, боль прекратилась, и меня охватило состояние экстаза. Мы доехали до конечной станции, и маленький фургончик повез нас к руинам по горбатой подъездной дороге, похожей на «американские горки».

Был восхитительный солнечный день, и вид древнего города высоко в Андах произвел на нас незабываемое впечатление. У меня было сильное чувство принадлежности к этому месту, как будто я действительно когда-то жил здесь. После ланча мы ходили по руинам и решили взобраться на Уайна-Пикчу, что на языке кечуа означает «молодая гора», — высокую, крутую вершину, возвышающуюся над этим историческим местом. Восхождение было трудным и долгим, но мы были вознаграждены фантастическим видом развалин Мачу-Пикчу, «старой горы». До сих пор посещение этого магического места, которое произошло после моего опыта ритуала трепанации, остается одним из наиболее ярких воспоминаний моей жизни.

НЛО В ДОЛИНЕ РЕКИ АМАЗОНКИ

Встреча с инопланетянами третьего типа

Вскоре после прибытия в Рио-де-Жанейро, по пути на четвертую Международную трансперсональную конференцию, которая должна была состояться в Белу-Оризонти, мы обнаружили, что в Бразилии, как и во многих других странах третьего мира, кетамин не подлежит контролю и его можно свободно купить без рецепта. Поскольку по своему прежнему опыту мы знали, что кетамин является превосходным средством, позволяющим быстро справиться с последствиями смены часовых поясов, мы решили начать наш первый визит в Бразилию с кетаминовой сессии, которую устроили в нашем отеле в Рио. Для меня большая часть этого опыта представляла собой весьма впечатляющую встречу с тем, что я воспринял как внеземной разум. Вскоре после принятия кетамина у меня возникло очень странное ощущение, как будто вещество изменило мой мозг таким образом, что он стал способен общаться с существами внеземных цивилизаций. Это ощущение развивалось, и его кульминацией стало переживание, напоминающее процесс телепортации, которым пользовались члены команды космического корабля в американском фантастическом телесериале «Звездное путешествие». У меня было такое ощущение, как будто я полностью распался на отдельные молекулы и затем вновь материализовался на инопланетном космическом корабле. Обстановка корабля напоминала футуристическую лабораторию, оснащенную сложным оборудованием и приборами, устройство и назначение которых было для меня полной загадкой. На моей голове был надет большой шлем, который цветными проводками был соединен с прибором, напоминающим огромный компьютер. У меня было чувство, что огромное количество информации из моего мозга и моего тела передается в прибор и что меня изучают и исследуют. Затем процесс как будто принял обратное направление, и теперь прибор начал передавать информацию в мою голову. За этим последовала серия фантастических переживаний, природу которых совершенно невозможно описать нашим языком. Насколько я сам мог понять, это было нечто вроде урока в плане многомерного видения и мышления. Мне как бы показывали, что во вселенной гораздо больше измерений, чем мы думаем, и что без этого знания любые попытки постичь существование будут тщетными.

Затем последовала серия образов, изображающих жизнь на нашей планете и разрушительное воздействие, которое на нее оказывают индустриализация и научные открытия. Быстро сменяющиеся образы показывали мне, какой была наша планета раньше и какой она становится сейчас в результате человеческой жадности и жестокости в сочетании с быстрым технологическим прогрессом. Я ясно видел разрушительную и саморазрушающую траекторию такого хода развития, которая заканчивалась уничтожением всего человечества как вида и большей части жизни на земле. Наблюдая это апокалиптическое шоу, я пытался понять, что это — предостережение, показывающее, что может произойти, если мы не изменимся, или наше будущее. Мое «похищение инопланетянами» отличалось от традиционных описаний тем, что я взаимодействовал только с техническим миром; не было никаких инопланетян — гуманоидов, инсектоидов или каких-либо еще.

Когда этот опыт завершился, я опять пережил ощущение полного распада на молекулярном уровне, и затем вновь материализовался на другом космическом корабле, на этот раз гораздо меньшем по размерам и напоминающем летающую тарелку. Я сидел около иллюминатора и видел, что мы летим над океаном. Я различил внизу Рио-де-Жанейро и определил, что мы летим на север, вдоль побережья Бразилии. Хотя мы летели очень быстро, я замечал некоторые ориентиры на побережье. Космический корабль еще больше увеличил скорость и очень быстро,

как мне показалось, достиг дельты реки; затем он повернул вглубь континента и полетел вдоль русла реки.

Под нами простирались огромные пространства джунглей, и я осознал, что река, над которой мы летим, наверное, Амазонка. Затем космический корабль достиг, по-видимому, пункта своего назначения и остановился, зависнув в воздухе на высоте нескольких ярдов над землей. Глядя в иллюминатор, я разглядел в джунглях маленькую деревушку — несколько хижин, крыши которых были покрыты пальмовыми листьями. В середине между хижинами было небольшое открытое пространство, на котором стояли гигантские идолы, напоминающие скульптуры индейцев Северо-Западной Америки. Вся поверхность скульптур была покрыта мозаикой, образующей замысловатые узоры. Я до сих пор помню цвета этих мозаик — различные комбинации светло-голубого, желтого и белого.

На этом мой опыт закончился. У меня опять возникло ощущение, как будто мое тело распалось и затем вновь материализовалось, на этот раз в нашем отеле в Рио, где мы проводили сессию с кетаминном. Этот опыт сам по себе был весьма интересен, в частности, потому что это был единственный случай встречи с внеземным разумом в психоделических сеансах. Однако он был особенно интересен тем, что с ним были связаны некоторые совпадения. На следующее утро после сессии мы с Кристиной взяли машину напрокат и решили исследовать окрестности Рио-де-Жанейро. Не намереваясь специально проверять достоверность моих переживаний в предыдущей сессии, мы просто решили поехать на север вдоль океана. По дороге я с удивлением обнаружил некоторые примечательные объекты, — у меня возникло явное ощущение, что я их уже где-то видел, — это были те самые ориентиры, на которые я обратил внимание прошлой ночью во время своего полета на НЛО.

Проведя еще несколько дней в Рио, мы полетели в Белу-Оризонти, где проходила Международная трансперсональная конференция, организованная франко-бразильским психологом Пьером Вайлем. На конференции мы встретили одного нашего старого друга, Лео Матуса. Будучи родом из Белу-Оризонти, теперь он жил в Скандинавии, где организовал и провел для нас несколько семинаров. К нашему великому удивлению, в ходе нашей беседы он рассказал нам об одной уединенной колонии, образованной бразильской армией, которая находилась примерно в двадцати милях от Бразилии. По словам Лео, жители этой колонии тесно общались с одним племенем, живущим в амазонских лесах, которое регулярно посещали инопланетяне на летающей тарелке, и он даже предложил поехать туда на автобусе, гарантируя, что мы непременно увидим НЛО.

Если бы это была другая страна, возможно, мы не обратили бы на подобную информацию никакого внимания. Однако Бразилия, что касается паранормальных явлений, занимает особое положение. Я достаточно много слышал о бразильских хирургах-экстрасенсах, целителях-чудотворцах, медиумах, материализациях и дематериализациях от таких людей, которым вполне доверяю (таких как Стенли Криппнер и Вальтер Панке), поэтому у меня не возникло сомнений по поводу этого рассказа. К сожалению, наше расписание было очень плотным, и мы никак не могла задержаться здесь дольше положенного, чтобы продолжить наше исследование. Но в любом случае я считаю связь между моим кетаминовым опытом, ощущением «дежавю» и рассказом Лео весьма необычной и впечатляющей.

НЕОРТОДОКСАЛЬНАЯ ПСИХИАТРИЯ

Удивительные альтернативы традиционному лечению

Результаты исследований холотропных состояний сознания дали множество необычных прозрений относительно возможностей человеческой психики и природы и архитектуры эмоциональных и психосоматических расстройств. Они также раскрыли удивительные новые перспективы для лечения этих состояний, обнаружив до сих пор неизвестные психиатрам терапевтические механизмы.

Модель психики, которая в настоящее время используется в клинической и теоретической психиатрии, ограничивается постнатальной биографией и фрейдистским индивидуальным бессознательным. Фрейд рассматривал новорожденного ребенка в качестве *tabula rasa*, чистого листа, и считал, что наша личность формируется динамикой нуклеарной семьи и эмоционально-значимых событий в первые годы жизни. Исходя из этой перспективы, события, предшествующие рождению, включая и сам процесс рождения, являются психологически несущественными. Расстройства, органические причины которых не объясняются строением, физиологией и биохимией мозга, рассматриваются как результаты психотравматических переживаний в младенчестве, детстве и последующей жизни. Общепринято, что психогенные расстройства начинаются на разных стадиях постнатальной истории и их природа и глубина отражают время, в которое произошла исходная психотравма.

Традиционное терапевтическое вмешательство относится к двум очень обширным категориям — «скрывающая» и «раскрывающая» стратегии лечения. Скрывающая терапия, ныне являющаяся доминирующей формой амбулаторной практики и стационарного лечения, использует богатый набор психофармакологических агентов для подавления симптомов. Это может принести пациентам субъективное облегчение, никак не затрагивая глубинных причин, которыми вызвано расстройство. Раскрывающая терапия использует различные психотерапевтические техники, чтобы добраться до первопричин проблемы. Ее цель не только смягчить симптомы, но также обратиться к факторам, лежащим в основе расстройства, и способствовать созданию позитивных изменений в структуре личности. К сожалению, применяющаяся сегодня модель психики предлагает весьма ограниченный спектр терапевтических механизмов — например, вспоминание забытых и подавленных травматических событий или их реконструкция на основе свободных ассоциаций и снов, интеллектуальных и эмоциональных инсайтов, анализа переноса и корректирующих переживаний в межличностных отношениях.

Как мы уже успели убедиться, изучение холотропных состояний сознания невероятно расширяет картографию психики, добавляя к ней две новые области — перинатальную и трансперсональную. Также эти исследования показали, что психопатологические симптомы и синдромы психогенного происхождения нельзя адекватно объяснить травматическими событиями постнатальной биографии. В ходе наблюдений в области глубинной переживательной психотерапии было установлено, что эти состояния имеют многоуровневую динамическую структуру, в которую обычно входят существенные элементы из перинатального и трансперсонального областей психики.

Это открытие объясняет, почему вербальные, ориентированные на факты биографии подходы в целом приносят весьма неутешительные результаты в качестве средства для исправления серьезных клинических проблем. Из-за их концептуальных и технических ограничений эти методы не способны достичь глубинных корней тех состояний, которые они

пытаются исцелить. И само по себе открытие глубины тех проблем, с которыми должны справиться психиатрия и психотерапия, будет весьма обескураживающим открытием. К счастью, работа с холотропными состояниями сознания способна на большее, чем простое раскрытие эмоциональных и психосоматических расстройств, имеющих существенные перинатальные и трансперсональные компоненты, — она также дает доступ к очень эффективным терапевтическим механизмам, оперирующим на тех глубинных уровнях психики, которые часто приносят потрясающее исцеление и позитивную личную трансформацию.

В этом разделе я приведу несколько примеров ситуаций, где замечательный терапевтический эффект был достигнут с помощью механизмов, действующих на перинатальном и трансперсональном уровнях психики. Мы уже видели, что время от времени исцеление может потребовать переживания рождения и сильных воспоминаний из прошлых жизней, встреч с архетипическими существами из культуры, абсолютно неведомой клиенту, или возникновения и полного проявления какой-либо архетипической фигуры, в том числе и демонической. Оно также может включать такой почти невероятный терапевтический механизм, как эмпирическая идентификация с деревом или распевание сефардской молитвы. Наиболее интересные и важные (как теоретически, так и практически) наблюдения за работой холотропных состояний сознания состоят в том, что перинатальные и трансперсональные переживания имеют большой целительный потенциал, даже если они случаются в контексте эпизодов, которые современная психиатрия рассматривает как проявления серьезных психических заболеваний — психозов.

На основе нашего опыта работы с подобными состояниями мы с Кристиной предположили, что многие спонтанные эпизоды холотропных состояний сознания, которые в настоящее время рассматриваются как психозы и лечатся подавляющими лекарствами, на самом деле являются психодуховными кризисами. Существуют обширные доказательства тому, что — правильно понятые и должным образом подтвержденные — эти эпизоды могут закончиться исцелением, позитивной личной трансформацией и духовным раскрытием (Гроф и Гроф 1989, 1991). Юнгианский психолог Джон Уэйр Перри описал множество успешно излеченных случаев подобного рода в серии своих книг (Перри, 1974, 1976).

В эту часть книги включены истории двух женщин, чьи симптомы должны были рассматриваться психиатрами традиционной школы как симптомы психического заболевания. И все же вешать на них подобные диагностические ярлыки было бы неверно: они обе, каждая в своем роде, сильно выиграли от этого. Другой случай, приведенный в этой части книги, описывает традиционный подход, который оказался весьма необычным. Он показывает, что использование психоделической терапии для ускорения психодинамических процессов, лежащих в основе психотических симптомов, может привести к терапевтическим результатам, которые далеко превзойдут использование транквилизаторов. Эта часть заканчивается на светлой ноте смешной историей, демонстрирующей, что иногда неожиданное стечение обстоятельств может привести к неожиданным терапевтическим результатам.

БОЛЬ, ПЕРЕЖИВШАЯ ТРИ СТОЛЕТИЯ

История Норберта

Героем этой истории является Норберт, пятидесятилетний психолог и священник, принимавший участие в одном из наших пятидневных семинаров в институте Эсален. Его случай можно использовать как типичный пример того, что я называю системой конденсированных переживаний (condensedexperiences, COEX), многослойная совокупность травматических воспоминаний с разных уровней бессознательного — биографического, перинатального и трансперсонального — которые лежат в основе эмоциональных и психосоматических симптомов. История Норберта также иллюстрирует терапевтические возможности, связанные с переживанием и интеграцией травмы рождения и воспоминаний из прошлой жизни.

Во время представления членов группы перед началом первой сессии холотропного дыхания Норберт рассказал о сильной хронической боли в левом плече и грудной мышце, которая приносила ему сильные страдания и делала его жизнь несчастной. Медицинские обследования, следовавшие одно за другим, в том числе и рентгенограммы, не обнаружили никакой органической причины этой боли, и все терапевтические попытки что-то исправить успеха не имели. Серия инъекций прокаина принесла только временное облегчение — на период действия лекарства.

В начале сессии холотропного дыхания Норберт предпринял весьма энергичную попытку покинуть комнату, поскольку ему не понравилась музыка, которая, как он чувствовал, «убивает» его. Стоило большого труда убедить его остаться и исследовать причины этого дискомфорта. Наконец, он согласился и почти три часа испытывал сильные боли в груди и плече, которые усилились до такой степени, что стали практически невыносимыми. Он яростно боролся, будто его жизнь оказалась под угрозой, задыхался, кашлял и громко кричал. Потом он успокоился и полностью расслабился. К своему большому удивлению, он понял, что эти переживания избавили его от напряжения в плече и мускулах и что он больше не чувствует ставшей уже привычной боли.

Возвращаясь к событиям сессии, Норберт сообщил, что в его переживаниях было три разных уровня, и все они были связаны с болью в плече и удушьем. На самом поверхностном уровне он пережил страшную ситуацию из собственного детства, во время которой он едва не расстался с жизнью. В возрасте семи лет он с друзьями копал тоннель на песчаном берегу океана и, когда тоннель был закончен, Норберт забрался внутрь, чтобы осмотреть его. Поскольку все остальные дети прыгали вокруг, тоннель обвалился и похоронил его заживо, и Норберт едва не погиб от удушья, прежде чем его спасли взрослые.

Когда переживания стали более глубокими, Норберт пережил сильный и пугающий эпизод, который перенес его к моменту его биологического рождения. Роды были очень тяжелыми, поскольку его плечо довольно долгое время цеплялось за лобковую кость матери. Этот эпизод совпадал с первым в том, что касалось удушья и сильной боли в плече.

В последней части сессии переживания сильно изменились. Норберт увидел военную форму и лошадей и понял, что на этот раз оказался в сердце жестокой битвы. Он даже смог определить, что это — одна из битв в Англии времен Оливера Кромвеля. В какой-то момент он ощутил острую боль и обнаружил, что его плечо пронзило копье. Он упал с лошади и почувствовал, что его топчут копыта скачущих лошадей и его грудная клетка раздавлена. Он чувствовал страшную боль и захлебнулся кровью из разорванных легких.

После периода ужасных страданий сознание Норберта отделилось от его умирающего тела, вспарило ввысь над полем битвы и взглянуло на него с высоты птичьего полета. После смерти

тяжело раненного офицера, в котором Норберт узнал самого себя в прошлом воплощении, его сознание вернулось в настоящее и воссоединилось с телом, которое теперь, после стольких лет мучительной агонии, наконец не чувствовало боли. Избавление от боли, вызванное этими переживаниями, было окончательным и бесповоротным. Мы с Кристиной подружились с Норбертом и его женой и продолжали видеться с ними после окончания семинара. С той примечательной сессии прошло уже больше двадцати лет, а симптомы так и не вернулись.

МАЛЕКУЛАНСКАЯ СВИНОЛИКАЯ БОГИНЯ

История Отто

Переживания пациентов психиатра, на которые наклеен ярлык психотических, часто подразумевают видения божеств и демонов и посещение таких мифологических сфер, как небеса, рай и ад. Объяснение, которое традиционные психиатры дают подобным переживаниям, состоит в том, что они являются продуктом деятельности мозга их пациентов, пораженного процессом неизвестного происхождения, который будет идентифицирован и полностью понят когда-нибудь в будущем. Хотя эта перспектива часто преподносится в академических кругах как очевидный и абсолютно бесспорный научный факт, на самом деле это в высшей степени неправдоподобная гипотеза. Более чем что-либо другое, эти взгляды отражают базовую метафизическую посылку монистического материализма о первичности материи по отношению к сознанию, которая доминирует в научном мышлении промышленной цивилизации. На самом деле почти невероятно, что патологические процессы могут породить такое богатое разнообразие эстетически совершенных образов и завораживающих философских идей, которые характеризуют переживания этих пациентов.

В книге «Космическая игра» я показал, что прозрения и откровения, переданные через эти переживания, часто поразительно напоминают те, которые описываются великими духовными традициями Востока и Запада, которые Олдос Хаксли называл «вечной философией» (Гроф, 1998). Существуют убедительные научные доказательства, идущие вразрез с официальной линией, согласно которой эти переживания — не что иное, как патологические свойства больного мозга. Карл Густав Юнг и его последователи продемонстрировали, что подобные переживания, как правило, точно отражают элементы из мифологий различных культур мира, в том числе и в тех случаях, когда люди не имели ни малейшего понятия об этой мифологии.

Глубокие личные переживания в этих сферах помогают нам осознать, что образы космоса, характерные для доиндустриального общества, основаны не на суевериях и примитивном «магическом образе мышления», а на прямом переживании альтернативных реальностей. Особенно убедительным доказательством аутентичности этих переживаний является тот факт, что, как и другие трансперсональные феномены, подобные переживания могут дать нам новую и очень точную информацию о различных архетипических существах и сферах. Природа, масштаб и качество подобной информации часто намного превосходят интеллектуальные знания этого человека по ретроспективной мифологии.

Одним из наиболее интересных примеров подобного рода, попавшихся мне во время клинической практики, являлся Отто, один из моих пражских клиентов, страдавший депрессией и патологическим страхом смерти (танатофобия). На одной из психоделических сессий Отто пережил яркую психодуховную смерть и последующее возрождение. В момент кульминации переживания он увидел зловещие ворота в подземный мир, охраняемые ужасной богиней в образе свиньи. В этот момент Отто почувствовал настоятельную потребность нарисовать особый геометрический узор.

Хотя я обычно советую клиентам проводить сессии лежа и с закрытыми глазами, чтобы переживания лучше усвоились, Отто сел, открыл глаза и попросил меня дать несколько листов бумаги и принадлежности для рисования. Очень настойчиво и очень быстро он рисовал целые серии сложных абстрактных рисунков. Но, как только очередной рисунок был закончен, Отто рвал и комкал эти сложные орнаменты, явно неудовлетворенный результатом, переходя во все большее отчаяние. Явно разочарованный своими рисунками, он все сильнее расстраивался, что не в состоянии «сделать все правильно». Когда я спросил, что именно он пытается сделать, он

не смог ничего объяснить. Отто сказал, что чувствует, как некая непреодолимая сила заставляет его рисовать эти геометрические орнаменты, и убежден, что изображение правильного орнамента является необходимым условием для успешного завершения сессии.

Эта тема явно имела сильный эмоциональный заряд, и Отто очень старался понять, что же это значит. В то время я все еще испытывал сильное влияние моей фрейдистской подготовки и сделал все возможное для идентификации этих странных мотивов поведения, используя метод свободных ассоциаций. Мы потратили на это огромное количество времени, но без особого успеха: все происходящее, похоже, не имело ни малейшего отношения к детству Отто или его нынешней жизни. В конце концов процесс сместился в иные области, и я перестал обдумывать эту ситуацию. То событие оставалось для меня тайной и через много лет, когда я переехал в США.

Вскоре после моего прибытия в Балтимор меня пригласили прочитать лекцию на конференции Общества искусства, религии и науки в нью-йоркском Сити, озаглавленную «Гротеск в изобразительном искусстве». Я исследовал проблему рисунков в стиле гротеск на основе собственных наблюдений на сессиях с применением психоделиков и включил в материалы лекции слайд-шоу с рисунками моих клиентов. Среди присутствующих был Джозеф Кемпбелл, которого многие считали величайшим знатоком мифологии XX века, а возможно и всех времен и народов. Он был очарован описаниями впечатлений клиентов, переживших свое рождение, и теми рисунками, которые они нарисовали. По просьбе Джозефа я отправил ему рукопись, суммирующую результаты моих исследований в Праге. Это был увесистый том, озаглавленный «Агония и экстаз в психиатрическом лечении», который так никогда и не опубликовали, и который позднее стал источником для пяти книг, обсуждавших разные аспекты моей работы.

После нескольких встреч мы стали друзьями, и Джозеф сыграл очень важную роль в моей личной и профессиональной жизни. Кристина подружилась с ним независимо от меня, в те времена, когда была его студенткой в колледже Сары Лоренс в Бронксвилле, Нью-Йорк. Джозеф обладал выдающимся интеллектом, а его знания мифологии были поистине энциклопедическими. Ему понравился материал, полученный на психоделических сессиях, особенно моя концепция базовых перинатальных матриц (БПМ), которые помогли ему понять повсеместность и универсальную природу мотивов смерти и возрождения в мифологии различных культур. После моего переезда в Калифорнию я регулярно встречался с Джозефом, поскольку он был частым гостем Эсалена, принимая участие в тех месячных семинарах, которые организовывали мы с Кристиной, и проводя свои собственные семинары.

К середине недели Джозефа обычно утомляло эсаленское меню, которое он называл «кроличьей пищей», и он начинал мечтать о хорошем бифштексе и любимом виски «Гленlivet». Мы с Кристиной регулярно приглашали его к нам на домашний обед, подававшийся в соответствии с его кулинарными предпочтениями. За эти годы у нас было множество интересных бесед, во время которых я делился с ним своими наблюдениями о различных непонятных архетипических переживаниях участников наших семинаров по холотропному дыханию. В большинстве случаев у Джозефа не было сложностей с идентификацией различных эзотерических мифологических тем и символов, которые я не мог ни понять, ни объяснить.

Во время одного из таких обсуждений я вспомнил о том эпизоде на сессии Отто и рассказал о ней Джозефу. «Как интересно, — немедленно ответил Джо, — это явно Небесная ночная богиня Смерти, Пожирающая мертвых Мать-богиня малекулан из Новой Гвинеи». Затем он рассказал мне, что эта богиня выглядит как внушающая ужас женская фигура с явными чертами свиньи. Согласно верованиям малекулан, эта богиня сидит у входа в подземный мир и охраняет

сложный, запутанный узор. Аборигены верят, что встретятся с этой богиней во время «Путешествия Смерти».

У малекулан существует тщательно разработанная система ритуалов, касающихся разведения и жертвоприношения свиней.

Эта сложная ритуальная деятельность нацелена на преодоление зависимости от их человеческих матерей и, в конечном счете, от Пожирающей мертвых Матери-богини. Изрядную часть своей жизни малекулане проводят, практикуясь в рисовании лабиринтов, поскольку это мастерство является жизненно важным для благополучного путешествия в мир мертвых. Богиня не даст разрешения на путешествия за грань человеку, не способному точно воспроизвести требуемый лабиринт. Таким образом, Джозеф, с его потрясающими лексическими познаниями в области мифологии, смог разрешить ту самую загадку, с которой я столкнулся во время работы в Праге.

Единственный вопрос, на который Джозеф не смог ответить, — почему этот конкретный мифологический мотив оказался столь тесно связанным с довольно скучными эмоциональными симптомами Отто и почему Отто воспринимал малекуланское божество как часть своей терапии. Однако в более общем смысле задача преодоления проблем, связанных с посмертным путешествием души, имела большой смысл для человека, главным симптомом у которого была танатофобия, то есть патологическая боязнь смерти.

ИНТЕРВЬЮ С ДЬЯВОЛОМ

История Флоры

Я уже упоминал о том, что переживания в холотропных со стояниях сознания могут облегчить доступ к обычно скрытым мистическим, загадочным измерениям реальности в форме архетипических божественных существ, небесных сфер и райских видений. Однако они достаточно часто приоткрывают и темную сторону мироздания, проявляющуюся в виде темных энергий или созданий зла, обладающих невероятной силой, или как вызывающие ужас видения хтонических и адских сфер.

Опыт встреч с гневными божествами и демоническими силами очень распространен у тех людей, которые принимали психоделики, участвовали в сессиях холотропного дыхания или переживают духовное пробуждение. Внимательное изучение показывает, что злые сущности, проявляющиеся в этих состояниях, связаны с очень тяжелыми и болезненными травматическими переживаниями в нынешней или прошлой жизни этого человека, таких как кислородное голодание во время родов, пренатальные страдания, происшествия, угрожающие жизни, физическое или сексуальное насилие. На уровне коллективного бессознательного архетипические сущности и мотивы, олицетворяющие зло, кажутся движущей силой, стоящей за войнами, кровавыми восстаниями, геноцидом и другими трагедиями и зверствами (Юнг, 1980).

Количество боли, которую человеческие существа за всю историю причинили друг другу и пережили, и в самом деле огромно. Однако темная сторона бытия не связана только лишь с человеческим обществом; она затейливо вплетена в ткань жизни в целом. Антони ван Левенгук, датский микробиолог и изобретатель микроскопа, суммировал все это в одной фразе: «Жизнь поглощает жизнь, это жестоко, но это божья воля»; живые организмы могут выжить только ценой жизни других живых организмов. Английский поэт лорд Альфред Теннисон говорил, что у природы «окровавлены зубы и когти». Способность охватывать всю полноту существования с полным осознанием природы и глубины его темной стороны является одной из наиболее трудных проблем духовного путешествия.

Во многих случаях опыт встречи со злом сопровождается различными проявлениями, которые могут быть восприняты внешними наблюдателями. Это странные гримасы, злобное выражение глаз, судороги и спазмы разных частей тела, изменение голоса, фонтанирующая рвота и множество других. В терапевтическом контексте подобные проявления могут иметь заметное целительное и трансформирующее воздействие. В своей профессиональной деятельности я много раз сталкивался с различными формами и степенями демонических явлений, но ни одно из них не было таким драматичным и сильным, как переживания Флоры, пациентки, с которой я проводил терапию с использованием психоделиков в конце 1960-х годов в Мэрилендском центре психиатрических исследований в Балтиморе.

Для лучшего понимания того, что случилось, я должен сказать несколько слов о том, где происходили все эти события. Наш исследовательский центр был новехоньким четырехэтажным зданием, с соответствующими последним достижениям науки лабораториями и рабочими комнатами, располагавшимися на территории государственной больницы Спринг-Гроув. Однако в нем не было больничных коек, и наши пациенты были размещены в палатах больницы. Взаимоотношения между персоналами двух учреждений были весьма прохладными и, до некоторой степени, даже тяжелыми, поскольку персонал больницы смотрел на нас, как обычно смотрят на более удачливого кузена. Поэтому, когда доктора Чарлза Сэведжа, директора клинического отделения, и меня в один прекрасный день пригласили на собрание персонала больницы, это стало для нас сюрпризом.

Когда собрание открылось, мы начали понимать, почему нас позвали. Один из психиатров Спринг-Гроув рассказал о Флоре, двадцативосьмилетней женщине, находившейся в больнице уже больше 10 месяцев в запертой палате. Были испробованы все доступные средства терапии, включая транквилизаторы, антидепрессанты, психотерапию и трудотерапию, но не принесли желаемого результата. Флора оказалась под угрозой перевода в хронические больные, что означало, что всю оставшуюся жизнь она проведет среди хронических психотиков и гериатрических пациентов.

У Флоры была одна из самых запутанных и сложных комбинаций симптомов и проблем, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться в психиатрической практике. В возрасте шестнадцати лет она была членом банды, которой было предъявлено обвинение в вооруженном грабеже и убийстве охранника. Как водитель машины, на которой банда пыталась бежать, Флора провела четыре года в тюрьме, а потом была отпущена на поруки на остаток срока. За несколько бурных лет, последовавших за заключением, она стала алкоголичкой и наркоманкой, зависимой от нескольких видов наркотиков, в том числе от героина, и принимала очень высокие дозы психостимуляторов и барбитуратов. Ее тяжелые депрессии были связаны с сильными суицидальными наклонностями; она часто чувствовала желание направить свою машину вниз с утеса или на столкновение с другим автомобилем.

Флора также страдала истерической рвотой, которая обычно случалась тогда, когда она была сильно взволнована. Однако самым мучительным из ее симптомов был болезненный лицевой спазм, невралгия тройничного нерва, по поводу которого нейрохирурги из Университета Джона Хопкинса предложили ей операцию на головном мозге, состоявшую во внутричерепном перерезании тригеминального нерва. Флора была лесбиянкой и никогда не имела гетеросексуальных связей, что породило тяжелый психологический конфликт и чувство вины, обострившие наклонности к суициду, «чтобы покончить со всем этим». В дополнение ко всему этому Флора находилась под следствием, поскольку, находясь под воздействием героина, она стала чистить пистолет и тяжело ранила свою подругу и соседку по комнате.

В конце этого собрания в Спринг-Гроув психиатр Флоры спросил доктора Сэведжа и меня, не можем ли мы включить Флору в нашу программу по ЛСД-психотерапии. Нам было очень трудно принять решение не только из-за серьезности и сложности психиатрических проблем Флоры, но и из-за волны общенациональной истерии против ЛСД, набравшей в это время силу в Соединенных Штатах. К тому же, по требованиям Национального института психического здоровья, мы вынуждены были ограничить количество ЛСД-сессий, назначаемых пациентам, всего тремя, и это было особенно большим разочарованием, особенно в настолько тяжелых случаях.

У Флоры уже были проблемы с законом, доступ к оружию, дикие фантазии и импульсы и тяжелая склонность к суициду, и мы были совершенно уверены, что если мы дадим ей ЛСД, то при том отношении, которое существовало на тот момент к наркотикам, что бы ни произошло после этого, во всем будут обвинять наркотик, не обращая внимания на ее бурное прошлое. С другой стороны, все прочие попытки что-то изменить успеха не имели, и Флора могла оказаться запертой в психиатрической клинике до конца своих дней. После некоторых сомнений мы решили попробовать и принять ее в нашу программу, чувствуя, что ее отчаянная ситуация стоит риска.

Первые две сессии Флоры с высокой дозой ЛСД ничем не отличались от тех, которые мне доводилось проводить в прошлом. Она столкнулась с целым рядом ситуаций из своего бурного детства, в том числе с алкоголизмом, насилием и incestом в собственной семье. Роды были очень трудными, и она снова и снова переживала прохождение родовых каналов. Она смогла связать свои сильные суицидальные наклонности и болезненные лицевые спазмы с

конкретными аспектами родовой травмы и с избавлением от большого количества сильных эмоций и физического напряжения, однако, несмотря на все это, терапевтический эффект всех этих попыток оказался минимальным.

Во время третьей сессии в первые два часа тоже не было ничего неожиданного, поскольку переживания напоминали те, что имели место на первых двух, но затем все внезапно изменилось. Флора стала плакать и жаловаться на то, что боль от спазма стала просто невыносимой. Прямо на моих глазах спазм усилился и на ее лице застыло выражение, которое может быть описано только как маска зла.

Она начала говорить глубоким мужским голосом, и вообще все в ней изменилось настолько, что мне трудно было найти что-то общее между ее новым и прежним обликами. В глазах появилось выражение неопишуемой жестокости, напоминавшее последнюю сцену из фильма «Ребенок Розмари» — крупный план ребенка, одержимого дьяволом. Ее кисти, сведенные судорогой и больше похожие на когти, дополнили эту картину. Затем энергия, которая подчинила ее тело и голос, приняла персонифицированную форму и представилась как Дьявол.

«Он» повернулся прямо ко мне, приказав держаться подальше от Флоры и оставить попытки ей помочь. Он утверждал, что эта женщина принадлежит ему, и пригрозил, что накажет любого, кто посмеет вторгнуться на его территорию. То, что за этим последовало, было шквалом откровенного шантажа, сериями угроз, описывающих то, что произойдет со мной, моими коллегами и нашей программой, если я не подчинюсь. Трудно описать ту зловещую атмосферу, которую породила эта сцена — в комнате буквально ощущалось присутствие зла.

Угрозы становились все страшнее и страшнее, поскольку они содержали вполне конкретную информацию, которую не могли узнать пациенты больницы. Часть этой информации касалась лично меня, но в основном относилась к моим коллегам из Спринг-Гроув. Когда я позднее рассказал им, что происходило на той сессии, они были поражены, поскольку просто не представляли себе, каким образом я или моя пациентка могли получить подобную информацию о настолько специфических аспектах их личной жизни.

Хотя время от времени мне уже приходилось видеть на сессиях с ЛСД демонические проявления, они никогда не были настолько сильными, реалистичными и убедительными. Я испытывал сильный эмоциональный стресс и был охвачен метафизическим ужасом. С одной стороны, я боролся со своей тревогой, с другой стороны — с желанием вступить в активную психическую борьбу с присутствующим в комнате злом. Я понял, что пытаюсь выбрать наилучшую стратегию, подходящую для подобной ситуации. В какой-то момент я поймал себя на том, что думаю о необходимости включить распятие в список нашего терапевтического оборудования. Рациональная часть моего сознания утверждала, что мы стали свидетелями проявления юнгианского архетипа и что в подобной ситуации распятие будет подходящим архетипическим противоядием.

Вскоре мне стало ясно, что мои эмоции, независимо оттого, страх это или агрессия, сделали все происходящее более достоверным, что я имею дело с могущественной метафизической сущностью. Я не мог не думать об эпизоде из «Стар Трек», популярного американского фантастического сериала, в котором инопланетянин, вторгшийся на корабль «Энтерпрайз», питался эмоциями членов экипажа. Инопланетянин в конце концов был побежден, когда корабельный врач, доктор МакКой, назначила всему экипажу транквилизаторы. Я понял, что очень важно оставаться спокойным и сосредоточенным, вне зависимости от того, чему я стал свидетелем.

Я решил войти в состояние медитации и визуализировал капсулу белого света, окружавшего нас обоих. Медитируя со светом, я держал сведенную руку Флоры, сфокусировался на ее изуродованном лице и попробовал представить ее такой, какой видел прежде. Ситуация длилась

около двух часов, но, как подсказывало субъективное чувство времени, это были самые длинные два часа за всю мою жизнь вне пределов моих собственных психоделических сессий.

После этого кисти рук Флоры расслабились и ее лицо стало прежним. Эта перемена была такой же резкой, как и предыдущая. Я вскоре выяснил, что она не помнит ничего из того, что случилось за последние два часа. Позднее в своем описании она рассказала о первых двух часах сессии, а последующие описала как «состояние одержимости». Я всерьез задумался о том, стоит ли обсуждать с ней то, чего она не помнит, и решил, что лучше этого не делать. Она вся светилась и чувствовала себя прекрасно, и не было никакой причины доводить до ее сознания подобный кошмар.

К. моему большому удивлению, эта сессия спровоцировала потрясающий терапевтический прорыв. Флора оставила свои суицидальные наклонности и смогла выработать новое восприятие жизни. Она отказалась от алкоголя, героина и барбитуратов и стала ревностной последовательницей одной небольшой религиозной общины в Кейтонсвилле. Тик почти прошел — энергия, которая лежала в его основе, казалось, полностью истощилась той «маской зла», которую она поддерживала в течение двух часов, что сделало возможным отказ от нейрохирургической операции, предложенной Университетом Джона Хопкинса. Редкие приступы боли были вовсе не такими сильными и даже не требовали медикаментозного лечения.

А еще Флора начала экспериментировать с гетеросексуальными взаимоотношениями и вскоре вышла замуж. Однако смена ее сексуальной ориентации явно была временной и достаточно поверхностной; она смогла вступить в сексуальные отношения со своим мужем, но нашла их болезненными и неприятными. Брак Флоры распался через три месяца, и Флора вернулась в круг лесбиянок, но теперь уже не испытывая такого чувства вины. Ее состояние улучшилось настолько, что она вышла из больницы и стала таксистом в Балтиморе. Хотя в последующие годы у нее были свои взлеты и падения, она не нуждалась в госпитализации и не возвращалась в психиатрическую больницу, которая могла бы стать ее домом на всю оставшуюся жизнь.

За все пятьдесят с лишним лет работы практикующим психиатром я видел множество более впечатляющих долговременных улучшений, чем то, которому я был свидетелем в случае с Флорой. Я не мог не заметить иронии или даже своего рода космического юмора в том факте, что после многих лет исследований и занятия медициной и психиатрией наиболее впечатляющий терапевтический результат, с которым мне приходилось сталкиваться за всю мою жизнь, был достигнут вовсе не с помощью официально признанного психиатрического лечения. Это был результат процесса, скорее напоминающего средневековый экзорцизм или вмешательство целителя-мага, чем уважаемую рациональную терапевтическую процедуру, основанную на открытиях современной науки.

ВОПЛОЩЕНИЕ АРХЕТИПА ДАФНЫ

История Марты

Богатый спектр трансперсональных феноменов, включавших переживания идентификаций с другими формами жизни, включая деревья и связанные с ними садоводческие мероприятия. Иногда подобные переживания показывают глубокую связь с различными эмоциональными и психосоматическими проблемами. В подобных случаях полный переход подобных переживаний из подсознания в сознание является необходимой предпосылкой исцеления. Это может быть проиллюстрировано историей болезни Марты, моей тридцатидвухлетней клиентки, которая приняла участие в нашей экспериментальной программе по ЛСД-психотерапии после нескольких месяцев безуспешных попыток лечения различными психофармакологическими веществами и другими традиционными методами.

Психиатрический диагноз Марты включал такие формулировки, как «странные жалобы на ипохондрию» и «пограничный психоз со смутным искажением телесного образа». Наиболее поразительной была жалоба Марты на очень странные ощущения в ногах и теле, которые было очень трудно описать: «Я чувствую, что с моим телом творится что-то совершенно неправильное». Эти симптомы возникли после того, что сама Марта назвала «неоднократное сексуальное домогательство» со стороны одного из ее коллег, симпатичного молодого человека. Марта была очень привлекательной, но сильно сопротивлялась даже мысли о постоянных отношениях и браке. Она считала, что ее сексуальные проблемы начались еще в детстве, когда она подверглась насилию со стороны старшего кузена.

Несколько первых ЛСД-сессий Марты протекали сравнительно обычно, они были сфокусированы на ее травматичном детстве и на различных аспектах ее рождения. На одной из более поздних сессий содержание ее переживаний радикально изменилось. Она почувствовала, как в ее ногах разрастается странное ощущение, которое вскоре стало столь сильным, что это невозможно было вынести. Марта решила прервать сессию и попросить меня сделать ей инъекцию торазина — то, чего на наших психоделических сессиях мы старались избежать любой ценой. Назначение транквилизаторов в самой середине «плохого путешествия» — к сожалению, весьма распространенная практика среди психотерапевтов традиционного направления — вполне в состоянии «заморозить» переживание на весьма непростой стадии. Это мешает позитивному разрешению лежащих в основе проблем и делает успешное завершение сессии невозможным.

Разговаривая с Мартой, я попытался выяснить, почему она хочет прервать сессию. «Это полное безумие, — ответила она, — но мне кажется, что если это будет продолжаться, я превращусь в дерево». Я заверил Марту, что она не превратится в дерево, независимо оттого, насколько убедительными кажутся ее ощущения, что это вот-вот случится. Самое худшее, что может с ней случиться, это что она будет ощущать себя деревом. Я рассказал Марте, что переживания очень убедительной идентификации с различными природными объектами являются обычным случаем для психоделических сессий и не несут в себе никакой угрозы. Некоторое время спустя Марта успокоилась и согласилась продолжать сессию.

Как только она закрыла глаза и обратила взор внутрь, неясные ощущения в ее теле и ногах стали усиливаться, но на этот раз Марта была в состоянии это выдержать. Когда она позволила им набрать полную силу, она осознала, что то, что она воспринимала как ненормальные ощущения и искажения своего тела, является вполне нормальным и естественным для существования в образе дерева. Она встала прямо, вытянув руки по направлению к небу, и сохраняла это положение в течение довольно долгого времени. На ее лице застыло

восторженное выражение, и стало ясно, что она наконец начала получать от сессии удовольствие.

Марта чувствовала, что ее пальцы удлиннились и стали ветвями с богатой листвой. Она видела солнце и получала его свет, переживая на клеточном уровне таинственные процессы фотосинтеза — основу и секрет жизни на нашей планете. Ее тело стало стволом дерева, она ощущала активность клеток камбия, и чувствовала ток соков через систему сосудов, пронизывающих заболонь. Ее ступни и пальцы росли и разветвлялись, пока не превратились в запутанные корни, проникшие глубоко в землю. Марта ощущала обмен воды и минералов, происходящий в крошечных корешках и корневых волосках дерева. Ее завораживала достоверность неожиданных открытий, касавшихся анатомии и физиологии деревьев, полученной с помощью этих переживаний.

Однако ее инсайты не ограничивались ботаническими аспектами этих переживаний, они имели глубоко божественную природу и явно относились к мифологической и духовной сферам. То, что поначалу казалось просто астрономическим солнцем, источником физической энергии, поддерживающей всю без исключения жизнь на нашей планете, стало также Космическим Солнцем, источником силы творения и законом мироздания. Также и почва, в которую уходили корни дерева, стала Геей, фантастической мифологической фигурой матери-земли. Само дерево приняло мифологическое значение, и стала Древом Жизни. Таким образом, переживания, которые вначале были очень тяжелыми и пугающими, превратились в экстатические и эзотерические.

Позднее на этой сессии случилось еще одно переживание, раскрывающее глубокое архетипическое значение симптомов Марты. Она идентифицировалась с Дафной, прекрасной юной нимфой, дочерью речного бога Пенея. Согласно греческой мифологии, Дафна посвятила себя Артемиде, и, как и богиня, отвергала брак. Ее преследовало множество поклонников, но она отвергла всех, в том числе и бога Аполлона. Когда бог стал преследовать ее, Дафна стала молиться земле и своему отцу, прося спасти ее, и превратилась в лавр. Этот инсайт имел особый смысл в свете того, как сильно Марта противилась браку, и того факта, что симптомы проявились после того, как ей начал оказывать настойчивые знаки внимания ее привлекательный коллега. После этой сессии Марту уже не беспокоило искажение восприятия ее тела, и она стала спокойнее относиться к идее о замужестве и создании семьи.

ИСЦЕЛЕНИЕ ДЕПРЕССИИ С ПОМОЩЬЮ СЕФАРДСКОЙ МОЛИТВЫ

История Глэдис

Несмотря на то что именно книга Зигмунда Фрейда «Введение в психоанализ. Лекции» и мой восторг по поводу нее побудили меня заняться психиатрией, мое восхищение теориями Фрейда и его методами терапии были серьезно подорваны моим более поздним клиническим опытом. Я все так же восхищался Фрейдом как великим первооткрывателем глубинной психологии, но вместе с тем был уверен, что большинство его теоретических концепций не смогли пройти проверку временем и нуждаются в существенном пересмотре. Куда более сильные возражения вызывали у меня применяемые им стратегии терапии.

Во время психиатрической практики я видел множество пациентов, которые после многих лет психоанализа могли читать лекции о своих эмоциональных и психосоматических симптомах и их связи с различными постнатальными биографическими проблемами, такими как оральный каннибализм, приучение к туалету, первичные эпизоды и комплексы Эдипа и Электры. Однако их интеллектуальные открытия не привели к равно впечатляющим клиническим результатам. Мои опыты с терапевтическим использованием холотропных состояний сознания дали прямо противоположные результаты. После сильных психоделических переживаний и сессий холотропного дыхания мы часто становились свидетелями поразительных терапевтических результатов, но не имели ни малейшего представления о том, как и почему они происходят.

Выдающимся примером подобного типа является история Глэдис, молодой женщины, принимавшей участие в одном из наших пятидневных семинаров в Эсалене. Как она рассказала в самом начале семинара, она уже четыре года страдала от серьезных приступов депрессии, сопровождавшихся сильной тревогой. Эти приступы приходили каждый день рано утром и, как правило, длились несколько часов. В это время ей с трудом удавались самые простые вещи — принять душ, почистить зубы и одеться. С традиционной точки зрения подобные черты характеризуют ее депрессию скорее как «эндогенную» (буквально «порожденную внутри»), чем «реактивную» (вызываемую внешними обстоятельствами жизни).

На наших пятидневных семинарах по холотропному дыханию участники обычно проводили две сессии в качестве дышащих, а две другие в качестве сиделок у своих товарищей. На своей первой сессии холотропного дыхания Глэдис получила очень сильные переживания, во время которых она столкнулась с различными травмирующими событиями собственного младенчества и детства. Она также пережила несколько последовательных эпизодов собственного рождения. Ее ощущения по поводу сессии были очень хорошими, хотя и не принесли никакого заметного облегчения ее утренних депрессий.

Вторая ее сессия, которая произошла два дня спустя, унесла ее глубже в подсознание и практически полностью состояла из переживаний процесса рождения. Результатом была невероятная активация физической энергии, которая является важным шагом в работе над избавлением от депрессии, состояния, характеризуемого глобальной блокадой эмоциональной и физической энергии. Однако, несмотря на интенсивную работу тела в период завершения сессии, она не достигла удовлетворительного результата. Подобная ситуация является редким исключением для тех случаев, когда предпринимаются систематические попытки облегчить интеграцию сессии.

На следующее утро депрессия проявилась как обычно, но была куда более ярко выраженной, и также приняла совсем иную форму, чем имела прежде. Вместо обычной

заторможенности, отсутствия инициативы и апатии Глэдис была сильно взволнована. Первоначально мы планировали провести на утренней сессии открытое обсуждение для всей группы, во время которого участники могли бы задать любые вопросы об их собственном процессе, методе холотропного дыхания и теории. Однако, видя, в каком состоянии находится Глэдис, мы решили изменить программу и немедленно провести с ней экспериенциальную работу.

Мы попросили Глэдис лечь в середине комнаты, глубоко подышать, слушать расслабляющую музыку, которую мы поставили, и не сопротивляться любым переживаниям, которые могут появиться в подобной ситуации. Примерно пятьдесят минут Глэдис испытывала сильную дрожь, удушье и кашель, издавала громкие звуки и, казалось, боролась с невидимыми врагами. Потом, она рассказывала, что в этой части сессии она переживала свое трудное появление на свет, но на этот раз глубже, чем прежде.

Позднее во время этой сессии крики Глэдис стали более четкими и напоминали слова неизвестного языка. Мы уговаривали ее не сдерживаться, вне зависимости от того, какую бы форму ни принимали эти крики, без цензуры или отбора, даже если они кажутся ей бессмысленными. Постепенно ее движения превратились в очень стилизованные и подчеркнутые, а ее слова стали четко различимыми. Однако язык, на котором она говорила, мы не только не знали, но и не смогли определить. В какой-то момент Глэдис села и начала повторять довольно навязчивый текст, который звучал как какая-нибудь молитва, и это продолжалось еще некоторое время.

Воздействие этого происходящего на группу было очень сильным. Не понимая слов и не зная, что именно переживает в этот момент Глэдис, большинство участников были глубоко тронуты, многие начали плакать. Некоторые приняли медитативные позы и соединили руки в молитве. Когда Глэдис перестала петь, она успокоилась и легла на спину, перейдя в состояние блаженства и экстаза, в котором оставалась больше часа, совершенно неподвижно. Позднее, описывая собственную сессию, Глэдис сказала, что испытывала настойчивую потребность сделать то, что она делала. Она не понимала, что произошло, и подчеркнула, что совершенно не имеет представления, на каком языке она произносила молитву.

Карлос, аргентинский психоаналитик из Буэнос-Айреса, принимавший участие в этом семинаре, сказал, что Глэдис пела на великолепном сефардском языке, который он неплохо знал. Этот язык, известный также под названием «ладино», был своеобразным гибридом средневекового испанского и иврита. По странному совпадению, Карлос, бывший евреем по происхождению, несколько лет изучал этот язык, бывший его хобби. Глэдис не была еврейкой и не знала ни иврита, ни испанского. Она никогда не слышала о существовании ладино и не знала, что это за язык. Карлос перевел то, что повторяла Глэдис, и что произвело такое сильное впечатление на остальных членов группы. Буквально это звучало так: «Я страдаю и буду страдать всегда. Я плачу и всегда буду плакать. Я молюсь и всегда буду молиться».

Во время этого впечатляющего завершения сессии, когда она произносила сефардскую молитву, Глэдис справилась с депрессией, и ее состояние стабилизировалось на вполне комфортном уровне. После того семинара в Эсалене мы дважды встречались с Глэдис и выяснили, что ее депрессия больше не возвращалась. Это было одно из самых глубоких и впечатляющих исцелений, которые мне приходилось наблюдать за всю мою психиатрическую карьеру. Однако этот эпизод и то глубокое воздействие, которое он оказал на Глэдис, и по сей день остается тайной и для нее, и для нас.

БУРНЫЕ ПОИСКИ СЕБЯ

История Карен

Похоже, в этой жизни моей судьбой или, если угодно, кармой стало участие в различного рода спорных проектах и видах деятельности. По крайней мере, в отношении моего неутихающего интереса к свойствам психоделиков и необычным состояниям сознания в целом дело обстоит именно так. Годы исследований в этой области убедили меня, что взгляды, господствующие сегодня среди психиатров традиционного направления и касающиеся природы человеческой психики и сознания, глубоко ошибочны и требуют радикального пересмотра. Я также пришел к выводу, что множество находок в области исследования сознания бросает серьезный вызов материалистическому видению мира западной науки, особенно в том, что касается взаимоотношений между сознанием и материей.

Свои идеи и замечания я высказывал во множестве книг и статей. Ни один из выводов из этих новых находок не породил больше сомнений, чем концепция «духовного кризиса», которую я разработал вместе с моей женой Кристиной. С течением лет мы пришли к выводу, что множество состояний, которые в настоящее время диагностируются как психотические и огульно, без разбора, лечатся подавляющими лекарствами, на самом деле являются трудной стадией радикальной личной трансформации или духовного раскрытия. Если они правильно поняты и получили соответствующую поддержку, эти психодуховные кризисы могут завершиться эмоциональным и психосоматическим исцелением, удивительными психологическими изменениями и эволюцией сознания.

Термин «духовный кризис» (spiritual emergency) описывает проблемную природу подобных состояний, но в то же время, указывает на их позитивный потенциал. Это игра английских слов, с одной стороны, ссылается на некий кризисный процесс, но в то же время исходное латинское слово *emergere* указывает на возможность подняться на более высокий уровень психологической работы и духовного осознания. В подобных случаях мы обычно обращаемся к китайской пиктограмме «кризис», которая иллюстрирует основную идею духовного кризиса. Эта пиктограмма состоит из двух образов, один из которых означает «опасность», а другой — «благоприятная возможность». Мы описали и обсудили эту концепцию в своих книгах «Неистовый поиск себя» и «Духовный кризис» (Гроф и Гроф, 1989, 1991).

Природа и целительный потенциал психодуховных кризисов могут быть проиллюстрированы историей Карен, с которой мы имели возможность работать в Эсалене, сообществе, где мы прожили много лет. Карен была грациозной молодой женщиной в возрасте около тридцати лет, светловолосой и гибкой, выделявшейся в толпе своей мягкой, мечтательной красотой. Внешне Карен казалось очень тихой и застенчивой, но очень яркой и физически активной. Детство Карен было невероятно тяжелым. Ее мать покончила жизнь самоубийством, когда дочке было всего три года, и девочка в этот момент находилась в квартире. Она росла в обществе отца-алкоголика и его второй жены, очень эмоционально и физически агрессивной. Уйдя из дома, когда ей было чуть меньше двадцати, Карен переживала периодические приступы депрессии и компульсивного обжорства.

Карен путешествовала, училась, влюбилась в джаз и стала великолепной джазовой танцовщицей и даже, временами, преподавала танец. Она любила петь и стала профессиональной массажисткой. Карен поселилась в деревне, где познакомилась и стала жить вместе с Петером, мягким и любящим человеком. Хотя они не поженились, у них была трехлетняя дочь Эрин, которую они оба очень любили.

История Карен представляет собой наиболее потрясающий край пространства, лежащего

между постепенным, мягким духовным развитием и экстремальным характером духовного кризиса. Но при этом многие моменты ее переживаний типичны и для любого человека, находящегося в процессе трансформации. Кризис Карен содержал все элементы настоящего духовного кризиса. Он длился три с половиной недели и полностью парализовал ее жизнь. Переживания были настолько интенсивными, что она нуждалась в непрерывном двадцатичетырехчасовом наблюдении. Через несколько дней после начала пробуждения некоторые из ее друзей, которые знали, насколько нас интересуют подобные случаи, попросили нас принять в этом участие, и мы видели ее почти каждый день в последние две с половиной недели кризиса.

Как и во многих других подобных случаях, кризис начался внезапно и стремительно, и Карен оказалась настолько погружена в него и поглощена своими переживаниями, что не могла позаботиться о себе или об Эрин, которая все это время оставалась с отцом. Друзья Карен в Эсалене, где она жила, решили, что вместо госпитализации они будут по очереди присматривать за Карен все двадцать четыре часа в сутки. Из дома ее перевели в специальную комнату, а ее друзья выступали в качестве сиделок: смены из двух человек проводили в ее комнате по два-три часа каждый день. За дверью стоял компьютер, чтобы сиделки могли записывать и читать информацию и высказывать свое мнение о состоянии Карен. Они записывали все, что она говорила или делала, какую еду и напитки употребляла и какого типа поведения следует ожидать следующей паре.

В первый же день кризиса Карен заметила, что ее зрение стало более четким, а не «неконтрастным и расплывчатым» как обычно. Она слышала голоса женщин, сообщавшие ей, что она вступает в благоприятные и важные переживания. В течение многих дней ее тело охватывали волны сильного жара, и Карен преследовали видения пламени и красных полей; время от времени ей казалось, что ее поглощает огонь. Чтобы утолить невыносимую жажду, которую она ощущала, принесенную пылающими чувствами, она выпивала огромное количество воды. Казалось, ее несла сквозь эти переживания некая мощная энергия, которая текла сквозь нее, открывая ей множество уровней ее бессознательного и знакомя с воспоминаниями, эмоциями и физическими ощущениями, хранящимися в нем. В глубокой возрастной регрессии она пережила множество травм из более ранних периодов своей жизни, таких как суицид матери и последующие физическое насилие со стороны приемной матери. Однажды детская память о том, как ее побили ремнем, внезапно сменилась другим переживанием, и она вдруг почувствовала себя страдающим черным африканцем, которого постоянно жестоко пороли на переполненном невольничьем корабле.

Карен прошла через физическую и эмоциональную боль своего собственного биологического рождения, и снова пережила рождение собственной дочери. Она пережила смерть много раз и во множестве различных форм; ее одержимость смертью заставила людей, ухаживавших за ней, всерьез задуматься о возможной попытке самоубийства. Однако суицид был все же маловероятен, так как в ее комнате были соблюдены все меры предосторожности на этот случай, а ее сиделки проявляли максимум внимания. Все они тщательно следили за Карен, постоянно находились рядом и уговаривали ее держать переживания в себе, а не претворять их в жизнь.

Время от времени Карен чувствовала связь со своей умершей матерью, а также с другом, который погиб в результате несчастного случая год назад. Она говорила, что ей их не хватает и что она хочет к ним присоединиться. В другое время Карен видела умирающих людей или чувствовала, что умирает сама. Мы объяснили ей, что вполне возможно пережить смерть символически, без смерти физической, и за подобным опытом обычно следует переживание психодуховного кризиса. Затем мы попросили ее держать глаза закрытыми и предложили

полностью пережить эту последовательность умирания внутри и выражать вслух все трудные эмоции, которые при этом возникнут. Она согласилась и вскоре прошла через это столкновение со смертью к другим переживаниям.

На пару дней Карен была захвачена переживаниями, включавшими элементы зла. Временами она чувствовала себя древней ведьмой, принимающей участие в магическом ритуале жертвоприношения, в другое время чувствовала, что в ней скрыт жуткий монстр. Когда дьявольское создание излучало свои демонические энергии, Карен наводняла комнату злыми тирадами и, с жуткими гримасами на лице, каталась по полу. Ее сиделки, осознав, что эта злоба направлена не на них, старались защитить ее от травм и поощряли полное самовыражение этих импульсов.

Иногда ее переживания фокусировались на сексуальности. После переживания ряда травматичных воспоминаний из ее собственной биографии, она почувствовала пробуждение сильной энергии в районе таза. Карен всегда считала сексуальность низким инстинктивным побуждением, роднящим нас с животными. В одном из своих глубоких духовных переживаний этого эпизода она получила прозрение, являвшееся частью некоторых эзотерических традиций, в особенности Тантры: сексуальное побуждение есть не просто биологическая потребность, а выражение божественной духовной силы. Карен чувствовала себя так, будто она является первой женщиной, которой даровано это осознание, и выражала благоговение этой мистической ролью дающей жизнь матери.

Во время другого переживания Карен почувствовала единение одновременно с планетой и ее населением. Она ощущала, что и планета, и люди находятся на грани гибели. Она увидела, что планета находится на пути к уничтожению, и у нее возникло несколько четких и детальных инсайтов относительно ситуации в мире. Она видела образы советских и американских лидеров, держащих пальцы «на кнопке», и давала точные и часто забавные комментарии по поводу международной политики.

На несколько дней Карен напрямую подключилась к сильному творческому каналу и продолжала выражать множество своих переживаний в форме импровизированных песен — это было весьма примечательное зрелище. Как только внутренняя тема выходила на поверхность сознания, она создавала на эту тему песню или вызывала из памяти уже существующую, которая казалась ей подходящей, с удовольствием распевая ее в течение всего процесса. Скорость и художественные качества этого процесса были поразительны.

Парапсихические способности Карен, так же как и ее чувствительность и настроенность на окружающий мир, были необычайно высокими. Она была способна «видеть насквозь» любого находящегося рядом человека, часто предвидя действия своих друзей. Создавая изрядный дискомфорт для всех присутствующих, Карен очень прямолинейно комментировала любые межличностные игры, которым была свидетелем, и немедленно уличала тех, кто слишком жестко себя контролировал или был недостаточно гибким, не желая сотрудничать с другими. В какой-то момент двое ее друзей спешили на дежурство, разговаривая о Карен по дороге к ее комнате. Когда они вошли в комнату, Карен, похоже, уже знала, о чем они говорили, и присоединилась к разговору, как будто присутствовала при нем с самого начала.

Через две недели некоторые из трудных, болезненных состояний стали сходиться на нет, Карен стала испытывать больше благотворных, наполненных светом переживаний, и ее связь с божественным источником постепенно усиливалась. Она видела внутри себя священную драгоценность, излучающую свет жемчужину, которая символизирует ее внутренний центр, и она проводила много времени, мягко разговаривая с ней и обучая ее. Карен также получила из внутреннего источника инструкции о том, как любить себя и заботиться о себе, и чувствовала, что тем эмоциональные раны, которые она носила в своем сердце и теле, исцелились. Карен

сказала, что она прошла сквозь «второе рождение» и суммировала свои чувства в следующей фразе: «Я открыта жизни, любви и себе».

По мере выхода Карен из своих переживаний, она становилась все менее погруженной в свой внутренний мир и проявляла все больше интереса к своей дочери и другим людям из своего окружения. Она стала есть и спать более регулярно и все больше могла позаботиться о себе. Вскоре она выразила желание закончить этот процесс, и вернуться домой. Ей стало ясно, что окружавшие ее люди тоже готовы к тому, чтобы этот эпизод закончился. Карен и те, кто ей помогал, пришли к соглашению, что она вернется домой и снова возьмет на себя обязанность заботиться о себе и о дочери.

У нас не раз появлялась возможность поговорить с Карен после этого эпизода, и мы были очень рады видеть множество позитивных изменений, которые произошли с ней за то время, пока он длился. Ее настроение сильно улучшилось, и она стала куда более уверенной в себе и общительной. Ее возросшая уверенность в себе позволила ей воспользоваться своим прекрасным голосом и выступать в качестве певицы не только в кругу друзей. Ее переживания, которые могли бы привести к госпитализации в психиатрической клинике, весьма неприятному диагнозу и лечению транквилизаторами, которое могло растянуться не на один год, в этом случае обернулись глубоким исцеляющим и трансформирующим опытом.

СЛЫШАТЬ ГОЛОСА — НЕ ВСЕГДА СИМПТОМ ШИЗОФРЕНИИ

История Евы

В конце 1960-х годов, мой брат Пол и его бывшая жена Ева, тоже психиатры, эмигрировали в Канаду. Они поселились в Гамильтоне, Онтарио, и начали работать на факультете психиатрии Университета Макмастера. Для того чтобы получить канадскую медицинскую лицензию, они должны были сдать все требуемые экзамены, и поскольку, чтобы поддержать себя материально, они оба были вынуждены работать в психиатрической больнице, то, готовясь к экзаменам, занимались по вечерам и в выходные, часто за полночь.

Несколько недель сильного стресса и недостатка сна не прошли для Евы даром, и однажды, занимаясь поздно ночью, она услышала странный голос. Голоса для психиатра означают очень плохие новости, поскольку этот симптом приносит с собой угрожающую перспективу серьезного душевного заболевания, а именно параноидальной шизофрении. Преодолев первый приступ ужаса, Ева поняла, что голос говорил не на чешском, ее родном языке, или английском, на котором она говорила вполне свободно и который могла понимать, а на каком-то неизвестном ей языке. Это не слишком типично для шизофрении, где голоса передают конкретную и вполне понятную пациентам весть, обычно приказывая, угрожая или унижая их.

Хотя Ева не смогла ни понять, что говорил голос, ни даже определить язык, на котором он говорил, он явно звучал как структурированный язык, а не как нечленораздельная тарабарщина. Поскольку она была уверена, что происходящее имеет значение, Ева решила записать услышанное и проконсультироваться с каким-нибудь лингвистом. Чешский, в отличие от английского, является языком фонетическим, который позволяет записать фонемами любые услышанные слова и позднее воспроизвести их с достаточно высокой точностью.

По счастливому совпадению, Пол вскоре встретился с Асафом, хорватским врачом, который недавно приехал в Канаду и оказался человеком необыкновенным. Помимо всего прочего, он обладал фотографической памятью, был суфийским шейхом и выучил несколько языков. Внезапно Ева почувствовала желание поделиться с Асафом тем, что с ней случилось, и зачитать то, что ей удалось записать. Асаф был поражен, потому что воспроизведенного Евой оказалось достаточно, чтобы понять сказанное. Голос говорил на древнеарабском языке, и это был эзотерический суфийский текст его ордена, который был частью тайной устной традиции.

Узнав текст, Асаф немедленно признал Еву своей ученицей. Несколько месяцев спустя он отправил Еву на три недели в Югославию, в один из центров своего ордена, для того чтобы она прошла специальную подготовку. Югославские суфийские учителя отправили ее в штаб-квартиру ордена в Конье, Турция, и согласовали этот визит с главой ордена, шейхом Деде Лорейном. До Турции Ева добиралась сама, и точное время ее прибытия не было известно суфиям Коньи. Когда она ехала в Конью на автобусе, что было последним этапом ее путешествия, она заметила статного старика с седой бородой, который сел в автобус одновременно с ней. У него было прекрасное выразительное лицо и ясные глаза; к концу путешествия Ева была им совершенно очарована. Когда автобус прибыл в Конью, старец вышел на одной остановке с Евой и растворился в толпе.

Ева нашла штаб-квартиру суфиев, и, когда она сообщила о своем приезде, ей было назначено время аудиенции у шейха. Наступило долгожданное время аудиенции, Ева постучала в дверь кабинета шейха и была поражена тем, что увидела на пороге кабинета того самого старца, который ехал с ней в автобусе и чей вид ее так сильно заинтриговал. Поскольку никто не

знал, когда приезжает Ева, то, что шейх Деде путешествовал в одном автобусе с ней, оказалось невероятным совпадением. Следующим сюрпризом стали слова шейха о том, что он ждет ее много лет. Он рассказал Еве, что он знал, что она придет задолго до того, как ее внутренний голос привел ее к суфийскому учителю в Торонто. Ева не стала рассказывать о подробностях ее визита к шейху и точном содержании их беседы, поскольку оно должно было оставаться тайной. В конце визита Евы в Конью шейх научил ее суфийским духовным упражнениям, которые, после ее возвращения в Канаду, Ева успешно использовала со своими пациентами.

В начале 1970-х годов, я узнал о других переживаниях, в корне изменивших мое отношение к такому феномену, как «голоса», который, согласно моей психиатрической подготовке, являлся симптомом серьезного душевного заболевания. Я проводил семинар на ранчо Уэстербек-Ранч в Соноре, штат Калифорния, прекрасном центре по изучению человеческих возможностей, одним из многих, созданных по образцу Эсалена. Во время перерыва на ланч Пэт Уэстербек, владелица ранчо и наша хозяйка, представила меня Хелен Шукман и Биллу Тетфорду, двум психологам из Нью-Йорка, которые в то время были у нее в гостях. Хелен была клиническим психологом и исследователем, штатным доцентом медицинской психологии в Колумбийском университете Нью-Йорка. Билл являлся штатным профессором медицинской психологии в медицинском центре, где они работали, и главой отдела, где преподавала Хелен.

Во время ланча Хелен рассказала нам свою захватывающую историю. Во время большого эмоционального стресса и межличностного конфликта между ней и Биллом она стала видеть очень символические сны и образы, а также услышала то, что она называла «голос». Казалось, что этот голос что-то быстро диктует ей, но не словами, а каким-то видом телепатической передачи. К немалому удивлению и ужасу Хелен, голос представился ей как Иисус. Хелен, еврейка по национальности и ученая-атеистка, психолог и преподаватель очень престижного академического учреждения, сперва, как и Ева, ужаснулась, решив, что это приступ психоза, но затем заметила, что голос точно цитирует достаточно длинные отрывки из Библии, которые она не читала, и делает вполне конкретные замечания лингвистического характера относительно тех ошибок, которые были допущены в различных переводах этих отрывков. Хелен смогла проверить точность переданной ей информации.

По предложению и при поддержке Билла, Хелен начала заносить всю полученную информацию в свой ноутбук, записывая все на скорую руку; на следующий день она перечитывала свои записи Биллу, и он их печатал. Специально для меня Хелен отметила, что эти записи не были автоматическими, она могла прерваться в любой момент и в любой момент снова взяться за записи. Когда она приняла решение заняться этим гигантским проектом, Хелен поразила себя тем, что начала очередную запись с предложения: «Это курс, посвященный чудесам». Хелен чувствовала, что это было специальным заданием, которое она «где-то, когда-то, как-то согласилась выполнить».

После ланча Хелен показала мне результаты этого их с Биллом совместного рискованного начинания, толстый манускрипт, озаглавленный «Курс чудес», и поделилась со мной основной дилеммой, которая была с ним связана. С одной стороны, она ощущала настойчивую потребность опубликовать эту рукопись и поделиться ею с публикой, но вместе с тем она боялась, что ее посчитают сумасшедшей и это разрушит ее репутацию серьезного ученого. После ланча Хелен спросила меня, не могу ли я разрешить ей поделиться этой историей с членами моей группы и выделить час на обсуждение. «Люди, которые приходят на ваши семинары, более непредвзяты и объективны, чем все остальные, и мне бы хотелось попытаться. Для меня это будет очень важным испытанием», — объясняя свою просьбу, сказала она.

Я с радостью согласился и реакция группы (так же как и моя собственная) была столь восторженной и воодушевляющей, что, похоже, перевесила все сомнения Хелен, и она покинула

ранчо с намерением попытаться опубликовать свое примечательное сочинение. Когда «Курс чудес» был опубликован, он очень быстро стал бестселлером и сенсацией не только среди трансперсональных психологов, но и у читающей публики в целом. Вскоре за ним последовало «Пособие для студентов», содержащее 365 уроков, предлагающих упражнения для каждого из дней года, и «Руководство для преподавателей». Этот трехтомный комплект был переведен более чем на тридцать языков и продан тиражом полтора миллиона экземпляров.

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ, ПРИНЕСШАЯ ПЛОДЫ

История Милады

Выше, в предисловии к истории Карен, я уже описывал нашу концепцию «духовного кризиса», новый подход к спонтанным случаям холотропного состояния сознания, который заменяет не проводящее никаких различий фармакологическое подавление симптомов психологической поддержкой и стимулированием пациента на «прохождение всего процесса до конца». Эта терапевтическая стратегия не ограничивается состояниями с сильным духовным акцентом — мы смогли применить ее для многих пациентов, чьи необычные переживания не включали проявлений духовных элементов.

Та невероятная ересь, которой я был привержен в ходе моей профессиональной карьеры, продвинула эту стратегию еще на один шаг дальше. Во время моей работы в пражском Институте психиатрических исследований, я применил к нескольким пациентам с диагнозом «психоз» стратегию, диаметрально противоположную той, что использует соответствующая подавляющая терапия с транквилизаторами. Фактически я устроил серию сессий с применением ЛСД, чтобы активировать и углубить процесс, использовать присущий ему изначально целительный потенциал и привести его к позитивному итогу. Примером подобного подхода может служить история Милады.

Милада, тридцативосьмилетний психолог, до начала лечения с применением ЛСД много лет страдала от сложного невротического расстройства, сопровождавшегося рядом обсессивно-компульсивных и органико-невротических симптомов, а также симптомов истерической конверсии. Она начала долговременную терапию психоанализа с отцом чешского психоанализа, встречаясь с ним три раза в неделю по пятьдесят пять минут. На пятом месяце психоанализа она была госпитализирована в связи с развитием острых психотических симптомов.

Важной частью ее клинической симптоматики была бредовая эротоманская система. Милада была сильно влюблена в своего начальника и ощущала непреодолимое сексуальное влечение к нему. Она была уверена, что эти чувства являются взаимными и ее возлюбленный тоже их разделяет. Если верить ей, это сильное эротическое и духовное единство, существующее между ними, не могло быть выражено открыто — его приходилось переживать внутри собственной психики, за фасадом их весьма формальных социальных взаимоотношений. Она чувствовала, что ее начальник, который был женат и имел детей, не мог открыто выражать свои чувства, по крайней мере поначалу.

Несколько недель спустя у нее начались галлюцинации — она слышала голос своего воображаемого возлюбленного. В этих галлюцинациях она слышала, как он описывает свои пылкие чувства к ней, обещая в будущем прекрасную совместную жизнь, и давая советы, порой весьма специфические. В утренние и ночные часы Милада испытывала сильные сексуальные ощущения, которые интерпретировала как половой акт на расстоянии, который магическим образом осуществляет ее тайный любовник. Хотя в реальной сексуальной связи с собственным мужем ей никогда не удавалось достичь оргазма, во время этого эпизода она испытывала соответствующие ощущения невероятной силы.

Постепенно природа их воображаемого взаимодействия изменилась. Теперь начальник убеждал Миладу, что им обоим нужно развестись, и тогда они смогут жить вместе. Когда Милада начала действовать под воздействием своих заблуждений и галлюцинаций, ее госпитализация стала неизбежной. Однажды утром она оставила своего мужа и, с детьми и несколькими чемоданами, предприняла попытку переехать в квартиру своего начальника. Она даже подралась с его женой, которая не хотела пускать ее в квартиру. После нескольких месяцев

безуспешного медикаментозного лечения различными транквилизаторами и антидепрессантами, а также сеансами индивидуальной и групповой психотерапии, она начала программу переживательной ЛСД-терапии.

После двенадцати сессий со средней дозой ЛСД психотические симптомы полностью исчезли, и Милада получила всеобъемлющее прозрение собственного иррационального поведения. Теперь она интерпретировала эротическую манию по отношению к своему начальнику как перенос на него своих чувств к отцу, который вел себя очень холодно и от которого ей никогда не удавалось получить эмоциональный отклик. В серии последующих сессий она проработала целый ряд сложных невротических и психосоматических проблем.

Переживая различные травматичные воспоминания из различных периодов своей жизни, Милада смогла проследить корни своих нынешних проблем до их эмоциональных источников в ее несчастливом младенчестве и детстве. Кроме того, она много времени уделяла своей непростой семейной ситуации: ее муж был бесчувственным и жестоким, а также эмоционально и физически агрессивным. Он был убежденным членом коммунистической партии, полностью погруженным в то, чтобы сделать карьеру, и не оказывал ей никакой эмоциональной поддержки. К тому же двое их детей имели признаки серьезных эмоциональных расстройств, которые нуждались в профессиональной коррекции.

Затем переживания во время сессий сместились в перинатальную область, и Милада пережила различные аспекты своего трудного появления на свет. Она испытала богатый спектр переживаний, связанных с процессом смерти и возрождения. Эмоции и физические ощущения, связанные с биологическим рождением, во время которого умер ее брат-близнец, были столь ужасны, что Милада назвала эту сессию «психологической Хиросимой». Когда процесс родов наконец завершился и Милада пережила смерть собственного эго, я ожидал значительного улучшения, как это обычно бывает с большинством пациентов-невротиков.

Однако, к моему большому удивлению, вместо этого я стал свидетелем внезапного и полного возобновления исходной психотической симптоматики, которая не проявлялась уже много месяцев. Единственным отличием было то, что я полностью заменил ее шефа в роли главной цели ее эротоманских фантазий и переживаний. В процессе психотерапии у Милады развился психоз переноса. Теперь она была уверена, что находится под моим гипнотическим влиянием, и ощущала со мной постоянную связь как во время ЛСД-сессий, так и в перерывах между ними. Она переживала постоянный обмен мыслями и даже вербальную связь.

Особенно интересно было то, что в некоторых из этих иллюзорных интервью мы «продолжали психотерапию». В какой-то момент я уехал на неделю в Голландию, в Амстердам, на конференцию по ЛСД-психотерапии. В течение всего этого времени Милада, госпитализированная в пражский Институт психиатрических исследований, продолжала свои воображаемые психотерапевтические сессии с моим участием. Мы «обсуждали» различные аспекты ее жизни, и она выполняла то, что советовал мой воображаемый голос. В эти сессии входило и несколько часов ванн и ежедневные тренировки, и совершенствование в женских искусствах, таких как вязание и вышивание.

В конце концов, в одном из этих иллюзорных разговоров я решил бросить эти терапевтические игры и стать ее любовником и мужем. Я предложил ей обращаться ко мне не «доктор Гроф», а «Станя» (уменьшительно-ласкательная форма моего имени), и задействовать неформальную грамматическую версию второго лица, используемую обычно родственниками, близкими друзьями и возлюбленными. В чешском, как и во многих других языках, разница между близкими и официальными отношениями выражается средствами языка (как французские «tu» и «vous», немецкие «du» и «Sie», испанские «tu» и «Usted»).

Я также позволил Миладе взять мою фамилию вместо фамилии ее мужа. Я постоянно

заверял ее в своей любви к ней, говорил, что ее развод уже организован, и просил ее переехать ко мне вместе с детьми. Помимо всего прочего Милада теперь утверждала, что в вечерние и ночные часы она проводит со мной «гипногамические сессии». Галлюцинации о сексуальных контактах и ощущениях в это время она интерпретировала как уроки получения наслаждения от секса, которые я организовал для нее, чтобы усилить эффект психотерапии. Из контекста ее ЛСД-сессий было ясно, что на глубочайшем уровне жаждущего волшебства мышления Милады явление переноса отражает ее символическую взаимосвязь с ее матерью.

В какой-то момент Милада стала проводить по многу часов в день в разных причудливых позах, иногда лежа в постели, иногда стоя. Однажды одна из медсестер рассказала мне, что она достаточно долго простояла на кончиках пальцев, вытянув вперед сомкнутые в замок руки. Когда медсестры ее спросили, что это она делает, Милада выгнала их вон, со словами «оставьте меня в покое, я его (то есть меня) обнимаю». Я немедленно стал мишенью для шуточек медсестер — они изводили меня, рассказывая, что Милада точно измерила мой рост и держала руки на соответствующем уровне от пола.

Внешне принимаемые Миладой позы напоминали те, которые я наблюдал у кататонических шизофреников, в качестве проявления симптома «восковой гибкости» (*flexibilitas cerea*). Как и Милада, они долгое время проводили в странных и порой эксцентричных позах. Однако кататония Милады существенно отличалась от ступора шизофреников в одном — до нее всегда доходили обращенные к ней слова, и ее было очень просто вывести из этих поз, обратившись к ней и заставив вступить в диалог. Тогда она принимала нормальную позу и вполне была способна поддерживать разумную беседу.

Она также понимала, что именно она делает, предлагала для этих действий потрясающие объяснения. Милада рассказала нам, что в это время ее эмоциональное и психосоматическое состояние сильно зависело от положения ее тела. В некоторых позах она переживала экстатическое блаженство, всеохватывающие чувства и ощущение единения с космосом. В других позах она чувствовала глубокую депрессию, тошноту и какую-то сверхъестественную тревогу. Она чувствовала, что это повторяет ситуацию в ее пренатальной жизни, когда она была едина со своим братом в утробе своей матери.

На основе предыдущего опыта с другими клиентами я еженедельно назначал Миладе ЛСД, несмотря на продолжающиеся симптомы психоза, и эти сессии почти полностью состояли из негативных переживаний транс персонального характера. Это было важным акцентом в переживании неприятных внутриутробных воспоминаний, которые были связаны с эмоциональными стрессами и болезнью ее матери в период беременности, различными эмбриональными кризисами и механическим дискомфортом от того, что она делит материнскую утробу со своим братом-близнецом. Все это сопровождалось трудной кармической последовательностью и архетипическими переживаниями демонической природы.

В финальной фазе лечения во время одной из сессий имело место совсем уж необычное явление. На это раз прием ЛСД вызвал парадоксальный эффект: вместо провоцирования холотропных переживаний он вернул Миладу к норме. Как только это случилось, она начала обращаться ко мне именно так, как в то время в Чехословакии пациент должен обращаться к врачу. Она дистанцировалась от мира своего психоза и предложила интересные психологические прозрения на эту тему. Естественно, когда эффект от наркотика стал проходить, симптомы психоза переноса вернулись.

На следующей сессии она пережила несколько часов глубоких экстатических ощущений, с чувством космического единства в качестве преобладающего паттерна. Она отождествилась с Божественным Ребенком в чреве Великой Матери-Богини. К моему глубокому удивлению, после этой сессии прежние психотические и невротические симптомы исчезли, а личность была

полностью восстановлена. По описанию Милады, теперь она могла воспринимать себя и окружающий мир совершенно по-новому. У нее появилось желание жить, новое восприятие природы и искусства, полностью трансформировалось отношение к детям, и она обрела способность расстаться со своими нереалистичными амбициями и фантазиями. Она смогла вернуться на работу и должным образом выполнять свои обязанности, добиться развода с мужем и начать жить самостоятельно, заботясь о двух своих детях.

Много лет спустя, когда Чехословакия уже стала свободной, мне несколько раз удалось повидаться с ней во время моих визитов домой. Выяснилось, что ее состояние ничуть не ухудшилось, оставаясь столь же великолепным. Милада смогла справиться с эмоциональными кризисами в жизни двух ее детей, на которых очень сильно сказались бурные брачные отношения их родителей. Она даже не испытала эмоционального надлома и не была госпитализирована, когда ее дочь совершила самоубийство, бросившись под поезд. Хотя она испытывала глубокое горе и боролась с чувством вины по поводу смерти дочери, она вполне могла вести обычную жизнь.

После падения «железного занавеса» в странах Восточной Европы, когда наши семинары по холотропному дыханию и трансперсональной психологии охватили и эту часть мира, Милада прошла обучение и получила сертификат фасилитатора. Весьма противоречивая еретическая стратегия терапии, таким образом, добилась одного из самых потрясающих улучшений, с которыми мне приходилось сталкиваться за все пятьдесят с лишним лет моей психиатрической практики.

МАГИЯ ПЕСОЧНИЦЫ

Котенок в роли психотерапевта

Как мы уже неоднократно имели возможность убедиться, использование таких терапевтических методов, вызывающих холотропные состояния сознания, как терапия с применением психоделиков и холотропное дыхание, существенно увеличивает количество случаев синхронии. Синхрония также часто наблюдается у людей, переживающих духовное пробуждение. Вначале я думал, что это отражает особую взаимосвязь между совпадениями и холотропными состояниями сознания, но со временем пришел к заключению, что это скорее связано с трансперсональными установками, чем с особым состоянием сознания.

На наших семинарах мы часто наблюдали невероятные совпадения, даже прежде чем начинались холотропные сессии, когда участники выбирали себе партнеров, или еще по дороге на семинар. Мы часто были свидетелями необычно высокого поля синхронии, связанных с «игрой в песочнице», невероятной терапевтической техникой, разработанной нашим близким другом, недавно умершей Дорой Калф. Мы с Кристиной часто встречались с Дорой, поскольку практически во время каждого нашего визита в Швейцарию мы останавливались в ее прекрасном старом доме в Цолликоне, что близ Цюриха. Мы испробовали эту технику под ее руководством, используя ее невероятную коллекцию принадлежностей для этой техники.

Как утверждала Дора, идея игры с песком была подана ей неким иным, как самим Карлом Густавом Юнгом. Дора вышла замуж за датского барона, который был намного ее старше, и жила с ним в Голландии. После смерти мужа она вместе с детьми вернулась в Швейцарию, без особого успеха ища новые перспективы и цели в жизни. Случилось так, что она вместе с детьми часто приезжала в маленькую деревню, в которой часто проводил отпуск со своей семьей Карл Густав Юнг. Когда Дора и Юнг встретились, женщина поделилась с ним своим желанием найти свое призвание. И Юнг предложил ей поэкспериментировать с терапевтическим использованием игр с песком и дал ей основные инструкции, как это делать.

Техника игры в песочнице очень проста. Используется коробка определенного размера (примерно 60x80 см), частично заполненная чистым песком, и большое количество предметов, представленных на полках. Это фигуры людей различных рас и профессий, животных, деревьев и характерных домов из разных стран, камни или раковины, мифологические персонажи и символы. Задача клиента состоит в том, чтобы создать сцену, используя любые фигуры и объекты по собственному выбору. Игра с песком не использует стандартный набор принадлежностей — каждый терапевт создает свою коллекцию. Дора собрала огромную коллекцию объектов и фигурок со всего мира.

Мы с Кристиной просто влюбились в эту технику, после того как испытали на себе ее силу, и включили ее в программу наших месячных эсаленских семинаров. Одна из комнат в Большом доме Эсалена, где проходили наши семинары, регулярно оформлялась для игры в песочнице. Фигурки отчасти брались из нашей собственной коллекции, а отчасти — из чемоданов наших гостей. Кроме тех редких случаев, когда на семинаре присутствовали Дора и ее сын Мартин, нашим штатным терапевтом по играм с песком был юнгианский психолог и один из старших учеников Доры — Сесил Берни.

Один из наиболее примечательных и веселых случаев синхронии, которые нам случалось наблюдать в связи с игрой в песочнице, произошел на нашем месячном семинаре, на котором Мэри, одна из участниц, играла на нервах буквально всех остальных участников. Она непрерывно говорила, превозносила свой брак, свою интимную жизнь и сексуальную доблесть своего семидесятилетнего мужа. У нее были «самые невероятные оргазмы, фантастические

переживания в ходе дыхательной работы, величайшие мандалы» и так далее. Когда Эмметт Миллер, гипнотизер, который прибыл на семинар в качестве гостя, попросил участников представиться с соответствующими движениями и жестами, она вышла из комнаты, вбежала обратно через открытую дверь, сделала дикий пируэт и выкрикнула свое имя, а затем выбежала из комнаты через другую дверь.

Каждому члену группы стало ясно, что ее напыщенные панегирики были отчаянными попытками скрыть реальность, которая очень сильно от них отличается. Когда настало ее время играть в песочнице, она создала сложную и очень замысловатую сцену, которая представляла ее идеализированную жизнь и романтический брак. Она была очень взволнована этим и стала искать Сесила, Кристину, меня и Эла Драккера, эсаленского массажиста и специалиста по акупунктуре, чтобы показать нам свое невероятное творение. Когда она собрала всех вместе, то настояла на том, чтобы мы пошли и посмотрели на ее фантастическую сцену. Она практически притащила нас в Большой дом и провела вверх по лестнице в комнату для игр с песком.

Когда мы туда прибыли, она была в шоке. Когда она выходила, то оставила дверь комнаты открытой, и в ее отсутствие в комнату забрался котенок и использовал коробку в качестве кошачьего лотка. Он прыгнул в коробку, сбил несколько важных фигурок и нагадил в той части сцены, которая представляла самое сильное искажение реальности. Увидев, что произошло, Мэри почувствовала, что ее сердце разбито, а душа опустошена. Мы вышли из комнаты, а она в одиночестве стояла над своей разоренной сценкой, потом убрала экскременты, досыпала чистый песок и вымыла фигурки. Делая все это, она размышляла над тем, что произошло. Она убрала некоторые фигурки и заменила их новыми, в результате чего возникла новая сценка, куда более реалистичная и честная, чем прежде.

Несколько месяцев спустя во время обеда на Международной трансперсональной конференции на Филлип-Айленде в Австралии мы заговорили о синхронии, и Сесил Берни рассказал эту историю Майклу Харнеру, антропологу, который был известен своим язвительным юмором и умением очень быстро реагировать на различные жизненные ситуации. Майкл и Сесил часто вступали в словесные перепалки. «Ну что я могу сказать, Сесил, — мгновенно ответил Майкл. — Котенок-то оказался терапевтом лучше тебя!»

Приложение

**ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И
ТРАДИЦИОННАЯ НАУКА**

КОГДА НАУКА СТАНОВИТСЯ СЦИЕНТИЗМОМ

Карл Саган и его «Мир, полный демонов»

Смелые наблюдения исследователей сознания, накопленные во второй половине XX века, и основные положения трансперсональной психологии встретили недоверие и сильное творческое сопротивление академических кругов. Трансперсональная психология, появившаяся на свет в конце 1960-х годов, была восприимчива к культурному контексту и относилась к духовным и религиозным традициям древних и коренных культур с почтением, обусловленным результатами современных исследований сознания. Она также охватывала и интегрировала в себя широкий спектр аномальных явлений и данных наблюдений, бросавших вызов самой парадигме науки, которые традиционная теория объяснить не могла. Однако, несмотря на всю полноту охвата и проработанность обоснований, новое научное поле представляло собой столь резкое отклонение от традиционного мышления, присущего научным кругам, что его не удалось примирить с традиционной психологией и психиатрией, с декартово-ньютониановской парадигмой западной науки.

Ввиду этого новая наука была чрезвычайно уязвима для обвинений в ненаучности, иррациональности и даже «чокнутости», особенно со стороны тех ученых, которые не были знакомы с той огромной массой данных, на которых и основывалось новое направление. Подобные критики также игнорировали тот факт, что многие первопроходцы этого революционного направления обладали весомыми академическими заслугами. Эти первопроходцы создали и приняли для себя новое, трансперсональное видение человеческой психики не из-за своего незнания фундаментальных положений традиционной науки, а потому что обнаружили, что прежняя концепция совершенно непригодна для работы с новыми данными и результатами наблюдений. Огромное сопротивление оказывалось теми представителями академического сообщества, которые считали существующее научное мировоззрение точным и вполне определенным описанием реальности и упорно придерживались своих взглядов, оставаясь глухими к каким бы то ни было фактам, идущим вразрез со сложившейся системой.

Характер и энергичность реакции некоторых ученых-традиционалистов на любые проявления духовности в целом и трансперсональную психологию в частности во многом напоминает фанатизм религиозных фундаменталистов. Их отношению свойственно отсутствие солидного научного обоснования и игнорирование либо искажение всех существующих свидетельств, и они остаются глухи к фактическим данным наблюдений и логической аргументации. Более тщательное исследование открывает правду: то, что, по их утверждениям, является реальным, научно доказанным положением вещей, вне всякого сомнения — колосс на глиняных ногах, поддерживаемый сонмом априорных метафизических предположений.

Одним из наиболее ярких представителей этой категории ученых был профессор астрономии и космических наук Корнельского университета (Нью-Йорк) Карл Саган. Выдающийся ученый в своей области, он заслужил мировое признание своим участием в роли экспериментатора почти во всех запусках автоматических межпланетных аппаратов, запуском проекта по поиску внеземного разума SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence), созданием телевизионного сериала «Космос», получившего массу лестных отзывов, и разработкой совместно с Фрэнком Дрейком дизайна золотой пластины с посланием землян внеземным цивилизациям, которая была установлена на борту космического аппарата «Пионер-10» — первого космического корабля, отправившегося за пределы Солнечной системы. Незадолго до смерти Сагана (он страдал раком костного мозга) его научно-фантастическая повесть «Контакт» легла в основу восторженно принятого зрителями одноименного фильма.

Однако вместо того чтобы наслаждаться профессиональными успехами и репутацией в своей области знаний, Саган по непонятной причине начал необыкновенно эмоциональный и решительный крестовый поход против всего, что он считал иррациональным, ненаучным и оккультным. Он занял позицию не терпящего никаких возражений судьи, выносящего вердикт в отношении данных, предоставляемых самыми разными специалистами из нескольких других областей, включая парапсихологию, танатологию, психоделические исследования, антропологию и сравнительное религиоведение.

Для выполнения задачи очистки культуры от скверны оккультизма и суеверий Карл Саган стал одним из членов-основателей организации под названием Комитет по научному расследованию заявлений о паранормальных явлениях (CSICOP — Committee for the Scientific Investigation of Claims of the Paranormal), связал свое имя с журналом «The Skeptical Inquirer» («Любопытный скептик») и прибегнул к услугам мага Джеймса Ранди, который должен был доказать, что все заявления о паранормальных случаях — обман. Венцом его трудов стала книга страстных филиппик, обличающих опасности увлечения иррациональным, — «Мир, полный демонов» («The Demon-Haunted World»).

Впервые Карл связался со мной посредством восторженного письма, которое он написал мне вскоре после выхода из печати моей книги «Области человеческого бессознательного» («Realms of the Human Unconscious»). В этой книге я рассказал, что мои пациенты, проходящие курс ЛСД-психотерапии, часто переживали сильную регрессию, в ходе которой они вспоминали и чрезвычайно эмоционально заново проживали свое биологическое рождение, что сопровождалось и чисто физическими ощущениями. Мне удалось выделить четыре стереотипа переживаний, характерных для этого процесса, которые отражают следующие друг за другом стадии родов. Я назвал их базовыми перинатальными матрицами (БПМ).

БПМ-1 относится к предродовому периоду (концу срока беременности), заканчивающемуся непосредственно с началом родов. БПМ-2 отражает переживание плодом клаустрофобного ужаса и ощущения безнадежности, возникающих на той стадии родов, когда матка сокращается, а ее шейка еще не открылась. БПМ-3 соотносится с трудностями прохождения через родовой канал, которое начинается, как только шейка матки раскрывается достаточно широко. И наконец, БПМ-4 передает переживания момента рождения на свет и воссоединения с матерью, следующего непосредственно за рождением. Проживание собственного рождения заново и в полном сознании сопровождается переживанием психодуховной смерти и возрождения.

Особенно Карла восхитило мое описание четвертой перинатальной матрицы, которая обычно включает в себя видения яркого света и в его сиянии — различных архетипических фигур. По его мнению, высказанному в статье, опубликованной в 1979 году в журнале «Atlantic Magazine», мои наблюдения являются смертельным ударом по заявлениям приверженцев мистицизма, часто говорящих о видениях, наполненных божественным светом и небесными созданиями. Он пришел к выводу, что то, что мистики считают сверхъестественным сиянием и ангелоподобными существами, на самом деле просто младенческие воспоминания о появлении на свет в ярко освещенной больничной палате в окружении облаченных в медицинские халаты акушеров и сестер. Таким образом, восприятие этих событий как некоего нуминозного опыта — лишь следствие не полностью сформировавшихся у новорожденного зрения и способности распознавать образы.

Интерпретация Карлом перинатальных видений, почерпнутых из моей книги, резко контрастировала с моим описанием этого феномена. Имея опыт наблюдения буквально за сотнями психодуховных смертей и возрождений, я осознал, что проживание собственного рождения заново служит своего рода вратами к юнгианскому коллективному бессознательному, а сопровождающие этот процесс архетипические видения онтологически реальны и не могут

быть сформированы из нашего ощущения материального мира. Этот вопрос имеет громадное теоретическое значение ввиду провокационного утверждения Карла о природе реальности, которое послужило эпиграфом к его magnum opus — сериалу «Космос»: «Космос — это все сущее, все, что было, и все, что будет».

Позднее в своей книге «Мозг Брока», в которой Карл посвятил моей работе целую главу под названием «Околоплодная Вселенная», он снова допустил искажение моих слов. Конечно же он имел полное право сделать свои выводы из моих наблюдений, однако игнорировать мою интерпретацию и спускать на меня всех собак, представая таким разоблачителем мистицизма, — это уже несколько иное. Увлечшись этим, он также не учел того факта, что вторая половина «Областей человеческого бессознательного», книги, на которую он ссылался, была целиком посвящена подробному описанию духовных переживаний с множеством клинических примеров. Материал этой книги стал, по сути, одним из источников трансперсональной психологии — направления, пытающегося соединить в одно целое подлинную духовность и науку, а также снабдил эзотерическое мировоззрение практическими свидетельствами.

По мере того как трансперсональная психология, прикладывая все усилия к приданию духовной сфере «законного» статуса, продолжала развиваться и обретать более устойчивое положение в научных кругах, для Карла и комитета CSICOP она становилась все большим раздражителем. В конце концов Карл предложил мне, как стойкому члену небольшой группы профессионалов, встретиться с ним лицом к лицу в открытой дискуссии и обсудить теоретические вопросы, касающиеся данной дисциплины. Я принял приглашение и встретился с ним в номере одного из бостонских отелей. Кроме нас на встрече присутствовали моя жена Кристина, жена Карла Энн Дрюян и наш общий друг, психиатр и исследователь из Гарварда Джон Мэк.

Карл начал наш разговор с того, что напомнил мне о моей обязанности как специалиста в области медицины и психологии ответственно и взвешенно отбирать ту информацию, которую я собираюсь обнародовать, так как к словам ученого, носящего разнообразные титулы, непрофессиональная аудитория относится очень серьезно. Он подчеркнул, что для ученого чрезвычайно важно сообщать тем, у кого нет возможности самостоятельно сформировать свое мнение, только проверенные, правдивые научные данные. Затем он привел ряд примеров, иллюстрирующих, как различные ложные сообщения и фальсификации вводили публику в заблуждение. Он вспомнил о случае с немецким жеребцом, которого прозвали Умница Ганс (der kluge Hans), — как утверждал его хозяин, обман которого впоследствии был раскрыт, Ганс умел считать. Он также упомянул об «утке» итальянского происхождения — сообщали, что в ходе раскопок в этой стране из земли извлекли некое тело, и это якобы был окаменевший человек исполинского роста, — и о некоторых других подобных случаях. В этот момент я прервал Карла и сказал ему, что, по-моему, все эти истории не имеют отношения к тому, о чем мы собирались побеседовать.

— А что, по-вашему, имеет отношение к нашему разговору?», спросил он.

— Проблема онтологического статуса трансперсонального опыта — ответил я. — Например, опыт отождествления себя с другими людьми и иными формами жизни, достоверные внетелесные переживания, видения с участием архетипических существ и пространств, а также унаследованная от предков расовая, кармическая и филогенетическая память. Являются ли все эти явления галлюцинациями и фантазиями, не имеющими ничего общего с реальностью, или примерами подлинной связи с иными аспектами реальности и источниками соответствующей информации, которые обычно недоступны для нашего сознания?

— Приведите пример! — потребовал он. Судя по выражению его лица, он был в некотором

замешательстве.

Я описал несколько случаев, когда люди, находясь в холотропном состоянии сознания, переживали опыт отождествления себя с различными элементами материального мира либо входили в контакт с историческими и архетипическими областями коллективного бессознательного. Во всех этих случаях людям удавалось получить доступ к информации, которая, совершенно очевидно, была далеко за пределами того объема знаний, который они приобрели за всю свою жизнь обычными средствами. В трех из этих примеров наблюдался опыт отождествления с животными (орлом, китом и львом), в двух — с историческими событиями (см. истории Ренаты и Карла) и в одном — неясное архетипическое видение грозной Матери-богини малекулан Новой Гвинеи (см. историю Отто).

Пока я говорил, Карл восстановил самообладание и занял позицию авторитетного наставника.

— А, так вот вы о чем! Что ж, все это легко объяснимо, ничего загадочного, — парировал он. Американские дети смотрят телевизор в среднем шесть часов в день. Они смотрят массу разных передач, в том числе научно-популярные — на каналах «Нова» или «Дискавери», например. Большую часть они забывают, но их мозг — удивительный орган, который записывает абсолютно все. В дальнейшем в необычных состояниях сознания на базе этих данных порождается некая новая информация, относящаяся к возникшей ситуации. Но вы, человек, имеющий опыт в области науки и медицины, должны понимать, что мы располагаем только той информацией, которая проникла в наш мозг посредством органов чувств. Чтобы владеть любой другой появившейся информацией, люди должны ее каким-то явным образом где-либо и когда-либо получить.

Я был разочарован. В своих рассуждениях Карл основывался на старом афоризме британских философов-эмпириков, превратившемся в известный догмат монистической материалистической науки: *Nihil est in intellectu quod pop antea fuerit in sensu* («Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении»). Если в переживаниях моих пациентов присутствовала некая, по-видимому, новая информация, значит, они должны были каким-то образом где-то когда-то в течение своей жизни ее получить с помощью своих органов чувств. Это должно быть очевидно каждому, кто изучал естественные науки, — как может образованный человек думать по-другому?! Карл твердо придерживался традиционной точки зрения, не желая даже допускать, что существуют неоспоримые исследовательские данные, ставящие под сомнение то, что он считал само собой разумеющимся.

Чувствуя, что мы зашли в тупик, я обратился к танатологии, дисциплине, изучающей смерть и процесс умирания. За последние несколько десятков лет исследователям удалось собрать в данной области удивительные данные, касающиеся внетелесного опыта в околосмертном состоянии. В отличие от многих других трансперсональных явлений, такие переживания можно довольно просто подвергнуть объективной проверке. Поскольку подобные материалы фигурировали в большом числе книг-бестселлеров, телевизионных ток-шоу и даже в некоторых голливудских фильмах, я подумал, что доказать мои слова не составит труда.

Я привел в пример исследования в области танатологии, которые независимо друг от друга подтверждали, что во время внетелесных переживаний в околосмертном состоянии освобожденное от телесной оболочки сознание способно устанавливать непосредственный контакт с ближайшей окружающей средой, а также с различными удаленными объектами без помощи органов чувств. В книге Кена Ринга под названием «Мысленный взор» («Mindsight») описано потрясающее исследование, в ходе которого было замечено, что способность абстрагировавшегося от тела сознания воспринимать окружающую среду появлялась даже у людей, от рождения лишенных зрения. Они впервые в жизни начинали видеть, и все

присутствующие могли подтвердить: то, что они видели, соответствует действительности. Кен назвал это явление «достоверный внетелесный опыт».

В этой связи я также процитировал пример из книги «Воспоминания о смерти» («Recollections of Death», 1982) кардиохирурга Майкла Сабома, изучавшего околосмертные переживания своих пациентов. Я рассказал Карлу, что один пациент Майкла Сабома смог подробно описать процесс собственной реанимации, предпринятой после остановки сердца в ходе операции. Он сообщил, что сначала его бестелесное сознание наблюдало за процессом откуда-то из-под потолка. Затем оно заинтересовалось процедурой и переместилось ниже, заняв такое положение, из которого были хорошо видны показания приборов. Во время беседы после успешной реанимации пациент, к удивлению Сабома, смог воспроизвести всю последовательность действий при реанимации, включая изменение положения небольших переключателей на измерительной аппаратуре в соответствии с действиями операционной бригады.

Рассказав об этом случае Карлу, я спросил его, как бы он объяснил его с той материалистической точки зрения, которой он придерживается. После небольшой паузы он уверенно заявил:

— Совершенно ясно, что ничего этого на самом деле не было! Я недоверчиво покачал головой, не веря своим ушам.

— Что вы имеете в виду — не было? Уважаемый кардиохирург Майкл Сабом рассказал об этом в своей книге, основываясь на результатах исследований, проведенных со своими пациентами. Каково ваше объяснение описанных явлений? Что вы думаете по поводу всего этого? — спросил я.

На этот раз Карл взял паузу подольше — было очевидно, что он всерьез задумался, пытаясь найти ответ.

— Я вот что скажу, — нарушил он наконец тишину. — Кардиохирургов в мире много, и конкретно это мало кто знает. Вот он и придумал невероятную историю, чтобы привлечь к себе внимание. Это же чистый пиар!

Единственное объяснение, которое смог найти Карл этому удивительному случаю, способному изменить всю систему знаний, это отнести его на счет мошеннической саморекламы ученого, жаждущего славы.

Я был шокирован. Последние слова Карла серьезно подорвали то уважение, которое я питал к нему. Я понял, что его мировоззрение не научно, а скорее наукообразно. Оно приняло форму непоколебимой догмы, глухой к любым доказательствам. Стало также ясно, что наша с ним беседа достигла окончательного тупика. Я видел, что Карл не желает даже задуматься о том, что его убеждения, возможно, нуждаются в пересмотре и изменениях в соответствии с вновь открывшейся информацией, предпочитая сразу поставить под сомнение квалификацию, порядочность и здравомыслие своих коллег-ученых. Он был столь убежден в своем знании вселенной, в том, чего в этом мире точно не может быть, что не чувствовал ни малейшей необходимости более внимательно рассмотреть сенсационные данные.

Мои мысли по поводу решительности Карла в отстаивании своих научных убеждений любой ценой подтвердились позднее скандалом с участием комитета CSICOP по поводу так называемого эффекта Марса. В ходе своего исследования, первоначально задуманного с целью разоблачения астрологии, французские хронобиологи Мишель и Луиза Гоклены установили, что 22 % обследованных европейских чемпионов в разных видах спорта родились в момент восхода или кульминации Марса. К их удивлению, данное исследование скорее подтвердило, чем опровергло предсказания астрологов. Учитывая то, что при равномерном распределении это число должно было составить около 17 %, статистическая вероятность случайного преобладания

среди чемпионов рожденных под Марсом составляет всего одну десятимиллионную.

Публикация результатов исследования Гокленов привела троих членов CSICOP — Пола Курца, Джорджа Эйбелла и Марвина Зелена — в ярость. Они вступили в полемику, сначала обрушившись с критикой, а затем проведя собственное исследование. После обмена серией резких высказываний они, вместо того чтобы признать, что их результаты, по сути, подтвердили выводы Гокленов, прибегли к умышленной подтасовке своих данных. Обман раскрыл в 1981 г. соучредитель и член руководящего Исполнительного совета CSICOP Деннис Ролинз в своей статье, озаглавленной «Звездный ребенок» («Starbaby»). Когда Ролинз понял, что его организация стремилась не рассказать правду, а охранить от посягательств свою идеологию, он посчитал, что лучше остаться честным человеком, чем заниматься огульной охотой на паранормальных ведьм.

В 1984 году меня пригласили выступить с докладом о моих исследованиях психологического значения родовой травмы и базовых перинатальных матрицах (БПМ) на Всемирном астрологическом конгрессе в Люцерне, где в числе докладчиков фигурировал и Мишель Гоклен. В программе значилось также выступление еще одного новообращенного — астролога Ганса Айзенка, убежденного критика фрейдовского психоанализа, продемонстрировавшего в своей работе, что степень излечения как получающих лечение, так и не получающих его пациентов, страдающих эмоциональными расстройствами, примерно одинакова. Известность ему принесло изречение «Никто пока не доказал, что психоанализ более эффективен, чем разговор с доброжелательным соседом». В своем докладе на астрологическом конгрессе он по-прежнему скептически высказывался в отношении психоанализа, однако признавал тот факт, что его собственные исследования убедили его в важности астрологии.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

Появление ЛСД в Советском Союзе

С 1960 по 1967 год я работал на факультете изучения межличностных отношений пражского Института психиатрических исследований. За все эти годы моей главной обязанностью было исследование терапевтического и эвристического потенциала психоделиков. В это время единственной страной, помимо Швейцарии, которая официально производила фармакологически чистый ЛСД, была Чехословакия. Будучи главным участником психоделической исследовательской программы, я имел неограниченный доступ к этому веществу.

В 1964 году меня и моего коллегу, Зденка Дитриха, по обмену пригласили на шесть недель в Советский Союз для изучения проводимых в здесь исследований неврозов и психотерапии. В это время деятельность советских психиатров направлялась коммунистической идеологией, и единственно возможной теорией неврозов была теория, основанная на результатах, полученных в ходе экспериментов И.П.Павлова над собаками. Лечение ограничивалось приемом лекарств, содержащих бром и кофеин, терапией сном, гипнозом и приемом транквилизаторов. В СССР практически не существовало глубинной психотерапии, аналогичной исследуемой нами и интересующей нас.

Было не просто спланировать нашу поездку таким образом, чтобы она была и интересной, и познавательной. Однако нам удалось выяснить, что в Ленинградском психоневрологическом институте им. Бехтерева была группа ученых под руководством профессора Мясищева, которая занималась собственной разновидностью динамической психотерапии. Мы решили провести четыре недели в этом институте. Кроме того, Ленинград очень красивый город, и его стоит посетить хотя бы даже ради одного Эрмитажа, с его потрясающей коллекцией произведений искусств! Также мы запланировали визит в Сухуми, город в Грузии, для того чтобы посетить большой обезьяний питомник, расположенный на берегу Черного моря. В питомнике проводились экспериментальные исследования неврозов на примере гамадрилов. Ввиду политической ситуации в СССР мы также должны были непременно нанести визит академику Андрею Снежневскому, главе Московского института психиатрии Академии медицинских наук СССР и главному идеологу советской психиатрии.

Перед поездкой в СССР мы решили, что возьмем с собой 300 ампул с ЛСД-25 по 100 микрограммов каждая. Препарат был произведен чехословацким фармакологическим предприятием и находился в списках официальной фармакопеи наряду с такими утвержденными лекарствами, как тетрациклиносодержащие антибиотики, инсулин и аспирин. Это было еще до гарвардского скандала, в результате которого ЛСД запретили, и в то время в нашей деятельности не было ничего противозаконного. Во время первого совещания в институте им. Бехтерева мы сделали доклад о нашей работе с психоделиками и предложили провести ЛСД-сессию с участием всех заинтересованных членов команды.

Команда отделения неврозов под руководством доктора Страумита занималась поверхностной формой динамической психотерапии. Несмотря на то что психологи и психиатры этого отделения, в особенности молодые специалисты, интересовались психоанализом, им приходилось держать это в глубокой тайне. Книги Фрейда в Советском Союзе были запрещены из-за того, что его модель человеческой психики основывалась на преобладании в человеке низменных эгоистических инстинктов, а такие люди не годились для создания в будущем идеального коммунистического общества. Кроме того, это порочило пролетарских революционеров, объясняя их жажду свергнуть правящий класс тем, что ими

владел неразрешенный эдипов комплекс. Команде Бехтерева нужно было быть очень осторожной, чтобы не попасть под обвинение в том, что они поддались этой ереси.

Члены терапевтической команды с большой радостью согласились отправиться в путешествие в глубинные пространства своей психики при помощи средства, на котором не лежало печати фрейдизма. В Ленинграде мой коллега и я посещали и наблюдали индивидуальные и групповые занятия психиатров из института им. Бехтерева, проводили ЛСД-сессии с сотрудниками института и ходили в знаменитый музей Эрмитаж. Во время моего пребывания в Ленинграде я также читал в аудитории института им. Бехтерева лекции о психотерапии с применением ЛСД, свободные для посещения. В те годы я свободно говорил по-русски, поэтому большая часть аудитории могла понимать мой доклад без дополнительного перевода.

В то время нигде на территории Советского Союза не проводились официальные клинические исследования психоделиков. Существовало несколько проектов базовых лабораторных исследований, одно из которых проводилось в институте им. Бехтерева. Биохимик Лапин изучал воздействие псилоцибина, вещества, идентичного ЛСД, на кровеносные сосуды ушей кроликов. Ходили слухи, что в КГБ во время допросов и при идеологической обработке использовались мескалин и ЛСД. Русские, лишённые полной информации об остальном мире ввиду строгой цензуры, жаждали получить информацию о всем, что творилось за границей. Интерес был огромный, и я делал доклад в целиком заполненной аудитории.

В день моей лекции я провел ЛСД-сессию с доктором Страумитом, возглавлявшим факультет. Он настоял на своем участии в моей презентации и желании поделиться с аудиторией своим опытом в ее конце. Моя лекция была запланирована на раннее утро; переживания доктора Страумита оказались очень глубокими и значимыми, и когда он стал рассказывать о них, он все еще пребывал под воздействием так называемого остаточного галлюциногенного эффекта. Его отчетливая речь оказала огромное влияние на аудиторию, и это событие определенно имело успех.

В России мы оказались как раз в такой момент, когда нам удалось стать свидетелями интереснейших политико-научных событий. Во время нашего пребывания в Ленинграде по всему Советскому Союзу распространились сенсационные слухи об исторической операции «Солнечный свет», осуществленной в 1958 году. Это был первый случай прохода Северного полюса на корабле — американской субмарине «Наутилус», проплывшей под арктическим льдом. В 1959 году, посреди холодной войны, французский журналист сообщил сенсационную новость о том, что «Наутилус», лишённый обычных средств электронной связи из-за толстого слоя полярного льда, успешно обменивался телепатическими сообщениями с военной базой.

Перед самым нашим прибытием в Ленинград академик Леонид Васильев, всемирно известный психолог и обладатель Ленинской премии, упомянул об успехе американцев на конференции, на которую советские ученые собралась в честь годовщины изобретения радио. Он предсказал, что использование энергии, лежащей в основе экстрасенсорного восприятия, встанет на одну ступеньку с открытием атомной энергии. Комментарий Васильева воодушевил и заинтересовал не только профессионалов, но и военные круги.

Советское правительство было встревожено тем, что, возможно, США способны добиться военного превосходства благодаря использованию психического оружия. В течение года после этой лекции Васильев был главой специальной лаборатории парапсихологии в Ленинградском университете. Это было началом золотой эры советских парапсихологических исследований, проводившихся под эгидой советских вооруженных сил и секретных служб. Годовой бюджет этих исследований составлял около 20 миллионов рублей. В то время это было немного больше, чем аналогичная сумма в долларах США. Однако такое положение вещей было выгодно и для

американских парапсихологов, потому что уделение повышенного внимания парапсихологии в Советском Союзе делало эту область важной для национальной безопасности США и, следовательно, заслуживающей поддержки правительства США.

Во время нашего четырехнедельного пребывания в Ленинграде подробный обмен знаниями во время занятий с применением психоделиков и вечеринки, подогретые водкой «Старка», которую готовили по старинному царскому рецепту, крепко сдружили нас. Когда мы уезжали оттуда, направляясь в Москву и Сухуми, мы отдали нашим ленинградским коллегам изрядное количество оставшихся ампул с ЛСД, чтобы они могли продолжить свои исследования. После визита в Москву, город, интересный, конечно, более в культурном, чем в профессиональном смысле, и замечательной поездки в Сухуми на субтропическое побережье Грузии, мы вернулись в Прагу.

Этот опыт имел интересное продолжение три года спустя, когда я стал сотрудником Университета Джона Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд. Психиатрическая клиника Генри Фиппса, где я обучал студентов психотерапии, регулярно по средам проводила семинары и лекции с участием приглашенных преподавателей. Одним из гостей был доктор Исидор Цифферштайн, американский психиатр, уроженец Белоруссии. Благодаря тому, что он свободно говорил по-русски, он ежегодно посещал институт им. Бехтерева и участвовал в индивидуальных и групповых терапевтических занятиях, как и мы во время нашей поездки по СССР. Так как институт им. Бехтерева был единственным местом в Советском Союзе, в котором существовала школа психотерапии с определенным терапевтическим подходом, доктор Цифферштайн вскоре стал официальным экспертом США по советской психотерапии. Он путешествовал по стране, читал лекции и писал статьи по этой тематике.

Его визит в клинику Генри Фиппса был одним из пунктов программы его лекционного тура. Как обычно, после описания работы профессора ленинградской школы Мясищева доктор Цифферштайн поделился с нами наблюдением, которое его самого весьма озадачило. По его словам, он ездил в институт им. Бехтерева каждый год вот уже в течение нескольких лет. Но во время последнего визита он стал свидетелем новых удивительных событий. Радикально изменилась интеллектуальная атмосфера института. Во время его предыдущих визитов большинство дискуссий с сотрудниками института вращалось вокруг имени

Ивана Петровича Павлова, российского лауреата Нобелевской премии и жителя Ленинграда. Терапевты пытались обосновать свои теоретические концепции и терапевтические стратегии, ссылаясь на работы Павлова.

К удивлению Цифферштайна, во время его последнего визита такой ситуации уже не наблюдалось. Все молодые психологи и психиатры постоянно говорили о восточной философии, различных школах йоги и дзен-буддизме. Они упоминали такие книги, как «О, дивный новый мир!» и «Остров» Олдоса Хаксли, «Путешествие на Восток» Германа Гессе. Это было задолго до начала перестройки и гласности. Зная, что упоминание о возможной связи между психоделическими сессиями, проводимыми сотрудниками, и изменением их интересов может иметь для них неприятные последствия, я сдержался и не стал говорить о наиболее вероятном объяснении таинственного открытия доктора Цифферштайна.

Для меня это стало лишь еще одним доказательством того, что я вижу постоянно в моей собственной работе: как только знающие психиатры и психологи с хорошим академическим образованием получают возможность испытать холотропные состояния на себе, они понимают, что материалистическое научное мировоззрение неспособно объяснить подобные состояния, и выбирают в качестве более подходящего варианта духовные философские школы Востока и мировые мистические традиции.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПСИХИКА И КОСМОС

Что нового о нашем сознании могут сказать планеты

Одной из самых приятных неожиданностей за пятьдесят с лишним лет, которые я посвятил исследованию сознания, было открытие пророческой силы астрологии. Работа с холотропными состояниями сознания и их испытание на себе самом постепенно разрушает материалистическое мировоззрение, делая человека более открытым к различным эзотерическим учениям. Вместе с тем мой скептицизм по отношению к астрологии был весьма силен и устойчив и не покидал меня на протяжении многих лет исследования сознания. Мысль о том, что звезды могут иметь что-то общее с состояниями сознания, не говоря о событиях, происходящих в мире, казалась мне абсурдной и противоречащей здравому смыслу еще долгое время после того, как я открыл для себя духовные философские школы Востока, акупунктуру и «И цзин» («Книгу перемен»).

Открытие астрологии продлилось для меня на долгие годы. Впервые я столкнулся с ней в 1966 году, когда меня пригласили поучаствовать в одной из программ чехословацкого ТВ — ток-шоу, на котором обсуждался психоделический исследовательский проект, возглавляемый мной в пражском Институте психиатрических исследований. В этой программе принимал участие и мой словацкий коллега, психиатр Эуген Йонаш. Эуген очень интересовался астрологией, которую изучал на протяжении 25 лет, и знал астрологические традиции, бытовавшие в Вавилоне, Ассирии, Египте и Индии. Из-за марксистской цензуры он не мог использовать термин «астрология» и говорил о своей работе как об «изучении космобиологического воздействия».

В рамках той телевизионной программы, в которой мы оба участвовали, он рассказывал о своем исследовании влияния космобиологических факторов на репродуктивную функцию женского организма. С помощью сведений, обнаруженных им в древней книге по ведической астрологии, он пытался предсказывать пол будущего ребенка и объяснять причину периодических сбоев календарного метода контрацепции Огино-Кнаусса. В ходе данного исследовательского проекта, осуществленного совместно с университетами Братиславы и Гейдельберга, ему удалось на основании гороскопа, составленного по времени зачатия, правильно предсказать пол ребенка в семнадцати случаях подряд. Статистическое значение этих результатов было поистине космическим. Необходимо подчеркнуть, что все это происходило за много лет до того, как появилась возможность определять пол плода посредством ультразвукового обследования.

У нас с Эугеном была возможность переговорить в зале перед началом ток-шоу, и после короткой беседы о наших исследовательских проектах мы решили пообедать вместе на обратном пути с телевидения. За обедом Эуген поделился со мной своим энтузиазмом и увлеченностью астрологией и постарался убедить меня в том, что натальная и транзитная астрология могла бы послужить чрезвычайно полезным инструментом для наших психоделических исследований. Некоторое время спустя он и правда предоставил мне любопытные данные по нескольким моим ЛСД-пациентам, которые опирались исключительно на их натальные карты и текущие транзиты. Я нашел эту информацию очень интересной, однако мой скепсис в отношении астрологии, являвшийся результатом моего академического образования, был слишком силен и не позволил мне принять предложением Эугена и погрузиться в серьезное изучение этой науки.

Хотя этого случая и было недостаточно, чтобы в одночасье превратить меня в страстного полковника астрологии, он зародил во мне зерно, которое пустило росток лишь через много лет. В 1973 году, когда я уже семь лет занимался психоделическими исследованиями в

Мэрилендском научно-исследовательском центре психиатрии (Балтимор), мне предложили преподавать в институте Эсален и жить на территории его кампуса в Биг Суре (Калифорния). Через несколько месяцев я связался со студентом из Гарварда Ричардом Тарнасом, приехавшим в Эсален для работы над диссертацией по ЛСД-психотерапии. Он слышал о моей деятельности и пришел просить меня быть членом диссертационной комиссии. На тот момент единственным пустующим местом в Эсалене была маленькая студия в подвальном этаже дома, в котором размещался я. Рик переехал в нее, и наши рабочие отношения быстро выросли в близкую дружбу.

С этого момента начался новый этап моего интереса к астрологии. В Эсалене мы с Риком познакомились с Арне Треттевиком, человеком, целиком посвятившим свою жизнь астрологии. Он всегда носил с собой книгу «Американские эфемериды» и заглядывал в нее каждый день, если не каждый час, следя за взаимосвязью планетных транзитов и событий в его жизни. Арне действовал не так, как Эуген: он не просто делился с нами своими наблюдениями, он учил нас рассчитывать транзиты и обсуждал с нами основные характеристики архетипов планет, и мы, таким образом, могли удостовериться в базовых положениях астрологической науки.

Стратегия Арне сработала, и мы с Риком, получив первый астрологический опыт, убедились в важном значении астрологии. Заинтересованность Рика оказалась достаточно глубокой, чтобы прервать в итоге в дело всей его жизни. Я же продолжал заниматься холотропными состояниями сознания, но теперь уже использовал астрологию в качестве важного инструмента исследований и неотъемлемой их части. На протяжении лет я и Рик были одной командой, дополняя друг друга. Моя задача состояла в сборе интересных клинических данных при проведении психоделических сессий, семинаров и тренингов по холотропному дыханию, наблюдении мистического опыта, внезапного духовного пробуждения и психотических вспышек. Рик, пользуясь своими превосходными знаниями и опытом в астрологии и истории культур, изучал возникающие при этом астрологические взаимосвязи.

Работая по этой схеме многие годы, мы накопили достаточно убедительных доказательств, вполне конкретно подтверждающих важнейшие положения астрологии. Этот материал выявил существование системы взаимосвязей между характером и содержанием холотропных состояний сознания и планетных транзитов, рассчитанным для данного человека. Первым знаком возможно существующей удивительной связи между астрологией и моими исследованиями холотропных состояний было осознание того факта, что мое описание феноменологии четырех базовых перинатальных матриц (БПМ), паттернов переживаний, связанных со стадиями биологического рождения, оказалось удивительно похожим на характеристики четырех архетипов, привязанных астрологами к внешним планетам Солнечной системы. Мое описание БПМ базировалось на независимых клинических наблюдениях, которые я проводил задолго до того, как познакомился с астрологией.

Позитивные аспекты первой перинатальной матрицы (БПМ- 1) — проживание заново моментов безмятежного внутриутробного существования, а также сопутствующие ощущения исчезновения границ, необъятного экстаза, космического единения, выхода за рамки времени и пространства и соприкосновения с мистическими областями реальности — четко отражают тот архетип, который астрологии ассоциируют с Нептуном. То же происходит и с негативным аспектом БПМ-1, возвращением к переживанию дородовых тревог. В этом случае исчезновение границ имеет не мистическую, а психотическую природу; оно приводит к замешательству, бредовому мышлению, возникновению ощущения химического отравления и параноидального восприятия реальности. Эта матрица также психодинамически связана с алкогольной или наркотической интоксикацией и зависимостью. Именно эти качества астрологи приводят, говоря о темной стороне архетипа Нептуна.

Яркими чертами БПМ-2 — соотносимыми с «безвыходной» стадией родов, в течение

которой матка сокращается, а шейка матки все еще остается закрытой, — являются озабоченность старением и смертью, ощущение тяжести судьбы и тяжелых родов, депрессия, подавленность, удушье и голод. Эта матрица также приносит чувства несостоятельности, неполноценности и вины. Она ассоциируется со скептицизмом и глубоко пессимистическим взглядом на жизнь, деструктивным кризисом смысла жизни, неспособностью радоваться чему-либо и полной потерей контакта с божественными гранями реальности. В астрологии все эти качества являются атрибутами негативной стороны архетипа Сатурна.

Невероятно точное соответствие астрологических характеристик с эмпирическими аспектами БПМ-3 особенно удивительно, поскольку эта матрица представляет собой необычное сочетание элементов, типичных для последней стадии биологического рождения. Сюда относятся неослабный напор стихийной движущей силы, столкновение титанических энергий, дионисийский экстаз, рождение, секс, смерть, перерождение, уничтожение и скатология. Далее можно упомянуть переживание тесной взаимосвязи между жизнью и смертью и присутствие мотивов вулканического извержения, очищающего огня и потустороннего мира — городского, криминального, психологического, сексуального и мифологического. Все эти атрибуты в астрологии характеризуют архетип Плутона.

И наконец, описание признаков БПМ-4 — переживания появления на свет через родовой канал — тесно коррелирует с архетипом Урана. Это единственная планета, архетипическое значение которой существенно отличается от природы своего мифологического тезки. Как убедительно продемонстрировал Рик в своем эссе, целиком посвященном этой теме, архетип, связываемый с Ураном, на самом деле в точности отражает основные черты героя древнегреческой мифологии Прометея (Тарнас, 1995). Ему присущи такие черты, как нахождение неожиданного выхода из сложных ситуаций, разрушение и выход за пределы границ, блестящие озарения, проявление Прометея, внезапный взлет на новый уровень понимания и сознания, освобождение и избавление от прежних ограничений.

Обнаружение столь сильного подобия описания четырех основных архетипов планет и явлений, связанных с базовыми перинатальными матрицами, само по себе стало экстраординарным событием, особенно учитывая, что последние возникли совершенно независимо и из совершенно других источников, нежели первые. Однако еще более поразительным стала находка Рика, обнаружившего позднее, что в тот период, когда в гороскопах находящихся в холотропных состояниях людей имеют место важные транзиты соответствующих планет, регулярно возникают опыты конфронтации с этими матрицами.

За многие годы исследований мы смогли подтвердить этот факт тысячами специальных наблюдений. Ввиду этого удивительно точного соответствия астрология — точнее, транзитная астрология — оказалась для исследований сознания тем самым давно разыскиваемым Розеттским камнем, который послужил ключом к пониманию природы и содержания настоящих, прошлых и будущих холотропных состояний, как спонтанных, так и искусственно вызванных.

Соответствия в прошлых переживаниях, которые представляют собой в первую очередь теоретический интерес, можно использовать в качестве базы для исследований по долготе (longitudinal research). Анализ текущих транзитов может принести большую пользу в работе с пациентами, переживающими «спонтанный духовный кризис», рисуя схему ранее необъяснимых переживаний и их временных параметров. А возможность делать на основе будущих транзитов необыкновенно точные предсказания является ценнейшим инструментом планирования психоделических и холотропных сессий.

Современная евроамериканская цивилизация находится под столь сильным влиянием материалистической науки, что для преодоления ее чар, для того чтобы подвергнуть

радикальному пересмотру наше восприятие человеческой психики и природы реальности, без которого невозможно постичь новую информацию, обычно нужны годы изучения холотропных состояний и неоднократное испытание этих состояний на себе. Неудивительно, что этот процесс оказывается трудным и встречается с огромным сопротивлением. Объемный массив данных наблюдений за холотропными состояниями и астрологическими явлениями, бросающий вызов научным устоям, невозможно интегрировать в научные концепции, просто поставив небольшую заплатку и сделав несколько косметических изменений и несущественных локальных допущений. Для этого требуется всеобъемлющая ревизия знаний, которая разрушит самые фундаментальные метафизические положения и убеждения материалистической науки и создаст на их месте новые.

Последствия таких изменений конкретно для психологии и психиатрии охватывают пространство гораздо более широкое, чем те вещи, о которых я все эти годы говорил в своих книгах — значительно расширенная модель человеческой психики, гораздо более сложная многоуровневая структура эмоциональных и психосоматических расстройств, существование и терапевтическое использование внутреннего исцеляющего разума («внутреннего радара») и некоторые другие. Еще одна область, требующая радикального пересмотра в свете новых данных, — роль медицинской модели в психиатрии и ее влияние на клиническую практику, особенно в отношении постановки шаблонных диагнозов-ярлыков.

Поскольку переживания пациентов как в обычных, так и в холотропных состояниях сознания в любой конкретный момент демонстрируют почти полное соответствие с архетипическими областями планет, находящихся в транзите, они подвержены постоянным изменениям. Практикующие врачи и теоретики, пытающиеся разработать жесткую систему классификации психиатрических диагнозов, видят тщетность своих усилий. В данный момент мы используем уже четвертую редакцию официального «Американского руководства по диагностическим и статистическим критериям» («American Diagnostic and Statistical Manual», DSM-IV), но психиатры и психологи продолжают выражать свое разочарование по поводу недостаточного соответствия между описанием диагностических категорий и реальными клиническими картинками, наблюдающимися у их пациентов.

С астрологической точки зрения подобная неустойчивость клинической картины отражает постоянно меняющиеся аспекты (углы) между планетами и соответствующими архетипическими влияниями. В разные периоды времени две или более планет располагаются на небе в некой значимой конфигурации; эти конфигурации имеют особенно важное значение и оказывают особенно длительное влияние, если в них входят внешние планеты от Юпитера до Плутона. Комбинированное архетипическое поле, связанное с этими планетами, придает переживаниям на этом периоде определенное качество, определяет их *Zeitgeist*, дух времени.

В течение всего отрезка времени с 1960 по 1972 год, например, наблюдалось сближение Плутона и Урана — единственный подобный случай на протяжении всего XX века. Со всей определенностью можно утверждать, что эта архетипическая комбинация как нельзя лучше соответствовала длительному периоду значительных психодуховных изменений дионисийского типа, характеризовавшихся общественным подъемом, развитием движения за права человека, прорывам в области технологий, радикальными нововведениями в музыке и других искусствах, сексуальной революцией, появлением феминизма, студенческими беспорядками и широко распространившейся контр культурной деятельностью.

В 1990-е годы основное архетипическое влияние оказывало, напротив, сочетание Нептуна и Урана. Это был период глубоких, но в целом ненасильственных духовных и социальных перемен, «бархатных революций» — объединение двух Германий, освобождение восточноевропейских стран, мирного распада Советского Союза, грозной супердержавы. В это

время общество стало лучше принимать юнгианскую психологию, и в списки бестселлеров попало множество книг по духовной тематике. Трансперсональные отношения нашли свое отражение в кино. Мифология, околосмертные переживания, похищения людей инопланетянами, инструментальная транскомуникация (ИТК) и виртуальная реальность привлекли внимание как специалистов, так и широкой публики (Тарнас, 2006).

В период этих важных мировых транзитов подобные сочетания планет, образуя значимые аспекты с определенными планетами в индивидуальных натальных картах, приобретают также персонифицированное значение для отдельных людей. Эти расположения планет впоследствии отражаются в тенденциях конкретных эмоциональных и психосоматических расстройств. В итоге психиатры, практиковавшие в различные периоды времени, видят одно и то же явление по-разному. Это подсказывает нам адекватное объяснение тому факту, что задача создания законченного и пригодного в любых ситуациях руководства DSM с самого начала представляет собой большую проблему.

Но это еще не все. В рамках ежегодного курса, который мы с Риком Тарнасом ведем в Калифорнийском институте интегральных наук (CIIS) в Сан-Франциско, мы рассказываем о крупнейших школах глубинной психологии и анализируем астрологические карты их основателей. Вскоре становится очевидным, что эти первопроходцы не были способны объективно исследовать пространства психики своих пациентов и делать универсальные выводы, которые могли бы остаться неизменными навсегда. Они смотрели на проблемы пациентов сквозь свои субъективные шаблоны восприятия или искажающие линзы, изначально присущие конфигурации их карт и транзитов на момент проведения обследований.

Таким образом, за исключением случаев физиологически обусловленных расстройств, в психиатрии не существует жестко установленного списка изучаемых феноменов. Следовательно, результат какого-либо исследования эмоциональных и психосоматических расстройств нефизиологического генеза зависит от сложного взаимодействия некоторого числа факторов, конфигурации планет для всего мира, определяющей *Zeitgeist* на данный период, и индивидуальных транзитов, придающих ту или иную окраску переживаниям пациентов.

Представление о психиатрии как о науке, обладающей четким описанием устойчивых и не меняющихся со временем патологических состояний и арсеналом направленных средств и методов, не что иное, как иллюзия. В этих обстоятельствах единственным приемлемым подходом представляется путь описания психических расстройств в терминах взаимосвязей и инструментов, которые можно использовать для анализа ситуации в какой-либо конкретный момент времени, и составления их характеристики в терминах феноменологии переживаний пациента и их взаимосвязи с его планетными транзитами. Для корректировки выводов необходимо также принимать во внимание глобальную конфигурацию планет и карты и транзиты самого исследователя.

Зависимости, открытые астрологией, настолько сложны, затейливы, креативны и высокообразны, что это не оставляет сомнений в их божественном происхождении. Они предоставляют убедительные доказательства глубоких, осмысленных действий, легших в основу созидания, и существования высшего космического разума, выполнившего их. При этом возникает очень любопытный вопрос: может ли существовать всеохватывающее мировоззрение, которое способно дать пристанище астрологии и ассимилировать ее выводы? После многих лет, прошедших не без сомнений и неприятных событий, я пришел к заключению, что такое мировоззрение, которое вбирает в себя и объясняет как мой опыт и наблюдения, полученные в ходе исследования сознания, так и астрологическую науку, существует. Однако это мировоззрение диаметрально отличается от системы убеждений, преобладающей в современной западной цивилизации.

Я дал описание этому мировоззрению в своей книге «Космическая игра. Исследование рубежей сознания», а также представил его в сжатой форме в одной из глав моей последней книги «Психология будущего». Это видение реальности основано на переживаниях и инсайтах, возникших в холотропном состоянии, и изображает вселенную не как материальную систему, а как бесконечно сложную игру Абсолютного Сознания. В древнеиндийских текстах содержится описание подобного восприятия космоса — там события, происходящие в мире феноменов, называются словом «лила», божественная игра. Этот древний способ восприятия вселенной становится все более сопоставимым с различными революционными изменениями в науке новой парадигмы.

Если космос является порождением высшего разума, а не неким сверхорганизмом, создавшим самого себя, то становится намного более правдоподобно, что астрология — одна из многих разных систем, из которых сплетена ткань вселенной. Ее можно рассматривать как полезное дополнение к аппарату науки, а не как непримиримого соперника научного мировоззрения. Концептуальная открытость по отношению к такому подходу поспособствовала бы использованию огромного потенциала астрологии как клинического и исследовательского инструмента в психиатрии, психологии и психотерапии, равно как и во многих других дисциплинах.

Главную причину жесткой конфронтации ученых-традиционалистов и астрологии хорошо иллюстрирует моя полемика с Карлом Саганом, бывшим лидером «научной» оппозиции астрологии. Узнав о моем интересе в этой области, он сказал мне: «Я не могу понять, как вы, умный и образованный человек, можете верить в подобную чушь. Астрология — это же полная ерунда! Стоя рядом с вами, я влияю на вас больше, чем какой-то там Плутон». Карл обладал блестящими способностями и тут же произвел в уме нужные вычисления, исходя из величин массы, расстояния и гравитационного поля. Результат привел его к очевидному выводу, что планеты не могут оказывать сколь-либо существенного физического воздействия на человеческую психику и события, происходящие в мире. Увы, ему не хватило воображения представить себе какой-либо иной механизм, задействованный в данном случае.

Скепсис Карла в отношении физического влияния планет на человеческую психику и мировые события разделяют и все образованные астрологи. Они думают не в терминах логических цепочек из физических причин и следствий, а в терминах синхронных взаимосвязей. Чтобы принять астрологическую точку зрения, нужно избавиться от представления о вселенной как о механической и полностью детерминированной системе и заменить его образом вселенной, созданной высшим космическим разумом по своему гениальному проекту. Согласно астрологическому мировоззрению, универсальная схема мира состоит из систематических взаимосвязей между движением и аспектами планет и динамикой мира архетипов. И поскольку архетипическая динамика управляет событиями материального мира и наполняет их содержанием, мы, руководствуясь положением планет, можем сделать выводы и предсказать, какого рода события стоит ждать в материальной реальности.

Важно подчеркнуть, что астрологические предсказания являются архетипическими, а не конкретными. Для вынесения суждения об астрологии недостаточно полагаться лишь на тот факт, что она несовместима с традиционной научной мыслью. Критики, желающие, чтобы их воспринимали всерьез, должны быть знакомы с теорией и практикой астрологии и обладать соответствующими знаниями архетипической психологии. Следующий шаг — провести свои исследования и оценить, в какой степени данные практических наблюдений совпадают с астрологическими предсказаниями. Я убежден в том, что после проведения подобного исследования жертвой непредубежденного ученого падет не астрология, а монистическое материалистическое мировоззрение академической науки.

Мои наблюдения и опыт, накопленные за пять десятилетий, на протяжении которых я занимался исследованием холотропных состояний, как своих, так и тысяч других людей, существенным образом изменили мое личное и научное мировоззрение. Истории, описанные в этой книге, представляют небольшую, но показательную часть событий, которые способствовали этой трансформации.

В 1956 году, когда я заканчивал медицинский факультет Пражского университета, я разделял со всем академическим сообществом и с нашей культурой представление о вселенной и о психическом устройстве человека, которое было сформировано западной материалистической наукой. Это представление о мире было основано на метафизической предпосылке, что вселенная представляет собой механическую систему, которая строго детерминирована и в которой материя первична. Жизнь, сознание и разум рассматривались как более или менее случайные побочные продукты материи, — явления, которые случайно возникли после миллиардов лет эволюции инертной неорганической материи в маленькой, ничем не примечательной части огромной вселенной.

Эта парадигма не допускала существования никакого Высшего Разума, или руководящего плана, стоящего за этой вселенной. Все это невероятное многообразие форм, открытое различными отраслями науки, от астрономии, квантовой физики и химии до биологии и психологии, рассматривалось как результат бессмысленных и случайных сочетаний материальных частиц. Вселенная представлялась как огромная и полностью детерминированная механическая система, которая управляется исключительно законом причины и следствия.

Согласно этой парадигме, вселенная, по существу, создала сама себя. Частицы неорганической материи просто случайно сложились в органические соединения, а те, в свою очередь, случайно самоорганизовались в клетки. Вся дарвиновская эволюция от одноклеточных организмов до человека происходила в результате случайных генетических мутаций и естественного отбора. Согласно этому мировоззрению главным механизмом эволюции в природе было выживание наиболее приспособленных и воинственная, эгоистичная стратегия генов. Эта теория вполне объясняет и оправдывает то, что кажется сейчас наиболее характерным для поведения в человеческом сообществе — преследование личных интересов в ущерб и за счет других, что проявляется как в частной жизни, так и на более широкой экономической, политической и военной арене.

Этот мрачный образ человеческой природы был подкреплен открытиями глубинной психологии, родоначальником которой был Зигмунд Фрейд, согласно которой все наше поведение в конечном счете мотивируется основными животными инстинктами. С этой точки зрения чувство любви является не чем иным, как просто реакцией на нашу врожденную враждебность или десексуализированным интересом к родителям. Нравственное поведение основано на страхе наказания, интерес к эстетике является психологической защитой против сильных анальных импульсов и т. д. Без общественных ограничений, карательных мер и супер-эго, созданного запретами и наставлениями наших родителей, мы все погрязли бы в разврате, убийствах и воровстве, как Фрейд очень красноречиво описал в своей книге «Неудовлетворенность цивилизацией» (Фрейд, 1971b).

Религиозные верования и духовный интерес любого рода Фрейд и его последователи рассматривали как проявление суеверий, легковерия, примитивного магического мышления, первичных процессов и обсессивно-компульсивного поведения, являющегося результатом подавления анальных импульсов и неразрешенного комплекса Эдипа или Электры. Эта точка

зрения, опять же, была впервые высказана Зигмундом Фрейдом в его работах, таких как «Тотем и табу» и «Будущее одной иллюзии» (Фрейд, 1971a и 1971c). Начисто отменяя возможность и законность чего бы то ни было духовного, он не проводил никакого различия между примитивными народными верованиями и сложными системами, основанными на многовековых глубоких исследованиях души и сознания, такими как различные школы йоги, буддизм и суфизм. А непосредственное восприятие духовных измерений реальности некоторыми людьми рассматривалось им как проявление серьезных психических расстройств.

Мои профессиональные наблюдения и личный опыт за последние пятьдесят лет, примером которых являются истории, описанные в этой книге, серьезно подорвали вышеописанное мировоззрение и заставили меня усомниться в его основных метафизических положениях. Преодолевая значительное интеллектуальное сопротивление, у меня постепенно сложилось совершенно иное понимание вселенной, психики и человеческой природы. Это мировоззрение имеет сходство с системами человеческой мысли, которые Олдос Хаксли назвал вечной философией, а особенно с великими восточными философскими учениями. Согласно моему теперешнему представлению о реальности, сознание составляет фундаментальный аспект существования, равный или, возможно, высший по отношению к материи, а вовсе не ее случайный продукт.

Сейчас я убежден, что вселенная была сознана космическим сознанием и высшим творческим разумом (*anima mundi*) и пронизана им на всех своих уровнях и во всех своих измерениях. Образ космоса как гигантской супермашины с ньютоновскими характеристиками, состоящей из отдельных строительных блоков (элементарных частиц и материальных объектов), уступил место образу единого поля, органического целого, в котором все части взаимосвязаны. Теперь каждую индивидуальную человеческую душу я рассматриваю как неотъемлемую часть общего поля единого космического сознания, по своей сути однородную с ним.

Более конкретно, чтобы понять мои наблюдения и опыт холотропных состояний, мне пришлось существенно расширить модель, используемую в настоящее время в традиционной психиатрии и психологии. Категории биологии, физиологии, постнатального развития и фрейдовского индивидуального бессознательного оказались совершенно непригодными для этой цели. Кроме постнатального развития новая карта должна была включать еще две области: перинатальную (связанную с травмой рождения) и трансперсональную (включающую родовую, расовую, коллективную и филогенетическую память, кармический опыт и архетипическую динамику).

Радикальные изменения произошли также в моем представлении относительно того, что в традиционной психиатрии принято называть психопатологией. Теперь я ясно понимаю, что эмоциональные и психосоматические расстройства, которые не имеют органической основы (психогенной психопатологии), не могут быть адекватно объяснены с позиций травматического опыта, перенесенного в младенчестве, детстве и в последующей жизни. Корни этих заболеваний уходят гораздо глубже — в перинатальный уровень и в трансперсональные сферы. Хотя сначала осознание такой глубины эмоциональных и психосоматических проблем может поставить в тупик, оно более чем уравнивается открытием новых эффективных терапевтических механизмов, действующих на глубоком бессознательном уровне (которые связаны с повторным переживанием рождения, с опытом прошлых жизней, с переживанием космического единства и многими другими).

Не менее важным аспектом нового понимания человеческой психики является открытие ее собственной внутренней исцеляющей мудрости. Цель традиционных видов психотерапии заключается в том, чтобы достичь интеллектуального понимания того, как действует психика, почему возникают симптомы и что они означают. Затем на основе этого понимания

разрабатываются различные техники, которые терапевты могут использовать для лечения своих клиентов. У этого подхода есть один серьезный недостаток — поразительное отсутствие согласия между психологами и психиатрами в отношении наиболее фундаментальных теоретических вопросов и, как следствие этого, невероятное число конкурирующих школ и направлений психотерапии. Работа с холотропными состояниями представляет радикально противоположную альтернативу, — при этой работе происходит мобилизация глубокой внутренней мудрости клиента, которая управляет процессом исцеления и трансформации.

Особенно удивительной и отрадной особенностью нового мировоззрения — в противоположность академической науке — является то, что оно признает онтологическую реальность обычно скрытых и невидимых духовных измерений существования, и не навешивает ярлыки психопатологии на тех людей, которые способны их воспринимать. Вследствие этого серьезный духовный поиск считается важным и вполне разумным и обоснованным. Важно, однако, подчеркнуть, что это относится к истинной духовности, основанной на личном опыте, а не к догматической идеологии официальных религий.

Новое мировоззрение, которое я только что здесь кратко описал, это не произвольное построение и не результат теоретических размышлений. Это философский взгляд, который возникает спонтанно у тех людей, которые смогли освободиться от отпечатков, наложенных травмой их рождения и начальными этапами их жизни, и которые имели глубокий трансперсональный опыт. Глубокая эмпирическая работа такого рода радикальным образом влияет на наш образ жизни. Нетрудно предположить, что для успешного существования в этом мире важное значение имеет разум или общее умственное развитие человека — способность обучаться и запоминать, думать и размышлять и адекватно реагировать на наше материальное окружение. Более поздние исследования указывают также на важность «эмоционального разума» — способности адекватно реагировать на наше человеческое окружение и умело строить наши межличностные отношения (Гоулман, 1996). А наблюдения, сделанные в результате изучения холотропных состояний, подтверждают основное положение вечной философии: качество нашей жизни в конечном итоге зависит от того, что можно назвать духовным разумом.

Духовный разум, или мудрость, — это способность так строить свою жизнь, чтобы она служила отражением глубокого философского и метафизического понимания реальности и самого себя, достигнутого посредством личного опыта в результате систематического духовного поиска. В буддийских писаниях такая духовная мудрость называется праджня парамита (трансцендентальная мудрость). В отличие от догматов официальной церкви, духовная мудрость, приобретенная в результате эмпирического самоисследования, способна полностью разрушить научное материалистическое мировоззрение. В то же время она является эффективным средством против фундаменталистского непонимания и искажения духовных знаний. Концепция «разумного плана» представляет собой дополнение к тому, что наука открыла относительно эволюции космоса и жизни, а не примитивную и ограниченную альтернативу.

Систематическое и ответственное изучение себя с использованием холотропных состояний ведет к эмоциональному и психосоматическому исцелению и позитивной трансформации личности. На протяжении ряда лет я имел возможность наблюдать подобный процесс на примере многих людей, которые были заняты серьезными духовными исканиями такого рода. Некоторые из них занимались медитацией и имели регулярную духовную практику, другие участвовали в психоделических сеансах под опытным руководством или в различных видах эмпирической психотерапии; некоторые выбрали путь шаманизма. Я также был свидетелем глубоких позитивных изменений у тех людей, которые получали адекватную поддержку во

время спонтанных случаев психодуховного кризиса.

Переживание психодуховной смерти и возрождения и эмпирическое соединение с позитивными постнатальными или пренатальными воспоминаниями ведут к уменьшению иррациональных побуждений и амбиций. Подобный опыт способствует уменьшению агрессии, достижению внутреннего покоя, принятия самого себя и терпимости по отношению к другим людям. Как правило, это также бывает связано с переключением фокуса внимания с прошлого и будущего на настоящий момент и с пробуждением повышенного интереса к жизни — способности получать удовольствие от простых аспектов жизни: повседневных дел, еды, занятий любовью, природы и музыки. Еще одним важным результатом этого процесса является обретение духовности, которая имеет универсальную и мистическую природу, является всеобщей и не принадлежит никаким конфессиям.

Дальнейшее углубление процесса духовного раскрытия и трансформации происходит обычно в результате трансперсональных переживаний, таких как отождествление с другими людьми, целыми группами, с животными и растениями. Дополнительный трансперсональный опыт дают случаи сознательного восприятия событий, происходящих в других странах, культурах и исторических периодах, и даже мифологических сфер и архетипических существ коллективного бессознательного. Переживание космического единства и своей собственной божественной природы ведет к еще большему отождествлению со всем творением и приносит чувство восторга, любви, сострадания и внутреннего покоя. То, что начиналось как психологическое исследование бессознательных слоев психики с терапевтическими целями, автоматически превращается в философский поиск смысла жизни и путь духовных открытий.

Одним из наиболее замечательных последствий различных форм трансперсонального опыта является спонтанное пробуждение и развитие глубокого гуманистического и экологического интереса и потребности в служении какой-либо общей цели. Это связано с осознанием, почти на клеточном уровне, что границы в этом мире произвольны и что каждый из нас тождествен со всей тканью существования. Становится совершенно очевидно, что все, что бы мы ни делали с природой, мы делаем также с самими собой. Различия между людьми, касаются ли они пола, расы, цвета кожи, языка, политических убеждений или религиозной веры, кажутся теперь не угрожающими и пугающими, а интересными и обогащающими.

У людей, с которыми произошла подобная трансформация, возникает глубокое чувство, что они являются гражданами всей планеты, а не гражданами отдельной страны или членами определенной расовой, социальной, идеологической, политической или религиозной группы. Очевидно, что если бы такая трансформация произошла в достаточно больших масштабах, она повысила бы наши шансы на выживание. Похоже, что сейчас мы вовлечены в некую драматическую гонку, которая не имела прецедента во всей истории человечества. На карту поставлено ни больше ни меньше, как сама жизнь на нашей планете. Если мы будем продолжать действовать старыми методами, последствия которых крайне разрушительны, очень маловероятно, что человечество выживет. Однако если достаточное количество людей пройдет через процесс глубокой внутренней трансформации, описанный здесь, это значительно повысит вероятность того, что мы сможем справиться с грозными проблемами, стоящими перед нами, и использовать тот огромный творческий потенциал, который мы заключаем в себе как вид, чтобы создать лучшее будущее.

- Aziz, R. 1990. C. G. Jung's Psychology of Religion and Synchronicity. Albany: State University of New York Press.
- Bache, C. M. 1988. Lifecycles: Reincarnation and the Web of Life. New York: Paragon House.
- Franz, M. von. 1980. On Divination and Synchronicity: The Psychology of Meaningful Chance. Toronto: Inner City Books.
- Freud, S. 1971. Civilization and Its Discontents. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. 21. London: The Hogarth Press.
1971. The Future of an Illusion. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. 21. London: The Hogarth Press.
1971. Totem and Taboo. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. 13. London: The Hogarth Press.
- Fuller, J. G. 1951. The Ghost of 29 Megacycles. London: Souvenir Press.
- Gauquelin, M. 1973. Cosmic Influences on Human Behavior. New York: Aurora Press.
- Goleman, D. 1996. Spiritual Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam.
- Grant, J., and D. Kelsey. 1967. Many Lifetimes.
- Greyson, B., and N.E. Bush. Distressing Near-Death Experiences. *Psychiatry* 55. (1992):95.
- Grof, S. 1975. Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research. New York: Viking Press.
2000. Psychology of the Future.
1998. The Cosmic Game: Explorations of the Frontiers of Human Consciousness. Albany: State University New York Press.
- Grof, C., and S. Grof. 1991. The Stormy Search for the Self: A Guide to Personal Growth through Transformational Crises. Los Angeles: J. P. Tarcher.
- Grof, S., and C. Grof. 1989. Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis. Los Angeles: J. P. Tarcher.
- Holler, S. A. 1994. The Gnostic Jung and the Seven Sermons to the Deaf. Wheaton, IL: Quest Books.
- Jung, C. G. 1960. Synchronicity: An Acausal Connecting Principle. Princeton, NJ: Princeton University Press.
1964. Flying Saucers: A Modern Myth of Things Seen in the Skies.
1973. Letter to Carl Selig, February 25, 1953. C. G. Jung's Letters, Vol. 2, Bollingen Series XCV. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Koestler, A. 1971. The Case of the Midwife Toad. New York: Random House.
- Mack, J. 1994. Abductions.
1999. Passport to the Universe.
- Macy, M. H. 2001. Miracles in the Storm: Talking to the Other Side with the New Technology of Spiritual Contact. New American Library.
2005. «The miraculous side of instrumental transcommunication». A lecture at the Seventh International Conference on Science and Consciousness in La Fonda Hotel, Santa Fe, NM.
- Mansfield, V. N. 1995. Synchronicity, Science, and Soul-Making: Understanding Jungian Synchronicity through Physics, Buddhism, and Philosophy. Chicago: Open Court Publishing.
- Moody, R. A. 1975. Life After Life: The Investigation of a Phenomenon Survival of Bodily Death. Atlanta: Mockingbird Books.
1993. Reunions: Visionary Encounters with Departed Loved Ones. New York: Villard Books.
- Perry, J. W. 1974. The Far Side of Madness. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

1976. *Roots of Renewal in Myth and Madness*. San Francisco: Jossey-Bass Publications.

Rawlins, D. October, 1981. «Starbaby.» Fate 34.

Ring, K. 1982. *Life at Death: A Scientific Investigation of the Near-Death Experience*. New York: Quill.

Ring, K., and S. Cooper. 1999. *Mindsight: Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind*. Palo Alto, CA: William James Center for Consciousness Studies.

Rogo, D. S., and R. Bayless. 1979. *Phone Calls from the Dead*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Sabom, M., and N. Michael 1982. *Recollections of Death: A Medical investigation*. New York: Harper & Row.

Sagan, C. 1979a. «Amniotic Universe: Reflections on Birth, Death, and God.» *Atlantic Monthly*: 39–45.

1979b. *Broca's Brain*. New York: Random House.

1983. *Cosmos*. New York: Random House.

1997. *The Demon-Haunted World; Science as a Candle in the Dark*. New York: Ballantine Books.

Senkowski, E. instrumental Transcommunication (ITC).» An Institute for Noetic Sciences lecture at the Corte Madera Inn, Corte Madera, CA, July, 1994.

Schwartz, L. 1981. *World of the Newborn*.

Strieber, W. 1987. *Communion*.

Другие книги Станислава Грофа:

1. *Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД*. М.: ТП, 1994.

2. *Человек перед лицом смерти (вместе с Джоан Хэлифакс)*. М.: АСТ, 2003.

3. *ЛСД-психотерапия / LSD Psychotherapy*. Hunter House, Pomona, California, 1980.

4. *По ту сторону смерти (вместе с К. Гроф) / Beyond Death: Gates of Consciousness*. Thames & Hudson, London, 1980.

5. *Древняя мудрость и современная наука / Ancient Wisdom and Modern Science*. State University New York (SUN Y) Press, 1984.

6. *За пределами мозга: смерть, рождение и трансценденция в психотерапии*. М.: АСТ, 2003.

7. *Путешествие в поисках себя*. М.: АСТ, 2004.

8. *Выживание человечества и эволюция сознания / Human Survival and Consciousness Evolution*. State University New York (SUNY) Press, 1988.

9. *Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом (редактор-составитель, вместе с К. Гроф)*. М.: АСТ, 2003.

10. *Неистовый поиск себя (вместе с К. Гроф)*. М.: АСТ, 2003.

11. *Холотропное сознание: три уровня сознания и как они дают форму нашим жизням (вместе с Хэлом Беннеттом)*. М.: АСТ, 2003.

12. *Книга мертвых: учебник жизни и смерти / Books of the Dead: Manuals for Living and Dying*. Thames and Hudson, 1994.

13. *Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания*. М.: АСТ, 2003.

14. *Надличностное видение: исцеляющие возможности необычных состояний сознания*. М., АСТ, 2000.

15. *Революция сознания: трансатлантический диалог (совместно с П. Расселом и Э. Ласло)*. М.: АСТ, 2004.

16. *Психология будущего: уроки современных исследований сознания*. М.: АСТ, 2001.

17. *Зов ягуара*. М.: АСТ, 2001.

18. *Величайшее путешествие: человеческое сознание и тайна смерти*. М.: АСТ, 2007.

19. Когда невозможное возможно: приключения в необычных реальностях. М.: АСТ, 2007.

ЧТО ТАКОЕ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Трансперсональная психология — одно из направлений современной психологии, которое начало оформляться как самостоятельная область исследований в конце 1960-х годов в США. Основателями этого направления выступили широко известные психологи, психотерапевты и мыслители А. Маслоу, С. Гроф, А. Уотс, Э. Сьютич, М. Мерфи, С. Криппнер и др. Трансперсональная психология имеет глубокие корни в истории культуры и религии, в мировых духовных практиках, которые научно обоснованы в классической и современной психологии. Лидерами современной трансперсональной психологии являются С. Гроф, К. Уилбер, Ч. Тарт, А. Минделл, С. Криппнер и другие, каждый из которых развивает свое направление исследований, методы и школу.

Трансперсональная психология изучает сознание в широком спектре его проявлений: множественность состояний сознания, духовный кризис, околосмертные переживания, развитие интуиции, творчества, высшие состояния сознания, личностные ресурсы, парапсихологические феномены. Она опирается на целостное видение человека в перспективе его духовного роста, классическую и неклассическую философскую антропологию, мировые духовные традиции, разнообразные способы самопознания и психотерапии, такие как медитация, холотропное дыхание, телесно ориентированная психотерапия, терапия искусством, работа со сновидениями, активное воображение, самогипноз и т. д.

Прикладное значение трансперсональной психологии в том, что она предлагает новый взгляд на психическое здоровье и патологию, обеспечивая интегративный, многоаспектный подход к человеку. Трансперсональные (надличностные) переживания обладают особо мощными целительными возможностями, имеют огромное значение для творчества, эстетического и этического развития. Особую актуальность приобретает трансперсональный подход в лечении наркомании и алкоголизма как видов духовного кризиса, психотерапии неврозов и психозов, в психологическом оздоровлении общества.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Доктор медицины, доктор философии Станислав Гроф — психиатр с пятидесятилетним опытом исследований необычных состояний сознания, один из основателей и главных теоретиков трансперсональной психологии. Родился в столице Чехословакии Праге 1 июля 1931 года. В 1956 году получил диплом врача от Медицинской школы Карлова университета в Праге и степень доктора наук от Чехословацкой академии наук. С 1956 по 1967 год Гроф — практикующий психиатр-клиницист. В этот же период он активно изучает основы психоанализа и принимает участие в новаторских научно-исследовательских проектах. В 1959 году он удостоивается премии Кюфнера — национальной чехословацкой награды, ежегодно вручаемой за наиболее выдающийся вклад в области психиатрии.

Свои первые исследования с клиническим использованием психоделиков доктор Гроф проводил в Институте психиатрических исследований в Праге, где он был назначен главным исследователем программы «систематического исследования эвристических и терапевтических возможностей ЛСД и других психоделиков». В 1967 году был приглашен в качестве стипендиата для клинической и исследовательской работы в Университет Джонса Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд.

По прошествии двух лет остался в Соединенных Штатах и продолжал свои исследования в качестве руководителя психиатрических исследований в Мэрилендском центре психиатрических исследований и как ассистент-профессор психиатрии в клинике Генри Фиппса при Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе, Мэриленд. В 1973 году доктор Гроф был приглашен в институт Эсален в Биг Суре, Калифорния, где жил до 1987 года, занимаясь писательской работой, проводя семинары, лекции и разрабатывая техники холотропного дыхания вместе со своей женой Кристиной Гроф. Также он входил в Совет попечителей Эсаленского института.

Гроф является основателем Международной трансперсональной ассоциации (МТА) и ее бессменным президентом. В этой роли, вместе с Кристиной он организовал и провел крупные международные конференции в Соединенных Штатах, в бывшей Чехословакии, в Индии, Австралии и Бразилии. В настоящее время живет в Милл-Вэлли, Калифорния, проводит учебные семинары для профессионалов по холотропному дыханию и трансперсональной психологии и пишет книги. Также является профессором психологии Калифорнийского института интегральных исследований (КИИИ) в Сан-Франциско и аспирантуры пацифизма в Санта-Барбаре и проводит лекции и семинары по всему миру. Кроме того, он проводит обучающие семинары для профессионалов («Трансперсональные тренинги Грофа»), а также выступает лекциями и семинарами по всему миру.

В 1993 году получил почетную премию от ассоциации трансперсональной психологии за существенный вклад в развитие трансперсональной психологии, по случаю проведения 25-го юбилейного съезда, который проходил в Асиломаре, Калифорния.

В год своего 75-летнего юбилея (2006) Гроф удостоен одной из самой престижных мировых премий за выдающийся вклад в развитие науки — премии фонда Гавелов, которую ему вручит президент фонда Вацлав Гавел 5 октября 2007 года.

Опубликовано 140 его статей в профессиональных журналах, а также множество книг, которые были переведены на 16 языков, включая немецкий, итальянский, испанский, португальский, голландский, шведский, датский, русский, чешский, польский, китайский и японский.

Станислав Гроф является одним из основателей трансперсональной психологии и Международной трансперсональной ассоциации. Вместе с женой, Кристиной Гроф, он разработал холотропное дыхание — уникальный метод самопознания, психотерапии и духовного роста. Автор книг: «Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД» (1976), «Человек перед лицом смерти» (вместе с Джоан Хэлифакс, 1977), «ЛСД-психотерапия» (1980), «За пределами мозга: смерть, рождение и трансценденция в психотерапии» (1985), «Путешествие в поисках себя» (1987), «Неистовый поиск себя» (вместе с К. Гроф, 1990), «Холотропное сознание: три уровня сознания и как они дают форму нашим жизням» (вместе с Хэлом Беннеттом, 1992), «Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания» (1997), «Надличностное виденье: исцеляющие возможности необычных состояний сознания» (1999), «Психология будущего: уроки современных исследований сознания» (2000), «Зов ягуара» (фантастический роман, 2001), «Величайшее путешествие: сознание и тайна смерти» (2006).

Станислав Гроф является одним из величайших исследователей нашего века. В этой книге он знакомит нас с целым собранием историй, которые, подобно рассказам Марко Поло, настолько выходят за пределы нашего опыта, что сначала невольно возникает сомнение в их реальности. Однако если вы остаетесь открытыми, вы начинаете видеть, насколько глубоки, достоверны и важны эти истории и насколько они расширяют наше понимание наших собственных и человеческих возможностей.

ХОЛОТРОПНОЕ ДЫХАНИЕ

Информация для читателей, интересующихся холотропным дыханием или прохождением трансперсонального тренинга Грофа

www.holotropic.com

Почтовый адрес: 38 Miller Ave, PMB 516, Mill Valley, CA 94941 Tel: (415) 383-8779 Fax: (415) 383 0965 E-mail: gtt@holotropic.com

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Занимается распространением трансперсональных знаний через обучающие семинары, конференции, исследовательские проекты и издательскую деятельность. Трансперсональные практики укоренены в трансперсональной психологии, в опыте мировых духовно-религиозных традиций, а также во внеконфессиональных древних и современных психотехнологиях трансценденции и экстаза (шаманизме, авангардном искусстве, науке и психотерапии).

ПРОГРАММЫ ПРОЕКТА

- Семинары и конференции по трансперсональной психологии и холотропному дыханию
  - Международная программа по трансперсональной психологии и психотерапии Grof Transpersonal Training (Трансперсональные семинары Грофа)
  - Трансперсональное консультирование и коучинг: применение трансперсональных методов для личностного развития и развития организаций
- (495)518-54-47, (495)109-31-00 Интернет: www.transpersonal.ru

СЕМИНАРЫ ПО ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ХОЛОТРОПНОМУ ДЫХАНИЮ

Если вы хотите повысить уровень жизненной энергии, полнее использовать свои возможности, интересуетесь применением транс персональной психологии в бизнесе, личностном росте, психотерапии, педагогике и т. д., посетите вводные однодневные семинары, которые проводятся каждый месяц.

Шестидневные семинары по трансперсональной психологии и холотропному дыханию — эффективному методу психотерапии и самопознания — предназначены для личностного роста и повышении квалификации психологов, психотерапевтов, психиатров, врачей, педагогов, а также всех интересующихся практическими применениями трансперсональной психологии.

Метод разработан основателями трансперсональной психологией Станиславом и Кристиной Гроф специально для использоания уникальных познавательных и целительных возможностей необычных состояний сознания.

Холотропное дыхание эффективно при работе с большинством психосоматических и

психических расстройств, но самая главная область его применения — глубинная работа над собой, где оно наиболее эффективно и может прекрасно дополняться традиционными подходами. Еще одна область применения холотропного дыхания — поиск нестандартных решений и творческих прорывов.

Вводная программа по трансперсональной психологии и холотропному дыханию состоит из трех шестидневных семинаров по следующим темам:

1. Введение в теорию и практику холотропного дыхания и трансперсональной психологии.
2. Голоса и языки переживаний и методы интеграции трансперсонального опыта.
3. Духовный кризис, экстрематные состояния и архитектура психопатологии.

В программе семинаров:

- история, теория и практика холотропной терапии и трансперсональной психологии, сущность психотерапии, принципы ассистирования в сессиях;
- голоса переживаний и языки переживаний, архетипические ситуации и язык мифа;
- методы интеграции необычных состояний сознания; сессии холотропного дыхания и ритуальные процессы

(495)518-54-47,(495)109-31-00 Интернет: www.transpersonal.ru

ПРОСНИТЕСЬ В МИРЕ ОСОЗНАВАЕМЫХ СНОВИДЕНИЙ!

То, на что Кастанеда и тибетские йоги тратили годы, может стать реальным за считанные недели благодаря новейшим технологическим разработкам Института осознаваемых сновидений. С помощью Курса осознаваемого сновидения и портативного прибора для обучения осознаваемому сновидению REM-Дримера (REM-DREAMER), который будет вашим личным тренером, вы сможете быстро стать мастером-сновидцем.

(495) 518-54-47, (495) 109-31-00 Интернет: www.transpersonal.ru

---

---

notes

У младенцев и детей ясельного возраста есть сильная врождённая потребность в удовлетворении инстинктов и безопасности, которую детские психиатры называют *анаклитической* (от греческого *anaklinein* — держаться за кого-либо, опираться на кого-либо). Это подразумевает потребность в поддержке, ласке, утешении, возможности с кем-то поиграть и быть центром внимания тех, кто о тебе заботится. Если эти потребности не удовлетворяются, это имеет серьезные последствия для будущего индивидуума.

Буквально у автора: "reak of Darien". К юго-западу от Кубы Колумб обнаружил побережье Панамы, которое он счел юго-восточной оконечностью азиатского материка. До появления легенд об Эльдорадо «Дарийский берег» считался сказочно богатым местом и стал нарицательным топонимом. — Примеч. пер.

В переводе Т.Щепкиной-Куперник. — **Примеч. пер.**

Библиография составлена по англ. оригиналу автора. — **Ред.**